

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

В. И. САРИАНИДИ

ДРЕВНОСТИ СТРАНЫ МАРГУШ

Ответственный редактор
академик АН ТССР А. А. Росляков

АШХАБАД. ЫЛЫМ. 1990

Рецензенты

М. Ф. Косарев, В. В. Бжания

Сарианиди В. И.

**С 20 Древности страны Маргуш/Ота, ред. А. А. Росляков. — А.:
Ылым, 1990. — 316 с.**

Освещаются результаты археологических исследований, полученные Маргнанской археологической экспедицией в Юго-Восточных Каракумах.

Описывается неизвестная ранее страна Маргуш, выявленные древние поселения, а также керамические комплексы намятинки Тоголок 21 и найденные там изделия из меди, бронзы, кости и камня.

Для историков, археологов.

ББК 63.4 (2)

С $\frac{5040000000-039}{М 561 (14)-90}$ Инф. письмо — 88

ISBN 5-8338-0218-0

© Издательство «Ылым», 1990

2500-летию Мерва посвящается

ВВЕДЕНИЕ

История изучения Маргяны, страны, некогда располагавшейся в древнейшей дельте р. Мургаб на крайнем юго-востоке Туркмении, относится еще к концу XIX в.¹, а в начале XX в. выявлены первые древнеземледельческие поселения, относившиеся к I тыс. до н. э.² Эпизодические исследования отмечаются и в последующие годы, но лишь в середине XX в. открыты памятники эпохи поздней бронзы, стационарные исследования которых получили отражение в специальной монографии³. Тогда же автором настоящей работы в результате разведочных работ открыто поселение Аучи, которое являлось столбичным памятником Аучинского оазиса⁴ и положило начало открытию страны Маргуш.

Даже эти сравнительно ограниченные по масштабам исследования древностей Маргяны были прерваны в 1959 г. и возобновились лишь весной 1972 г., когда здесь начала свои планомерные работы специально созданная Маргянская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР. Позднее к этим работам подключились ишабадские археологи, открывшие и исследовавшие древние памятники западной части Маргяны⁵.

В 1972 г. Маргянской археологической экспедицией ИА АН СССР продолжены разведочные работы на Аучи-дере и Талырбай Э. Параллельно с частичными раскопками открыты многие новые поселения, составившие соответственно Аучинский и Талырбайский оазисы в системе Маргяны.

В 1974 г. открыт Гонурский оазис и проведены пробные раскопки на поселении Гонур I. Тогда же обнаружен Тоголокский оазис, а на столбичном поселении Тоголок I раскопан целый ритуальный сосуд.

Весной 1977 г. археологические работы были сосредоточены в Тоголокском оазисе, где удалось открыть свыше 30 древнеземледельческих поселений, с поверхности которых собран большой разносторонний археологический материал. В это же время в ходе освоения целинных земель частично или полностью оказались разру-

шенными ряд памятников Маргяны. С проведением охранных раскопок осенью 1978 г. работы МАЭ были сосредоточены на раскопках поселений Келледи 4 и Аджикун 8.

В 1981—1983 гг. начались стационарные крупномасштабные раскопки кремля на столичном поселении Гонур 1. Параллельно весной 1983 г. начаты работы в Тоголокском оазисе. Так, на верху Тоголок 1 заложен стратиграфический раскоп, а на Тоголок 24 дообследован разрушенный могильник. Осенью 1983 г. начаты разведочные

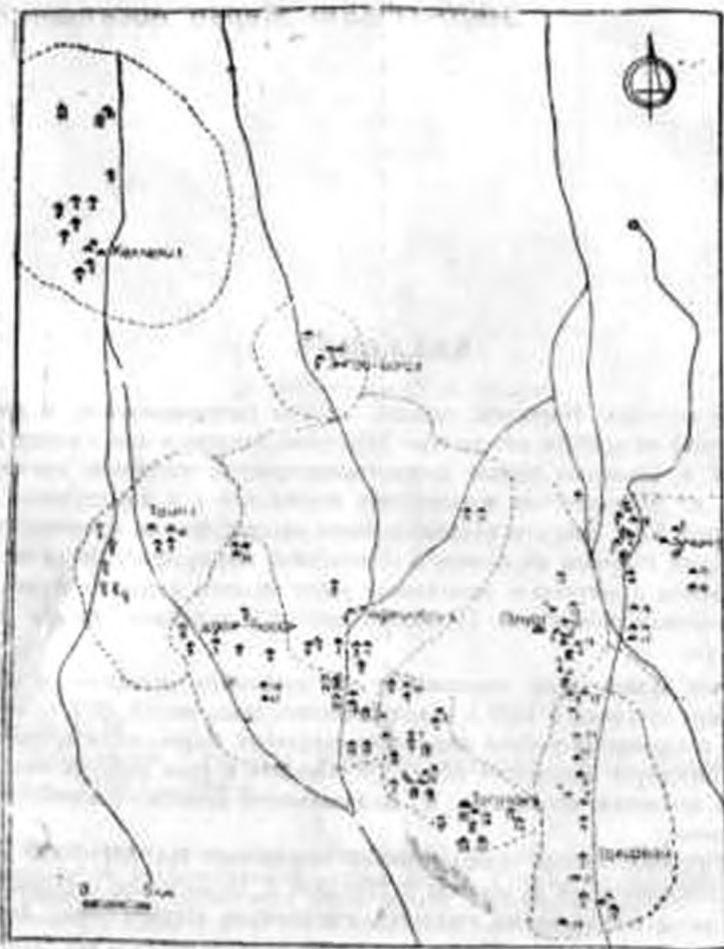

Рис. 1. Схема расположения памятников страны Маргюш.

раскопки на Тоголок 21, продолженные в 1984—1986 гг.; в итоге удалось полностью раскопать монументальное архитектурное сооружение типа храма.

В результате работ МАЭ ИА АН СССР и Института истории, археологии и этнографии им. Ш. Батyroва АН ТССР удалось установить, что в бассейне древней дельты р. Мургаб на площади около 3 тыс. м² располагалась крупная по тем масшта-

бам страна. В настоящее время среди песчаных гряд и барханов обнаружено свыше 150 древнеархеологических поселений, причем не менее 30 % памятников остаются еще не выявленными в основном из-за того, что они полностью погребены под надувными песками. В ряде случаев такие памятники обнаружены после сильных песчаных бурь, частично обнаживших поселения, находившиеся под наносным песком.

Выявленные памятники образуют несколько древних ирригационных оазисов, по преимуществу вытянутых по линии север—юг, располагаясь, по всей видимости, вдоль крупных водотоков и соответствуя древнему рисунку дельтового веера р. Мургаб (рис. 1). В настоящее время условно выделены следующие оазисы: Келлелийский, Ташский, Адам-Басамский, Аучинский, Гонурский, Тоголокский, Аджи-Куинский, Тахирбайский. Возможно в будущем удастся выделить оазис Егри-Богаз, где пока выявлены лишь три памятника. Укажем, что Келлелийский, Егри-Богаз, Ташский, Аджи-Куинский, Адам-Басамский оазисы выявлены и исследованы экспедицией отдела археологии Института истории АН ТССР под руководством И. С. Маэмова.

В предварительном порядке выделены три основных культурно-исторических периода в истории существования маргианских поселений. Наиболее ранний, келлелийский, период составляют памятники Келлелийского оазиса и, возможно, Егри-Богазского, время сложения и существования которых относится к началу II тыс. до н. э.

Следующий, гонурский, период составляют Гонурский, Аучинский, Адам-Басамский, Аджи-Куинский и Ташский оазисы. Это — время наибольшего расцвета жизни в древней Маргiane, которое ориентировочно соответствует второй четверти—середине II тыс. до н. э., хотя, вероятно, начало их существования относится еще к келлелийскому периоду.

Наиболее поздний, тоголокский, период составляют Тоголокский и Тахирбайский оазисы, время существования которых падает на вторую половину II—начало I тыс. до н. э. Не исключено, что в будущем тахирбайский период будет выделен в самостоятельный, относящийся к раннежелезному веку.

Первые попытки освоения древней дельты р. Мургаб падают на конец IV тыс. до н. э., когда здесь появляются восточно-анауские племена так называемого геоксюрского типа, о чем свидетельствуют единичные россыпи керамики на северной окраине Келлелийского оазиса. Судя по всему, эти попытки оказались неудачными, и восточно-анауские племена ушли отсюда, так и не основа дельту Мургаба.

Археологические исследования все более убеждают нас, что во II тыс. до н. э. центр жизни перемещается из традиционно сельскохозяйственных центров Южного Туркменистана в древнюю дельту р. Мургаб, где складывается многолюдная, процветающая страна, упоминаемая в Бехистунской надписи под названием «страна Маргуш». Литичная традиция в передаче греко-римских авторов видоизменила и сохранила до нас название этой страны как «Маргиана», которое и употребляется в работе как синоним Маргуш.

До настоящего времени основные археологические работы были связаны с маршрутными разведками и составлением археологической карты, лишь последние годы ознаменовались крупномасштабными раскопками. Именно поэтому четыре главы монографии посвящены полному изданию материалов, полученных МАЭ в Маргiane в 1972—1986 гг. И хотя основная масса находок происходит с поверхности памятников, вместе с раскопочными материалами они достаточно полно рисуют общий облик материальной культуры Маргианы во II — начале I тыс. до н. э.

В пятой главе анализируются результаты раскопок Тоголок 21 и его историко-культурная интерпретация. Это первое на территории Туркменистана монументальное сооружение культового назначения раскопано полностью, что ставит его в ряд уникальных памятников среднеазиатской археологии.

В археологическом изучении Маргяны приняла участие Т. Х. Ходжаизов, А. М. Акоев, А. Ф. Гаянди, О. М. Розенталь, В. М. Матви, А. Ромашков, С. Мамонв. Большую помощь экспедиции оказали руководители Каракумского района, на территории которого расположены исследуемые памятники. Всем им автор приносит благодарность.

ГЛАВА I

МАРГИАНА В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Келлелийский оазис — самый северный и, как считается, самый древний в Маргиане, состоит из центрального, явно столичного холма Келлели I и расположенных вокруг него около десятка более мелких поселений. Поселение Келлели I оказалось сильно нарушенным при строительстве газопровода Шатлык — Хива, т. к. прямо на памятнике возведено здание компрессорной станции.

В 1978 г. в связи с проведением охранных работ Маргианская археологическая экспедиция ИА АН СССР предприняла частичные раскопки Келлели 4, продолженные затем ашхабадскими археологами. МАЭ раскопана северо-восточная часть бывшего памятника, выявившая внешние обводные стены, образующие один из углов памятника. Последующие раскопки¹ установили, что в древности здесь располагалось квадратное здание размером 30×30 м, ориентированное стенами строго по сторонам света. Видимо, главный вход находился в середине южной стороны памятника и был фланкирован с обеих сторон двумя пидонами, отчасти напоминающая оформление центрального въезда Тоголок 21. Предполагается, что Келлели 4 представляет собой остатки рядового многокомнатного дома, хотя следует отметить, что раскопан не весь памятник, а лишь его центральная часть.

Среди находок на этом памятнике выделяется медная перегородчатая печать, отлитая в виде козла. Керамика по преимуществу изготовлена на гончарном круге, светлоангобированная, изящных, порой вычурных форм, среди которых выделяются высокие кубки и вазы на полых ножках.

Аджикуинский оазис. Охранные работы МАЭ проведены на большом, видимо, столичном, применительно к этому оазису, поселе-

вин Аджик-Кун 8. Центральная часть его прямо по поверхности сохранила местами следы былых стен. Работы в основном носили разведочный характер, так что была вскрыта лишь часть былой архитектуры. Прямо по дневной поверхности оконтурены (но не раскопаны) 2 обводные внешние стены, образующие один из углов комплекса. Иначе говоря, работы выявили юго-западный угол бывшего комплекса, внешние обводные стены которого достигали ширины 1 м. Подобно кремлю на Гонур 1 и здесь изнутри обводная стена сохранила серию прямоугольных пилластр, в целом расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 2).

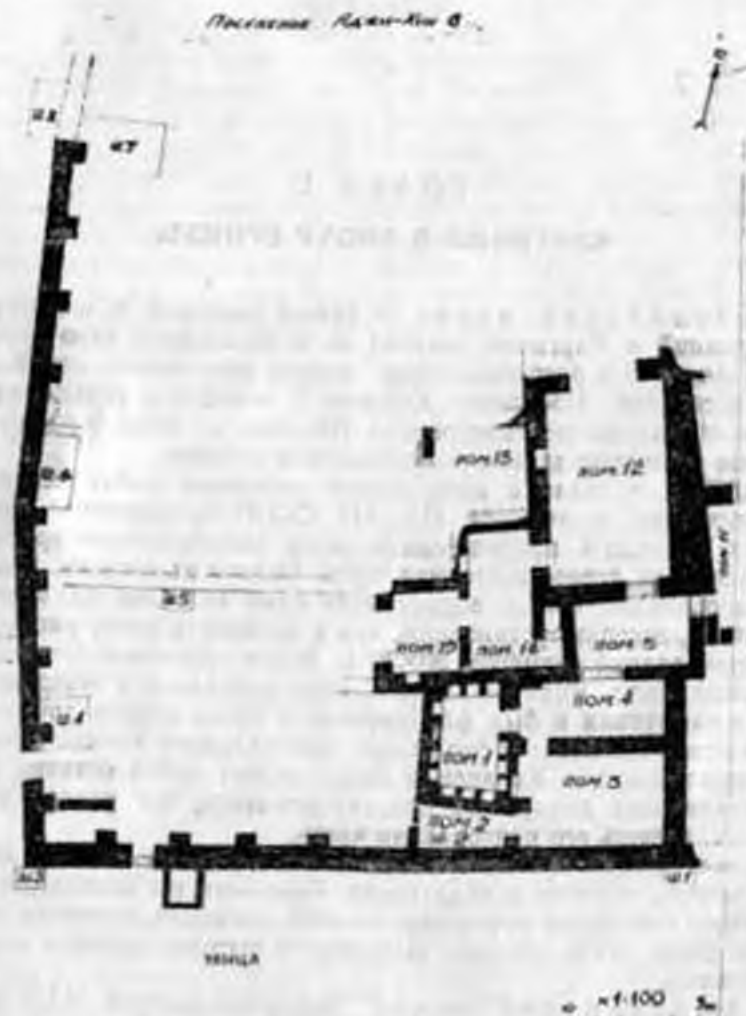

Рис. 2. Аджик-Кун. 8. План раскопанной части памятника.

В юго-западном углу внешних стен сохранились 2 прохода, причем около южного находится прямоугольное сооружение, напоминающее башню. В восточной части выявлена серия взаимосвязанных между собой помещений, среди которых выделится помещение № 1, заполненное надувным песком. В стенах, на уровне 60 см от пола, устроены внутрестенные ниши (по 3 в каждой стене), в середине западной стены располагается внутрестенный очаг с дымоходом, напоминающим аналогичные очаги Бактрии (Дашли 1, Сапалли). Свод очага имеет «арочную» форму, так что замок свода находится на высоте 70 см от пола очага.

С юга к этой комнате примыкает помещение № 2, скорее всего построенное во второй период. Подобно вышеописанному, оно заполнено надувным песком от пола до дневной поверхности. Помещение № 2 было превращено в шурф, который выявил под полом зольно-мусорные слои, располагающиеся уже на материке, состоящие из прослоек аллювиального песка, чередующихся с горизонтальными глиняными слоями.

Помещения № 3 и 4 оконоурены, но не раскопаны до пола. Тем не менее в западной стене помещения № 3 расчищена неглубокая ниша размером 93×25 см, а проход из помещения № 4 в помещение № 5 оказался заложеным кирпичами. Помещение № 5 расчищено по верху; в трёх его стенах имеются проходы, оказавшиеся заложеными кирпичами. Помещение № 14 с двумя проходами раскопано полностью; в западной стене имеется ниша, в юго-восточной части помещения устроен отсек, предположительно, для хранения зерна. Помещение № 15 также раскопано полностью, до пола; в середине южной стены устроена ниша. Помещение № 13 раскопано частично, т. к. стены ещё в древности оказались сильно разрушенными; под ними обнаружены руины более древних строений. Помещение № 12 раскопано полностью до пола; внутри заполнено кирпичным завалом, среди которого имелись целые кирпичи размером 44×20×14 см. Три прохода вели в смежные помещения, причём северный необычно широкий. В середине западной стены располагается внутрестенный очаг со следами обожжения внутри, верх которого с возможным дымоходом не сохранился. Помещение № 11 раскопано частично, внутри заполнено кирпичным завалом, целые экземпляры кирпичей размером 47×23×12 см. Ниже, под завалом, вплоть до пола идет слой надувного песка. Остальная часть, заключенная внутри внешних обводных стен, не раскопана; можно лишь отметить, что посередине внутренняя площадь разграничена длинной стеной, расчищенной по южному фасаду.

Помимо раскопанной архитектуры, на памятнике заложено 8 шурфов, установивших, что основания стен покоятся на культурных слоях, под которыми проходит материк.

В шурфе № 6 под обводной стеной с пилестрами — более ранняя стена высотой 60 см, с четко выраженным полом, покоящимся на материке. На полу расчищена прямоугольная яма размером 100×80 см, внутри которой имеется очаг — 70×45 см, заполненный золой и угольками. Среди обломков керамики встречены фрагменты с лощением, отчасти напоминающие посуду времени позднего Намазга.

Судя по всему, раскопанная часть представляла собой своеобразный кремль, ограниченный от рядовой архитектуры незастроенными участками. Внутри обводных стен кремля располагалась «монументальная» архитектура, резиденция местного правителя, где могла находиться администрация, ведавшая вопросами хозяйственной и общественной жизни этого конкретного древнеземледельческого оазиса.

Керамический материал, полученный в ходе раскопок, относится к периоду поздней бронзы. Среди массовой гончарной посуды встречен единственный образец с растительным волнистым процарапанным орнаментом. Выделяется красноангобированный сосуд с носиком и «мостиком», а также обломок цилиндрического сосуда с «кармашком»: обе формы известны еще в Гонуре. Встречены терракотовые антропоморфные и зооморфные статуэтки, обычные для подгорной полосы Копетдага периода Намазга V. С поверхности памятника пролежит единичные фрагменты лепной посуды, характерной для керамики степных племен. Обломок «печатки» из белого мраморовидного камня дополняет небогатый набор находок на поселении Аджи-Куи 8.

На близрасположенном поселении Аджи-Куи 9 собран поверхностный материал, включающий керамический комплекс, аналогичный Аджи-Куи 8, а среди антропоморфной пластики одну мужскую статуэтку.

Аучинский оазис. Весной 1972 г. на поселении Аучин-дере предприняты разведочные работы с целью выяснения, имеется ли здесь крепость с башнями, подобное сеперо-афганского Дашлы I. В результате работ удалось установить, что на этом месте действительно находилась крепость с угловыми башнями, усиленная по периметру стен добавочными, круглыми в плане башенками. Расчистка юго-восточного угла крепости выявила два основных периода строительства. В первый период здесь была возведена оборонительная стена (сложенная из сырцовых кирпичей размерами $44 \times 20 \times 10$ см; $42 \times 20 \times 10$ см; $43 \times 20 \times 10$ см), усиленная округлыми в плане башнями. Когда внутри крепости уже образовался культурный слой, стена в этой части была удвоена за счет возведения дополнительного футляра, который уже покоится на культурном слое (рис. 3).

Внутренняя часть крепости имеет понижение; в центральной части

Рис. 3. Аучин I. Схематический план крепости.

был заложен шурф № 3 (размером 4×3 м), не выявивший стен древней архитектуры. Заполнение представлено в виде рыхлого, очень мягкой структуры культурного слоя толщиной 0,5 м, в котором была выявлена группа сосудов, кости животных, зерноотерка. Эта группа включает 3 хума ручной и 1 гончарной выделки, графин, 3 чайника с отбитыми носиками, 3 кринки, хумчу (табл. I). Хотя к моменту раскопок часть сосудов оказалась разрушенной в процессе естественной дефляции, нет особых сомнений в том, что первоначально все они были целыми. Забегая вперед, отметим, что подобные группы целых сосудов встречены и на других древнемаргианских памятниках.

На юго-западной окраине поселения, вне крепости, на месте бывшего гончарного производства, видимо, располагался небольшой могильник. В результате интенсивной естественной дефляции частично обнажились погребальные приношения (табл. II) и скелеты умерших, так что заложенный небольшой раскоп размером 2,5×2,5 м выявил здесь 6 скелетов.

Находки. С поверхности поселения происходят разнообразные находки, дополняющие общее представление о характере материальной культуры оазиса. Так, на Лучин I найдены 2 керамических носика с «мостиками», характерные для керамики Ирана раннежелезного времени. Правда, на иранской керамике такие «мостики» полудужьем отходят от носика к венчику так, что находки на Лучине демонстрируют угасание былых керамических традиций, имеющих западное происхождение.

На лучинских поселениях, как впрочем и на тахирбайских, не найдено ни одной антропоморфной статуэтки. Зато встречены терракотовые фигурки животных, некогда украшавшие венчики культовых сосудов. Хотя, как правило, вся керамика не орнаментирована, встречены обломки крупного сосуда (диаметром 20 см) открытой формы светло-зеленого ангоба, на внешней поверхности которого сохранился специально нацарапанный еще до обжига рисунок животного, скорее всего козла. С поверхности Лучин I происходит обломок керамического ситечка, а также тонкостенный окрашенный снаружи красной краской сосудик; выделяется керамический фаллос (табл. III, № 24), в единичных образцах представлена лепная керамика андроновского типа с нарезным орнаментом.

Обломок каменной вазочки относится к характерному типу изделий подобного рода с маленьким резервуаром и непропорционально длинной ножкой (табл. IV, № 3). Их особое, не бытовое назначение, представляется наиболее вероятным, а подобные целые образцы в единичном количестве известны на других памятниках Маргианы, Бактрии и Восточного Ирана. Бижутерические бусины нередко с кружковым орнаментом изготовлены из розового алебастра или, чаще, из черного стеатита. Из кремня и других пород камня изготовлены наконечники стрел, в основном, двух типов: лавровидные и с выделенными и опущенными жальбами, большая часть их покрыта сплошной струйчатой ретушью.

С поверхности Лучин I происходит костяная трубочка с лицевым изображением, прямо аналогичная таким же с Тахирбая и Того-

лок 21. В погребениях встречены бусы и амулеты (табл. V), известны и с поверхности.

Параллельно с изучением столичного Аучин 1 проводились разведочные обследования этого конкретного микрорегиона, где удалось выявить новые, ранее не известные памятники.

Поселение Аучин 2 представляет собой россыпь керамики на такыре размером с севера на юг — 120 м и с востока на запад — 60 м. В северной части — небольшое всхолмление из остатков керамических горнов. На поверхности найдена типичная посуда эпохи бронзы и несколько кремневых пластин, культурный слой практически не сохранился.

Поселение Аучин 3 — также россыпь керамики на такыре размером 100×80 м. В середине этого «пятна» возвышается небольшой бугорок высотой 25×30 см, состоящий из разветвленных гончарных горнов.

Поселение Аучин 4 расположено в контактной зоне песков и такыров, так что часть бывшего памятника находится под барханами. Поселение вытянуто по линии север—юг на 200 м, с востока на запад — около 100 м; общая высота не превышает 0,5 м. Отмечены гончарные горны; керамика относится к эпохе бронзы.

Поселение Аучин 5 представляет собой россыпь керамики на такыре размером 80×70 м. Отмечены остатки керамических горнов прямоугольной конфигурации. Керамика, в том числе окрашенная красной краской, относится к эпохе бронзы; культурный слой не сохранился.

Поселение Аучин 6 — россыпь керамики на такыре размером 70×50 м при высоте 30—40 см. Керамика относится к эпохе бронзы, культурный слой не сохранился.

Поселение Аучин 7 расположено за первой грядой барханов. Это — круглое сооружение диаметром 110—120 м при высоте 0,5 м. Необычная планировка и отсутствие обычных для бытовых памятников керамических горнов, возможно, свидетельствует об особом (перонто, культовом) назначении памятника типа круглого храма Дашла 3. Помимо типичной керамики эпохи бронзы встречены единичные фрагменты лепной керамики андроновского типа.

Поселение Аучин 8 расположено у самой кромки песков; общие размеры его — 70×50 м при высоте до 40 см; сохранились остатки керамических горнов, керамика относится к эпохе бронзы.

Поселение Аучин 9 — россыпь керамики без культурного слоя на такыре размером 20×15 м, относящаяся к эпохе бронзы.

Поселение Аучин 10 — россыпь керамики на такыре размером 70×60 м при высоте около 50 см, в месте, где отмечены гончарные горны. Керамика относится к эпохе бронзы, причем выделяются вазы на высоких ножках с большими резервуарами и кубки на ножках; встречаются единичные фрагменты керамики андроновского типа.

Поселение Аучин 11 частично засыпано песчаными барханами, так что размеры его с точностью не устанавливаются. По существу сохранилась лишь россыпь керамики эпохи бронзы на такыре,

среди которой встречено много обломков черепков андроновского типа. Культурный слой не сохранился.

Поселение Аучин 12 представляет собой россыпь керамики на такыре без культурного слоя размером 40×30 м. Керамика, в том числе андроновского типа, относится к эпохе бронзы.

Поселение Аучин 13 расположено среди барханов, так что сохранилось лишь «пятно» размером 30×40 м с керамикой эпохи бронзы и остатками гончарных горнов.

Поселение Аучин 14 — россыпь керамики на такыре без культурного слоя размером 50×30 м. Помимо керамики эпохи бронзы отмечены остатки керамических горнов.

Поселение Аучин 15 — россыпь керамики на такыре размером 70×50 м при высоте около 30 см. Керамический материал относится к эпохе бронзы.

Взаимное расположение памятников в цепочку по линии север—юг скорее всего указывает, что большая их часть располагалась вдоль древнего дельтового русла реки, а небольшие их размеры — на ограниченный водный дебет. По существу это был окраинный микрооазис, расположенный на хвостовой части бывшего веера дельты р. Мургаб, где располагались сельские деревушки.

Переходя к общей характеристике керамического комплекса, следует отметить, что здесь решительно преобладает гончарная светло-ангобированная посуда (от светло-розовой до светло-зеленой), иногда дополнительно покрытая небрежными мазками краски красноватого цвета. В ограниченном количестве известна была сероглиняная керамика, но, бесспорно, местного производства.

Керамические формы разнообразны; наиболее характерны вазы, кубки на высоких ножках, чайники с носиками, соусники, графины, хумчи с подкосом в придонной части (как правило, с песчаной подсыпкой). Основная часть посуды не украшена, если не считать редкую практику украшать сосуды процарапанными волнистыми линиями или лентами из коротких косых насечек, почти всегда наносимых по плечу сосудов. Наряду с гончарной посудой имелась и кухонная, лентная, в виде котлов, хумов, хумча, венчики которых не выделены и слегка отогнуты наружу.

Вместе с тем особую группу составляет лепная, украшенная нарезным орнаментом керамика андроновского типа. Помимо отмеченных находок на поселениях, в межбарханных выдувах обнаружена разветвленная стоянка Аучин 16, на которой решительно преобладает только такая керамика, и встречаются лишь единичные обломки гончарной посуды. Налицо существование памятников двух типов: оседло-земледельческих поселений и скотоводческих стоянок, принадлежащих кругу степных племен эпохи бронзы. Их совместное существование на близком расстоянии указывает на вполне мирный характер взаимоотношений племен с разным укладом древнего хозяйства.

Гонурский оазис. Располагается к югу от Аучинского, через высокие многокилометровые барханы, под которыми можно предполагать ещё не открытые древнеземледельческие поселения. Памятники

Гонурского оазиса, подобно Лучинским, вытянуты в цепочку с севера на юг, видимо, располагаясь вдоль одного из основных протоков веера древней дельты р. Мургаб.

Наиболее крупное, явно столичное, поселение Гонур 1 состоит из огромного, скорее всего неукрепленного, поселения площадью свыше 20 га аморфной подтреугольной конфигурации и расположенной через пониженный участок такыра «крепости», которая, скорее всего, — остатки культового комплекса типа Тоголок 21. Поселение сохранило в середине центральный бугор высотой около 4 м и общей площадью около 1,5 га. Бугор изолирован от остальной части поселения тремя пониженными участками, предположительно площадями. Наиболее обширная, так называемая центральная площадь, располагается к югу от бугра; дно её практически совпадает с уровнем окружающего такыра. Западная площадь такой же глубины, но много меньших размеров, в середине сохранила древний уровень такыра, разветвленный процессами естественной дефляции; далее к западу от площади квартал керамистов. Небольшая северная площадь заканчивается обширным кварталом керамистов с остатками свыше 10 гончарных горнов.

С восточной стороны центральный бугор постепенно переходит в современный такыр. Возможно и здесь располагалась площадь, но с уверенностью об этом судить затруднительно. Итак, центральный бугор, предположительно, кремль, был отграничен от ближайшей древней архитектуры тремя, если не четырьмя, площадями, вокруг которых далее по периферии поселения идут небольшие вихолмления, усыпанные керамическими черепками.

Особый интерес в системе всего поселения приобретают керамические кварталы, располагающиеся по его периферии, где, судя по микро-рельефу, находились не только горны, но и, видимо, мастерские гончаров (рис. 4).

Одна такая печь раскопана на северной окраине памятника; от неё сохранилась лишь подпрямоугольная в плане топка, впущенная в материк. Стенки её облицованы кирпичами (50×25×12 см), поставленными на ребро; поверх кирпичей — глиняная обмазка. В центре имеется прямоугольный в плане опорный столб, сложенный из кирпичей 48×25×12 см, на который опирался не сохранившийся под обжигательной камеры; верх столба и пол покрыты толстым слоем глиняной обмазки. В целом раскопанная печь относится к типу прямоугольных, двухъярусных с опорным столбом в центре (рис. 5).

Ещё одна гончарная печь расположена на южной окраине. Она также двухъярусная, с той лишь разницей, что в топке нет опорного столба, а под образован за счёт выведения ложного свода наклонно поставленными кирпичами. Этот тип горнов более распространен в Тоголокском оазисе, что свидетельствует о более прогрессивной и вместе с тем наиболее поздней конструкции горнов Марганы.

На восточной окраине поселения выделяется пункт, условно обозначенный как «жертвенное» место. Это небольшое возвышение с приблизительными размерами 10×10 м, покрытое сплошной россыпью окалинированных костей исключительно мелкого рогатого скота.

Рис. 4. Гонур I. Общий план памятника. В центре — кремль. За-
штрихованный участок — раскопанная часть кремля.

В противоположность поселению, крепость имеет более четкую конфигурацию, хотя и сильно омытую. Судя по микрорельефу, здесь располагалась прямоугольная крепость 3 общими размерами 120×130 м при высоте около 1,5 м. Местами прослеживаются внешние, оборонительные стены шириной в 3—4 м и угловые башни диаметром 7—8 м. К юго-восточному углу крепости примыкает высокий, расплывчатой формы холм, состоящий из сплошного горелого слоя.

На поселении Гонур I заложено 3 шурфа: шурф № 1 на поселении внутри предполагаемого кремля, шурф № 2 — на крепости и шурф № 3 — на примыкающем с севера к крепости холме.

На наиболее возвышенной части поселения на территории предполагаемого «кремля» заложено шурф № 1 размером 6×3 м, который по-

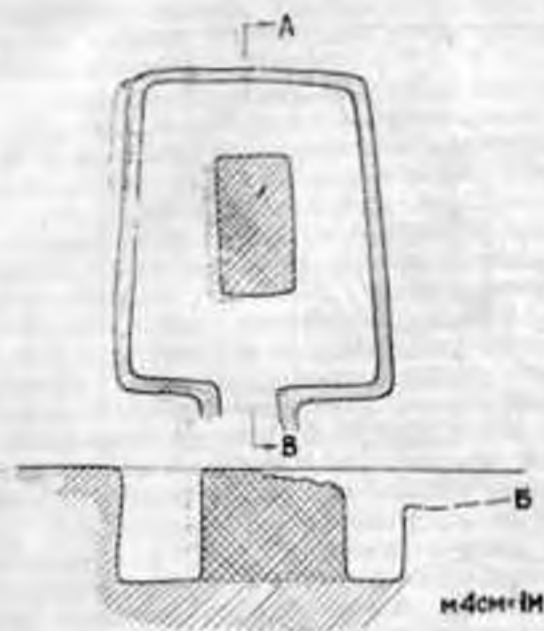

Рис. 5. Гонур 1. Гончарная печь.

степенно был уменьшен за счет уступов до размера 3×3 м. Раскопки проводились по ярусам (каждый ярус — 0,5 м), культурный слой представлен обычными наслоениями мусорных остатков и зольно-угольных прослоек.

Ярусы I—III составляют первый сверху горизонт, в северо-восточном углу околонурилась мощная линза, заполненная углями и костями животных (уголь был взят на радиоуглеродное определение и дал дату 1610 ± 70 лет до н. э.).

Керамика первого строительного горизонта представлена в основном обломками, среди которых могут быть выделе-

ны глубокие миски, кринки, горшки, вазы на ножках, хумы, кубки на ножках, графины (табл. VI—VII). Наряду с гончарными имеются и лепные кухонные сосуды, кроме того, встречена головка от антропоморфной статуэтки.

Следующий, второй строительный горизонт (ярусы IV—V), сохранил кирпичные стены и четко прослеживаемый горизонтальный уровень пола в конце V яруса.

Керамический материал второго строительного горизонта в целом представлен фрагментами; исключение составляет целый хум с подкошенной придонной частью (табл. VIII—IX).

Третий строительный горизонт состоит из продуктов разрушения стен и кровли бывшего здания, в основном в виде обломков сырцового кирпича. Керамический материал практически тот же, что и в вышележащих ярусах.

Ниже VII яруса идет материк, представляющий собой уплотненный песок аллювиального происхождения.

Следующий шурф № 2 размером 3×2 м заложен в середине «крепости» Гонур 1. Культурный слой сохранил горизонтальные уровни и остатки кирпичных стен; глубина его составляет около 1 м, ниже — материк из песка аллювиального происхождения того же типа, что и в шурфе № 1. Стратиграфия слоя следующая: снизу на материке кирпичный завал, перекрывающий уровень пола с белой гипсовой обмазкой. Выше — культурные наслоения и частично кирпичная стена; сверху

они снова перекрыты полом с белой обмазкой. Последнее обстоятельство в косвенной форме намекает на то, что шурф, возможно, перерезал не обычные бытовые помещения, а особенные, предположительно связанные с культовым назначением, типа вскрытых на Тоголок 21. Керамический материал немногочислен и включает простые вазы, глубокие миски, горшки, хумчи (табл. X).

Последний шурф № 3 размером 3×2 м заложен на наивысшей точке необычного холма, сплошь состоящего из горелого слоя и примыкающего с юго-востока к крепости Гонур 1. От самого верха и до материка, т. е. на глубину 2,5 м не встречено никаких строительных остатков стен, а стратиграфия слоев представлена перемежающимися горизонтальными прослоями сплошной черной золы и золистей супеси чрезвычайно рыхлой структуры с большим количеством обломков керамики. Показательно, что найденная керамика не имеет следов влияния огня, что указывает на особое назначение холмика. Забегая вперед и сопоставляя эти данные с результатами раскопок Тоголок 1 и Тоголок 21, думается, что так называемая крепость Гонура могла быть культовым комплексом, где наряду с другими главное место занимал культ огня. Здесь, возможно, находились алтари, из которых священная зола могла ссыпаться в определенное место, в данном случае, за внешним юго-восточным углом крепости, со стороны восхода солнца. Керамика, встреченная в зольном холме, представлена обычными формами: вазы простые, горшки, миски, хумчи.

Раскопки кремля. Как уже отмечалось, ядро поселения составляет мощный центральный бугор, на котором по микрорельефу прослеживается прямоугольник стен с примерными размерами 130×120 м, ориентированный сторонами строго по сторонам света (рис. 6).

Прежде чем приступить к описанию раскопанной архитектуры и найденного материала, отметим, что прямоугольник мощных стен ядра поселения представляет собой скорее всего своеобразный кремль, возведенный в первый период существования памятника, так как фундамент стен стоит непосредственно на материке. Судя по характеру этих слоев, материк представляет собой аллювиальные отложения одного из протоков дельтовой части древней реки Мургаб.

Внешние обводные стены кремля по углам сохранили мощные прямоугольной формы башни, из которых раскопана лишь одна юго-западная. Возможно, посередине каждого фаса имелись ворота с оборонительными башнями, однако до проведения полных раскопок этот вопрос остается открытым. Изнутри внешние обводные стены кремля имели прямоугольные пилестры, которые располагаются около 3 м друг от друга, их средние размеры — 110×90 см. Можно предположить, что вдоль каждой стены располагалось около 32—34 таких пилестр, что подтверждается не только раскопками, но и зачистками по дневной поверхности по периметру всех стен кремля.

Раскопками расчищена лишь 1/4 часть бывшего комплекса, некогда располагавшегося в юго-западном углу крепости. Внешние обводные стены южного фаса имеют толщину 125 см при сохранившейся высоте около 2 м, причём изнутри они украшены прямоугольными пилестрами,

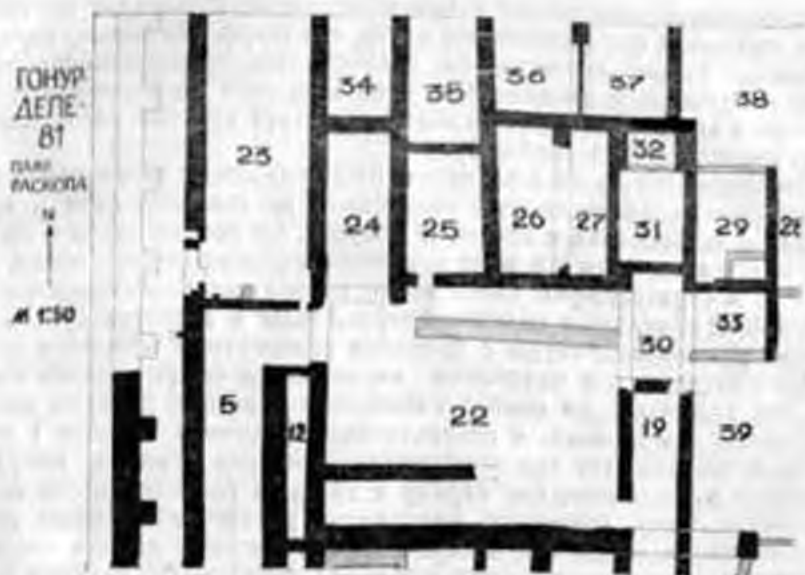

Рис. 6. Гонур I. План раскопа.

расположенными в 280 см друг от друга. Кирпичи пилеастр идут вперевязку со стенами, т. е. сначала были возведены внешние длинные обводные стены, обмазанные штукатуркой, и лишь затем к ним пристроены пилеастры, также покрытые штукатуркой. Все здание сложено из сырового кирпича, размеры которого варьируют: 55 (57)×32 (30)×14 (15) см; 46×22×12; 48×24×12; 40×20×13 см. Удалось установить систему кладки южной стены: внешняя и внутренняя стороны выложены из кирпичей, поставленных вдоль; между ними проходит третий ряд кирпичей, поставленных поперек. Иными словами, два параллельных ряда, между которыми один ряд поперечно положенных кирпичей.

В месте сопряжения южной и западной обводных стен располагается прямоугольная башня с узким входом. Хотя башня была заполнена подлыми мусорными слоями, внутри местами сохранилась хорошо заглаженная глиняная штукатурка.

Западная обводная стена имеет ширину 145 см и также сохранила прямоугольные пилеастры размером 110×90 см, расположенные на расстоянии около 3 м друг от друга.

На расстоянии 210 см от южной и западной внешних стен кремля внутри параллельно им идут две стены шириной до 1 м, образующие обводной коридор. К моменту раскопок расчищенные участки западного и южного обводного коридора оказались заполненными строительным и мусорно-зольными слоями, образовавшимися в последний период, когда здание перестало функционировать.

Заканчивая описание южного обводного коридора, следует остано-

виться на двух поперечных стенах, перегородивающих коридор на линии третьей и четвертой пилластр. Вероятнее всего, уже заброшенное здание во второй период частично было приспособлено под хозяйственные нужды, для чего внутри южного коридора построили две поперечные стеночки, а образовавшийся глухой отсек могли использовать для бытовых целей, вкопав под крупные хозяйственные хумы.

Северная стена обводного коридора (помещение № 4) сохранила квадратной формы вилетру необычно большого размера 125×125 см.

В восточной части помещения № 4 выделяется «жертвенное» место, представляющее собой небольшую зольную площадку прямоугольной формы размером 100×40 см, вытянутую по оси восток—запад, поверхность которой сплошь покрыта кусочками угольков попеременно с обгорелыми дочерна костями мелкого рогатого скота; баранья челюсть, в рядом мощные обгорелые рога козла или барана; бронзовая печать перегородчатого типа с крестовидным орнаментом; обломок заполнированной костяной будавки и 2 антропоморфные статуэтки, типичные для периода Намазга V. Ниже до самого материка — обычный культурный слой, в котором обнаружена скульптурная терракотовая нога от антропоморфной фигурки, но не обычного условно-плоскостного типа, а напротив, выделенная весьма реалистично, объемно, так, что показана коленка и прочерчены пальцы, напоминая аналогичную из стратиграфического раскопа Тоголок I.

Непосредственно за обводным коридором располагается обширное помещение № 1, в юго-западном углу которого имеется встроенный полукруглый сегмент, сложенный из кирпичей. От сегмента вдоль западной стены спускается своеобразная лестничка, сложенная из сырцового кирпича, но без глиняного раствора. В середине восточной стены устроена необычно большая по размерам прямоугольная «пилластра». Внутри все помещение № 1 заполнено сплошным чистым слежавшимся надутым песком без каких-либо включений, если не считать единичные куски керамического шлака, попавшего сюда явно случайно, когда помещение было засыпано надутым песком (табл. XI).

Смежное помещение № 2 — узкое, коридорообразное, также полностью засыпано чистым надутым песком без каких-либо включений. Лишь в юго-восточном углу на глубине 80 см от дневной поверхности в песчаном слое сохранился вторичного происхождения очажок со следами воздействия огня и остатками зола и угольков внутри.

Смежное обширное помещение № 3, типа зала, общей площадью 65 м² также заполнено надутым песком без каких-либо культурных включений; местами сохранились следы одновременных кострищ и небольшие зольники, но они относятся к тому времени, когда помещение засыпалось надутым песком.

Помещения № 10, 11 и 18 более позднего времени и к моменту раскопок также были засыпаны песком, в котором встречены лишь единичные обломки керамики. Восточная стена помещения № 18 осталась невыявленной.

Помещение № 5 — коридор, в юго-западном углу былого кремля. Он заполнен обломками строительного завала попеременно с мощными

мусорными слоями и золойниками, образовавшимися во второй период обживания комплекса, когда былой обводной коридор был приспособлен под обычное бытовое помещение.

Особый интерес вызывает помещение № 6 — очень узкое, заполненное сплошным кирпичным завалом, возможно, от рухнувшего перекрытия и стен. Показательно, что для того, чтобы возвести это узкое помещение, строителям специально пришлось сузить западную стену примыкающего помещения № 1, что, конечно, представляло определённые технические трудности и было предусмотрено с самого начала в связи с особым назначением всего сооружения. В северной части имеется поперечная стеночка, которая образует помещение № 12, являющееся продолжением помещения № 6. Помещение № 12 заполнено чистым надувным песком, поперечная стеночка отделяет его от соседнего, условно обозначенного как помещение № 44. Эти встроены поперечные стеночки образуют узкие глухие отсеки, назначение которых точно не выяснено, но все вместе они составляют одно помещение. Вместе с тем, следует отметить аналогичные поперечные стеночки, выявленные в коридорах дворца Дашлы 3 в Афганистане, где они, скорее всего, были сделаны для поддержания покосившихся стен.

Серия небольших глухих помещений № 7—9, 13—17, 20—21, игравших роль, скорее всего, подсобного, хозяйственного назначения, явно относится ко второму периоду. Построены они были за счёт устройства коротких поперечных стеночек, основания которых покоятся на уже образовавшихся на полу мусорно-зольных слоях. Все они располагаются между двумя основными стенами, основания которых стоят на материке. Не исключено, что эти помещения в первый период составляли одно обширное помещение. Как бы то ни было, к моменту раскопок эти маленькие глухие помещения оказались сплошь заполненными мусорно-зольными слоями с большим включением фрагментов керамики. Южная стена помещения № 7 оказалась частично прорезанной мусорно-зольной ямой, в которой встречены обломки человеческого черепа.

Небольшое помещение № 17 также было использовано во второй период. Свидетельством тому служит срубленная ещё в древности стена, которая к тому же оказалась сильно обожжена. Следы интенсивного воздействия огня имеются и на южной стене помещения № 17, причём, судя по стратиграфии слоя, северная стена этого помещения также была скрыта ещё в древности. Южная стена помещения № 16 оказалась сильно обожженной, а зольно-мусорные слои перекрывают верх стен помещения № 21, причём внутри оно оказалось заполненным сгоревшими балками, видимо, от перекрытия, а пол сохранил черно-обожжённую поверхность.

Помещение № 22 представляло собой либо двор, либо обширную залу; северная стена ее не расчищена до конца. Тем не менее три его стены: южная, западная и восточная, бесспорно, относятся к первому, т. е. основному периоду, что выделяет это помещение, как одно из основных в системе вскрытой части монументальной архитектуры. Внутри помещения № 22 параллельно северной стене обнаружена вторая,

но стоящая на культурном слое и относящаяся ко второму периоду обживания помещения. Среди находок в этом помещении особого интереса заслуживает ваза из мраморовидного алебастра с небольшим резервуаром на высокой стройной ножке (табл. IV, № 2). Южная стена помещения № 22 оказалась нарушенной, особенно в ее восточной части, могильными ямами от впускных погребений, которые были осуществлены в последний, третий, период, когда данный участок был приспособлен под кладбище.

Помещение № 34 несёт следы интенсивного обживания второго периода. Ярким свидетельством тому служат 2 больших очага, прорезавшие смежную стену. Один из них впущен в гребень стены, а второй, прорезав стену, находится почти на самом полу. Вся восточная сторона этой смежной стены сильно нарушена во второй период и практически не сохранила своей глады. Культурный слой представляет мощные зольно-мусорные линзы вперемежку со строительным завалом, состоящим из обломков сырцового кирпича.

Помещение № 23 внутри заполнено строительным завалом вперемежку с зольно-мусорными линзами. Вдоль восточной стены сохранилась кирпичная выкладка, возможно, от лежанки-суфы.

Помещение № 36 отделено от помещения № 35 смежной стеной, северная часть которой сильно разрушена впущенными в ее гребень двумя очагами. Соответственно вся прилегающая северо-западная часть помещения оказалась заполненной сплошным мусорно-зольным слоем с большим включением углей; не исключено, что во второй период это помещение было приспособлено под кухню. Остальная часть помещения № 36 оказалась заполненной мусорными линзами вперемежку со строительным завалом. Осталось добавить, что промежуточная стена между этими помещениями в северной своей части, возможно, упирается в пристенную пилластру, но окончательно об этом судить можно лишь после завершения раскопок в северную сторону.

Помещение № 25, расположенное непосредственно к югу от помещения № 35, оказалось заполненным внутри строительным завалом с небольшими включениями зольно-мусорных прослоек. Восточная часть комнаты, включая восточную стену, оказалась нарушенной мощной мусорно-зольной ямой, так что стена в этой части комнаты практически не сохранилась. Если учесть, что основное заполнение помещения составляет сплошной строительный завал, то можно допустить, что мусорно-зольная яма была впущена во второй период существования всего этого комплекса, которая не доходит до основного пола на 30—35 см.

Особый интерес представляет двойное помещение № 36—37. По существу, это одно обширное помещение, разделённое на две части тонкой стеночкой, сохранившейся на высоту трех рядов кирпича. Выше она либо не продолжалась, либо была снесена еще в древности, во второй период. Все стены этого двойного помещения стоят на материке, представляющем аллювиальные наносные речные слои из перемежающихся тонких прослоек тонкоотмученной глины и песка. В этом материковом слое расчищено несколько небольших ямок-лунок, заполнен-

ных пережженными дочерня кальцинированными костями мелкого рогатого скота с небольшой примесью углей саксаула. Стенки ямок-лунок не несут следов влияния огня, так что кости, видимо, были принесены уже обожженные и засыпаны в предварительно специально вырытые ямки-луночки. Две такие ямки частично находятся под основанием стены, разделяющей помещения № 36 и 37, что может указывать на то, что ямки-луночки принадлежат основному периоду исследуемого комплекса. Вместе с тем отметим, что в юго-западном углу помещения № 34 расчищен довольно необычный очаг в виде горизонтального цилиндра, уходящего частично в толщу стены. Очаг находится на первом полу основного строительного горизонта и, возможно, как-то связан с вышеупомянутыми ямками-луночками, однако последние перекрыты сверху песком, что затрудняет окончательное решение данного вопроса.

Особое значение ямок-лунок заключается в том, что точно такие же ямки-луночки с аналогичным заполнением встречены при раскопках культовых помещений в храме и дворе Дашлы 3 в Северном Афганистане, относящиеся к той же культуре, что и исследуемый памятник Гокур-дере. Осталось добавить, что разделительные стеночки между этими помещениями в северной части оказались перерезанными еще одной круглой ямкой с пережженными костями, однако лишь продолжение раскопок на этом месте уточнит наблюдение о характере и взаимосвязи подобных ямок. Как бы то ни было, не исключено, что помещение № 34 действительно в древности имело особое назначение, или на этом месте располагалось какое-то культовое сооружение, что получит объяснение при продолжении раскопок в северной части комплекса. Но уже можно с уверенностью сказать, что все выявленные в материке ямки-луночки сверху были перекрыты толстой промазкой пола помещений основного или первого строительного периода. Это особенно четко видно по вышеупомянутому очагу, под горизонтальную выстилку пола которого уходит ямка-луночка, перекрытая сверху глиной выстилки.

В помещении № 24 в культурном слое встречен покрытый «глазурью» обломок плитки (табл. ХСІ, № 1) и почти целый черноглазый графин, покрытый частичным сетчатым лощением, близко напоминающий аналогичные сосуды Гиссара III из Северо-Восточного Ирана и, скорее всего, импортированной оттуда (табл. XII, № 1; табл. XIII, № 10).

Помещение № 23 раскопано частично. Южная стена его сохранилась плохо, по рядом, на основном полу, располагается пристенный очаг прямоугольной конфигурации с краснообожженными стенками. Внутреннее заполнение помещения — строительный завал с большим количеством зольных линз. Обнаруженный очаг напоминает очаг в помещении № 24.

Обширное помещение № 25—27 не сохранило дверного проема, зато в середине северной стены имеются остатки, предположительно, ступенек, ведущих вверх. Ступени сложены из сырцового кирпича, обмазаны штукатуркой и стоят на основном полу, однако не исключено, что построены они во второй период. Заполнение помещений состо-

ит из строительного завала вперемежку с небольшим количеством зольно-мусорных линз (в основном в верхней части заполнения).

Помещение № 31 явно использовалось во втором периоде. На это указывает двухчастная печь, вдушенная в гребень стены, а также встроена стеночка, за счет чего образовано маленькое узкое помещение № 32 хозяйственного назначения. Культурное заполнение обоих помещений составляют мусорные слои с включением зольников; встречено большое количество костей животных и обломков керамики.

Помещение № 29 также было интенсивно использовано во второй период. В нем вкопан целый хум, венчик которого совпадает с уровнем пола. Юго-восточный угол помещения перегороден двумя стеночками, за счет чего получилась крохотная комнатка явно хозяйственного назначения. Культурное заполнение обоих помещений составляют зольно-мусорные слои с большим количеством битой керамики.

Помещения № 38 и 28, видимо, первоначально составляли одно, перегороденное во второй период поперечной стеночкой, стоящей на культурном слое. Помещение № 38 оказалось почти полностью засыпанным черной золой с включением битой законченной керамики. Помещение № 28 заполнено кусками сырового кирпича и зольно-мусорными линзами. В помещении № 24 встречена нижняя часть женской статуэтки (табл. IX, № 1) и обломок «фаянсового» (табл. XCI, № 1) изделия с глазурованной поверхностью и вдавленным орнаментом. В помещении № 22 встречен фрагмент терракотового фаллоса (табл. LX, № 2).

Раскопки кремля еще далеки от завершения, однако уже сейчас можно утверждать, что здесь располагалась монументальная архитектура, предположительно светского назначения, что, однако, не исключает существования небольших святилищ или храмов. Судя по общей планировке и учитывая обширные размеры помещений, думается, что на раскопанном участке располагался дворец, состоящий из серии больших помещений типа залов. Если учесть, что памятник Гонур I во много раз превосходит по размерам любое другое поселение Маргиан, то можно допустить, что это было столичное поселение в системе всей древней страны. В таком случае, в кремле могла находиться администрация, которая ведала вопросами не только Гонурского оазиса, но и всей страны Маргуш в пору ее расцвета.

Вместе с тем два обстоятельства заставляют более осторожно подходить к оценке раскопанного здания. Во-первых, несмотря на специальные поиски не найдены входы основных помещений, хотя сохранявшаяся высота стен достигает почти 2 м. Можно было бы допустить существование второго этажа, но для этого пока нет прямых археологических данных.

Фундаменты внешних стен кремля и основных раскопанных помещений стоят на материке. Исключение представляет стена, примыкающая с юга к помещениям № 1, 2, 3 и южная часть восточной стены помещения № 1, основания которых стоят на мусорных слоях. Тот факт, что остальные стены этих же помещений стояли на материке, с бесспорностью доказывает, что в южной части было естественное пониже-

ние, которое сивелировали, подсыпав мусорно-строительную за-сыпку.

Отметим также тот факт, что стены помещений № 1, 2, 3, 6 не оштукатурены, что создает впечатление незавершенности строительства этой части комплекса. Это тем более так, если учесть, что стены куда менее важных по значению обводных коридоров имеют глиняную обмазку. На это же указывает тот факт, что к моменту раскопок основные помещения были засыпаны чистым надувным песком так, что на их полах нет никаких остатков разрушенных стен и кровли. Остаётся предположить, что деревянные балки перекрытий сняты так, что надувной песок быстро заполнил помещения. В таком случае обрушившиеся верхушки стен могли не сохраниться и оказались развеянными дефляцией. Возможно также, что строительство этой части бывшего комплекса по каким-то причинам не доведено до конца и прервано до строительства перекрытий. Во всяком случае, показательно, что во второй период обитатели обживают по преимуществу узкие коридорообразные помещения бывшего комплекса, которые можно было сравнительно легко перекрыть кровлей. Эти вопросы еще ждут окончательного решения в ходе будущих работ, но отсутствие культурных слоев в обширных залах весьма симптоматично.

В результате раскопок с точностью установлено, по крайней мере, три периода существования раскопанной архитектуры. В первый период здание существовало как монументальное сооружение особого, возможно, дворцового назначения.

Во второй период, когда здание забрасывается, обводные коридоры приспособляются под жилье рядовыми обитателями. В это время здесь перестраиваются отдельные помещения, приспособляемые под хозяйственные нужды.

В последний, третий, период жизнь окончательно замирает и на руинах бывшего монументального здания устраиваются захоронения, которые частично разрушают верх уже заброшенных стен помещений.

Находки. Хотя почти вся керамика последнего гонурского оазиса неорнаментирована, с поверхности Гонур 1 происходит три носика, оформленные в виде голов животных, вероятнее всего, быков (табл. XII, № 2). Лучшее сохранившийся белоангобированный фрагмент представляет собой короткий трубчатый носик, в верхней части которого имеются удлиненной формы налпные глаза с узкими щелками. Ниже сохранились следы от налпных слегка изогнутых рогов, под которыми располагаются налпные же уши.

Второй красноглиняный образец имеет округлый венчик и часть трубчатого носика со следами налпных овальных с узкими щелками глаз и чуть изогнутых рогов.

Третий фрагмент сохранил лишь часть трубчатого носика и налпной глаз, положение которого отлично от вышеописанных: он расположен не вдоль, как все остальные, а поперек длинной оси носика.

В единственном числе представлен белоангобированный носик, по-видимому, от сосуда, оформленный в виде головы верблюда (табл. XII, № 8). Плавно изогнутая шея украшена снизу свисающей «бородой».

мягкие складки которой подчеркнуты нацарапанными линиями. Небольшая голова сохранила лишь торчащие вверх уши, остальная часть отбита.

С поверхности поселения проносятся три трубчатых носика, оформленные в виде скульптурных головок, посаженных на длинные шеи (табл. XII, № 9—10). На первый взгляд они изображают головы птиц, однако сколы на верху головок будто намекают на торчащие уши. На одном образце помимо следов от ушей, сохранился, предположительно, рельефный гребень.

В единственном экземпляре представлен встреченный на «крепости» белоангобированный слав с «мостиком»; такие «мостики» более характерны для керамики Тоголокских памятников и, видимо, являются хронологическим признаком керамики Маргианы.

С поверхности поселения проносятся обломки, а из раскопок кремля — археологически целый сосуд неясного назначения. Все они краснофонные и имеют одинаковую форму в виде вогнутого в средней части цилиндра, с боковой стороны которого имеется дополнительное отделение, своего рода «кармашек», со сквозными дырочками. Снаружи они покрыты красной красочной облицовкой с лощением. Боковое отделение, или «кармашек», сохранило 3 попарно расположенных сквозных отверстия (табл. XIV, № 7).

Аналогичное, но совершенно целое изделие известно еще только в Южной Бактрии, где оно было положено в могилу в качестве погребального приношения. Это также вогнутый цилиндр, закрытый с обеих сторон, с небольшим отверстием в верхней части. Маленькое отверстие имеется и в верху закрытого «кармашка», которое (подобно маргианскому образцу) имеет три парных сквозных отверстия². Ближайший по типу миниатюрный серебряный сосудик был встречен в одной из могил слон Гиссар ШС, где он определяется как косметический³. Пока помимо Маргианы и Бактрии такие изделия нам неизвестны.

В помещении № 25 встречен хум с орнаментом в виде рельефно извивающихся лент (табл. XV, № 2), близко напоминающий аналогичные сосуды из Юго-Западного Ирана.

Как уже отмечалось, решительное большинство гончарной керамики Гонур 1 неорнаментировано. Исключение составляют немногочисленные обломки крупных сосудов с нацарапанным растительным орнаментом, обычно в виде деревьев пирамидальной формы. В отдельных случаях рядом с такими деревьями стоят козлы с длинными изогнутыми рогами. Как правило, животные изображены предельно схематично. Дерево со стоящими перед ним козлами — излюбленный мотив росписей керамики времени Намазга IV Южного Туркменистана и ирано-месопотамской глиптики. Думается, что эти изображения на керамике Маргианы имели семантическое, а не эстетическое значение. В одном случае, по бокам дерева изображены два вставших на задние ноги козла, что напоминает аналогичные сюжеты Месопотамии. Точно такое изображение имеется на одном амулете с Тоголок 21.

Интересен обломок сосуда, на котором частично имеется изображение дерева и рядом, предположительно, ноги птицы (?). Лишь 2 об-

разца сохранили растительный орнамент: в одном случае, это может быть изображение тюльпана или мака, в другом—восьмилепестковый цветок, нацарапанный изнутри на дне блюда с невысоким бортиком. Помимо таких имеются изображения простейших знаков, чаще — в виде крестов или соединенных вершинами 2 треугольничков.

О существовании миниатюрных флаконов свидетельствуют как целые, так и фрагменты изделий с круглым или квадратным туловом и высоким горлом (см. табл. III, № 18—19; табл. XII, № 13, 16—17). Каменные, медные и особенно керамические широко распространены на поселенных Маргянах, о чем свидетельствуют каменный флакон с Лучина и медный—из могильника Тоголок 24. Близкие, если не идентичные, изделия имеются в Бактрии и Гиссаре, а их назначение в качестве косметических флаконов кажется наиболее вероятным. Эти предположения подтверждаются находками флаконов в непогребенных могилах Бактрии, где они сохранили воткнутые в горлышки медные палочки с утолщением на концах, при помощи которых косметика наносилась на тело. Специальное исследование содержимого одного такого бактрийского флакона показало наличие белого и серого порошков, содержащих карбонат свинца, использование которого в косметических целях считается наиболее вероятным*.

С поверхности памятника происходит лепной фрагмент с росписью типа позднего Яз I, а также верхняя часть цилиндрического сосуда с двумя вертикальными рельефными наделенными полосками. Среди керамических изделий не совсем ясного назначения упомянем модель «сапожной колодки», точная аналогия которой имеется в могиле на Дашлы 3. Помимо гончарной керамики, на поверхности Гонур I найдено 20 обломков лепной посуды стенового круга: 10 фрагментов принадлежат горшкам с отогнутым наружу венчиком округлой формы, глина грубая (черного или красного цвета) с большой примесью толченой керамики (табл. XII, № 14—15). Снаружи эта группа сосудов украшена нарезным елочным орнаментом; лишь в одном случае венчик выделен рельефной наделенной полоской с глубокими вдавлениями. По общему облику подобные фрагменты керамики относятся к андроновскому типу.

Пять фрагментов лепной керамики другого типа — тонкостенные, в глице большая примесь толченой раковины. Снаружи украшены гребенчатым штампом, образующим горизонтальную елочку, или горизонтальными рядами наклонно поставленного гребенчатого штампа. Эта категория посуды более сближается с керамическими комплексами афанасьевского круга.

Наконец, неподалеку от столичного Гонур-дере, на дне песчаного выдува обнаружена небольшая стоянка в виде россыпи керамической крошки, среди которой встречены несколько черепков лепной, грубой выделки посуды, с орнаментом в виде горизонтального ряда косозащитрихованных треугольничков в основании которых — широкая лента или же цепочка мелких треугольных вдавлений. Налицо картина, установленная для Лучинского оазиса, где также соседствуют оседло-земледельческие поселения и стоянка скотоводческих племен степного круга. Отмеченная взаимовстречаемость указывает на существование в одном

районе племен с разным культурно-историческим происхождением и экономической древнего хозяйства.

Терракотовая пластика. С поверхности Гонур I происходит довольно представительная коллекция мелкой терракотовой пластики (табл. XII—XXIV). Она представляет один иконографический образ: сидящие женские фигуры с широко расставленными в стороны руками и подчеркнутыми признаками пола. За небольшим исключением, это — женские фигуры, выполненные в условно плоскостном стиле: лица их переданы схематично с большими носами и наклепными с узкими шелками ромбовидными глазами. Всего встречено несколько фрагментов от головок, часть которых украшена высокими орнаментированными коронами; 5 образов не имеют ни корон, ни высоких причесок, остальные слишком фрагментированы и не поддаются точному определению.

Если головы их трактованы объемно, то торсы уплощены, с небольшими наклепными грудями конической формы. На шее нередко нащипано «ожерелье», в других случаях отмечено наклепное украшение. Три образца сохранили нащипанные ленты, спускающиеся с шеи на грудь, где они соединяются, заканчиваясь наклепной шишечкой. Вероятнее всего, такие украшения передают изображения амулетов, надетых на шнуры или на ленты и свободно свисающих на грудь.

Пышные бедра сохранили в середине изображение преувеличенно больших нащипанных треугольников с мелкими насечками, подчеркивающих женский образ. В одном случае с оборотной стороны нащипан рисунок в виде «елочки». В нижней части заостренные концы таких фигурок слегка загнуты вперед, в чем следует видеть угасающие традиции южно-туркменских статуэток, изображавшихся в сидячей позе. Очевидно, что, оторвавшись от своей метрополии, гончары уже смутно помнили былую каноническую позу сидящих статуэток. Теперь они нередко изготавливают их стоящими и лишь загнутые носки ног свидетельствуют о былой «сидящей» иконографии.

С поверхности Гонур I происходят фрагменты ног от статуэток, ко выполненных реалистично, в объемной технике; здесь же отметим аналогичную находку в стратиграфическом шурфе на Тоголок I. Все они указывают на существование помимо условно-плоскостных и иных типов антропоморфной пластики.

В единственном экземпляре представлена мужская статуэтка с наклепным поясом, аналогичная таким же с поселения Южного Туркменистана (табл. XX, № 23). Осталось отметить обломок предположительно «сидящей» статуэтки, изготовленной из розового алебастра.

Несколько фрагментов статуэток происходят из раскопок кремля, где они встречены в мусорном заполнении комнат второго периода. Среди них выделены 3 головки с большими носами и глазами, с остатками пышных орнаментированных корон на голове.

Особую группу терракотовой пластики составляют фигурки животных, принадлежащих, по преимуществу, скульптурным украшениям на бортиках культовых сосудов (табл. XXIII—XXIV). Почти все они сох-

ранили между ног части бортика от венчиков сосудов. В одном случае животное не посажено на бортик, а опирается ногами на основание, которое сохранило на обороте две кольцевые полосы как бы от двойного венчика (табл. XXII, № 1). Не исключено, что помимо простых культовых сосудов, у которых скульптурные фигурки непосредственно «насаживались» на венчик, существовали сосуды более сложной конструкции, у которых имелся двойной венчик, на котором уже крепились сами фигурки. Как правило, все они выполнены небрежно, если не сказать грубо, нередко гончар даже не заглаживал их поверхность, так что видны явные защипы пальцев на глинне. При всей их схематичности с точностью можно говорить об изображении горбатого быка, двугорбого верблюда, волка, лисы или собаки. На фоне таких схематичных фигурок выделяется статуэтка, предположительно, кабана с выделенными коздрями, заложенными назад ушами и выделенным загривком. Два плохо сохранившихся обломка, скорее всего, принадлежат фигуркам птиц.

Наряду с такими имеются терракотовые фигурки животных без явных следов прикрепленных к венчикам сосудов, так что точное назначение их остается не совсем ясным, но, возможно, это — обычные детские игрушки. Это — фигурка прыгающей лягушки с полуоткрытым ртом, сидящего барана в спокойной отдыхающей позе. В другом случае, наоборот, изображено ревущее животное с поднятой вверх головой и широко раскрытым ртом (табл. XXIII, № 2). Единственным образцом представлена рыба, возможно, сом, с выделенными жабрами, раскрытым ртом и слабо намеченными коздрями (табл. XXIV, № 7).

Каменные изделия. Наиболее распространенным материалом для изготовления крупных биконических бусин являлся темный стеатит. С поверхности Гонур 1 происходит около 30 стеатитовых биконических с кружковым орнаментом изделий (табл. XXV), определяемых то как прелецца, то как бусы, то как навершия медных булавок. Специальное изучение их под бинокулярным микроскопом показало, что отверстие несет следы стертости по длинной оси, которые, скорее всего, получились вследствие ношения их на шнурке в качестве бус³. Хотя известны неорнаментированные бусы, решительное большинство их украшено однотипным орнаментом в виде просверленных кружков по 3—4 на каждой плоскости и лишь в одном случае отмечено по 5 кружков с каждой стороны. Размеры бусин — 1,5—3 см; 2 такие бусины встречены в шурфах, 4 — в помещениях кремля и 1 — в погребении. 2 стеатитовых изделий выточены в виде плоских кружков со сквозными отверстиями в центре, 1 — имеет коническую форму; ни одно из них не орнаментировано. 9 экземпляров изготовлены не из стеатита, а из светлого мраморовидного камня, но все они без орнамента.

Из стеатита изготавливались косметические флаконы, квадратные в разрезе, с высоким горлом, иногда украшенные резным орнаментом и в том числе кружковым. Мягкий стеатит использовался и для изготовления небольших миниатюрных сосудов полусферической формы с плоским еле выделенным дном явно не бытового назначения

(табл. XXVI—XXVII). Некоторые фрагменты сохранили простой напаранный орнамент, а в одном случае обломок украшен кружковым орнаментом. Выделяются маленькие фрагменты, украшенные снаружи нарезным орнаментом в виде зигзагообразных полос. Среди стеатитовых изделий, но происходящих не с поверхности, а из раскопок кремля, выделяются 2 таких сосуда. Один — из помещения № 36 — представляет собой миниатюрную чашечку с невысоким слегка изогнутым бортиком и плоским дном (табл. XXVIII, № 4). Второй стеатитовый сосудик находился на полу помещения № 35 и представляет собой миниатюрную чашечку, тулово которой украшено двумя рядами заштрихованных треугольников; снизу сохранился слабо выраженный поддон (табл. XXVIII, № 1). Оба сосудика находят наиболее показательные аналоги в материалах Бактрии эпохи поздней бронзы, где они, правда, украшены более сложным орнаментом. В помещении № 16 найден стеатитовый сосуд, выточенный в виде почки, имеющий предположительно культовое назначение (табл. XXVIII, № 11). Из раскопок кремля происходит половника наверхи булavy (см. табл. IV, № 7), но не обычной круглой, а уплощенной формы, выточенная из твердого черного камня с тщательно заполированной поверхностью, близко напоминающая аналогичное изделие из Бактрии.

С поверхности южной окраины Голур 1 происходит стеатитовый фрагмент от так называемых составных статуэток. Гонурский фрагмент принадлежит нижней части от пышной юбки шумерийского типа, украшен резными «язычками». Гладкая поверхность в верхней части обломка подчеркивает и согнутые в коленях ноги, на которых покоились сложенные руки (табл. XXIX, № 8).

Стеатит широко использовался для изготовления цилиндрических и бочковидных бус, много реже — каплевидных подвесок (табл. XXX). Стеатитовые печати в основном представлены тремя типами: круглой формы с резным орнаментом на лицевой стороне и петелькой-ручкой — с оборотной (табл. XXX). Орнаменты представлены в виде вихревой или многолучевой розетки, крестовидных фигур, крестика, заключенного в центр четырехлепестковой розетки. В одном случае печать с вихревой розеткой изготовлена из красного камня. В центре она сохранила сквозное отверстие, просверленное после того, как отломалась ручка.

Вторую группу составляют фигурные печати, выточенные в виде многолучевых розеток с кружком в центре. В одном случае с оборотной стороны нет петельки, а она также украшена нарезной многолучевой розеткой.

Третью группу представляют 2 квадратные печати, украшенные орнаментом, выполненным глубоким сферлением. У одного сохранились следы ручки, у второго оборотная сторона плоская, а в центре имеется сквозное отверстие, видимо, сделанное позднее.

Темный, почти черного цвета, стеатит использовался для изготовления амулетов мургабского стиля. Плоские, иногда чечевидные в разрезе, квадратные или прямоугольные они имеют двусторонние гравированные изображения и сквозное отверстие для продевания шнура.

С поверхности Гонур I происходит наиболее замечательный амулет с изображением на одной плоскости героя с поверженным животным в окружении большого количества змей, до определенной степени напоминающий известный мотив Гильгамеша месопотамской глиняки (табл. XXXII, № 1). На второй плоскости выгравирован бык в окружении длинных животных и, предположительно, змей. Из темно-красного камня изготовлен еще один, но ромбической формы амулет, также происходящий с поверхности Гонур I. На одной плоскости его выгравирован орел в геральдической позе, на второй — терзающие друг друга рогатые драконы, вместе составляющие плетенку без начала и конца, наподобие селгерового колеса. Помимо таких, известны стеатитовые амулеты с изображением хвостных растений, вероятнее всего, эфедры и, предположительно, мака, а в одном случае скорпиона, выполненного в полном согласии с натурой. Известны были стеатитовые амулеты в виде трехгранной призмы с резными изображениями на всех трех плоскостях. На одном частично сохранилась композиция в виде парящей птицы (орла, держащего в лапах, возможно, черепаху), на второй плоскости имеются лишь глубокие «клинышки», третья плоскость практически не сохранилась.

Особый интерес представляет уникальная стеатитовая плакетка, к сожалению, фрагментированная. На одной стороне ее в высоком рельефе частично сохранилось изображение лежащего быка или коровы, голова которого повернута назад и покоится на плече. На другой — сохранилось нарезное изображение, предположительно, ноги бегущего животного.

Из белого камня и мраморовидного алебаstra вытачивались конусики, цилиндрические и бочковидные бусины, подвески. Особого интереса заслуживают фигурные пластины, выточенные из белого камня, видимо, служившие вставками от инкрустации (табл. XXXIII). Они имеют прямоугольную, округлую, миндалевидную формы, причем край их специально скошен. В одном случае частично сохранилась ажурная резная пластина, а другом — полукруглое изделие, возможно, также от наборной инкрустации. Один такой фрагмент отдаленно напоминает руку со сжатым кулаком (табл. XXXIII, № 11). К разряду не совсем ясных изделий относится миниатюрный каменный «гриб» (табл. XXX, № 22—24) и обломок колечка с раздвоенным на конце (табл. XXXIII, № 54). Биконические «приспички» разных размеров, но одинаковых форм со сквозными отверстиями, керамическое кольцо с отверстием для подвешивания сбоку (табл. III, № 9), керамическое изделие в виде гриба с заполированной поверхностью, игрушечная «чашечка»; грубооббитые керамические кружки составляют изделия не совсем ясного назначения. К этой же категории относятся уплощенные изделия конической формы с косыми насечками на одной стороне и круглым плоским основанием (см. табл. III, № 17), а также керамический конус с надарпанными вертикальными полосами, верхняя и нижняя части которых оказались отбитыми.

С поверхности крепости Гонур I происходит красноглиняный цилиндр с плоским основанием и заостренным верхом; тулово его укра-

шено простым надаранным орнаментом (см. табл. XII, № 4). Возможно, не случайно в основании имеется небольшое углубление: подобное, но каменные изделия, установленные на конусо-основания, встречаются в храме Тоголок 21, где они скорее всего имели культовое значение. На Гонур 1 найден керамический столбик, верхняя часть которого, похоже, изображает голову животного (см. табл. III, № 14), а основание имеет вогнутую поверхность. В единственном образце представлено керамическое колесо диаметром 12 см с выделенной ступкой; подобные изделия более полно представлены в слоях эпохи бронзы Южного Туркменистана, где они принадлежат моделям от повозок.

Металлические изделия по преимуществу происходят с поверхности Гонура. Хотя мест, связанных с литьем и металлообработкой найдено не было, на поверхности поселения встречены шлаки с медными включениями. Основную массу находок составляют круглые (реже — квадратные) в сечении стержни с заостренными концами, предположительно, от шильев, иголок и булавок (табл. XXXIV). Последние сохранили, по преимуществу, полусферические или конические навершия, причем второй конец всегда заострен. Наряду с такими имеются длинные стержни, оба конца которых имеют каплевидное навершие, предположительно, они могли использоваться для нанесения косметики; одна такая целая туалетная палочка встречена в помещении № 16 кремля (табл. XXXIII, № 11; табл. XXXV, № 7). На поверхности памятника найдена обломанная булавка, которая, судя по сохранившимся, хотя и обломанным, концам, имела навершие в виде пары свернутых в кольцо спиралей. Выделяется булавка с ребристым навершием, прямые аналоги которой имеются среди находок Бактрии.

На поверхности памятника обнаружены 5, по-видимому, височных колец с заостренными несомкнутыми концами (табл. XXXVI), а также 4 обломка браслетов, 3 из которых — витые (табл. XXXVI, № 36—38).

Особый интерес представляют 3 круглые бляшки: плоская с растительным узором (табл. XXXVI, № 5); конической формы, пустотелая; полусферическая (табл. XXXVI, № 32). Все они имеют петельки для крепления. На поверхности Гонура найден обломок зеркала с приблизительно диаметром 10—12 см.

Особую группу находок составляют так называемые перегородчатые (в ряде случаев ажурные) печати с геометрическим орнаментом, преимущественно в виде креста и его вариантов. Выделяются 2 квадратные с изображением свастики (табл. XXXVI, № 2, 11), а также единственная печать, в центре которой помещена фигура, предположительно, бегущего зайца¹. Одна массивная крестообразная печать встречена в помещении № 4 кремля (табл. XXXVI, № 12). Отсюда же происходит массивное «зубило» (табл. XXXV, № 11) и не совсем понятное изделие в виде миниатюрного «секача» (табл. XXXVI, № 3).

С поверхности Гонура и из помещения № 21 кремля происходят 2 однотипных свинцовых изделия в виде биконических «бусин» со сквозным отверстием, точное назначение которого неясно (табл. XXXVI, № 19—20).

Большинство украшений представляют удлиненные цилиндриче-

ские или бочковидной формы пронизки, реже — круглые бусинки, изготовленные из белого камня, со сквозным отверстием для шнурка; нередко для этих же целей использовалась речная с прожилками галка. В единичных образцах имеются каплевидные подвески. На Гонур 1 найдены сердоликовые бусины, цилиндрические пронизки и круглая плоская трапециевидная бусина. Лазуритовых бусин и пронизок встречено 25 экз., за редким исключением они очень мелкие, но в основном выточены из лазурита хорошего качества. Одна крупная лазуритовая пронизка украшена снаружи винтовым нарезным орнаментом.

Наряду с мелкими нередко попадались и крупные украшения, как, например, бочковидная пронизка, выточенная из двухслойного камня желтого и зеленого цветов, а также подвеска, для которой использован белый камень с отверстием с края. Вообще же местные камнерезы умело использовали двухслойность камня, следствием чего служит в одном случае уплощенная бусина черного цвета с белым окаймлением по краю, а в другом — изогнутая бусина белого цвета с двумя коричневыми «пятнами» (см. табл. XXX, № 13).

Из керамики, черного камня и лазурита изготовлены так называемые разделители (см. табл. XXX, № 16), представляющие собой два спаренных цилиндра; как считается, пропущенные через них шнурки образовывали «кольце» с двумя нитями названных на них бусин и пронизок; такие разделители широко представлены в хараппской цивилизации долины Инда.

Из помещения № 4 раскопок кремля происходит алебастровая вазочка с медным резервуаром и непропорционально высокой ножкой. Помимо Марганы такие вазы известны еще в Бактрии и Восточном Иране и, видимо, они имели особое, скорее всего, культовое назначение. В редких случаях, но известные украшения из фаянса или пасты в виде зубчатого «колесика» (см. табл. XXX, № 7) и известняковые бусины белого цвета с рифленной поверхностью (см. табл. XXX, № 8—9). Из мягкого алебастра вытачивались «печатки» с орнаментом на лицевой стороне, выполненным сверлильной техникой, и ручкой-петелькой — с тыльной. Известны также 2 керамические «печатки» колицеской формы со сквозным отверстием у вершины и простым нарезным орнаментом на плоском основании. Каменные наконечники стрел происходят преимущественно с поверхности (табл. XXXVII). Как правило, они изготовлены из кремневых пластин часто двухсторонней струйчатой техникой. Большинство из них представлены наконечниками лавролистной или подтреугольной формы.

Несколько образцов имеют лавролистную или иволистную форму без выделения черешка, а также известны в обломках, так что форма их с точностью не устанавливается. В одном случае представлено орудие, напоминающее трапецию. Из общего количества экземпляров большинство изготовлено из коричневого кремня, остальные — из разных пород камня. Наконечник, происходящий из помещения № 2 кремля, изготовлен из черного камня и относится к типу наконечников с выделенным черешком.

Костяные изделия сравнительно редки и представлены всего несколькими обломками рога оленя с явными следами спила и заглаженности острого конца, напоминающая аналогичные изделия с северо-афганского поселения Дашлы. В помещениях № 4, 9, 17 и 20 встречены костяные сильно залопиранные «булавки» (см. табл. XXIX, № 9), причем образец из помещения № 4 кремля частично сохранил нарезной орнамент. Еще один происходит с поверхности Гонур 1 и также сохранил явные следы нарезного орнамента.

Разведки вокруг столичного Гонур 1 привели к открытию других поселений этого конкретного оазиса.

Поселение Гонур 2 — слабо выраженное в рельефе возвышение, вытянутое с востока на запад, размерами 300×100 м при высоте около 0,5 м. Наиболее возвышенная часть — с севера — памятника, восточная — покрыта надутыми песчаными барханами. На южной оконечности на прилегающем такыре следы от керамических горнов, сосредоточенных в одном месте. Керамика типичная для эпохи бронзы, причем встречена хумча, окрашенная светло-красной краской. Помимо керамики встречены женская терракотовая статуэтка и фигурка животного, морда которого сохранила преувеличенно большие круглые глаза и широко раскрытый рот. Живот и лапы животного сохранили следы от прикрепления к поверхности, возможно, культового сосуда. На поверхности памятника найдена и «печатка», изготовленная из песчаника, близко напоминающая такие же с Чанху Даро: с лицевой стороны — глубокий резной орнамент, с обратной — обломанная еще в древности ручка со следами дополнительного сверления.

Поселение Гонур 3 представляет собой россыпь керамики, вытянутой с востока на запад размерами 100×60 м. Обнаружена гончарная печь и рядом развал кирпичей размером 45×24×14 см. Среди типичной керамики эпохи бронзы выделяются подставки.

Поселение Гонур 4 — скопление гончарных горнов, бракованной посуды, керамического шлака. Поселение, по-видимому, полностью засыпано надутыми барханами. Среди типичной керамики эпохи бронзы выделяется дощечка с подкосом и отверстием в центре (типа щелак), более характерное для тоголокских памятников, а также фрагмент гончарного сосуда с процарапанным орнаментом из ломаных линий.

Поселение Гонур 5 вытянуто с севера на юг на 450 м, с востока на запад — около 300 м, высота — около 1 м; часть памятника засыпана надутым песком. Выделены остатки около 15 керамических горнов прямоугольной конфигурации с приблизительными размерами 2×1,5 м; в южной части отмечены бугры до 10—15 м в диаметре с остатками гончарного производства. Среди керамики имеются образцы с нацарапанным орнаментом, а также воск с «мостиком».

Поселение Гонур 6 — россыпь керамики на такыре размерами 100×70 м. Отмечены остатки керамических горнов, кирпичей, шлаков; керамика относится к эпохе бронзы.

Поселение Гонур 7 состоит из двух обширных холмов, соединенных пониженной седловиной, размерами около 500 (восток-за-

пад) × 250 м, при высоте 2 м. Обильный керамический материал относится к эпохе бронзы.

Поселение Гонур 8 представляет собой россыпь керамики на такыре размерами 80 × 60 м, при высоте 50—60 см. Керамика относится к эпохе бронзы; встречены остатки погребальных сосудов из разветвленных могил.

Поселение Гонур 9 вытянуто по оси север—юг на 450 м при ширине 20 м и высоте около 0,5 м. В северной части отмечено скопление гончарных горнов прямоугольной конфигурации; на прилегающем такыре выявлены сосуды из разветвленных погребений.

Поселение Гонур 10 — россыпь керамики размерами 30 × 30 м; остальная часть в настоящее время засыпана песком. Сохранившаяся часть занята остатками гончарных горнов, бракованной керамикой, шлаками; керамика относится к эпохе бронзы.

Поселение Гонур 11 представляет россыпь керамики на такыре размером 30 × 20 м; керамика относится к эпохе бронзы.

Поселение Гонур 12 вытянуто с востока на запад на 150 м при ширине 80 м и высоте около 1 м. На восточной окраине располагаются гончарные печи; керамика относится к эпохе бронзы.

Поселение Гонур 13 — россыпь керамики на такыре размером 130 × 70 м. Отмечены бесспорные следы медно-бронзового производства. Помимо керамики эпохи бронзы встречены лазуритовые провизки.

Поселение Гонур 14 почти полностью засыпано надувными барханами так, что сохранившаяся часть составляет площадь 50 × 30 м; керамический материал относится к эпохе бронзы.

Стоянка степной бронзы обнаружена на выдуве размером 20 × 20 м, расположенном среди полузакрепленных песчаных барханов. Хотя культурный слой стоянки не сохранился, прямо на поверхности встречена лепная керамика андроновского типа.

Тоголокский оазис. Эта группа памятников открыта в 1974 г. и включает свыше 30 поселений, среди которых по размерам резко выделяется Тоголок 1, видимо, столичный в системе оазиса. Памятник состоит из центрального холма площадью около 12 га и высотой около 4 м. Это огромный, без видимых понижений и впадин, массивный и компактный бугор, резко возвышающийся над окружающей поверхностью (рис. 7). Южная часть памятника несколько более возвышенная, чем северная; россыпи керамики тянутся далеко по такыру вокруг холма. На поверхности среди массы гончарной керамики встречены единичные лепные фрагменты с росписью типа позднего Яз I.

К юго-востоку от главного холма располагается подтреугольная «крепость» с примерными размерами 200 × 100 м, где в 1974 г. найден целый культурный сосуд, так что, возможно, подобно рядом расположенному Тоголок 21, и эта «крепость» — своеобразный храм.

В южной части «крепости» был заложен стратиграфический шурф размером 5 × 5 м, установивший, что мощность культурного слоя здесь не превышает 100 см. Никаких остатков строений не выявлено, так что, возможно, шурф попал на незастроенный участок или двор. В слое

Тоголок 1

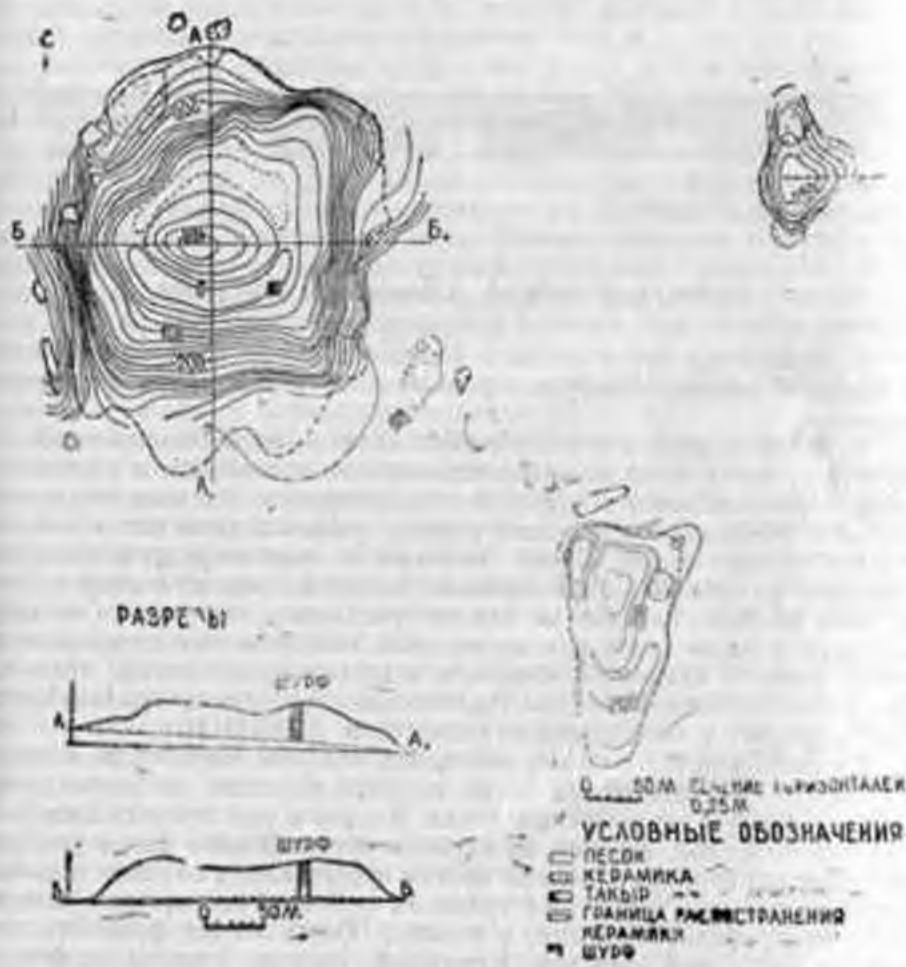

Рис. 7. Тоголок 1. Общий вид памятника.

предельно раскопа. Кроме керамики в самом конце яруса встречена терракотовая головка статуэтки с короной типа Намазга V.

Культурный слой V яруса представлен строительными остатками попеременно с зольно-мусорными линзами и обломками сырцового кирпича. В южной части раскопа прослеживается достаточно глубокая зольная яма, перекрывающая верх кирпичной стены. У восточной бровки на границе V и IV ярусов обнаружено погребение № 2 (рис. 9).

Большой керамический материал слоя представлен в основном обломками гончарной посуды; единичные лепные фрагменты принадлежат кухонной посуде типа котлов, сохранивших снаружи следы копти (табл. XLII). Гончарная керамика включает конические, воронковидные чаши, вазы на невысоких приземистых ножках, в меньшей степени — вазы на высоких полых ножках, хумы и хумчи, керамические подставки. Как правило, глина красного цвета хорошего качества, сосуды с обеих сторон покрыты беловатым и светло-зеленым ангобом, реже — кремовым и розоватым.

Культурный слой VI яруса служит продолжением вышеописанного строительного завала, включающий обломки сырцового кирпича, мусорно-зольные линзы, местами образующие ямы, перерезающие бывшие помещения. В конце VI яруса оконтурился пол вскрытых помещений, покрытый глиняной обмазкой. В пол оказались врытыми 4 сосуда типа хумов так, что их горла совпадают с уровнем самого пола, свидетельствуя, что в древности на этом месте располагались обычные жилые строения, включавшие хозяйственные помещения.

У северной бровки раскопа расчищено парное детское погребение № 3.

Найденная керамика немногочисленна и в целом представлена хумами и хумча — крупными сосудами с цилиндрическим или, наоборот, округлым туловом, со слабо отогнутыми наружу подтреугольными в сечении венчиками. Кроме того, в небольшом количестве представлены конические вазы и, в меньшей степени, вазы на высоких ножках. Кроме керамики встречено стеатитовое изделие, выточное в виде головы рыбы с инкрустированными белой пастой глазами (табл. XLIII, № 2), алебастровое пряслице (табл. XLIII, № 1) и бронзовая с несомкнутыми концами серьга.

Итак, стены вскрытого строительного комплекса, которые были выявлены еще в III ярусе, закончились горизонтальным полом в конце VI яруса, т. е. на глубине 3 м от верха холма. Ниже этого строительного горизонта, в самом начале VII яруса, расчищены обрывки стен, относящихся к нижележащему, наиболее древнему, строительному комплексу, возведенному непосредственно на материке, который представлен алаувиальными песчаными и, отчасти, глиняными горизонтальными слоями. От бывших помещений этого строительного горизонта лучше всего сохранилась стена длиной 2,5 м и шириной 40 см, выявленная в центре раскопа и идущая по линии север—юг. Стена возведена из сырцового кирпича размерами 42×22×12 и 44×24×12 см. Керамический материал представлен крупными и средними сосудами с округлыми слабопрофилированными венчиками, а также коническими ваза-

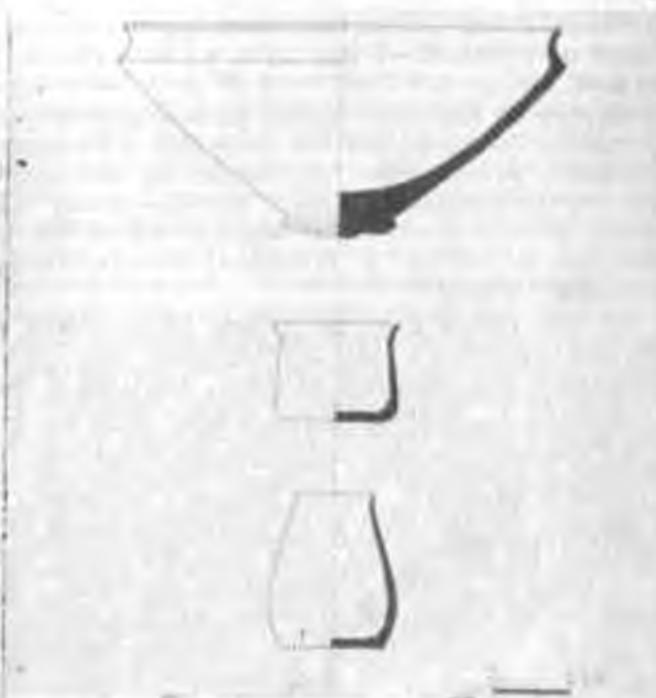

Рис. 9. Тоголок I. Стратиграфический раскоп. Погребение № 2.

ми и ножками от высоких ваз. Среди основной массы неорнаментированной посуды выделяются 2 фрагмента, украшенные нацарапанным орнаментом (табл. XLIV)

Суммируя полученные результаты, можно считать, что поселение Тоголок I основано на небольшом, около 1,5 м, естественном холме.

предеты раскопа. Кроме керамики в самом конце яруса встречена терракотовая головка статуэтки с короной типа Намазга V.

Культурный слой V яруса представлен строительными остатками попеременно с зольно-мусорными линзами и обломками сырового кирпича. В южной части раскопа прослеживается достаточно глубокая зольная яма, перекрывающая верх кирпичной стены. У восточной бровки на границе V и IV ярусов обнаружено погребение № 2 (рис. 9).

Большой керамический материал слоя представлен в основном обломками гончарной посуды; единичные лепные фрагменты принадлежат кухонной посуде типа котлов, сохранивших снаружи следы копоти (табл. XLII). Гончарная керамика включает конические, воронковидные чаши, вазы на невысоких приземистых ножках, в меньшей степени — вазы на высоких полых ножках, хумы и хумчи, керамические подставки. Как правило, глина красного цвета хорошего качества, сосуды с обеих сторон покрыты беловатым и светло-зеленым ангобом, реже — кремовым и розоватым.

Культурный слой VI яруса служит продолжением вышележащего: строительный завал, включающий обломки сырового кирпича, мусорно-зольные линзы, местами образующие ямы, перерезающие бывшие помещения. В конце VI яруса осконтурился пол вскрытых помещений, покрытый глиняной обмазкой. В пол оказались врытыми 4 сосуда типа хумов так, что их горла совпадают с уровнем самого пола, свидетельствуя, что в древности на этом месте располагались обычные жилые строения, включавшие хозяйственные помещения.

У северной бровки раскопа расчищено парное детское погребение № 3.

Найденная керамика немногочисленна и в целом представлена хумами и хумча — крупными сосудами с цилиндрическим или, наоборот, округлым туловом, со слабо отогнутыми наружу подтреугольными в сечении венчиками. Кроме того, в небольшом количестве представлены конические вазы и, в меньшей степени, вазы на высоких ножках. Кроме керамики встречено стеатитовое изделие, выточенное в виде головы рыбы с инкрустированными белой пастой глазами (табл. XLIII, № 2), алебастровое яряслице (табл. XLIII, № 1) и бронзовая с несомкнутыми концами серга.

Итак, стены вскрытого строительного комплекса, которые были выявлены еще в III ярусе, закончились горизонтальным полом в конце VI яруса, т. е. на глубине 3 м от верха холма. Ниже этого строительного горизонта, в самом начале VII яруса, расчищены обрывки стен, относящихся к нижележащему, наиболее древнему, строительному комплексу, возведенному непосредственно на материке, который представлен аллювиальными песчаными и, отчасти, глиняными горизонтальными слоями. От бывших помещений этого строительного горизонта лучше всего сохранилась стена длиной 2,5 м и шириной 40 см, выявленная в центре раскопа и идущая по линии север—юг. Стена возведена из сырового кирпича размерами $42 \times 22 \times 12$ и $44 \times 24 \times 12$ см. Керамический материал представлен крупными и средними сосудами с округлыми слабопрофилированными венчиками, а также коническими ваза-

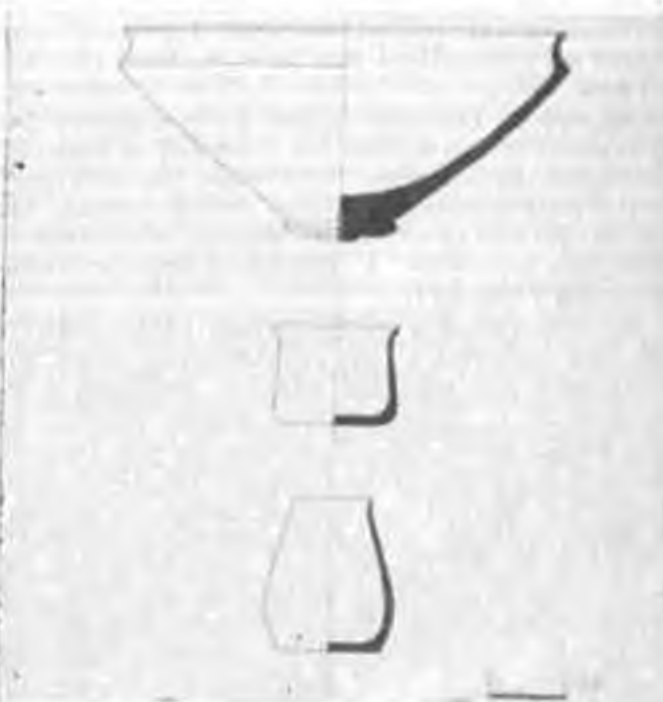

Рис. 9. Тоголок 1. Стратиграфический раскоп. Погребение № 2.

ми и ножками от высоких ваз. Среди основной массы неорнаментированной посуды выделяются 2 фрагмента, украшенные нацарапанным орнаментом (табл. XLIV).

Суммируя полученные результаты, можно считать, что поселение Тоголок 1 основано на небольшом, около 1,5 м, естественном холме.

Всего выявлено 3 основных строительных комплекса. Первый и наиболее древний соответствует стенам, выявленным в VII ярусе. Второй строительный горизонт представлен стенами помещений IV—VI ярусов с полом в конце VI яруса. И, наконец, предположительно третий строительный комплекс представлен плохо сохранившимися стенами, сильно нарушенными мощной зольной ямой.

Материал всех строительных горизонтов относится к эпохе поздней бронзы, т. е. к концу II тыс. до н. э. На это указывает весь комплекс находок, характерный для этого времени. Терракотовые женские статуэтки, аналогичные найденным в подгорной полосе Копетдага, красноречиво свидетельствуют о продолжении местных южно-туркменских традиций обитателей бассейна в древней дельте Мургаба в последних столетиях II тыс. до н. э.

Вместе с тем керамический материал верхних I—II ярусов и, в особенности, лепная посуда более соответствует посуде раннего железного века. В таком случае заключительный период в существовании Тоголок I падает на рубеж II—I тыс. до н. э., если уже не на перые века I тыс. до н. э.

К северо-востоку от главного холма располагаются 2 «квартала керамистов», условно обозначенные как северный и южный. Оба представляют небольшие всхолмления, состоящие из остатков керамических печей, вытянутых цепочкой по линии восток—запад. Тот факт, что «керамические кварталы» вынесены на окраину поселения, может указывать, что все они относятся к основному периоду существования жизни на поселении Тоголок I.

Прежде чем обратиться к рассмотрению раскопанных горнов, отметим, что все они относятся к типу двухъярусных печей, когда камера обжига устраивалась над топочной камерой, вырытой в земле. Так, керамическая печь № 1 прямоугольной формы имеет 2 камеры. Обе они разделены между собой так, что камера обжига располагается над топкой, впущенной в землю. Топка представляет собой прямоугольный котлован, вырытый в материке, стенки которого обложены кирпичом, положенным плашмя. От сильного жара былые сырцовые кирпичи прокалились и оплыли. На высоте 150 см от пола в стенках топки устроены продухи: по четырем углам и посередине длинных боковых стен, представляющих собой отверстия, наклонно идущие вверх и заканчивающиеся на уровне пода обжигательной камеры. Топочное устье расположено в северной части топки и начинается на высоте 110 см от пола. Непосредственно к западу от топочного устья располагается конструкция в виде двух рядов наклоненных друг к другу кирпичей. Внутри печь оказалась засыпанной надувным песком, под которым на полу топки находилась слежавшаяся зола толщиной около 40—45 см и небольшое количество обломков гошчарной керамики (табл. XLV).

Печь № 2, расположенная рядом с вышеописанной, отличается от нее много меньшими размерами и более плохой сохранностью. К моменту раскопок от былой печи осталась лишь часть топки подпрямо-

угольной конфигурации, пол которой находится на высоте около 50 см от дневной поверхности. Стенки представляют собой прокаленную глиняную обмазку, которой была покрыта топка, вырытая в материке. Внутри топка сохранила слой слежавшейся на самом полу золы толщиной до 20—25 см, перекрытой сверху надувным песком (табл. XLV).

Керамическая печь № 3 сохранила лишь топочную камеру прямоугольной формы, вырытую в материке. Топка изнутри аккуратно обложена сырцовыми кирпичами, положенными плашмя, сильно оплывшими к моменту раскопок до стекловидных подтеков. По четырем углам и в середине длинных сторон сделано 6 продухов, при помощи которых воздух попадал в несохраняющуюся камеру обжига. Продукты выходили на уровень пола на высоте около 120 см от пола топки. В северной части располагается устье топки, сохранившее боковые стенки в виде прокаленной глиняной обмазки. Пол устья топки был выложен кирпичом, положенным плашмя и находившимся почти на дневной поверхности; устье имеет слабый наклон в сторону самой топки (табл. XLV).

Керамическая печь № 4 сохранилась хорошо, на уровень пола обжигательной камеры. Как и предшествующие, она имеет прямоугольную форму; топка вырыта в тапировом материке. Стенки топки аккуратно выложены стандартными сырцовыми кирпичами размером 42(44)×22×14 см, к моменту раскопок оказавшимися сильно обожженными и оплывшими в результате жара. В четырех углах и посередине обеих длинных и одной (противолежащей от устья топки) короткой сторон имеются продухи, поднимающиеся наклонно от стенок топки вверх и заканчивающиеся на уровне пода обжигательной камеры. Под обжигательной камерой образован за счет того, что на длинные стенки верхней части топки положены наклонно стоящие кирпичи навстречу друг другу, а между ними поставлен «замковый» кирпич.

Таким образом, полученная конструкция представляет собой ложный свод, состоящий из трех кирпичей: два боковых наклонных и один горизонтально стоящий, «замковый», между ними. Зазоры между кирпичами обильно обмазаны жидкой глиной так, что вместе с кирпичами свода они образуют горизонтальную площадку самого пода обжигательной камеры. Местами сохранились стенки камеры обжига, дающие возможность реконструировать не только ее форму, но и общие размеры, достигавшие 180×200 см. Топочное устье, откуда топка загружалась дровами, представляет собой длинный лаз, выложенный кирпичом и наклонно спускающийся от дневной поверхности в топку. К моменту раскопок топка снизу оказалась заваленной плотно слежавшейся золой, поверх которой идет слой надувного песка, фиксируя период завуствения. Показательно, что топочное устье, в противоположность рядом расположенным печам, находится не в северной, а в юго-восточной части топки (табл. XLV).

Таковы гончарные печи, раскопанные в южном квартале керамистов. Обратимся к результатам раскопок северного квартала керамистов, начиная с рассмотрения гончарного горна № 5 (табл. XLVI). Это небольшая печь, сильно разветвленная, сохранилась на уровне топки. Топ-

ка была вырыта в тапировом материке, и выложена изнутри кирпичами. В четырех углах и в середине длинных стен устроено 6 продухов, поднимающихся наклонно вверх и некогда заканчивавшихся на уровне пода камеры обжига. В западной части устроено топочное устье в виде слабо наклонного лаза, обмазанного глиной. Внутри топка оказалась заполненной золой с большим количеством фрагментов, в том числе бракованной керамики.

Керамический горн № 6 северного квартала сохранился достаточно хорошо (табл. XLVI). Это также прямоугольная в плане печь, топка которой была вырыта в тапировом материке, выложенная изнутри кирпичами. По всем четырем углам и в середине длинных стен топки устроено 6 продухов, которые, поднимаясь вверх, заканчиваются на уровне пода камеры обжига. Под образован за счет двух наклоненных друг к другу кирпичей, между которыми зажат замковый кирпич. В свою очередь кирпичи свода опираются на боковые стенки верха топки, и все вместе они образуют ложносводчатые перекрытия, собственно под камеры обжига. Хотя стенки камеры обжига не сохранились, устья продухов фиксируют ее общую площадь, которая достигает приблизительно размеров 220×180 см. Вход в топку расположен в южной части в виде узкого горизонтального лаза, сохранившего растрескавшуюся от жара глиняную обмазку, причем удалось установить, что высота загрузочного лаза не превышала 30 см.

Керамическая печь № 7 отличается большими размерами и относительно хорошей сохранностью. К моменту раскопок сохранилась лишь топка, некогда впущенная в материк и выложенная изнутри сырцовыми кирпичами. Показательно, что в данном случае кирпичи поставлены не на ребро, а плашмя, что, бесспорно, делало стенки топки более основательными и устойчивыми. Не исключено, что это было связано с огромными размерами горна, камера обжига которого достигала 300×220 см так, что конструкция пода требовала основательных опорных стен, на которые опирались бы кирпичи ложного свода, образующего под камеры обжига. По четырем углам и посередине каждой из трех сторон топки устроены сквозные продухи, которые, поднимаясь вверх, заканчивались на уровне несохранившегося пода. Топочное отверстие устроено в восточной стороне печи и представляет собой горизонтальный лаз высотой около 50 см. Внутри топки на полу лежал толстый слой уплотненной золы, перекрытый сверху надувным песком (табл. XLVI). Среди обломков керамики, типичных для эпохи поздней бронзы, имеются явно бракованные фрагменты. Рядом с печью, на поверхности, найдена терракотовая статуэтка двугорбого верблюда.

Четыре печи раскопаны на верху центрального холма и таким образом они относятся к последнему периоду жизни памятника Тоголок I. Два из них — № 8 и 9, представляют собой небольшие круглые в плане углубления, вырытые в культурном слое и обмазанные изнутри глиной (табл. XLVII). Отнесение их к печам следует считать условным, так как, хотя стены их и несут следы интенсивного влияния жара, ни топочных устьев, ни, тем более, пода обжигательных камер обнаружено не было. Тем не менее, учитывая их плохую сохранность, можно

допустить, что это были печи, верхние части которых оказались полностью разрушенными процессами дефляции.

Керамическая печь № 10 прямоугольная в плане сохранила лишь топку, вырытую в культурном слое холма. Стены ее сильно ошлакованы от воздействия жара, в четырех углах сохранились продухи: топочное отверстие обнаружено не было, оно, видимо, разрушено естественными процессами дефляции.

Керамическая печь № 11 также расположена на склоне холма Тоголок I, от которой сохранилась лишь треугольная топка, вырытая в толще культурных наслоений. Внутри она выложена кусками кирпича и обмазана глиной. К моменту раскопок сохранилось лишь 2 продуха в углах топки, 2 других продуха оказались полностью разрушены процессами дефляции. Внутри топка заполнена золой, выше которой — слой падуваного песка, фиксирующий период заброса.

Заканчивая обзор керамических печей (табл. XLVII), следует отметить, что они занимают промежуточное положение между более ранними (эпохи бронзы) и последующими — ахеменидского времени. Более ранние печи (исключая одну в южной части, как это можно судить по Гонур I), также двухъярусные, но с опорным столбом в центре топки, на который опирался под камеры обжига. Тоголокские печи демонстрируют более прогрессивную конструкцию, когда возведение ложносводчатого свода исключало устройство опорной стенки, и тем самым в топке оставалось много больше места для топлива. Дальнейшим развитием новой прогрессивной конструкции горнов служат ахеменидские печи, также, как правило, без опорных столбов. Из этих наблюдений (помимо других) можно сделать вывод, что и само поселение Тоголок I относится к несколько более позднему времени, чем памятники Гонурского оазиса.

Керамика Тоголок I, помимо той, что была найдена в стратиграфическом раскопе, представлена фрагментами с поверхности памятника, среди которых выделяются вазы и кубки на ножках. В целом этот керамический комплекс близок гонурскому периоду, с той лишь разницей, что здесь преобладают не полые, а с небольшим воронкообразным углублением снизу ножки. Некоторые фрагменты керамики сохранили нацарапанный орнамент в виде горизонтальных рядов заштрихованных треугольников, растительный орнамент, возможно, передающий рисунок деревьев, а в одном случае имеется отпечаток крестообразной печати (табл. XLVIII, № 10). Один толстостенный фрагмент сохранил внутри изображение животного, но выполненное очень схематично. 3 фрагмента сероглиняных сосудов также частично сохранили рисунки треугольников, заполненных внутри зигзагообразными линиями.

В единичных экземплярах представлены сосуды со сливками. 2 длинных, открытых сверху слива сохранили в одном случае обломанный «мостик», а в другом — простой выступ; такие «мостики» соединяли сливы с венчиками самого сосуда. Один слив выполнен в виде морды животного с торчащими вверх ушами (табл. XXI, № 16).

С поверхности памятника происходят округлые и биконические «спрессованные», иногда украшенные углубленным кружковым орнаментом;

керамические шарики со сквозными отверстиями, возможно, служили украшениями.

Мелкая терракотовая пластика Тоголок I представлена как антропоморфными, так и зооморфными статуэтками. Помимо уже упомянутых из стратиграфического раскопа, с поверхности памятника пролезают около 20 фрагментов женских статуэток. Все они выполнены в условно-плоскостном стиле. Головы с длинными носами и преувеличенно большими ромбовидными глазами в ряде случаев сохранили высокие расширяющиеся кверху короны. В других случаях головки не имеют ни корон, ни причесок. Руки, как правило, широко расставлены в стороны, спереди на торсе вмяются небольшие конической формы груди. На отдельных образцах на длинной шее изображены нацарапанные «ожерелья» углом вниз. Узкая талия переходит в широкие бедра, украшенные нацарапанными горизонтальными линиями. Ни одна статуэтка не сохранила целой свою нижнюю часть; думается, что все они внизу загнуты вперед, чем передавалась общая сидячая поза. Два женских торса сохранили на плечах нацарапанные знаки в виде «елочки». Особого интереса заслуживает статуэтка (см. табл. XXI, № 8), выполненная несколько необычно: она объемно-плоскостная, концы расправленных рук слегка загнуты вперед, нижняя часть вместо обычных пышных бедер заканчивается уплощенным основанием. На шее сохранилась нацарапанная кольцевая полоса с каменными шишечками спереди и из сплюс; последние, возможно, изображают амулеты, навешанные на шнурок. В единичных образцах представлены антропоморфные фигурки от культовых сосудов с вытянутыми вперед руками.

Зооморфные статуэтки представлены несколькими экземплярами. Некоторые из них выполнены очень схематично и, судя по сохранившимся следам, служили скульптурными фигурками культовых сосудов. Две статуэтки передают образ двугорбного верблюда, однако принадлежат ли они также культовым сосудам, судить трудно.

Один такой целый культовый сосуд (табл. XLIX) был обнаружен в 1974 г. на крепости Тоголок I и уже опубликован¹⁰. Напомним лишь, что на бортике его идет целая процессия скульптурных фигурок в виде животных, птиц и людей. Внутри находилось 5 миниатюрных сосудиков, включающих чайничек, вазочку на ножке, 2 кружки, мисочку. Все вместе это дало основание высказать мнение, что этот «питьевой» набор возможно действительно был связан с культовыми возлияниями, наподобие опьяняющего напитка типа хаомы. Осталось добавить, что помимо Марганин, аналогичные культовые сосуды распространены были в Бактрии, где они изредка помещались в могилы. Наконец, I такая скульптурная фигурка животного, прикрепленная к венчику, известна в Белуджистане.

Каменные изделия немногочисленны и представляют фрагменты миниатюрных сосудиков, преимущественно выточенных из светлых пород камня, главным образом алебастра. Выделится вазочка из белого с прожилками алебастра (см. табл. IV, № 1) на длинной ножке с непропорционально маленьким резервуаром, аналогичная такой же с

Токур 1. Темный стеатит использовался для изготовления ставших уже обычными биконических бус с кружковым орнаментом по 2—4 (но чаще по 3 кружка) на каждой плоскости. В единичных образцах представлены обломки стеатитовых сосудов, в том числе украшенных нащарапаным и кружковым орнаментом. Всего несколько экземпляров представлены кремневые наконечники стрел лавролистной формы с двусторонней ретушью.

Среди немногочисленных украшений можно отметить мелкие бусины и пронайки из лазурита и сердолика, а также вставки с зубчатыми краями. Из белого камня изготовлены 2 амулета со сквозными отверстиями, а из темного стеатита—квадратная пуговицная печать с частично сохранившимся углубленным орнаментом. Здесь же отметим находку стеатитового амулета с двусторонним гравированным орнаментом в виде крылатого льва с нависающей под животом рептилией, которой на другой стороне соответствует четырехлепестковая розетка. С поверхности главного холма пролежит обломок цилиндрической печати, изготовленной из светло-серого камня с частично сохранившимся изображением, предположительно, крыльев летящих орлов. По мнению П. Амье, эти стилизованные изображения ближе всего напоминают нешумерийские из Телло¹¹. Из черного камня выточена скульптурная фигурка лгушки (см. табл. I, № 8), найденная на поверхности главного бугра, которая, судя по сквозному отверстию, также является амулетом, близко напоминающую аналогичную из Сапалли-тепе¹². Фигурка выполнена весьма реалистично со сложными задними ногами, кожа на спине показана «разводами», на голове сохранились глаза.

Металлические изделия, помимо встреченных в шурфе, представлены стержнями, овальными и квадратными в разрезе с обоями заостренными концами. Следует отметить целый гладкий браслет с несоизмеримыми концами и обломок витого браслета, а также шпильку «гвоздя». Одна целая булава сохранила наверху в виде «копытца», прямые аналоги которой имеются в Бактрии.

Кроме столбчатого Тоголок 1 вокруг него располагаются еще поселения, но много меньших размеров.

Поселение Тоголок 2 состоит из 2 холмов, соединенных неширокой пониженной седловатой. Один из них имеет размеры 100×100 м при высоте 2,7 м, второй — 100×90 м при высоте 1,5 м. В юго-восточной части находятся группы вынесенных за пределы поселения гончарных горнов. Керамика относится к эпохе бронзы; помимо нее найдены керамические подставки, стеатитовый сосуд в виде почки, аналогичные бактрийским¹³ кремневые наконечники стрел, статуэтки животных и в том числе двугорбого верблюда, терракотовая печать с крестовидным орнаментом, фрагмент женской статуэтки и стенка сосуда с петлевидной ручкой. Встречены единичные фрагменты керамики андроновского типа.

Поселение Тоголок 3 вытянуто с севера на юг — 450 м при ширине 250 м; наивысшая точка — 1,9 м. Ядро поселения составляет холм 350×200 м с аморфными шейфами; в восточной части отдельной группой располагаются горы. Помимо керамики эпохи брон-

зы (чайники с носиками, вазы на высоких ножках) найден амулет, выточенный из красного камня с гравированными изображениями тигров и змей¹⁴. Наряду с гончарной керамикой имеются фрагменты лепной посуды степного круга, наконечники стрел, статуэтка животного с напарпанной гривой, предположительно, изображающая льва.

Поселение Тоголок 4 частично засыпано надутым песком; приблизительные размеры—150×130 м при высоте 1,4 м. Среди обычного керамического материала имеются фрагменты с напарпаным орнаментом, статуэтка животного от культового сосуда, кремневые наконечники стрел.

Поселение Тоголок 5 имеет размеры 30×40 м; частично скрыто под надутыми песками. На его поверхности найдены фрагменты керамики эпохи бронзы, остатки 2 гончарных печей и керамических шлаков.

Поселение Тоголок 6 вытянуто с севера на юг — 300 м при ширине 200 м и высоте около 4 м. В южной части располагаются прямоугольной конфигурации гончарные горны, вынесенные за пределы поселения, на поверхности их имеются шлаки и обожженные кирпичи размером 45×22×15 см. На западном склоне найден полуразвеянный костяк на правом боку со скорченными ногами и согнутыми руками, головой на запад. Около головы прослеживаются остатки почти полностью развеянных сосудов: ваза простая и 2 кринки, относящиеся к эпохе бронзы.

Поселение Тоголок 7 вытянуто с севера на юг — 200 м при ширине 100 м и высоте около 1 м. Развеянная керамическая печь прямоугольной конфигурации имеет размеры 100×90×75 см. Помимо керамики эпохи бронзы встречены каменные биконические пряслица, обломок каменной вазы, терракотовая печатка.

Поселение Тоголок 8 состоит из двух холмов общим размером 160×100 м при высоте 1,65 м, вытянутых по оси север—юг и разделенных седловиной шириной около 50 м. В южной части на расстоянии 25—30 м от окраины поселения располагаются гончарные горны, шлаки. Среди керамического материала имеются вазы на ножках и чайники с носиками, а также единичные фрагменты керамики адрионского типа. Найдены печатка из белого камня и крупная стеатитовая биконическая бусина с кружковым орнаментом.

Поселение Тоголок 9 представляет россыпи керамики на тапире общими размерами 500×300 м, состоящие из блинообразных всхолмлений до 0,5 м высотой. Гончарные горны вынесены на окраину и составляют особые «кварталы». Помимо керамики эпохи бронзы найдены терракотовые женские статуэтки, каменные пряслица, пуговичная печатка с изображением змеи, кремневые наконечники стрел, а также терракотовая печать с сетчатым орнаментом.

Поселение Тоголок 10 — небольшой, но высокий холм размером 100×100 м при высоте 2,6 м. Помимо обычной керамики эпохи бронзы встречены медно-бронзовая булава, алебастровая биконическая бусина, фрагмент женской статуэтки, обломок каменной бусины, кусочек золотой фольги.

Поселение Тоголок 11 представляет слабо выраженное в рельефе всхолмление высотой до 0,5 м размерами 400×250 м. Местами прослеживаются остатки гончарных горнов. Керамика относится к эпохе бронзы; помимо нее найдены амулет с рисунком в виде вихревой розетки, обломок бронзовой печати, белая пастовая вставка.

Поселение Тоголок 12 состоит из холма, вытянутого с севера на юг — 200 м при ширине 120 м и высоте около 2,5 м. К юго-западу от холма располагается поселение, от которого сохранилось лишь несколько бугорков со средними размерами 50×30 м при высоте 0,5 м, между которыми прямо на такыре прослеживаются россыпи керамики. Общие размеры памятника — 300×200 м. Судя по керамическому материалу, памятник относится к позднебронзовому времени; помимо гончарной посуды встречены фрагмент лепной керамики стенового типа и ручка с накольчатым орнаментом.

Поселение Тоголок 13 состоит из 3 бугров, между которыми прямо на такыре прослеживаются россыпи керамики, в том числе единичные фрагменты лепной посуды стенового типа. Северный бугор размером 100×100 м при высоте 1 м, западный — 150×100 м при высоте около 0,4 м, восточный бугор — 100×100 м при высоте 0,3 м. Помимо обычной керамики эпохи бронзы встречен амулет из темного слатита (см. табл. V, № 19) с изображением быка и атакующего его дракона и антилопы, сзади на которую бросается, предположительно, дракон.

Поселение Тоголок 14 засыпано песком, так что в настоящее время его сохранность составляет 100×80 м, возможно, действительные размеры памятника достигали 350—400 м в диаметре. Среди обычного керамического материала имеются носики с «мостиком».

Поселение Тоголок 15 сильно развезено процессами дефляции и состоит из двух частей. В южной части — слабо выраженное блинообразное всхолмление размером 200×100 м при высоте до 0,5 м. Отмечены керамические горны, материал относится к эпохе поздней бронзы. Вторая часть расположена за высокой барханной грядой, причем ее размеры достигают 300×200 м при высоте 0,5 м. По существу, основная часть поселения не сохранила культурного слоя, а представляет собой россыпь керамики на такыре, что указывает на его сравнительно непродолжительное время существования. Поселение Тоголок 15 выделяется среди других еще и тем, что на его поверхности, наряду с обычной керамикой эпохи поздней бронзы, имеются единичные лепные, в том числе расписные, фрагменты керамики типа позднего Яз I. Эти обстоятельства указывают на короткий период существования жизни на этом конкретном памятнике. А между тем, здесь венчики гончарной керамики приобретают подтреугольную форму, а дощца имеют резкий перегиб; данные признаки более характерны для раннежелезного периода. На это же указывает и техника ангобирования преимущественно верхних частей сосудов, что также более характерно для керамического комплекса раннежелезного времени. Но на Тоголок 15 практически еще нет банкообразных сосудов с подкошенным дном, этой

наиболее типичной керамики середины I тыс. до н. э. Наряду с этим на поверхности Тоголок 15 встречены антропоморфные статуэтки, зооморфные фигурки от культовых сосудов, каменная будала, бронзовый наконечник стрелы. Не исключено, что комплекс материальной культуры Тоголок 15 относится уже к раннежелезному, но еще доахеменидскому времени.

Поселение Тоголок 16 — россыпи керамики на тапире, большая часть которой засыпана песком, так что сохранившаяся часть составляет 100×80 м. Найдено несколько керамических горшков, среди обычного керамического материала выделяется серая посуда в виде кубков и хумча, а также лепные расписные фрагменты типа Яз 1. Встречен открытый слан с «мостиком», со сквозным горизонтальным отверстием сверху.

Поселение Тоголок 17 полузасыпано надутым песком так, что сохранившиеся размеры не превышают 80×70 м при высоте около 1,2 м. Керамика относится к эпохе бронзы; встречены разбитые сосуды из былых погребений, а также единичные обломки лепной керамики слепного типа.

Поселение Тоголок 18 полузасыпано надутыми барханами так, что сохранившаяся часть не превышает 60×50 м при высоте около 0,8 м. Керамический материал относится к эпохе бронзы.

Поселение Тоголок 19 — небольшое, частично засыпанное надутым песком, размером 40×50 м при высоте около 0,5 м. Наряду с керамикой эпохи поздней бронзы, среди которой имеются единичные вожжи от ваз, встречены лепные, в том числе расписные черепки типа позднего Яз 1.

Поселение Тоголок 20 вытнуто с севера на юг и состоит из центрального холма размером 200×120 м высотой около 2 м. Керамика относится к эпохе поздней бронзы, наряду с чем имеются лепные, в том числе редкие расписные черепки типа Яз 1; на наивысшей точке холма в большом количестве имеется керамика «ахеменидского» времени. Встречены фрагменты антропоморфных статуэток, каменный трехгранный амулет с сильно стертymi изображениями, в том числе извивающейся змеи, фрагменты стегитовых сосудов.

Поселение Тоголок 21 состоит из 2 невысоких холмиков, высота которых не превышает 1 м от уровня окружающей поверхности. Расстояние между всхолмлениями — около 200 м, а разделяет их ровный участок тапира, на котором, почти смыкаясь, соединяются керамические шлейфы, состоящие из мелких кусочков разбитой керамики. Северное всхолмление подтреугольной конфигурации густо усыпано керамикой. На его окраинных частях обнаружено 3 почти полностью разбитыми процессами естественной дефляции захоронения с остатками погребальных сосудов.

Среди находок с поверхности северного всхолмления выделяется ромбической формы амулет из темно-красного камня с изображением на одной плоскости кусающихся рогатых змееподобных драконов, а на другой — сидящего крылатого животного с повернутой назад птичьей головой, предположительно грифона¹⁹. Шурф размером 2×1 м, зало-

женный на наивысшей точке этого холма, выявил толщу культурного слоя мощностью 0,8 м.

На юго-восточной окраине северного всхолмления прослеживаются остатки керамических горнов, один из которых был полностью раскопан. Это — наиболее крупная гончарная печь из известных в Марглане (табл. I, № 1). Прямоугольная топка врыта в материк (длина — 3 м, ширина — 1,5 м). Изнутри она аккуратно облицована кирпичами, в момент раскопок кирпичи были сильно ошлакованы, в верхней части топки — 2 наклонно стоящих кирпича, между которыми помещен «замковый» кирпич. В результате получилось сводчатое перекрытие, одновременно служившее подом обжигательной камеры размером 5,5×4,5 м. Из топки наклонно вверх идут 9 продухов, причем каждый имеет по 2 отверстия, что увеличивало жаропроницаемость продухов и подачу горячего воздуха в камеру обжига. С западной стороны — отверстие, через которое топка загружалась дровами. Раскопанная печь относится к типу двухъярусных горнов, когда камера обжига располагается над топкой. Огромные размеры горна предполагают изготовление одновременно большой массы керамической продукции, а отсутствие опорного столба в топке — о высокой прогрессивной технике развития местного гончарства. В предшествующий период, как можно судить по памятникам Гонурского оазиса, гончары еще не умели перекрывать топки ложным сводом и полы камер обжига опирались на опорные столбы внутри топки (табл. LI, № I; табл. LII).

На западной окраине северного всхолмления раскопан другой участок, связанный с гончарным производством. Здесь в центре располагаются 2 прямоугольные керамические печи, в восточной части — остатки двух помещений (предположительно, гончарной мастерской). Печи небольшие, двухъярусные, от которых сохранились лишь топки. Большая из них имеет топочное устье в восточной стороне, в южной располагается «ванночка» не совсем ясного назначения (табл. LI, № 2; табл. LIII).

Наконец в 300 м к западу от Тоголок 21 среди небольшой россыпи керамики на takyре раскопана еще 1 прямоугольная керамическая печь, сильно ошлакованная внутри. К моменту раскопок сохранилась лишь предполагаемая топка на глубине 1 м, но без топочного отверстия, через которое загружались дрова.

Рядом с северным всхолмлением располагается второе, южное, общим размером 130×150 м при высоте 0,7—0,8 м, полностью раскопанное в сезоны 1983—1986 гг. Уже в ходе поверхностного обследования установлено, что здесь располагается монументальный архитектурный комплекс. На юго-восточной окраине через небольшое понижение находится отдельно стоящий маленький холмик, сплошь состоящий из черной земли. На восточном склоне встречены остатки медеплавильного производства.

Для удобства изложения ниже приводятся описание находок, происходящих с поверхности южного холма, в то время как материалы раскопок освещены во второй части настоящей работы. Вместе с тем следует оговорить, во предметы, происходящие с поверхности памят-

ника, по существу могут считаться, учитывая сильную эрозию, относящимися к верхнему его слою, который с момента залуствения никогда уже не обживался.

Керамика с поверхности Тоголок 21 практически полностью относится к комплексу, характерному для Тоголок I, с той лишь разницей, что здесь встречен всего 1 расписной фрагмент типа Яз I, да и то на окраинной части шлейфа поселения. Среди обычной гончарной керамики — около 10 фрагментов с нацарапанным орнаментом в виде горизонтальных рядов заштрихованных треугольничков, в одном случае орнамент выкопан накольчатой техникой; 2 фрагмента частично сохранили конфигурацию, хотя и сильно оплывшую. Судя по микрорельефу, здесь изображение дерева, на дощце серогаляниного сосуда нацарапан крест, в другом случае такой же крест отгиснут штампом на придонной с песчаной подсыпкой части; 2 лепных фрагмента красного теста сохранили соответственно накольчатый и зубчатый орнаменты.

Четыре открытых слива от гончарных сосудов имеют специальные «мостики», при помощи которых они соединялись с венчиками. Среди нескольких фрагментов от антропоморфных статуэток южно-туркменштанского типа выделяются 2 со знаком «солнца» и «дерева»; 1 торс не сохранил налепных грудей и, возможно, изображает мужской персонаж, руки которого не расставлены в стороны, а, напротив, сложены на поясе. В верхнем слое встречено «ситечко» — полусферическая чашечка со сквозными отверстиями на дне.

Объемная антропоморфная статуэтка сохранила схематичное, еле намеченное лицо и вытянутые вперед, в «позе широкого объятия», руки и, скорее всего, принадлежит культовому сосуду. Вторая такая же объемно выполненная статуэтка сохранила торс со слегка разведенными руками и бугорком в низу живота, что указывает на изображение мужского персонажа. Нижняя часть сохранила следы бесспорного прикрепления статуэтки к венчику культового сосуда. Скульптурными фигурками культовых сосудов являются зооморфные статуэтки, выполненные настолько условно и обобщенно, что с уверенностью можно говорить лишь о горбатом быке и двугорбом верблюде; остальные изображают предположительно мелких хищников. Все они сохранили снизу бесспорные следы прикрепления к бортикам культовых сосудов. Биконические глиняные прислица, шарики, фрагменты конических изделий, колечко с отверстием сбоку, как на Гонур I, дополняют керамические поделки с поверхности памятника.

Среди каменных изделий выделяется обломок павершия булав, выточенной из черного камня с орнаментом из извивающихся лент, предположительно змей. Из темного стеатита изготавливали биконические бусины, в том числе с кружковым орнаментом. В одном случае такая бусина украшена зубчатым орнаментом, но еще в древности оказалась сильно стертой. Имеются точно такой же формы конические бусины, изготовленные из белого алебастра, но, как правило, без кружкового орнамента. Из того же черного стеатита выточены фрагменты миниатюрных сосудов полусферической формы со слабопрофилированными венчиками и плоским выделенным дном. 2 экземпляра сохранили

уплощенные венчики, опоясанные снизу рельефными кольцевыми поло-сами; обломок предположительно косметического флакона украшен рез-ным кружковым орнаментом.

Из белого мрамора изготовлена ваза на длинной ножке с непро-порционально малым резервуаром; аналогичные вазы известны из раскопок кремля Гонура, Бактрии, Шахдада. Этот же камень исполь-зовался для изготовления миниатюрных сосудов и украшений, печаток-амулетов розетковидной формы с орнаментом выемчатой техники. Мяг-кий белый камень использовался для изготовления цилиндрического амулета, который, однако, оказался незаконченным, т. к. при сверле-нии сквозного отверстия частично обломался и был выброшен; на за-глаженных плоскостях нет обычных в таких случаях гравированных изображений. Из светлого с желтоватыми прожилками камня выточе-на так называемая пуговичная печать с крестовидным орнаментом; сердолик использовался для изготовления цилиндрических и боковид-ных провизок. Среди этих украшений выделяются 2, выточенные из белого мягкого камня. Одно имеет вид миниатюрного гриба (см. табл. XXX, № 22), шляпка которого украшена резной розеткой, напомина-ющей аналогичное изделие с Гонур I и, в еще большей степени, из-делие из Чаху Даро¹⁵. Второе изделие — миниатюрная фигура каба-на; аналогичное изделие происходит с поверхности Гонур I, а вместе они являются амулетами.

Кремневые изделия представлены наконечниками стрел лавролист-ной формы, в том числе с выделенным черешком; известна лишь 1 кремневая пластина.

Металлические изделия представлены как целыми, так и фрагмен-тами их: целая булавка, заканчивающаяся утолщением с обеих кон-цов, обломками других булавок и округлыми навершиями. С юго-вос-точной окраины поселения, где отмечены остатки медеплавильного про-изводства, происходит небольшая печать, отлитая в виде хищника ко-шачьей породы; с тыльной стороны сохранилось выпуклое изображение этого же животного, проработанное чеканкой (см. табл. V, № 20). Кро-ме того, встречены фрагменты шильев, проколов, браслетов, а также миниатюрное слегка изогнутое лезвие с тонким черенком.

На западном склоне холма, по-видимому, из разведанного погребен-ия, происходят миниатюрные фигурные костяные вставки, выточенные в виде зубчатых треугольников и трехлистников; все они, очевидно, — викрустации, как это документально установлено для Бактрии.

Поселение Тоголок 22 — россыпи керамики на такыре от былого поселения с примерными размерами 500×100 м, при высоте около 0,5 м на месте остатков былых гончарных горнов. Практически культурный слой отсутствует, среди керамики эпохи поздней бронзы встречены единичные мелкие расписные черепки типа Яз I (табл. LIV). Имется обломок терракотовой фигурки животного от культового со-суда.

Поселение Тоголок 23 вытянуто по оси север—юг до 100 м при ширине 70 м. Культурного слоя нет, памятник фиксируется рос-сыпью керамики на такыре, доходящей и почти смыкающейся с шлей-

фами керамики стодичного Тоголок 1. Материал представлен как гончарной керамикой эпохи поздней бронзы, так и лепной посудой типа позднего Яз 1, хотя расписных образцов не найдено (табл. LIV).

Поселение Тоголок 24 сильно разрушено строительными работами, вытнуто по линии север — юг, с примерными размерами 180×100 м; оно полуразрушено процессами естественной дефляции так, что культурный слой лишь местами достигает 0,3—0,4 м толщины, а большей частью его совсем нет. Только россыпи керамики на такыре отмечают местоположение бывшего поселения. Среди подъемного материала, в основном керамики эпохи поздней бронзы, найдена медная печь с изобразительными свастикой, алебастровая полусферической формы бусина, украшение с кружковым орнаментом.

Во время строительных работ нарушено не только бывшее поселение, но и могильник, который располагается на его северо-восточной окраине (табл. LV). Именно здесь зафиксированы отдельные группы керамики, частично принадлежавшие древним погребениям (табл. LVI—LVII). В ряде случаев рядом с такими группами керамики найдены скелеты или их остатки, которые могли быть полностью разрушены и перемещены со своего места тракторами. Вместе с тем, учитывая тот факт, что местные племена достаточно широко практиковали захоронения типа кенотафов, можно допустить, что часть таких групп керамики принадлежит именно кенотафным захоронениям. Как бы то ни было, все такие группы керамики получили свои порядковые номера, независимо от того, являлись они погребальными приношениями или нет. Осталось добавить, что могильник Тоголок 24 устроен в песчаном материке, образованном аллювиальными дельтовыми наслоениями древнего бассейна дельты р. Мургаб. Всего зафиксировано 28 развалов керамики, вшуренных в песчаный материк. Помимо дообследования на могильнике заложен раскоп, выявивший погребения № 1, 2, 3, 7, 13.

Осталось отметить, что в пахоте на территории могильника найдены бронзовые браслеты, булавки (табл. LVIII), обломок зеркала и целый бронзовый сосудик полусферической формы. Закончивая обзор, отметим, что в системе вскрытого могильника выявлены погребальные камеры-гробницы. Особенно показательны захоронения баранов в таких гробницах, причем в одном случае анатомически целый скелет барана находился не внутри гробницы, а с внешней стороны (табл. LIX). Не исключено, что их главное назначение — в стремлении предельно оградить покойников от возможных нарушений, т. к. могильники по необходимости устраивались не в твердом лессовидном такыре, а в рыхлых аллювиальных отложениях древней дельты р. Мургаб.

Поселение Тоголок 25 выделено по россыпи керамики на такыре размером 150×100 м. Керамический материал представлен как гончарной посудой эпохи поздней бронзы, так и единичными мелкими, в том числе расписными фрагментами; имеются обломки керамики «каменадского» времени. Встречены ручки от лепных котлов, поставленных горизонтально у бортика и вместе с тем маленькие ручки, стоящие вертикально с отверстием, напоминающие аналогичные из подгорной полосы Копетдага. Имеются донца с отверстием в центре, сливы от

«соусников». Бронзовая печать, обломки алебастровых сосудов, антропоморфная статуэтка дополняют общую коллекцию памятника. В одном месте на окраине поселения располагаются остатки горнов и рядом — ошлакованные кирпичи «необычного» размера — $35 \times 17 \times 7$ см.

Поселение Тоголок 26 полностью перекрыто надутым песком так, что культурный слой практически не сохранился. Наряду с гончарной керамикой эпохи поздней бронзы имеется единичный лепной фрагмент типа Яз 1, хотя расписные образцы не найдены.

Поселение Тоголок 27 представляет россыпи керамики на такыре размером 50×40 м. Перекрыто надутым песком. Вместе с гончарной посудой имеется лепная, в том числе расписные, а также сероглиняные фрагменты типа позднего Яз 1.

Поселение Тоголок 28 — верхняя часть большого холма, почти полностью засыпанного песком. Керамика относится к эпохе поздней бронзы.

Поселение Тоголок 29 — холм размером 120×80 м при высоте около 2 м, вокруг которого на такыре в радиусе до 300 м — россыпь керамики эпохи поздней бронзы. Наверху холма найден каменный амулет ромбической формы красного цвета с изображением орла в геральдической позе.

Рядом, на расстоянии 200 м к югу, располагается второй холмик размером 80×40 м при высоте около 1,5 м. На нем и вокруг на такыре — россыпь керамики эпохи поздней бронзы, в массе которой много мелких (в редких случаях, расписных) сосудов, типичных для комплексов Яз 1. Выделяется лепной сосуд грубого теста с наделшими подковообразными ручками, между которыми располагаются косональные полосы с 3—4 глубокими вдавлениями (см. табл. L, № 11), аналогия которому неизвестны.

Поселение Тоголок 30 — холм размером 120×80 м и высотой около 2 м, вокруг которого — россыпь керамики с хорошо выраженным культурным слоем на площади до 200 м вокруг. Поверхностный материал — типичный для тоголокских памятников эпохи поздней бронзы.

Поселение Тоголок 31 почти совершенно разнесено процессами естественной дефляции. Наряду с мелкими фрагментами обычной керамики эпохи поздней бронзы встречены единичные обломки посуды ручной лепки с резным орнаментом, характерным для племен степной бронзы андроновского типа. Здесь же на поверхности найдена крупная перегородчатая ажурная печать с изображением в центре скорпиона и двух птиц по бокам, близка напоминающая аналогичные из Северного Афганистана (табл. LX, № 6).

В Тоголокском оазисе имеются и другие россыпи керамики между барханами, отмечающие остатки небольших поселений, не сохранивших культурного слоя.

Тахирбайский оазис. Переходя к Тахирбайскому оазису, отметим, что поселения Тахирбай 1—4 выявлены в предыдущие годы¹⁷, однако их дообследование в 1972, 1974 гг. позволило в ряде случаев внести некоторые уточнения.

Поселение Тахирбай 1 — холм, от которого на расстоянии до 300 м тянется россыпь керамики ахеменидского времени. В юго-восточной части эта россыпь смыкается с керамикой иного культурного круга — типа Яз I, свидетельством чего является лепная, в том числе немногочисленная расписная керамика. Очевидно, что здесь располагалось поселение начала I тыс. до н. э., которое оказалось почти полностью засыпанным песками к моменту обследования. Тем не менее, учитывая, что расписные черепки были встречены в шурфе 1953 г. у основания холма Тахирбай 1, думается, что это поселение простиралось до 500 м в длину. Помимо керамики, в том числе с налетным жугом, на поверхности памятника найден бронзовый двуперый втульчатый наконечник стрелы.

Поселение Тахирбай 2 состоит из 3—4 слабовыраженных в рельефе всхолмлений размером 100×80 м, соединенных пониженными седловинами. Керамика относится к ахеменидскому времени.

Поселение Тахирбай 3 обследовано в 1955 г., когда здесь проводились первые раскопки. В 1972 г. в центре поселения был заложен раскол № 2 размером 10×10 м, в результате чего удалось выявить, что в пределы раскопа попала улочка, идущая с запада на восток, по обе стороны от которой располагаются обычные жилые помещения и обширный двор с тандыром для выпечки хлеба (рис. 10).

В помещении № 3 на полу расчищена группа целых поразительно однотипных сосудов в виде горшков с округлыми туловами (табл. LXI, № 1—18). В помещении № 1 найдена целая хумча, водкошвенная придонная часть которой имеет песчаную подсыпку; среди остальных находок выделяется ваза на высокой ножке. В массе неорнаментированной посуды встречены единичные образцы с нацарапанным орнаментом.

Вскрыв полы первого (верхнего) строительного горизонта, раскол частично углубился в нижележащий второй слой. Показательно, что в том же помещении № 3, но уже в нижележащем слое, встречена еще одна группа находок — 8 сосудов, каменный цилиндр с углублением в торце и каменный сосуд (табл. LXI, № 20—27).

Для определения общей глубины культурного слоя помещение № 3 было углублено и превращено в шурф, который установил, что толщина слоев здесь составляет 1,5 м. В юго-восточном углу в обресте раскопа

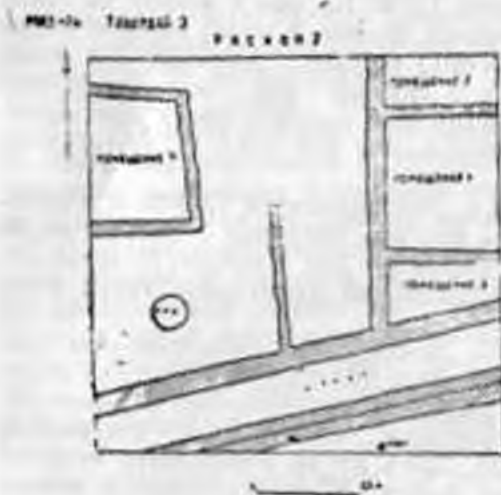

Рис. 10 Тахирбай 3. Раскол № 2. План

выявлены в одном месте бараньи кости и целый лепной орнаментированный сосуд андроновского типа¹⁹.

На окраине поселения встречено развешенное захоронение, от которого частично сохранился лишь былой погребальный инвентарь, включающий несколько сосудов типа хумча, керамическую подставку, ножку от вазы, цилиндрический кубок, обломок каменного сосуда, сердоликовый шарик, шарик черного камня, множество мелкого лазуритового бисера.

На восточной окраине Тахирбай 3 заложен шурф № 3 размером 6×2 м. На глубине 30—40 см по всей площади оконтурился горизонтальный мягкий слой мусора зеленоватого цвета; местами выявлены остатки стен из сырцового кирпича. Керамический материал этого слоя, хотя и немногочисленен, но явно относится к ахемендскому времени.

Ниже этого уровня в начале II яруса встречена лепная, в том числе расписная, керамика типа Яз 1, относящаяся к первому веку I тыс. до н. э. Еще ниже, на глубине 90—100 см, оконтурился материк. Таким образом, можно утверждать, что восточная окраина Тахирбай 3 обжита дольше всего и при этом племенами иного культурно-исторического круга.

На этой же восточной окраине по микрорельефу прослеживается своеобразный вал, идущий с севера на юг. Исследование траншеи размером 2×2 м показало, что верхний слой глубиной до 170 см сложен песком, ниже отмечаются горизонтальные прослойки с ржавеватыми прожилками. Судя по всему, траншея выявила русло реки (менее вероятно, канала): бывшая ширина которого достигала 25 м. По микрорельефу удалось проследить это русло далее на юг на расстояние до 3 км, где оно теряется в песках. Показательно, что и современные отводы от Каракумского канала к ферме Тахирбай также идут в направлении север—юг, отмечая наиболее оптимальную трассу, связанную в конечном счете с общим естественным наклоном местности.

На поверхности Тахирбай 3 отмечено несколько развешенных погребений, от которых сохранились лишь вставленные друг в друга вазы, в том числе как с широким, так и с непропорционально маленькими резервуарами, что свидетельствует об их взаимном сосуществовании (табл. LXII, № 1—9).

Находки. Помимо материалов, полученных в ходе раскопок, с поверхности Тахирбай 3 происходит коллекция находок, дополняющая общую характеристику памятника. Это — крупные биконические бусины из черного стеатита, нередко украшенные кружковым орнаментом, по 3 кружка с обеих сторон. Из темного стеатита была изготовлена печатка (к сожалению, сохранившаяся лишь частично), а также полусферическое изделие со сквозным отверстием в плоском основании.

С поверхности памятника происходят единичные наконечники стрел лавроидной формы, пластинки с ретушью. В помещении № 1 на раскопе № 2 найдено алебастровое изделие в виде длинного конуса высотой 10 см, причем на широкой торцовой части имеется углубление диаметром 1 см и глубиной 0,8 см. Отметим, что близкие по форме из-

делия найдены при раскопках Тоголок 21, где они явно являлись культовыми.

Плохо сохранившаяся керамическая печать с тыльной стороны имеет ручку, а с лицевой — как бы оттиск речной раковины. Украшения представлены весьма бедно в виде обломков каменных бусинок. Из стекловидной массы зеленого цвета изготовлена подвеска каплевидной формы со сквозным отверстием для шнура, но встречена на поверхности, а не в слое.

С поверхности Тахирбай 3 происходят медно-бронзовые изделия, среди которых выделяются височные подвески с несомкнутыми концами и булавы с простыми навершиями. Одна такая булава имеет круглое навершие и плоский стержень. Имеется плохо сохранившаяся металлическая круглая печать перегородчатого типа с геометрическим орнаментом. На окраине Тахирбай 3, где выявлены слои раннежелезного века, встречены двухперые и трехперые втульчатые наконечники стрел.

В подъемном материале встречены фрагменты гончарной керамики с пазарпаным орнаментом в виде ломаных линий, зигзагов, волнистых линий, заштрихованных треугольничков, причем, наиболее популярны орнаменты в виде ломаных линий, опоясывающих плечики сосудов. Известна сероглиняная керамика (в том числе цилиндрические кубки и «соусники»), полностью повторяющая формы обычной светлоангобированной посуды. Имеются фрагменты керамики с красноокрашенной поверхностью, выполненной небрежными мазками. Обращают внимание небольшие сосудики с как бы раздвоенными «желобчатыми» венчиками. В целом материал поселения относится к переходному периоду от поздней бронзы к раннему железу.

Добследование поселения Тахирбай 4 показало, что это была прямоугольная крепость с обводными стенами и, видимо, угловыми башнями. В юго-восточной части крепости через небольшую седловину к ней примыкает холм не совсем ясного назначения. К югу от памятника, прямо на такыре, прослеживаются остатки керамических печей, вынесенных за пределы поселения в специальное место. Не исключено, что это — остатки культового комплекса типа Тоголок 21 и, предположительно, Гонур 1.

Поселение Тахирбай 5 и 6 выявлены в предыдущие годы.

Поселение Тахирбай 7 — холм, вытянутый с севера на юг на 100 м при ширине 95 м и высоте около 1 м; в южную сторону прямо на такыре идет россыпь керамики шириной до 150 м. На западной окраине холма в одном месте располагаются не менее 10 гончарных горнов и отвалы керамического производства. В массе обычной керамики эпохи поздней бронзы выделяется сероглиняная и красноокрашенная посуда.

Поселение Тахирбай 8 — россыпь керамики на такыре размером 50×40 м при высоте не более 0,3 м. Выявлены остатки по крайней мере 5 гончарных горнов, керамика относится к эпохе поздней бронзы. Культурный слой практически отсутствует.

На поселении Тахирбай 9 выведена россыль керамики на возвышении не более 160×70 м, высотой около 0,5 м. Отмечены прямоугольной формы керамические горны, керамика относится к эпохе поздней бронзы.

Поселение Тахирбай 10 представляет россыль керамики эпохи поздней бронзы на такыре общими размерами 80×70 м. Культурный слой практически отсутствует.

Поселение Тахирбай 11 состоит из крепости размером 65×40 м и высотой в 1,5 м и примыкающего к нему на расстоянии около 300 м поселения размером 300×220 м, высотой не более 0,5 м. Отмечены единичные обломки керамики андроновского типа, стеатитовые вазы на высоких ножках, чайники, носик с «мостиком».

Поселение Тахирбай 12 состоит из холма, вытнутого с севера на юг на 150 м при ширине 100 м и высоте не более 1 м. На западной окраине располагаются гончарные горны, к востоку от холма находится слабо выраженное в рельефе поселение размером 400×250 м. Помимо типичной керамики эпохи поздней бронзы встречаются единичные обломки керамики андроновского типа, стеатитовые бусы с кружковым орнаментом.

Поселение Тахирбай 13 — слабо выраженная в рельефе возвышенность, вытнутая с севера на юг до 300 м при ширине 50—60 м и высоте около 0,3 м. На поверхности много лепной керамики (встречены единичные обломки с расписным орнаментом), гончарная посуда ахеменидского времени и черепки андроновского типа. В середине поселения заложен шурф 4×2 м, который показал, что на глубину 110 см идет мягкий песок, ниже которого — уплотненный песок с пятнами рыжеватого цвета. Таким образом, культурный слой на памятнике практически отсутствует.

Непосредственно от южной окраины Тахирбай 3 начинаются обширные россыли керамики ахеменидского времени (условно обозначенные как Тахирбай 14), разделенные небольшими пятнами такыров без следов керамики. На фоне сплошных керамических россылей имеются небольшие блинообразные возвышения до 0,5 м высотой, под названием Дашлы. Поверхностный материал наряду с типично ахеменидской керамикой содержит вазы на ножках, безусловно, отражающие керамические традиции эпохи поздней бронзы. Вместе с тем имеются и новые формы, в том числе кубки с рельефным кольцом по тулову, от которого начинается округлый поддон с плоским дном. Аналогичная форма имеется на дахистанской равнине, где она относится к ахеменидскому времени; в целом, это — материал уже раннежелезного времени, соответствующий мидийскому периоду.

Поселение Тахирбай 15 расположено среди песков, так что точные контуры и размеры его не прослеживаются. Можно лишь отметить, что с востока на запад россыль керамики прослеживается на расстоянии до 1,5 км. Шурф размером 2×2 м показал, что толщина культурного слоя не превышает 30 см и ниже его идет материковый песок.

Есть основания предполагать, что Тахирбай 15 складывался в связи с перемещением орошаемых земель далее на юг, что в свою очередь было связано с пересыханием и обмелением северной краевой дельты р. Мургаб. Более того, можно думать, что именно жители поселения Тахирбай 3 перенесли сюда свой поселок. В таком случае имеются веские основания в будущем выделить самый поздний в истории Маргианы тахирбайский период, относящийся к раннежелезному веку.

Раскопки Уч-Тепе. Три холма под общим названием Уч-Тепе впервые обнаружены еще американской экспедицией Р. Пампелди. При строительстве газопровода было частично разрушено северное Уч-Тепе — холм размером 65×70 м, высотой около 4 м. Раскоп произведен на западном участке холма, в непосредственной близости от глубокой траншеи, вырытой бульдозерами газоников (табл. LXIII). Верхний слой на глубину до 0,5 м никаких строительных остатков не выявил, а лишь 2 мусорные ямы, забитые большим количеством керамики.

Ниже под этим слоем раскоп выявил несколько помещений с широкими монументальными стенами. Среди большого керамического материала выделяется медная треугольная печать (см. табл. LX, № 3), того типа, что были распространены в Туркменистане в эпоху поздней бронзы.

Помещения связаны между собой проходами и коридорами, что указывает на существование единого строительного комплекса. В целом же, судя по толщине и регулярной планировке, думается, что вскрытый участок — часть монументального здания, возможно, резиденция местного правителя.

Стратиграфические раскопки выявили 3 строительных яруса с большим керамическим материалом, относящимся к VI—V вв. до н. э. (табл. LXIV—LXV). Помимо керамики встречен бронзовый наконечник стрелы, черешковый, двухлопастный, возможно, наконечник дротика.

Частичные раскопки южного холма Уч-Тепе 2, имеющего размеры: север-юг — 88 и восток-запад — 118 м при высоте около 5 м, выявили над ним здание, построенное на высокой кирпичной платформе, первоначальная высота которой была около 4 м. Сверху платформы удалось выявить 2 помещения, сложенных из сырцового кирпича размерами 55×29×12 и 50×35×10 см, стены и полы которых сохранили глиняную обмазку. Керамика практически ничем не отличается от Уч-Тепе северного, так что обе усадьбы существовали в одно и то же время. Возможно, не случайно на обоих памятниках группы Уч-Тепе выявлены следы пожара, но только дальнейшие раскопки уточнят этот вопрос. В целом же даже разведочные раскопки показали, что в Маргиане в ахеменидское время существовали усадьбы того же типа, что и в Бактрии типа Кызылча 6, что может, в свою очередь, указывать на общность не только материальной культуры, но и исторических судеб.

МАРГИАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Вышеприведенные данные рисуют материальную культуру Маргианы применительно к отдельным ирригационным группам или оазисам. И хотя имеются основания предполагать их различие во времени все они представляют единый археологический комплекс, хотя и обнаруживающий определенные хронологические варианты. Вместе с тем следует отметить, что маргианский археологический комплекс отличается большим консерватизмом в части его эволюционного развития, что в немалой степени объясняется расположением страны на далекой северо-восточной окраине древнеземледельческого мира.

Керамическое производство. Керамический комплекс Маргианы эпохи поздней бронзы по преимуществу представлен посудой, сделанной на гончарном круге, отличающейся высоким качеством изготовления и обжига в специальных двухъярусных горнах. Глина хорошо промешана и отмучена, кроме незначительной примеси песка. Других включений не имеет. Черепок от красноватого до розового цвета, ангоб светло-зеленый и светло-розовый. Как правило, вся керамика не орнаментирована, лишь в редких случаях имеется надараланный орнамент в виде ломаных или зигзагообразных полос, идущих непосредственно под венчиком сосудов. На этом фоне особенно показательны хотя и редкие, но всегда однотипные композиции — дерево и стоящий перед ним козел. В единичных случаях употреблялась роспись в виде кольцевых полос под венчиком. Ручки практически отсутствуют, лишь в редких случаях отмечены петлевидные ручки.

Керамические формы весьма разнообразны, наиболее распространены вазы и бокалы на высоких ножках. Широко представлены конические и полусферические чаши, кринки, горшки, миски, хумы, хумче. Кухонная посуда лепная, в глине большая примесь мелкого кварца и керамической крошки, основные ее формы — котлы, сковороды, чайники. Незначительную группу составляют сероглиняная и ручная керамика стеного типа.

Особую группу составляет лепная посуда с примесью шамота красновато-кремневого цвета нередко с «пятнами» того же оттенка. Наиболее распространенные формы — это крупные миски и открытые чаши с подкосом у дна, высокие горшкообразные сосуды с плавно отогнутыми наружу венчиками.

Наконец, в особую группу выделена немногочисленная (в том числе расписная) посуда, относящаяся к комплексу типа Яз 1.

Керамика Маргианы — едва ли не самый консервативный вид изделий в ее материальной культуре. К сожалению, исключая могильник Тоголок 24 и впущенные захоронения Тоголок 21, мы не имеем достаточно большой и представительной коллекции керамики из «закрытых» комплексов, что до определенной степени затрудняет ее общую характеристику. До получения таких данных приходится входить из пред-

положения о том, что наиболее ранний — келлелийский керамический комплекс, одним из признаков чего является посуда остроребристых форм. По существу в настоящее время имеется лишь один объективный признак, указывающий на относительную хронологию в истории существования оазисов Маргiana. Имеются в виду вазы на ножках, существующие на протяжении всех периодов, но в келлелийский они имеют глубокую конусообразной формы резервуары с простым, иногда слегка отогнутым наружу, венчиком и невысокие, но всегда полые внутри воронкообразные ножки. Наряду с гладкими в единичных случаях еще имеются гофрированные ножки. И хотя считается, что келлелийский комплекс генетически связан с керамикой периода Намазга V Южного Туркменистана, этого никак нельзя сказать о вазах на ножках, которые, например, в Алтын-депе, имеют не глубокий, а, напротив, мелкий резервуар с резким перегибом при переходе к ножке. Остается допустить, что эта ледущая форма керамики Маргiana ведет свое происхождение не прямо от керамики Алтын-Намазга, а от какого-то близкого, но иного, пока еще неизвестного нам конкретного комплекса.

В гонурский период по преимуществу продолжают бытовать такие же вазы, но постепенно венчики их приобретают тонкопрофилированную форму, а бывшие полые ножки становятся более высокими и стройными, а главное — наряду с пустотелыми ножками появляются с углублением в нижней части, доходящим только до середины ножки. Все реже отмечаются гофрированные ножки, причем гофры все более сглаживаются, как бы «вырождаются».

В тоголокский период высокие стройные вазы приобретают тонкопрофилированные венчики с изогнутой наружу закраиной, причем почти полностью исчезают полые ножки, они становятся сплошными со слабым воронкообразным углублением снизу, неизвестны в этот период и гофрированные ножки.

В тахирбайский период неожиданно появляются вазы с непропорционально мелким резервуаром, высокой полкой ножкой, нередко гофрированной, как бы возрождая керамические традиции предшествующих периодов, но уже была отмечена большая близость этих форм поднехараппским, если не послехараппским вазам долины Инда¹. Следует отметить, что выделенный признак не имеет абсолютного значения, и что главную роль здесь играет количественное соотношение тех или иных форм: в келлелийский период практически все ножки пустотелые, в гонурский — большинство составляют также пустотелые ножки, и лишь в тоголокский период по существу полностью исчезает традиция изготовления ваз и кубков на полых ножках. Очевидно, при использовании данного признака необходимо в каждом случае производить количественный подсчет, чтобы определить, какого типа ножки преобладают в каждом конкретном комплексе.

Следующий возможный хронологический признак отличает лепная, но не кухонная керамика, а представленная высокими горшками, кринками, хумча розовато-красного цвета, нередко с «пятнами» того же тона. Пока она как будто не отмечена в келлелийский период, но широко и повсеместно представлена в последующие², и если такая

картина подтвердится в будущем, то сможет служить хронологическим критерием для определения керамических комплексов Маргианы.

В этой связи особый интерес представляют сосуды с длинными открытыми сливами, соединенные с венчиком посредством полукруглого «мостика». Они пока совершенно не отмечены на памятниках железного периода, в единичных образцах известны на поселениях тонурского периода и сравнительно больше представлены в тоголокский период, где они как бы уже вырождаются, так что нередко о былом «мостике» свидетельствует лишь небольшой отросток на тыльной стороне слива.

Сливы с «мостиком» в Южном Туркменистане предшествующего времени неизвестны, исключая слой Анау III, где встречен сосуд¹, прямой аналогии которому имеются в Иране², откуда, видимо, эта керамическая форма была внесена в местную южно-туркменстанскую среду. Более полное соответствие дает керамика с Тепе Гиян, среди которой имеются не только открытые сливы с «мостиком», но и сливы, оформленные в виде голов животных³, прямо перекликающиеся с маргианскими. Известны также же носики и в Фарсе, как, например, в Тель Малаян, и хотя их точная стратиграфическая привязка остается не совсем ясной, показателем сам факт их существования. Сходство настолько близкое, что начисто исключает элемент случайного совпадения. Следующий промежуточный между Луристаном (Гиян) и Маргианой пункт фиксирует памятники Северо-Восточного Ирана и в особенности Гиссар III, где подобная керамика с «мостиком» — типична для данного периода⁴. Причем следует отметить, что в Гиссаре подобно Маргиане наряду с такими имеются сливы с коротким отростком с тыльной стороны⁵, не оставляя сомнений в реальности сопоставления конкретных керамических форм. Остается лишь отметить, что аналогичные сливы известны в Бактрии, где они нередко имеют подтреугольную «смятую», а не выгнутую форму, причем у одного такого сосуда «мостик» вылеплен в виде животного⁶. Считается, что появление сливов с «мостиком» — поздний признак, отсутствующий в раннежелезном веке I и появившийся лишь в раннежелезном веке II Ирана⁷. Однако уже отмеченные образцы такой посуды в слое Гиссар III С, никак не могут относить их существование позже первой четверти II тыс. до н. э. Если же вспомнить вышеупомянутые находки в Гияне и особенно в Джамшиди, то станет очевидной правомерность отнесения их по крайней мере к концу III тыс. до н. э. Но раннежелезный век II датируется в пределах X—VIII вв. до н. э., что явно противоречит вышеприведенным данным. Вместе с тем нет оснований сомневаться в том, что «мостики» возникают позднее, чем простые открытые сливы. И здесь мы возможно сталкиваемся с картиной, отмеченной для возрождения после долгого, многовекового перерыва полых ножек ваз в Тахирбайский период, конкретный механизм чего остается пока не совсем ясным. В свете сказанного в настоящее время можно сделать следующие выводы о конкретных керамических комплексах Маргианы, Бактрии и Северо-Восточного Ирана:

Тахирбайский период	Молалайский период	Дашлы 17, 19	
Тоголовский период	Джаркутанский период	Дашлы 1	
Гонурский период	Салахтайский период	Дашлы 3	Невазга VI
Келлейский период			Гиссар III

В целом же керамический комплекс Маргяны находит наиболее полные примы аналоги в Бактрии и затем в Гиссаре III. В меньшей степени, но вполне очевидные сходные керамические формы отмечаются в Шахдаде в единичных экземплярах Яхья IV, причем не исключено, что Восточный Иран являлся центром происхождения всего рассматриваемого керамического комплекса Бактрии и Маргяны, включая и Гиссар III. Отдельные, пока еще изолированные, местонахождения сходных типов керамики вдоль Персидского залива вплоть до Белуджистана будут рассмотрены ниже.

Уже отмечалось особое место, которое занимает небольшая и обособленная группа лепной керамики степного типа, встречаемая на древнеземледельческих памятниках Маргяны. Хотя большая ее часть происходит с поверхности таких поселений, встречена она была и в культурном слое, как, например, на Тахирбай 3. В общем виде это — лепные от руки сосуды бабочной формы, вытянутые, со слабо профилированными (в единичных случаях треугольными в разрезе), отогнутыми наружу венчиками, донца плоские. Глина, как правило, темная, почти черная с большой примесью шамота (толченая раковина, кварц, полевой шпат). Орнаментация чаще всего резная в виде елки, равнобедренных треугольников, сетки, в единичных случаях имеется зубчатый орнамент, покрывающий корпус сосуда.

В той или иной степени керамика степного типа отмечена во всех, исключая Келлейский, оазисах, а нахождение рядом с земледельческими поселениями, как например, в Аучинском и Гонурском оазисах, стоянок с подобной керамикой скорее всего свидетельствует о широких контактах земледельческих и скотоводческих племен бассейна Мургаба второй половины II тыс. до н. э.

Вместе с тем уже давно была высказана теория о кризисе древнеземледельческой культуры Южного Туркменистана в связи с вторжением воинственных кочевников с севера, когда в огне пожаров гибнут традиционные земледельческие центры. В последнее время эта внешне эффектная теория вновь рассмотрена Е. Е. Кузьминой и А. А. Ляпичем в свете новых материалов, происходящих с Мургаба¹⁰. Согласно этой теории в третьей четверти II тыс. до н. э. наступает жестокая засуха, которая приводит к иссушению древнемургабской дельты и крайней активизации эоловых процессов, т. е. к угасанию оазисов. Однако вскоре происходит некоторое увлажнение климата в четвертой четверти II тыс. до н. э., с чем связывается обживание Мургаба новым скотоводческим населением. Наступает тревожная обстановка, свидетельством чему служат крепости Аучина, Гонура, Тоголова, Тапи I и общий упадок земледельческих общин древнего Туркменистана. «Изменение

экологических условий, приведшее к кризису экономики земледельцев, способствовало продвижению в оазисы северных скотоводческих племен из освоенных ими ранее степных и полупустынных областей»²¹.

Искусственный характер этой теории сразу же бросается в глаза при рассмотрении приведенной авторами аргументации в свете конкретного археологического материала. Так, полностью противоречат прямым археологическим фактам утверждение, что массовое обживание мургабской дельты происходит в эпоху развитой, а не поздней бронзы. В еще большей степени это касается утверждения, что в период Намалга VI «...разительно сокращается обживание дельты — вместо многих десятков памятников развитой бронзы существуют считанные единичные поднебронзовых поселений». В действительности все происходит наоборот — это время наибольшего расцвета в жизни Маргяны. И уж совсем не соответствует прямым археологическим фактам утверждение о незначительной мощности культурных слоев, якобы толщиной 1 м на Голуре (и Тап I), да еще со ссылкой на статью, где вообще нет никаких упоминаний о толще слоев данного конкретного памятника. На самом деле культурный слой на Голуре составляет 3 м, а на Тап I — соответственно 2,5 м. Но такое допущение необходимо двум авторам для того, чтобы факт наличия черепков керамики степного типа наверху песчаных гряд отнести к третьей четверти II тыс. до н. э., что в свою очередь приурочивает к этому времени и предполагаемую жестокую засуху. Но ведь точно также наверху песчаных гряд имеются и мелкие черепки, а порой и целые россыли керамической крошки с сельскохозяйственными памятниками, которые были перемещены во время ливневых бурь, сопровождаемых такими сильными ветрами, которые поднимают вверх и переносят в сторону не только черепки, но сносят с места экспедиционные палатки. И уж совсем не выдерживает критики тезис о появлении укрепленных крепостей Маргяны в связи с угрозой со стороны степных племен. Этому решительно противоречат крепости Келледийского оазиса²², построенные задолго до того, когда здесь вообще появляются степные племена, а на Тоголок 21 обводные стены обусловлены специальным назначением всего памятника. Чтобы придать предполагаемому вторжению степных племен глобальные масштабы, авторы ссылаются на «следы пожара Теккем-депе», на результаты пробных раскопок тридцатилетней давности, ошибочность которых установлена последующими многолетними раскопками, выявившими эту посуду на глубине 0,8 м от поверхности Теккем-депе²³.

Противоречат археологической ситуации и утверждение о том, что керамика степного круга «многочисленна» на памятниках эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана и Маргяны²⁴. Достаточно указать, что среди многих десятков тысяч черепков Маргяны керамика андроновского типа не превышает 100 фрагментов, что в одинаковой степени справедливо и для памятников Южного Туркменистана.

Можно было бы не останавливаться так подробно на этих некорректных данных, если бы на них не строили ответственные выводы «о гибели культуры земледельцев в связи с вторжением с севера степных

племен, что находится в решительном противоречии с археологической реальностью. А ведь на этой предпосылке делается заключение, что только андроновцы могут претендовать на роль древних индонранцев или, иначе, арийцев¹⁴, что представляется маловероятным.

Можно было бы и не удалять этому вопросу столь большого внимания, если бы в племенах степного типа многие авторы не склонны были бы видеть исторических индонранцев. В этом плане приведенная теория двух авторов далеко выходит за рамки простого изучения характера взаимных контактов племен с разным историко-культурным происхождением. За тезисом об упадке земледельческой жизни Маргианы в связи с естественной засушливостью и окончательной гибели вместе с вторжением степных племен, встает сложная, так называемая арийская проблема, требующая более тщательного анализа археологического материала и его исторической интерпретации.

Природные факторы в истории жизни земледельческих общинников Маргианы, бесспорно, играли большую роль, на чем мы подробнее остановимся ниже, но столь же бесспорным остается тезис о том, что общее сокращение жизни здесь связано с естественной миграцией р. Мургаб. Ярким свидетельством тому служит установленный факт расположения древних памятников на севере страны (железельский период) с постепенным перемещением жизни на юго-запад, о чем свидетельствуют поселения сначала гонурского, затем тоголокского и, наконец, тахирбайского периодов. Существовала жесткая связь между динамикой ирригационного рисунка р. Мургаб и орошаемых земель. Естественная миграция рек неумолимо приводила к перемещению культурных орошаемых земель и, в конечном счете, к смещению центра жизни в общем южном направлении. Что же касается керамики степного круга, которая хотя и незначительно, но прослеживается в течение многих сотен лет на памятниках гонурского, тоголокского и тахирбайского оазисов, то именно это обстоятельство и указывает на мирное соседское сосуществование племен с разным направлением хозяйства в период от II до I тыс. до н. э.¹⁵

Мелкая терракотовая пластика Маргианы. Она включает в основном антропо- и зооморфные статуэтки, обнаруживает разные культурно-исторические традиции происхождения. Так, если женские (в единичных образцах — мужские) статуэтки условно-плоскостного стиля, бесспорно, восходят к южно-туркменистанской антропоморфной пластике, то особое явление представляют скульптурные фигурки культовых сосудов. Они совершенно неизвестны в Туркменистане в предшествующие периоды, но зато находят точные соответствия в Бактрии, где, в свою очередь, совершенно неизвестны антропоморфные статуэтки. Налицо фундаментальные отличия Маргианы и Бактрии, предполагающие различия и в культовой обрядности. Создается впечатление, что в Маргиане, где нередко на одном и том же памятнике имеются как статуэтки южно-туркменистанского типа, так и скульптурные фигурки культовых сосудов, практиковалось два обряда, один из которых генетически восходит к местной южно-туркменистанской культовой обрядности, а второй — к пришлой, имеющей иное проис-

хождение. В таком случае можно считать вполне вероятным большую веротерпимость маргианских общинников как выходцев из подгорной полосы Копетдага, которые и на новой родине продолжали местные культовые традиции, точно так же, как пришлые племена практиковали культовую обрядность, которую они принесли с далекой западной родины.

Доказано, что южно-туркменистанские антропоморфные статуэтки не были простыми детскими игрушками, а, напротив, являлись непременными культовыми атрибутами церемониальной обрядности, связанной с аграрной символикой¹⁷. Сложнее обстоит дело с конкретным назначением культовых сосудов, хотя их общая связь с культовыми возлияниями представляется наиболее вероятной. Доказательством служат раскопки Тоголок 21, материалы которого будут приведены далее, так что представляется целесообразным рассмотреть вопрос о назначении культовых сосудов во второй части настоящей работы.

Осталось отметить, что хотя антропоморфные статуэтки достаточно широко распространены были на многих поселениях Маргианы, несмотря на специальные поиски, они полностью отсутствуют на памятниках аушского и тахирбайского оазисов, что пока не находит однозначного ответа.

Стеатитовые изделия. Из этого мягкого камня в основном изготовлялись крупные биконические бусы (часто с кружковым орнаментом). Эта специфическая форма бус практически одновременно широко распространяется в Северо-Восточном Иране (Гиссар ШС)¹⁸, Бактрии¹⁹, Маргиане, в Южном Афганистане, Мундигаке²⁰, в джукарской культуре долины Инда²¹ и вместе с тем неизвестна здесь в предшествующее время. Судя по Маргиане и Бактрии, где они встречены в большом количестве (а главное их заготовки), бусы с кружковым орнаментом не являются предметом импорта, а изготовлялись на месте под влиянием пришлых племен, у которых они известны были в предшествующее время. Уже замечено, что стеатитовые биконические бусы с кружковым орнаментом дают прекрасный хронологический критерий, неизвестный в «древней» серии, зато хорошо представленный в Бактрии в «новой серии»²².

Если вспомнить формы, а главное резные орнаменты на стеатитовых сосудах Маргианы, то они более всего сопоставимы со стеатитовыми сосудами Тепе Яхья, где вполне справедливо предполагается один из немногих международных центров по добыче и обработке стеатита²³. Среди многих сотен стеатитовых изделий (всего известно свыше 1 тыс. фрагментов) здесь выделяются отдельные образцы с резным орнаментом²⁴, точно соответствующие маргианским, что прослеживается также на сходных резных печатях²⁵, не оставляя сомнения в их стилистической общности. Не в меньшей, а, пожалуй, еще в большей степени маргианские стеатитовые сосуды находят соответствия в подобных им из Шахдада, особенно украшенных кружковым и зубчатым орнаментом²⁶.

Вместе с тем нет никаких оснований видеть в стеатитовых изделиях Маргианы и Бактрии прямой импорт из керманского оазиса и Тепе Яхья в частности. Документальным свидетельством тому служат

многочисленные печати-амулеты мургабского стиля, полностью отсутствующие в Керманском оазисе, а также уже отмеченное широкое использование этого камня местными маргианскими мастерами, о чем свидетельствуют бракованные образцы таких биконических бус.

Стеатитовые изделия Ирана уже были подразделены на древнюю и позднюю серии⁷, так что маргианская коллекция полностью соответствует второй из них. Доказательством тому служит широкое использование в орнаментации нацарапанной техники в виде зигзагообразных лент и в особенности кружкового орнамента декора пока известного помимо Гиссара только в Южном Иране в контексте Бампур V—VI, в Шахдаде, Яхья IV В. Заслуживают внимания косметические флаконы Маргианы так же, как и в Бактрии, известные ранее в Гиссаре III, и особенно в Сузах, а теперь в Шахдаде и Яхья. В этом плане особенно показателен фрагмент нижней части составной статуэтки с Гонура. П. Амье, посвятивший подобным статуэткам специальную статью, отметил, что характерная серия таких составных статуэток в основном происходит из Бактрии; возможно, бытовали они и в пустыне Лут, но пока более нигде неизвестны. Как правило, это — сидящие матроны в пышных одеяниях типа шумерийских «каунакес», украшенных резными «язычками». Казалось бы, налицо весьма архаические изделия, однако тот же автор вполне справедливо отметил, что украшение «пластрона» одной статуэтки кружковым орнаментом относит их скорее к началу II тыс. до н. э., чем к концу III тыс. до н. э., свидетельствуя о культурном влиянии, идущем из Фарса (Телл-и-Мальи) в Бактрию.

В свете сказанного представляется, что помимо главных стеатитовых центров типа Тесе Яхья, имелись и более мелкие региональные, как, например, Маргиана и Бактрия, где изготавливались свои стеатитовые изделия, но рассчитанные не столько для международной торговли, сколько для местных нужд. Естественно, что традиции камнерезного дела привнесены иммигрантами на новую родину, в частности в Маргиану и Бактрию. Но и в таком случае, независимо от отмеченных параллелей со стеатитовыми изделиями Тесе Яхья, нет оснований усматривать прямую связь между ними. И, возможно, не случайно в Шахдаде обнаружено свыше 50 целых стеатитовых изделий, отмечающих еще один центр в Керманском оазисе, традиции чего прослеживаются еще далее в стеатитовых изделиях Маргианы и особенно Бактрии. В свою очередь Бактрия и Шахдад обнаруживают сильное влияние камнерезного искусства Сузаны и Месопотамии, как это убедительно доказал П. Амье⁸, что теперь, учитывая находку с Гонура, может быть продолжено вплоть до Маргианы. Осталось добавить, что стеатитовые сосуды Маргианы, судя по миниатюрным размерам, преимущественно использовались в косметических, а возможно, и культовых целях.

Металлические изделия Маргианы. В массе своей они представлены медно-бронзовыми изделиями; лишь на тоголокских памятниках появляются первые редкие, сильно коррозированные железные кусочки, в том числе в виде бусин. Специальный металлографический анализ приведен в «Приложении» к настоящей работе, так что здесь мы кратко остановимся на основных типах металлических изделий.

лий. Решительное большинство металлических находок происходит с поверхности маргианских поселений и представлено обломками стержней, круглых или квадратных в сечении. Судя по заостренным концам, они, скорее всего, принадлежат инструментам типа шильев и проколов, имевшим первоначально деревянные ручки.

Булавка с округлыми, пирамидальными, бипирамидальными навершиями и заостренным концом так же, как туалетные палочки с утолщенным каплевидным концом, продолжают типичные южно-туркменистанские традиции предшествующего неолитического времени. Вместе с тем, единичные булавки с навершиями в виде «печатки», бутона, розетки, сжатого кулака отличны от местных и аналогичны бактрийским. Принципиальная типологическая разница между ними заключается в том, что южно-туркменистанские булавки имеют навершия, как бы продолжающие стержни, в то время как у бактрийско-маргианских навершия перпендикулярны стержню. То же можно отметить у гладких и витых браслетов с несомкнутыми концами. Металлические перегородчатые печати полностью входят в круг местных изделий древней сфагистики, распространенных в Бактрии, а шире — в Восточном Иране. Особый интерес представляют 2 княжала с тоголокского оазиса; оба имеют выпуклые лезвия, а один сохранил четко выделенное ребро — типологическая деталь, характерная для окончаний копий и княжалов соседнего Ирана. В целом же металлические изделия Маргианы обнаруживают смешение двух традиций: глубоко местных южно-туркменистанских и древнеиранских, отражающих, в свою очередь, эламо-месопотамское влияние.

Украшения и мелкие поделки. Украшения в Маргиане пока представлены немногочисленными образцами, что, в первую очередь, объясняется ограниченным материалом, происходящим из могил. Тем не менее, можно считать установленным, что местные мастера изготавливали бусы и провизки из разнообразных пород камня, в основном стеатита, в том числе поделочного типа лазурита, бирюзы и сердолика. Из бедных пород мраморовидного камня и перламутра вытачивались фигурные вставки (видимо, служившие инкрустациями), в том числе и стеатитовые сосуды. Среди мелких поделок выделяются 3 грибовидные изделия, выточенные из белого камня и черного хлорита, аналогичны им известны лишь в хараппской культуре, где они определяются как украшения³⁰.

Особую группу находок составляют так называемые миниатюрные колонки, которые практически одновременно широко распространяются по Юго-Западной Азии в начале II тыс. до н. э. Хотя неясно их точное назначение, преимущественное местонахождение в могилах и особенно в предполагаемом храме Тоголок 21 указывает на их культовое назначение. Отметим, что в одной из могил Бактрии такая миниатюрная колонка из черного хлорита частично сохранила на поверхности инкрустацию из костяных вставок³¹, в других случаях на концах они имеют свинцовые или серебряные капсулы.

Глистика и сфагистика. Как с поверхности маргианских поселений, так и отчасти из раскопок происходит коллекция ка-

менных печатей-амулетов так называемого мургабского стиля. Они включают миниатюрные, пуговичные печати с выгравированным геометрическим, чаще всего крестовидным рисунком или многолепестковыми розетками с лицевой стороны и небольшой выуклостью со сквозным отверстием — с оборотной. Предполагается (но не доказано документально), что они использовались в качестве орнаментированных пуговиц.

Следующую группу составляют миниатюрные амулеты круглой, квадратной, ромбической формы без выуклой ручки, а со сквозным отверстием в середине; местное изготовление их документируется незаконченными полуфабрикатами. Обычно они выточены техникой выемчатого сверления из мягких пород камня, чаще всего темного стеатита и имеют двусторонние гравированные изображения обычно геометрических или растительных орнаментов. Наряду с такими известны миниатюрные амулеты с изображением извивающихся змей, лягушек, скорпионов, орлов, свастики, прямо перекликающиеся с аналогичными из Бактрии.

Пока еще не все рисунки поддаются точному семантическому определению, однако уже сейчас можно отметить, что среди фитоморфных узоров выделяются 2 основных типа: это — хвойные растения, предположительно, эфедра и тюльпаны или, точнее, маки, до сих пор в изобилии произрастающие в Маргиане.

Но, бесспорно, особое место в маргианской глиптике занимают амулеты нередко с композиционными, сюжетными изображениями¹¹. Из западной части древнемургабской дельты происходит амулет с изображением крылатого фантастического животного, а также трехгранная призма с изображением извивающейся змеи и птицы с повернутой назад головой¹², предположение о том, что это не птица, а гений с крыльями, следует считать недоразумением.

Итак, из Маргианы опубликованы пока несколько каменных амулетов с сюжетными, предположительно тематическими композициями. Герой с поверженными животными более всего напоминает Гильгамеша месопотамской глиптики, но в местной маргианской переработке, о чем свидетельствуют «сопровождающие» его змеи. Следующую тему составляют быки, стоящие в спокойной, статичной позе в окружении хищных животных и все тех же змей. Причем на тоголокском экземпляре бык сверху атакует дракон с широко разинутой пастью, а спереди — вставший на раздвоенный хвост, предположительно, второй дракон; свернувшись в кольца рептилия, скорее всего змея, тянется к задним ногам животного. Если в обеих композициях быки изображены в спокойной, можно сказать, величественной позе, то в сцене с антилопой она показана мчащейся в паническом страхе от какой-то смертельной опасности. Спереди ее атакует дракон, а снизу к ее задним ногам тянется еще одно извивающееся существо, которое можно было бы принять за змею, если бы не раздвоенный на конце хвост, указывающий на фантастический персонаж, возможно, тоже дракона.

Уже было высказано мнение, что подобные композиции, скорее всего, тематические, являлись своего рода «цитатами» или «тезисами»

местного фольклора, некогда распространенного среди древних общинников страны Маргуш. И хотя еще трудно судить о конкретной семантике подобных сюжетных композиций, показательно, что быки всегда изображались в спокойной позе, все же остальные персонажи показаны убегающими или обороняющимися от атакующих драконов. Более того, привлечение сравнительно большого материала из Бактрии показывает, что генеральной темой в бактрийско-маргианской мифологии являлась борьба змей и драконов за обладание «жизненной силой», которую эти реальные и фантастические рептилии похищают у животных. И здесь мы подходим ко второй основной теме, которую П. Амье вполне справедливо назвал «фаллическим символизмом». Доказательством тому служит тоголокский амулет с изображением бесспорных тигров-самцов, к задним ногам которых, извиваясь, подползают рептилии, скорее всего змеи. Создается впечатление, что подобные амулеты отражают основную идею местной мифологии, суть которой составляла вечная борьба между змеями и драконами за обладание «живительным семенем», олицетворявшим, в конечном счете, идею плодородия, продолжения жизни на земле. И, возможно, не даром на бактрийско-маргианских амулетах в одном случае под животами животных изображены змеи, а в других — драконы, свидетельствуя именно о борьбе, а не об окончательной победе одних персонажей над другими.

Судя по имеющимся данным маргианской глиптики, змеи играли положительную роль по отношению к человеку. Однако графически трудно отличить бесспорных змей от змееподобных драконов, так что в ряде случаев лишь преднамеренно раздвоенный на конце хвост указывает на изображения именно дракона. Но культовая символика была, безусловно, более многообразна, чем это представляется нам сейчас. Свидетельством тому служит маргианский амулет, на котором из живота разъяренного хищного зверя как бы «вырастает» дракон, а задранный хвост оформлен в виде извивающегося змееподобного существа, судя по выпученным глазам, — дракона²¹.

Если на крупных амулетах с каждой плоскости нанесена тематическая законченная композиция или «цитата» былых мифов, то на более мелких такие логически взаимосвязанные сюжеты оказываются разделенными и помещенными на две плоскости одного и того же амулета. Это предположение наиболее убедительно документируется бактрийской глиптикой, откуда происходит большая часть таких амулетов. Тем не менее, гонурский экземпляр с орлом в геральдической позе на одной плоскости и пожирающими друг друга драконами на второй может составлять единый тематический сюжет: борьбу, противопоставление гордого, покровительствующего человеку орла темным силам, персонифицированным в образе все тех же злобных драконов²².

Похоже, сходную смысловую нагрузку несет еще один амулет, происходящий с Тоголок 21, на котором с одной стороны выгравирован обернувшийся назад грифон с широко раскрытым как бы в жалобном крике клювом, всем своим видом выражающий страх перед ужасными чудовищами-драконами, изображенными на второй плоскости того же амулета.

Наряду с такими наиболее распространенными сюжетами имелись и другие, менее популярные, как, например, с Тоголок 21, где на миниатюрном амулете с одной стороны изображены поверженные на землю люди, на которых нападает фантастическое чудовище, а на другой — дерево и стоящие перед ним козлы. Мотив дерева с козлами едва ли не единственный, которым маргианские гончары хотя и изредка, но украшали свою продукцию; причем необязательно, что это всегда изображение «древа жизни», скорее всего можно видеть в них символику всеобщего плодородия²⁵. Вместе с тем показательно, что маргианские изображения, в том числе на рассматриваемом амулете, относятся к типу геральдических (горизонтально-трехчленных) композиций, восходящих к архаическим печатям Суз и Месопотамии начала III тыс. до н. э. Об этом же свидетельствует гонурское изображение птицы, предположительно, с черепахой в когтях.

Помимо амулетов, в Маргиане распространены были и цилиндрические печати месопотамского типа, которые кроме фрагментированного образца с Тоголок I представлены целыми цилиндрами и оттисками их на керамике с Таип I. Среди последних показателен сюжет, изображающий человека, держащего за повод двугорбого верблюда, близко перекликающийся с изображением из Бактрии²⁶. Но еще более показательно соответствие, которое обнаруживает маргианский оттиск со сценой борьбы горбатого быка со львом, прямые аналоги которой уже отмечены на одной цилиндрической печати из Белуджистана²⁷, к чему можно добавить белуджистанский амулет с крылатым животным и рептилией под животом²⁸. Возможно, не случайно близкая композиция имеется на одной цилиндрической печати в Иране²⁹.

Сфрагистика Маргианы помимо перегородчатых печатей с геометрическими орнаментами, достаточно широко распространенных на восточно-иранском плато, представлена единичными образцами с зооморфными изображениями. Так, с келдешских поселений происходит фигурная печать в виде стоящего козла, а также и розетки, составленные из трех птичьих головок. На Гонур I найдена круглая печать с изображением зайца в центре, а с Тоголок I — кошачьего хищника типа пантеры или барса, к чему можно добавить фигурные печати Таип I, отлитые в виде львopodobного звера, верблюда и, предположительно, клубка змей³⁰. Уже отмечено их общее сходство с перегородчатыми печатями Южного Туркменистана и Бактрии, что особенно показательно в отношении бактрийско-маргианских печаток в виде двугорбых верблюдов. Бесспорно, что перегородчатые печати отражают высокую степень социального развития маргианского общества, однако серия однотипных печатей предостерегает от слишком поспешных социологических выводов. Думается, что на этом этапе такие печати по преимуществу имели больше магическую, чем юридическую силу в качестве символов собственности.

В целом же сфрагистика и глиптика Маргианы находят наиболее полные, доходящие в ряде случаев до тождества, аналоги в Бактрии. Проследиваются связи с Восточным Ираном, такими памятниками, как Гиссар, Шахдад, Сохри Сохте, в меньшей степени — Яхья Тепе,

очерчивая тем самым особый самостоятельный ареал древней глиптики и сфрагистики в системе всей Передней Азии.

В заключение здесь же отметим аналогичную ситуацию для топора с Тоголок 21, медных будаков, в том числе с наивершинами в виде бутона цветка, сжатого кудака и «печатаковой» головкой, решительно отличных от южно-туркменистанских, но прямо сходных с бактрийскими. И хотя налицо местные и южно-туркменистанские традиции, столь же очевидно выступают связи, уходящие далеко на запад через Гиссар-Шахзад до Элама и Лурдистана. Если на материалах Маргианы эта вторая линия из-за ограниченности сопоставимого материала пока лишь намечается, то она четко проявляется по материалам Бактрии и в древности в одинаковой степени была присуща всему бактрийско-маргианскому археологическому комплексу.

Вопросы хронологии. Как уже отмечалось, маргианский археологический комплекс в целом соответствует периоду Намазга V в Южном Туркменистане, который до последнего времени относился к середине — второй половине II тыс. до н. э. В настоящее время, основываясь на серии радиоуглеродных дат, наметилась тенденция к удреждению эпохи бронзы Туркменистана, так что предшествующий период Намазга V датируется в пределах 2300—1850 гг. до н. э. Если учесть, что между периодами Намазга V и VI нет перерыва, то начало комплекса Намазга VI следовало бы удреждать на 2—3 столетия, хотя имеется и иная точка зрения, относящая начало Намазга VI к 1400—1300 гг. до н. э. Вместе с тем становится очевидным, что в верхнем слое Алтын-депе имеются хотя и единичные, но характерные типы изделий, как, например, сланцевый «посох» и «миниатюрная колонка», несравненно более распространенные в Бактрии и Маргиане. Иначе говоря, есть основания видеть связь позднего Намазга V с комплексом Намазга VI и в таком случае относить самый верхний слой Алтын-депе к началу периода Намазга VI, что уже отмечалось в литературе²¹. В свое время в начальный период изучения Маргианы было высказано мнение о его преимущественном сходстве с периодом Намазга VI, который всеми, включая и автора настоящей работы, единодушно относился к середине и второй половине II тыс. до н. э.

В настоящее время появились новые материалы, дающие право уточнить наши представления о хронологии бронзового века Маргианы. К сожалению, в Маргиане мы почти не имеем подлинных импортных изделий из передовых центров тогдашнего мира и, в первую очередь, из Ирана и Месопотамии. Возможно, единственным исключением является фрагмент от составной статуэтки с Говур I, находящий явное сходство с соответствующими эламскими изображениями, датированными имеющимися на них надписями серединой XIX в. до н. э., так что вся серия, вопреки высказанным предположениям²², относится не к III тыс. до н. э., а к первым векам II тыс. до н. э.

Более того, в настоящее время можно считать установленным, что украшение каменных изделий, в том числе биконических стевтитовых бус с кружковыми орнаментами, отмечает их принадлежность к началу II тыс. до н. э., а не III тыс. до н. э. Если теперь хронологию Маргианы

рассматривать вместе с Бактрией, то станут очевидны преимущественные параллели Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) с Гиссар III. Сходство настолько очевидное, что имеются все основания считать, что комплексе Гиссар III стоит много ближе к БМАК, чем к собственным материалам Гиссар II. В последнее время наметилась тенденция к ревизии стратиграфических наслоений Тепе Гиссара, так что Р. Дэйсон и М. Тоси предприняли в 1976 г. контрольные раскопки памятника, а В. М. Массони считает, что он обнаружил I энеолитический сосуд в комплексе Гиссар III в старых музейных коллекциях⁴⁹. Для нашей темы остается важным вывод о том, что заключительный этап жизни этого конкретного памятника датируется 1700 г. до н. э.⁴⁹, что неизменно отличается от хронологических рамок, предложенных Е. Шмидтом полвека назад. И даже если действительно неправомерно выделение субпериодов Гиссар IIIА и IIIБ, то остается в силе существование особого комплекса Гиссар III, отличного от предшествующего Гиссар II, что, скорее всего, связано с внешними влияниями.

Период Гиссар III разными авторами определялся по-разному, прием сторонники длинной хронологии, ориентируясь на находку цилиндрических печатей, склонны были относить его полностью к III тыс. до н. э. Однако теперь после открытия БМАК этот аргумент отпадает, т. к. документально установлено, что в Бактрии и Маргиане цилиндрические печати изготавливались на протяжении всего II тыс. до н. э. вплоть до начала I тыс. до н. э.

Руководитель раскопок Е. Шмидт относил период Гиссар III к 2000—1500 гг. до н. э. Вышеупомянутые контрольные раскопки датировали радиоуглеродными датами Гиссара III, уточнили хронологические рамки: 2150—1885 гг. до н. э. и 1940—1705 гг. до н. э.⁴⁹, так что независимо от модного увлечения калиброванными поправками, в целом существование Гиссар III падает на начало II тыс. до н. э.

Когда свыше десяти лет назад на антикварный рынок Кабула хлынули разнообразные приношения из разграбленных могил Бактрии, среди которых имелись изделия, отражающие влияние эламо-месопотамских традиций, создалось впечатление о глубокой архаике бактрийских древностей. Но даже если исходить из эламо-месопотамских параллелей с БМАК, то они падают на периоды Ур III (2140—2000 гг. до н. э.) и начало Исин-Ларсы, но не ранее. На основании этих и других сопоставлений П. Амье первый предложил время существования бактрийских древностей относить приблизительно к 2250—1800 гг. до н. э., что, однако, требует дополнительных доказательств. В самом деле, в качестве сопоставимых предметов рассматривается не массовый рядовой материал, а изделия особого, часто престижного назначения, традиции существования которых живучи веками. А кроме того, как это хорошо известно, для надежности сопоставлений следует использовать наиболее ранние, а, напротив, наиболее поздние даты, что сводит до минимума элемент случайных совпадений.

В настоящее время, кроме Гиссара, имеется еще один восточно-иранский памятник — Тепе Яхья, давший большую свиту стратиграфических напластований⁵⁰. Уже первые рецензии отмечали излишнее

удревнение всего памятника¹⁷, что позднее частично было учтено руководителем раскопок. Для нашей темы исключительный интерес представляет датировка комплекса Яхья IV. Находясь под впечатлением найденных протоэламских табличек, К. К. Ламберг-Карловский излишне удревил уже субпериод IV A, что, соответственно, потребовало удревления всего комплекса Яхья IV, конец которого К. К. Ламберг-Карловский был склонен относить к 2800 г. до н. э. Однако было доказано, что таблички относятся ко много более позднему времени¹⁸, а кроме того, отдельные расписные черепки в виде фризмов по венчику сосудов, от которых ко дну отходят ломаные «усиками» ленты слоя Яхья VA¹⁹ — типичные узоры керамики Намазга IV, которая никак не выходит за пределы III тыс. до н. э. Эти и другие наблюдения привели К. К. Ламберг-Карловского к необходимости пересмотреть хронологию слоя Яхья IV, которая теперь выглядит следующим образом: IVC: 3400—3000 гг. до н. э.; IVB: 3000—2500 гг. до н. э.; IVA: 2200—1800 гг. до н. э.

Не исключено, что в будущем придется еще «омолодить» хронологические рамки Яхья IV, т. к. появились свидетельства, что в слое IVB

1. Радвокарбиновые даты Маргшани

Памятник	Лабораторный индекс	Происхождение образца	Дата
Гонур 1	ЛЕ 2407	Помещение № 16, очаг	2180 ± 40 230 до н. э.
Гонур 1	ЛЕ 2411	Помещение № 1	4200 ± 40 2250 до н. э.
Гонур 1	ЛЕ 2409	Помещение № 3	4290 ± 40 2340 до н. э.
Гонур 1	ЛЕ 2408	Помещение № 5	3510 ± 40 1560 до н. э.
Гонур 1	ЛЕ 1207	Шурф 1, ярус 1	3560 ± 70 1610 до н. э.
Тоголок 21	ЛЕ 2678	Помещение № 60	3270 ± 40 1330 ± 40 до н. э.
Тоголок 21	ЛЕ 2679	Из очага	4620 ± 40 2360 ± 40 до н. э.
Тоголок 21	ЛЕ 2681	Помещение № 44	4810 ± 40 2560 ± 40 до н. э.
Тоголок 21	ЛЕ 2682	Помещение № 61	5060 ± 40 3110 ± 40 до н. э.
Тоголок 21	ЛЕ 2683	Помещение № 64	3540 ± 40 1519 до н. э.
Тоголок 21	ЛЕ 2684	Помещение № 57	4270 ± 40 2320 до н. э.
Тоголок 21	ЛЕ 2685	Помещение № 47	3540 ± 40 1520 ± 40 до н. э.

имеется железо и появляется характерная форма вазы, находящая прямые соответствия в Бактрии и Маргиане⁶⁶. В литературе уже были отмечены некоторые соответствия между Яхья IV и БМАК⁶⁷, что, однако, дает лишь относительную синхронизацию между ними, оставляя открытым вопрос об абсолютных датах. Тем не менее представляется вероятным, что, подобно БМАК, время существования субпериода Яхья IVA в целом относится к началу II тыс. до н. э., а это в настоящее время полностью соответствует всей сумме имеющихся материалов. Полученные радиоуглеродные даты с Гонур-депе как будто тоже указывают на предпочтительность такой хронологии, хотя нельзя не учитывать сильный разброс радиоуглеродных дат Маргианы от середины IV до середины II тыс. до н. э.

Заключая обзор хронологических рамок существования Маргианского археологического комплекса, представляется наиболее вероятным отнести появление его здесь к первой четверти II тыс. до н. э. В предварительном порядке можно предположить следующие даты для Маргианы: Келлелийский период (1750—1500 гг. до н. э.), Гонурский период (1500—1250 гг. до н. э.), Тоголокский период (1250—1000 гг. до н. э.) (табл. 1). В таком случае, предположительно, Тахирбайский период относится к 1000—750 гг. до н. э. Видно, в целом к первой четверти II тыс. до н. э. следует относить и появление древнеземледельческой культуры в Бактрии, так что распространение БМАК практически падает на одно и то же время. В связи с этим, возможно, не случаен уже неоднократно отмеченный упадок Тепе Гиссар, Тепе Яхья, Шахри Сохте и, видимо, Шахдада, совпадающий по времени с расселением племен БМАК. Создается впечатление, что между этими событиями существовала внутренняя связь, правда, пока еще трудно-улавливаемая на чисто археологических материалах.

ГЛАВА III

БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

Маргиана и Южная Туркмения. Казалось бы, Маргиана, расположенная на востоке Туркмении, должна обнаруживать наиболее близкие соответствия в Южном Туркменистане, и в общей форме такое сходство наблюдается, в особенности для самого раннего келлелийского периода. Это заметно при сравнении соответствующих керамических комплексов и особенно коллекции антропоморфной пластики. Предполагается, что поселения келлелийского периода Маргианы основаны выходцами из Южного Туркменистана. Доказательством тому служит общий набор основных керамических форм келлелийского

периода, в частности гофрированные ножки ваз, которые в Южном Туркменистане появляются в единичных образцах еще в период Намазга IV¹. Правда, такие же гофрированные ножки ваз известны и в Северо-Восточном Иране, где форма вазы на ножке имеет глубокие местные традиции, восходящие к керамическому комплексу Гиссар I. В этой связи показательны вазы с коническим резервуаром и призматическими раструбообразными полыми ножками келдешийского периода, которые на Гиссаре имеются уже в самых ранних слоях², не оставляя сомнения в их местном происхождении, откуда они могли в порядке торговых обменов попасть в пределы Южного Туркменистана уже в эпоху позднего неолита. Во всяком случае, одна такая сероглиняная вазочка на полых ножках найдена в предшествующие годы в верхнем слое поселения Геоксюр I. Вообще же маргянский археологический комплекс создает двойственное впечатление: наряду с бесспорно местными южно-туркменистанскими традициями периода Намазга V имеются вполне определенные линии связей, уходящие в соседний Иран.

Такое впечатление перерастает в уверенность, когда мы обращаемся к гонурскому и, тем более, тоголокскому периодам. Действительно, археологический комплекс этих периодов находит прямые и преимущественные связи и материалах Гиссар III — Шахдад, нежели Южного Туркменистана, что, несомненно, свидетельствует о существовании второго компонента, сыгравшего значительную роль в сложении Маргяны эпохи поздней бронзы.

Сопоставляя келдешийский комплекс с комплексом типа Намазга V, можно утверждать о наличии преемственности в изделиях антропоморфной пластики, в коллекции перегородчатых печатей и в общих керамических традициях. В меньшей степени, но такое же сходство прослеживается в существовании так называемых «миниатюрных колонок», каменных «тири», «посохи» и керамических подставок на Алтын-депе, но, возможно, они сходны с Маргяной и Бактрией эпохи поздней бронзы. Пока можно лишь указать, что «миниатюрные колонки», «тири», керамические подставки, известные в Восточном Иране еще в III тыс. до н. э. (например, в Шахри Сохте), в порядке культурных и торговых обменов и контактов могли попасть в Южную Туркмению еще в период Намазга V, если не Намазга IV.

Соответствия между маргяскими материалами и комплексом Намазга V Южного Туркменистана выступают в самой общей форме, зато несравненно более полные, а главное — многообразные параллели обнаруживает материал комплекса Намазга VI — Анау III. В настоящее время слои этого времени известны в Анау, Елькен-депе, могильнике Янгй Кала, «вышке» Намазга-депе, Текем-депе, на Улуг-депе, у Душак и, предположительно, в самых верхних слоях Алтын-депе. В южном кургане Анау этому периоду соответствуют материалы Анау III, представленные аналогичным с Маргяной керамическим комплексом³. Причем наряду со вполне очевидным сходством форм гончарной керамики примечательно присутствие в обоих случаях лепной посуды андроновского типа⁴, что помимо прочего синхронизирует рассматриваемые керамические комплексы во времени.

Керамические соответствия дополняются биконическими стевитовыми бусами с кружковым орнаментом⁶, так называемыми амулетами мургабского стиля с гравированными рисунками, в том числе — трехгранной призмой с изображением человека, льва и грифона⁷ и в особенности фрагментом стеатитового сосуда, выточенного в форме почки⁸, не оставляя сомнения в близком сходстве не отдельных категорий вещей, а двух конкретных археологических комплексов.

Как теперь становится очевидным, поселение и вынесенный за его пределы могильник эпохи поздней бронзы выявлены и частично исследованы около с. Янги Кала. Погребальный инвентарь включает бронзовые браслеты и булавки, а также сосуды, находящие прямые аналогии в мургабском керамическом комплексе⁹, причем отнесенные единственной женской статуэтки к культурному слою, а не погребению № 6, представляется наиболее вероятным.

К сожалению, материалы «вышки» Намазга-депе до сих пор опубликованы выборочно, но то, что известно, более сближается с Маргианой, чем с периодом Намазга V. Особенно показательна такая редкая форма «щедилки», как коническая чаша с отверстием в центре¹⁰, известная еще только в Маргиане. Сланцевые «спосохи» типа того, что был встречен в могиле № 362 на Алтын-депе, найдены воткнутыми в насыпи современных мусульманских могил на Намазга-депе¹¹. Аналогичная ситуация отмечается с материалами Теккем-депе, к сожалению, до сих пор не введенными в полном объеме в научный оборот. Тем не менее как материалы старых работ¹², так и в особенности новых, к сожалению, практически не опубликованных, находят преимущественные соответствия в комплексе Маргианы эпохи поздней бронзы, а не собственно Южного Туркменистана. Большую близость обнаруживают материалы периода Намазга VI с Улуг-депе, где особенно показательны характерные формы сосудов и булавки с решетчатыми навершиями в виде двух птичек, находящие аналогии в Янгикалинском могильнике и Маргиане¹³.

Более сложен вопрос, связанный с возможным выделением начальной стадии комплекса Намазга VI на Алтын-депе, основной кроющий слой которого, по единодушному мнению специалистов, относится к периоду Намазга V. В этой связи особого интереса заслуживают материалы, происходящие из наиболее возвышенной части Алтын-депе, соответственно относящиеся к заключительному периоду существования этого конкретного поселения. Здесь на площади 500 м² вскрыта древняя планировка, состоящая из двух строительных горизонтов. Именно из верхнего горизонта происходят два «клада», включающие сосуды, в том числе сероглиняный графин, изделия из слоновой кости, медные и серебряные косметические флаконы, зеркало, каменные и фаянсовые украшения. По справедливому мнению А. Ф. Гаялина, большая часть этих находок обнаруживает бесспорные аналогии в слое Гиссар III¹⁴, а от себя добавим также — в древней Маргиане. Если вспомнить вышеупомянутые миниатюрные колонки и «спосохи» из могил Алтын-депе, то набор сходных признаков увеличится. В литературе уже отмечалось, что в могилах Алтын-депе находятся изделия, более ха-

рактерные для времени Намазга VI, что требует более дифференцированного и дробного членения этих комплексов¹⁴. В самом деле, весь погребальный набор могилы № 362 на Алтын-депе более характерен для Маргианы, чем собственно Южной Туркмении.

Сказанное заставляет особо остановиться на правомерности выделения археологического комплекса Намазга VI. Прошло более 30 лет после того, как покойный академик Б. А. Куфтин установил стратиграфическую колонку Намазга I—VI, что вполне отвечало уровню наших знаний того времени.

Вместе с тем в свете известных теперь материалов, имеется настоятельная необходимость пересмотреть правомерность выделения конкретного археологического комплекса Намазга VI. Думается, не только раскопки «вышки» с Намазга-депе, но и других памятников Южного Туркменистана эпохи поздней бронзы со всей определенностью указывают, что в реальности не существует самостоятельного комплекса Намазга VI, который обладал бы необходимым набором объективных признаков. А это, в свою очередь, указывает, что эволюционная линия развития южно-туркменистанских племен, начинающаяся с неолитического Джейтуна, заканчивается в пору Намазга V, когда ее постепенно заменяет пришлая культура, условно выделенная как Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК), общепранское происхождение которой теперь не вызывает сомнений. Материалы «вышки», выделенные как комплекс Намазга VI, по существу представляют собой поздний этап комплекса Намазга V, в его частичном смещении с БМАК. В еще большей степени на это указывают соответствующие материалы южного кургана Анау, Теккем-депе, могильника Янги Кала и др.

Ф. Кол предложил выделить соответствующие комплексы как Намазга VIA, что, однако, не совсем точно отражает объективную реальность смены одних археологических комплексов другими. Представляется более правомерным данные материалы обозначить как относящиеся к БМАК в его южно-туркменистанском варианте. В таком случае можно говорить о намазганском варианте БМАК, причем, по всей вероятности, в будущем появится возможность признать существование «алтынского», «амударьинского» и других вариантов вполне конкретного Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. И будет совсем неверным и анахроничным продолжать говорить о «Мургабском варианте Намазга VI», что противоречит настоящим данным.

Уже этот краткий сравнительный обзор показывает, что археологические комплексы южно-туркменистанских памятников периода поздней бронзы находят преимущественные аналогии в Маргиане, чем в Южном Туркменистане предшествующего времени. Однако в Южном Туркменистане в эту пору продолжают существовать лишь единичные поселения, в то время как в дельте Мургаба количество их насчитывает многие десятки. Создается впечатление, что центр жизни в пору Намазга VI перемещается из традиционно земледельческих оазисов Южного Туркменистана в бассейн р. Мургаб, одновременно свидетель-

ствуя о переходе оазисной ирригации к освоению крупных долинных рек. Это обстоятельство уже давно стало объектом специального исследования, хотя до сих пор не существует однозначного ответа¹⁷.

Маргиана и Бактрия. Последние десятилетия в археологии Юго-Западной Азии ознаменовались открытием в Бактрии ранее практически неизвестной страны эпохи поздней бронзы, некогда располагавшейся по обоим берегам р. Амударья. Крупномасштабные археологические раскопки соответствующих памятников Севериной¹⁸ и Южной¹⁹ Бактрии выявили здесь вполне оригинальную и самостоятельную земледельческую культуру древневосточного типа. Параллельные работы, проведенные в те же годы в Маргиане, показали их чрезвычайно большое сходство, так что было предложено (во избежание терминологической путаницы) считать соответствующие материалы принадлежащими одному общему Бактрийско-Маргианскому археологическому комплексу, что было поддержано рядом других исследователей²⁰.

В самом деле, по многим параметрам материальные культуры Бактрии и Маргианы проявляют большую близость, которая в общей форме может быть охарактеризована следующим образом. Наличие планировочное сходство таких памятников, как бактрийские Дашлы 3 и Сапалли, и в Маргиане — Келлели 4; сходство, проявляющееся не только в общих планировочных принципах, но и в общей строительной технике. Близки, если не идентичны, погребальные обряды, проявляющиеся в преимущественно северной ориентировке умерших и в культовых захоронениях молодых баранов в окружении погребальных приношений. Пока только лишь в Бактрии и Маргиане так широко представлены каменные амулеты так называемого мургабского стиля, гравированные изображения на которых не только похожи, но в ряде случаев идентичны. Практически именно в Бактрии и Маргиане нам пока известны культовые сосуды со скульптурными фризами по венчику, что, помимо прочего, указывает на близкие религиозные верования (рис. 11). Одинаковы каменные буланы, украшенные извивающимися дентами (возможно, змеями), бисерные бусы с круговым орнаментом, косметические флаконы, буланы с извержениями в виде сжатого кулака, явно церемониальные топоры, алебастровые вотничные вазы на ножках, каменные сосуды в виде почки, так называемые составные статуэтки. Это сходство, временами переходящее в тождество, в основном касается таких категорий изделий, которые практически пока нигде более в таком количестве и такой яркой форме не засвидетельствованы. Указанные сопоставления дополняются практически идентичными керамическими комплексами, не оставляя сомнений в культурном, а скорее — генетическом родстве Бактрии и Маргианы²¹.

Вместе с тем, имеется одно, но весьма важное различие — в Бактрии практически не была распространена антропоморфная пластика, известная в Маргиане, что, казалось бы, указывает на различия в идеологических представлениях. Однако нет антропоморфной пластики и в Лучинском и Тахирбайском оазисах Маргианы, что весьма знаменательно. В Бактрии исследуемый археологический комплекс выступает

Рис. 11. Сравнительная таблица: Маргиана и Бактрия

в «чистом» виде, он не имеет местных древнеземледельческих предшественников, так что отсутствие антропоморфной пластики — характерный признак бактрийского археологического комплекса. С другой стороны, в Маргиане антропоморфная пластика (там, где она есть) встречается вместе с культовыми сосудами, указывая на продолжение как местных, южно-туркменистанских обрядовых традиций, так и новых, связанных с новыми культовыми воззрениями. Словом, есть все основания считать, что в Маргиане были достаточно широко распространены два направления в культовой обрядности: в одном случае для этих целей использовались антропоморфные статуэтки, в другом — культовые сосуды, что указывает на широкую веротерпимость древнего населения Маргианы.

Существуют, вероятно, и другие локальные различия, но они имеют второстепенное значение и лишь ярче подчеркивают близость, если не сказать идентичность большинства основополагающих признаков материальной культуры Бактрии и Маргианы. Но и это установленное обстоятельство не решает проблемы сложности древнеземледельческой культуры в дельте Мургаба. Дело в том, что Бактрийско-Маргианский археологический комплекс относится практически к одному времени и указывает лишь на историко-культурные связи Маргианы с внешним миром, но не на происхождение. Бактрия в еще большей степени, чем Маргиана, требует изучения своего происхождения, а вместе эти древние страны представляют собой как бы два ответвления одного ствола.

Маргиана и Северо-Восточный Иран. Наши поиски истоков происхождения Бактрийско-Маргианского археологического комплекса уводят нас в Северо-Восточный Иран, где наиболее показательные соответствия демонстрирует поселение Гиссар и отчасти так называемый астрабадский клад. Оставляя в стороне вопрос о керамике, обратимся к более характерным категориям изделий. Подобно Маргиане и Бактрии, в Гиссаре также имеются «миниатюрные колонки», «гири», топоры-тесла, медные перегородчатые печати, цилиндрические печати, косметические флаконы, биконические бусы с кружковым орнаментом, булавки с фигурными навершиями и др. Показательно, что весь этот сходный комплекс имеется лишь в Гиссаре III, иначе говоря, в верхнем слое этого конкретного памятника, не обнаруживая видимых местных прототипов. В определенном смысле археологический комплекс Гиссар III ближе к Бактрийско-Маргианскому, чем собственно к Гиссар II (рис. 12).

Если теперь обратиться к керамике, то, исключая вазы на высоких ножках, все остальные основные формы Гиссар III близки к керамической посуде Бактрии и Маргианы, чем к собственно Гиссар II. В самом деле, графины, соусники, бокалы, чайники, сосуды со слюдами слоя Гиссар III находят преимущественные, если не сказать, исключительные аналогии в керамике Бактрии и Маргианы, чем Гиссар II.

Особо следует остановиться на одной керамической форме — вазах на высоких ножках. Так, самая ранняя расписная керамика Гис-

Рис. 12. Сравнительная таблица: Бактрия, Маргиана и Гиссар.

сера демонстрирует вазообразные формы, которые генетически продолжают в периоде Гиссар II. Вместе с тем уже в ранней фазе Гиссар IIА в массе расписной посуды появляется группа сероглиняной керамики, среди которой имеются и вазы на ножках. Е. Шмидт отмечал, что отдельные экземпляры серой посуды буквально копируют формы предшествующей ранней керамики и в целом склоняется к мысли видеть в ней свидетельство прихода новых племен из Туркмении²¹. Для нас важно отметить, что сероглиняные вазы встречаются уже в поздненеолитических слоях Южного Туркменистана, где они представляют явный импорт. Особенно показательна вышеупомянутая целая неопубликованная ваза, происходящая из верхнего слоя поселения Геоксюр I, соответствующего фазе Гиссар IIА. Единичные фрагменты сероглиняных сосудов, в том числе ваз на ножках, имеются и в слоях Намазга III на Намазга-депе²². Сероглиняная керамика, в том числе вазы на ножках, продолжает существовать и в комплексе керамики периода Намазга IV, и хотя количество ее несколько увеличивается, считать, что она «довольно широко распространяется»²³ нет веских оснований.

Характерная особенность южно-туркменистанских бокалов и ваз на ножках — ориентация их гофрировкой, что отмечено и для слоев Гиссар II²⁴, — признак, объединяющий керамическое искусство этих обширных соседних регионов. В пору Намазга V появляются вазы на ножках, но не сероглиняные, а светлофонные, иногда с лопаточковидным сливом, свидетельствуя уже о местном им подражании. Но и здесь такие вазы составляют незначительный процент среди основных керамических форм, как это, например, можно видеть по керамике Алтын-депе.

Этот краткий очерк развития одной керамической формы показателен в том плане, что в следующий период времени Намазга VI вазы на ножках становятся ведущей формой, представленной на «вышке» Намазга-депе, Теккем-депе, Анау, в могильнике Янги-кала и в особен-

ности в Маргиане. Создается впечатление, что существовала особая керамическая провинция, наиболее ярко представленная пока соответствующими материалами Гиссара, но, конечно, распространенная и на других памятниках иранского Хорасана типа Шах Тепе и Тюренг Тепе. Вместе с тем, открытия последних лет дают основания распространить эту зону существования керамической провинции на большую часть Восточного Ирана, где, как теперь выясняется, существовала развитая древнеземледельческая культура (Шахдад). Иными словами, если в пору Намазга IV и V вазы на ножках составляли незначительный процент среди основной местной керамики, то в период БМАК они стали ведущей формой, которая была привнесена приходом новых племен.

Маргиана и Восточный Иран. Археология Восточного Ирана до сих пор остается наименее изученной в системе всей страны. Долгие годы все наши сведения ограничивались скудными данными на крайнем юго-востоке и северо-востоке Ирана. Лишь сравнительно недавно получены свидетельства о древностях восточной части Ирана, как они документируются раскопками Шахри Сохте, Тепе Яхья и Шахдада. К сожалению, многолетние раскопки в Шахдаде изданы лишь в виде каталога наиболее эффектных находок. Тем не менее есть все основания предполагать здесь в Керманском оазисе существование древнеземледельческой культуры, которая получает наибольшее развитие в эпоху бронзы (рис. 13).

Рис. 13. Сравнительная таблица: Бактрия, Маргиана и Шахдад.

Именно к этому периоду относятся наиболее яркие находки, которые в качестве погребенных приношений положены вместе с умершими в могилы, сравнение которых с Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом дает большое количество взаимных параллелей, доходящих порой до тождества. В самом деле, одинаковы, если не сказать идентичны, перегородчатые печати, металлические сосуды характерных форм в виде кубков, соусников, сосудов с лопаточковидными сливами. Вотивные, церемониальные топоры с обухом в виде петушиного хвоста, стелитовые орнаментированные флаконы, изображения богини в канонической позе с руками, сложенными на поясе, дополняют общую характеристику сходных признаков между этими конкретными регионами¹⁹.

В еще большей степени историко-культурный параллелизм подчеркивается соответствующими керамическими комплексами Шахдада, где наряду с сероглиняной имеется и светлофонная керамика, более напоминающая керамику Бактрии и Маргианы, чем собственно Ирана. Это важное обстоятельство хотя и в косвенной форме, но может указывать на предполагаемое существование в Восточном Иране керамической провинции, в которой наподобие Южного Туркменистана изготавливались светлофонные сосуды. Поэтому можно допустить, что в период позднего Намазга IV в Южном Туркменистане вместе с распространением двухъярусных керамических горнов и появлением гончарного круга распространяются и некоторые новые формы, традиции которых уходят в керамическое искусство Восточного Ирана. В таком случае сходство Бактрийско-Маргианского керамического комплекса с Южно-туркменистанским можно объяснить вхождением их, по крайней мере с эпохи ранней бронзы, в единую керамическую провинцию, центр которой мог располагаться в Восточном Иране.

Доказательством тому может служить Тепе Яхья, если и не входящий, то отражающий традиции предполагаемой провинции. Соответствующие материалы происходят из слоя Яхья IV, где особенно показательны вазы и кубки на высоких ножках²⁵, а также растительные орнаменты типа «дерева», едва ли не самые распространенные на посуде Маргианы. Сходны не только формы и декор, но и технология изготовления ваз, когда для большей прочности крепления ножек к донцу, последние покрывались серией мелких насечек²⁶, — прием, повсеместно распространенный у керамистов Бактрии и Маргианы. Керамические соответствия дополняются стегитовыми сосудами со сходной «зубчатой» орнаментацией, медными перегородчатыми и стегитовыми печатями, булавками с лопаточковидным навершием, цилиндрическими печатями с изображением одинаковых по иконографии крылатых божеств с птичьими лицами. Эта характерная, но немногочисленная группа находок и в особенности керамика на Тепе Яхья производит впечатление «пришлой». В таком случае, вышеотмеченные единичные вазы на ножках в слоях позднего энеолита Южной Туркмении, как и на Тепе Яхья, могут отражать слабые влияния Восточно-Иранской керамической провинции, которые несколько усиливаются в последующую эпоху бронзы. Но лишь в период БМАК отмечается широкое распространение этого керамического комплекса, масштабы которого указывают уже не на влияние, а на приход нового населения с новыми, хотя и во многом родственными керамическими традициями. В Южном Туркменистане эти новшества в «чистом» виде фиксируют могильник Яяги Кала и слои Алау III, «вышка» Намазга-депе, Теккем-депе, Улуг-депе у Душака. Но наиболее полно оно документируется керамическим комплексом Маргианы.

В настоящее время материалы, сменяющие комплекс Намазга V, лучше и полнее всего представлены не в Южном Туркменистане, а в Маргиане, представляющей не «мургабский вариант Намазга VI», а БМАК. Создается впечатление, что племена, которые принесли с собой эту керамику, предположительно, из Восточного Ирана, не задержались

в Южной Туркмении и оставили здесь лишь незначительные группы населения, широко колонизовав дельту Мургаба, еще раньше частично обжитую уже к тому времени южно-туркменистанскими племенами. Иначе говоря, центр жизни из традиционных земледельческих оазисов Южного Туркменистана переместился в Маргиану.

Маргиана и Белуджистан. До самого последнего времени все наши сведения о древностях Белуджистана ограничивались находками, сделанными еще в начале века. Так, в могильнике Хураб среди погребальных приношений наряду с местными изделиями выделены «необычные» сосуды, включающие вазы на ножках²⁷. В разбейных могильниках Мехи не только керамика, но и весь набор погребальных приношений, где, помимо ваз, также перегородчатые печати, зеркала, браслеты и булавки²⁸, чрезвычайно близки БМАК, что совершенно исключает элемент случайного совпадения. Находка миниатюрной каменной колонки в Кулли²⁹ и особенно венчика³⁰ от ритуального сосуда с напеченной скульптурной фигуркой животного свидетельствует о близости, если не идентичности, культовых воззрениях этих трех областей.

В 1980—1985 гг. аналогичные материалы получены в ходе раскопок в южном могильнике Мергар VIII, где обнаружены захоронения в ямах, сосудах, кенотафы. Раскопано 8 плохо сохранившихся погребений, могильные ямы в которых прямоугольной формы размером 3×2 м, скелеты скорченные, головой ориентированы на запад. Погребальные приношения включают косметический флакон с торчатцей и горлышке медной палочкой, медно-бронзовые сосуды, булавку с навершием в виде раскрывшегося бутона, каменный амулет с изображением извивающейся змеи, каменный «посох», каменный сосуд в виде почки, зеркало, множество бус из поделочных камней и керамику, типичную для БМАК³¹.

В 10 км к юго-западу от Мергара расположено разбейное процессами естественной дефляции поселение Сибири, на поверхности которого, помимо других находок, встречены каменная миниатюрная колонка, топор-гесло, медно-бронзовые перегородчатые печати. Особого интереса заслуживают цилиндрические печати с изображениями зебувидных быков и атакующих львов, удивительно близко напоминающими изображение на одной цилиндрической печати из Маргианы. Столь же показательные параллели обнаруживает стегатитовый амулет с гравированной композицией, включающей крылатое животное с рептилией под животом³², прямо перекликающейся с аналогичными рисунками на амулетах БМАК. Осталось отметить, что культурный слой поселения Сибири достигает толщины 1,5 м, где раскоп площадью 1200 м² выявил остатки зданий, очаги, полуразбейные скорченные скелеты, ориентированные головой на север, причем, детские, подобно маргианским, находились внутри крупных сосудов³³. У нас особый интерес вызывают раскопки архитектуры второго слоя, где выявлены плуристенные камни, свидетельствующие о сходных домостроительных приемах с БМАК.

Весь погребальный набор Сибири, включающий, помимо указанных находок, и керамику, находит наиболее прямые и показательные аналогии в соответствующих материалах БМАК и более пока нигде

(рис. 14). Вместе с тем необходимо отметить, что женские терракотовые фигурки с поселения Сибри вряд ли можно сравнивать с маргианскими и южно-туркменистанскими, т. к. следует иметь в виду, что в Белуджистане в комплексе «культуры Кветты», относящейся к III тыс. до н. э., уже были встречены женские статуэтки, находящие убедительные прототипы в неолитической коропластике геоксюрского типа, так что можно предположить их глубокую местную линию развития¹⁰. В этой связи следует также иметь в виду женские терракотовые статуэтки из Гумла¹¹, живо напоминающие южно-туркменистанские, но более раннего времени, типа Намазга IV—V, что лишний раз указывает на многообразие путей сложения коропластики эпохи поздней бронзы Юго-Западной Азии.

Сенсационные находки, сделанные весной 1985 г. в г. Кветте, резко расширяют наши представления об общем культурном обмене и ареале распространения БМАК. Здесь при строительстве отеля на глубине 3,5 м найдено погребение с несколькими медными и керамическими сосудами. На расстоянии 3 м от него, видимо, располагался кенотаф, погребальные приношения которого включают каменные «посохи», 4 «миниатюрные колонки», 2 каменных диска, алебастровые сосуды. Медно-бронзовые изделия представлены ножжами, зеркалами, долотом, топором. Два золотых кубка украшены процессией идущих в ряд львов. Сотни мелких золотых бусинок, 2 золотые подвески в виде быков дополняют кветтскую коллекцию. Осталось добавить, что вместе с этими вещами находились стеатитовая нижняя часть от составной статуэтки, каменные «пешки», шарики, медно-бронзовая «жаровня» со следами копоти и свинцовая «подставка»¹². Авторы, издавшие кветтские находки, вполне справедливо отмечают их преимущественные, если не сказать — исключительные, связи с БМАК, с чем можно полностью согласиться (рис. 15).

Итак, если в начале соответствующие материалы (Кулли, Мехи, Шахи Гумп) выглядели изолированно и были известны лишь в Южном Белуджистане, то теперь они открыты и в Центральном, бесспорно свидетельствуя о достаточно широком ареале распространения сходного археологического комплекса.

Ближние материалы, смешанные с хараппской керамикой, отмечены на поверхности еще одного белуджистанского поселения Дамболи неподалеку от Сибри.

Как теперь становится очевидно, подобно Бактрии и Маргиане, здесь в Белуджистане складывается родственная им оседлоземледельческая культура, отмечающая особый белуджистанский центр. И хотя сейчас таких памятников в Белуджистане едва ли наберется более 10, есть всекие основания предполагать, что будущие исследования откроют десятки таких новых поселений. Все авторы единодушны в мнении, что наиболее показательные аналогии, соответствующие белуджистанским памятникам, находят в материалах Бактрии и Маргианы, а в обобщенной форме — в Шахдаде. Возникает закономерный вопрос — что это, простые взаимные культурные контакты или же новшества, связанные с приходом какого-то населения? Иными словами,

Рис. 14. Сравнительная таблица: Бактрия, Маргиана и Белуджистан.

Рис. 15. Сравнительная таблица: Бактрия и Маргиана, Белуджистан и Маркон.

существует ли прямая связь между Бактрией и Маргианой, с одной стороны, и Белуджистаном, с другой — и если да, то отражает ли она племенную инфильтрацию или обычное культурное взаимовлияние?

Основной исследователь древностей Белуджистана Ж. Жарриж, признавая очевидное сходство БМАК, Белуджистана, Северо-Восточного и Восточного Ирана, усматривает в этом отражение местных локальных традиций, стимулированных влиянием и запросами городских центров Месопотамии, Элама и индийской цивилизации. По его мнению, в это время исключительное значение приобретает контроль международных торговых путей, по которым распространялись между этими областями минеральные ресурсы. В частности, стратегически важное значение между Афганистаном и Пакистаном имел боланский проход, через который богатейшие минералы Белуджистана включались в международную обменную торговлю и через Афганистан в Иран достигали Месопотамии. А поскольку Мергар, Сибри и Кветта находятся вблизи боланского прохода, они могли, по Ж. Жаррижу, контролировать проходившие через него товары и полуфабрикаты. По мнению автора, все это, в свою очередь, привело к тесному контакту белуджистанского населения с иранским плато и югом Средней Азии, чем и объясняются вышеотмеченные черты сходства БМАК и Белуджистана.

Не отрицая важности и вполне вероятной правомерности этих наблюдений, думается, не исключено и другое допущение, связанное с иной интерпретацией имеющегося археологического материала. Открытия, сделанные в последние десятилетия в области археологического изучения Юго-Западной Азии, кардинально меняют наши представления о древней истории населявших ее племен во II тыс. до н. э. И если еще совсем недавно наши сведения об этом периоде в основном базировались на материалах Гиссар III и весьма отрывочных с юга Средней Азии, то теперь картина исторического развития данной части древневосточного мира представляется в ином свете.

После блестящих открытий бактрийских древностей стало очевидным, что материалы Гиссар III представляют собой не что-то особенное и исключительное, а один из центров широкого ареала существования БМАК. И лишь сравнительно ограниченные масштабы археологических работ Маргианы препятствуют такой же высокой оценке культуры существовавших здесь племен. Следующий центр сходной культуры маркируют данные Шахдада и в особенности его погребальные комплексы. Наконец, на индийском субконтиненте мы теперь имеем еще один белуджистанский центр. Следует сразу же оговориться, что ни один из этих центров очерченной обширной зоны не имеет аналогий. Везде, кроме Бактрии (археологический комплекс которой не имеет предшественников), существуют локальные вариации. В Маргиане они наиболее ярко прослеживаются в антропоморфной пластике южно-туркменистанского типа и отчасти в керамике; ранний период в Шахдаде — по материалам талибакунского облика; в Белуджистане различия представлены соответствующими материалами Мергар VII и отчасти позднихарапской керамикой. Бесспорно, имеются и иные

локальные различия, пока еще трудно улавливаемые, но в каждом конкретном случае обусловленные предшествующими глубоко местными культурными традициями.

Вместе с тем, эти локальные вариации не могут заслонить то общее, что объединяет вышеупомянутые центры культуры. Вспомним близкие, если не аналогичные формы нерасписной керамики, булавки и косметические флаконы, перегородчатые печати, каменные амулеты и цилиндрические печати, «миниатюрные колонки», «гири», «посохи», каменные составные статуэтки, сосуды в виде почки и многое другое, чтобы прийти к однозначному заключению о большой культурной общности. Налицо существование общего археологического комплекса на обширной территории Юго-Западной Азии, но нигде не имеющего пока видимых истоков происхождения (исключая, возможно, Восточный Иран, где уже первые исследования в Шахдадском оазисе сразу же выявили сходный со всеми вышеперечисленными археологический комплекс, лучше всего пока известный по могилам Шахдада). Не исключено, что из одного такого предполагаемого центра племенная миграция приводит в движение огромный древнеземледельческий мир общинников, свидетельством чего служат материалы Бактрия, Маргяны и Белуджистана. В таком случае промежуточный путь инфильтрации племен могут отмечать памятники типа Гиссар III на северо-востоке и Тепе Яхья на юго-востоке Ирана.

П. Амье первым отметил существование культурной общности на этой обширной территории, обнаруживающей бесспорное влияние Месопотамии и в особенности Элама⁵⁷, что было затем подтверждено новыми данными⁵⁸. Думается, что в свете имеющихся фактов, наиболее вероятным центром является Восточный Иран, обнаруживающий сильное культурное влияние, идущее из Юго-Западного Ирана. Есть веские основания предполагать, что культурные контакты существовали между Восточным Ираном и Южной Туркменией, начиная с энеолитического времени. И если уже тогда они прослеживаются в основном в керамическом искусстве, то в эпоху ранней и особенно развитой бронзы культурные связи расширяются. Свидетельством тому могут служить «миниатюрные колонки», известные в Шахри Сохте уже в периоды II—III тыс. до н. э., которые могли попасть в Туркмению в порядке соседних торговых обменов. Возможно, такое же происхождение имеет каменная «гири», найденная в слоях позднего Намазга IV на Улуг-депе у Душак⁵⁹.

Иными словами, можно допустить, что вполне естественные культурно-исторические контакты двух соседних территорий, таких как Восточный Иран и Южная Туркмения, в начале II тыс. до н. э. перерастают в широкое племенное расселение, результатом чего и стали те новшества, которые появились здесь вместе со сложением Маргянского археологического комплекса.

АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА И НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ

Вышеприведенные материалы подводят нас к вопросу об арийском завоевании и упадке хараппской цивилизации долины Инда, который теперь может быть рассмотрен через призму новых археологических фактов. Но сначала кратко остановимся на обзоре основных точек зрения по этой интригующей проблеме древней истории индийского субконтинента. В настоящее время упадок хараппской цивилизации объясняется: 1) нашествием врагов; 2) природной катастрофой; 3) обеднением экологической среды. Уже первые широкомасштабные раскопки Мохенжо Даро выявили в верхних горизонтах явные следы упадка, когда на смену регулярной городской планировке приходят небрежно выстроенные дома, на бывших магистральных улицах устраиваются гончарные горны, крошечные лавочки и т. п. Визуальная картина отмечается в Чанху Даро, где исследователи усматривают явный перерыв в архитектурных традициях последнего и предшествующего периодов; дома теперь строятся без фундаментов, не образуют регулярной городской планировки, а, напротив, бессистемно разбросаны по всей площади. Точно так же в Хараппе отмечены признаки преувеличенного внимания к обороне города, что в косвенной форме может указывать на его укрепление в связи с внешней опасностью. Наконец, в руинах нижнего города Мохенжо Даро обнаружено несколько групп скелетов, которые некоторые исследователи склонны рассматривать как жертвы захватчиков.

Согласно этой гипотезе, хараппская цивилизация могла погибнуть в результате вторжения врагов, в доказательство чего сторонники этой теории приводят группы скелетов нижнего города в Мохенжо Даро. Но уже было отмечено, что сами по себе эти скелеты не могут являться решающим аргументом¹, а, кроме того, есть основания предполагать, что, по крайней мере, часть их на несколько веков моложе чем конец Хараппы. Правда, одна такая группа, включающая 14 скелетов, бесспорно, относится к хараппскому времени, но отмечено, что и здесь прослойка земли в 15 см отделяет одни скелеты от соседних². Стратиграфическое положение могильника указывает, что он был перекрыт аданиями позднихараппского периода и, таким образом, относится к предшествующему времени, нежели конец Хараппы. И хотя в 1964 г. в верхнем горизонте Мохенжо Даро обнаружено 5 скелетов, погребенных под грудой обрушившихся кирпичей, они в одинаковой степени могут быть жертвами как убийства, так и обвала³. Во всяком случае, Д. Маршалл и Э. Маккей склонны усматривать в этих группах скелетов не столько жертвы внешнего вторжения, сколько грабителей, спустившихся с гор в уже агонизирующий город.

Вторая теория усматривает причины упадка хараппской цивилизации в природных катастрофах, когда комплекс геологических измене-

ний, и в частности образование естественной песчаной плотины в главном русле Инда кладет конец городской культуре. Эта теория, впрочем, встретила решительное возражение со стороны ряда специалистов⁴.

Естественные факторы в какой-то степени могли быть связаны с упадком хараппской цивилизации. Доказательством тому служит сообщение Страбона (XV.1.19), основывающееся на свидетельстве Аристубула, который в 326 г. до н. э. оказался в долине Инда, где «...он видел страну с более чем тысячу городов вместе с селениями, покинутую жителями, потому что Инд, оставив свое прежнее русло и повернув в другое русло, гораздо более глубокое, стремительно течет, низвергаясь подобно катаракту».

Из этого факта некоторые авторы сделали вывод, что в связи с тектоническими толчками уровень вод в Инде настолько повысился, что привел к затоплению и гибели самих городов, что, однако, вызвало резкую критику со стороны ряда других специалистов⁵.

Наконец, третья теория связывает конец хараппской цивилизации с истощением экономических ресурсов, что и побудило местное население оставить веками насиженные места и отправиться на поиски новой родины, далеко на восток, преимущественно в долину Ганга⁶. Согласно этой теории, интенсивное развитие сельского хозяйства могло привести к истощению орошаемых земель, но уже было отмечено, что Инд ежегодно во время наводков наносит ил, который восстанавливает плодородие долин. Наконец, высказано предположение, что по мере эволюции общества и в связи со значительным расширением территории, включившей уже и отдаленные районы обитания соседних племен, наблюдается определенная варваризация культуры, что сопровождается одновременным ослаблением торговых контактов с Месопотамией⁷.

До сих пор мы отмечали лишь общие изменения в основном в архитектуре финальной фазы таких столичных городов, как Хараппа и Мохенжо Даро. А между тем еще в начале нашего века неподалеку от Мохенжо Даро, на поселении Джукар, над хараппскими слоями был выделен конкретный археологический комплекс, который затем отмечен на многих поселениях Синда, т. е. уже на юге страны. Ж. Жарриж отмечает, что хотя из Мохенжо Даро «джукарские» материалы не публиковались, в местном музее имеются горшки джукарской культуры⁸, что в косвенной форме может указывать на их происхождение с этого конкретного памятника, что и неудивительно, учитывая их территориальную близость. Как это ни выглядит парадоксально, но до сих пор культура Джукар известна нам в основном по ее керамике. Казалось бы, этот пробел должен был восполниться раскопками Чанху Даро, но там соответствующие материалы оказались сильно нарушенными процессами естественной дефляции. Тем не менее и здесь типично хараппские слои перекрываются в целом отличными постхараппскими, вместе с тем, перекликающимися с джукарскими. Все авторы единодушны в признании пришлого характера людей, оставивших джукарские слои на Чанху Даро и других мелких памятниках Синда, посуда которых, по мнению С. Пигготта, представляет собой

сочетание керамических традиций культуры Кулли и отчасти собственно Харалпы⁹.

Рис. 16. Сравнительная таблица: Бактрия, Маргиана и джукарская культура.

Рассматривая в целом этот конкретный археологический комплекс находок, он склонился к выводу о его в целом южно-белуджистанском происхождении. Доказательства этому, помимо керамики, дают так называемые печати «джукарского стиля», изготовленные из керамики, фаянса, камня и металла, резко отличные от харалпских, но находящиеся, вместе с тем, западные параллели. Э. Маккей и в особенности С. Пиггот первыми обратили внимание на западные аналоги джукарской культуры, прямо указывая на связь с могильником Шахи Тумп, материалы которого, в свою очередь, как мы уже указывали, типичны для БМАК. Добавим, что знаменитые изображения животных с надписями на печатях харалпской цивилизации уступают место преимущественно геометрическим мотивам крестов и особенно свастик, находя осязательные аналоги в глиптике и сфрагистике БМАК.

В свете новых открытий в Бактрии и Маргиане сделана попытка в общей форме наметить элементы сходства между джукарской культурой и БМАК, что в первую очередь проявляется в области глиптики и сфрагистики¹⁰. И хотя Ж. Жарриж ставит под сомнение почти все западные параллели джукарской культуры, стегатитовая биконическая бушина с кружковым орнаментом¹¹ не оставляет сомнения в реальности предполагаемых аналогий, что находит подтверждение, помимо медных печатей со свастикой, в уже упоминавшейся фаянсовой «печатке» с крестовидным орнаментом, точно повторяющей такую же фаянсовую с Чанху Даро¹². Мы умышленно не останавливаемся на сходных типах таких изделий, как топоры, княжалы или булавы, которые в действительности достаточно широко и долго были распространены в ирано-белуджистанской пограничной зоне в предшествующее время и

могли попасть в долину Инда в погоне торговли или обмена. Точно так же оставляем в стороне вопрос о такой специфической керамической форме, как вазы и кубки на высоких ножках, столь широко распространенные в Бактрии и Маргиане, а теперь и в Белуджистане, но хорошо известные здесь еще в хараппское время. Нельзя считать случайным сходством близость, проявляющуюся, помимо глиптики и сфрагистики, в архитектурной планировке и домостроительных приемах. Подобно Бактрии и Маргиане, люди джукарской культуры не знали подлинных городов, а жили на поселениях, широко раскинувшихся по горизонтали, что и предопределило «разбросанную» планировку, выведенную в верхних слоях Хараппы и Чанху Даро. Вместе с тем здания, открытые на Чанху Даро, не производят впечатления примитивных строений¹², а внутрененные камни, перекликающиеся с аналогичными Бактрии и Маргианы, свидетельствуют о высоком уровне домостроительной техники.

К сожалению, до сих пор мы не имеем могильников, бесспорно принадлежащих к джукарской культуре, погребальные приющения которых могли бы расширить наши представления о ее общем характере. Тем не менее даже ограниченный комплекс находок указывает на связи джукарской культуры с Белуджистаном. И если раньше эти аналогии уходили в Южный Белуджистан (Шахи Тумб, Мехи), то теперь центрально-белуджистанские памятники типа Мергар—Сибри и Кветты четко сближают их между собой во времени и в пространстве.

Пока еще трудно доказать, но думается, что джукарская культура входит в круг белуджистанских типа Мергар—Сибри, возможно, отмечая их самую позднюю фазу, угасающие традиции, что обнаруживается в области глиптики, сфрагистики и домостроительной техники. Можно надеяться, что будущие раскопки расширят и дополнят круг предполагаемых аналогий, заполнив существующий пробел между джукарской культурой и памятниками типа Мергар—Сибри. Точно так же, как бы ни были спорны вопросы абсолютной хронологии, остается в силе отмеченная синхронизация БМАК и Гиссар IIIС, а теперь и с Мергар—Сибри, что согласуется с давно высказанным мнением об отнесении к этому времени джукарских слоев Мохенжо Даро и Чанху Даро¹⁴ (соответственно к началу II тыс. до н. э.). Если в начале изучения джукарской культуры отмечались ее общие западные истоки, то теперь есть данные, позволяющие конкретизировать такое допущение и связать ее с появлением в долине Инда нового населения, скорее всего, из соседнего Белуджистана. В таком случае закономерно встает вопрос о причинах и характере внешней инвазии в долину Инда.

Для начала остановимся на первом вопросе. Показательно, что в Белуджистане слои с материалом типа БМАК всегда расположены наверху памятников, знаменуя финальную фазу их существования. Более того, установлено, что появление здесь комплекса Мергар—Сибри совпадает с упадком таких поселений эпохи бронзы, как Мундигака и Шахри Сохте. Иначе говоря, упадок Мундигака и Шахри Сохте если и не совпадает, то предшествует началу появления комплекса Мергар—Сибри. В том плане особенно показательны стратиграфические

данные Тепе Яхья, где слой IVA резко отлечен от нижележащих и характеризуется заменой старой расписной керамики посудой новых форм, не находивших видимых аналогий в этом районе¹⁸, но зато близко напоминающих керамику БМАК¹⁹. Поселения с подобным комплексом известны к югу от Яхья вдоль побережья Персидского залива, а также на ряде поселений Юго-Западного Ирана²⁰, что может указывать на широкие масштабы, предположительно, племенного передвижения в этой части Юго-Западной Азии. Если учесть стратиграфические наблюдения, то создается впечатление, что этому приходу предшествовал период явного запустения Тепе Яхья. Казалось бы, имеются все основания допустить эффектную и драматическую ситуацию гибели ряда поселений Юго-Западной Азии в связи с вторжением воиственных пришельцев. Однако, во-первых, Мунидагк хиреет, но не гибнет окончательно, а, главное, близкая ситуация наблюдалась в Северо-Востоке Иране и Южном Туркменистане. И хотя сейчас можно считать доказанным факт резкого сокращения жизни в этих районах практически в одно и то же время, в начале II тыс. до н. э., причины этого остаются не совсем ясны. Предлагались самые различные объяснения, начиная от климатических изменений вплоть до вторжения арийских племен, но, как уже справедливо было отмечено, индоарии появляются здесь в начале II тыс. до н. э., а упадок старых центров начался, как теперь доказано, в предшествующее время, а процесс упадка шел постепенно²¹.

Итальянские археологи М. Тоси и Р. Бишони отметили широкую ареалу сходных изменений в указанных областях, а Г. М. Бонгард-Левин прямо заключает, что «...в основе этих качественных изменений в Иране, Афганистане, Средней Азии, долине Инда лежали сходные или аналогичные факторы»²². Итак, исследователи единодушны в признании факта сходных явлений, охвативших Юго-Западную Азию в начале II тыс. до н. э., расходясь лишь в их историко-культурных оценках.

Применительно к южно-туркменистанским памятникам этот факт соответствует финальной фазе комплекса Намазга V, когда приходит в запустение и забрасываются не только мелкие поселения типа Шордене, Тайчанак-дене, Коша-дене, но и столичный Алтын-дене. Жители этих поселений частично могли переселиться и положить начало первой колонизации дельты Мургаба. Резко сокращается в размерах Намазга-дене, обжитая площадь которого едва достигает 2 га. Правда, продолжают существовать такие поселения, как Улуг-дене у Душак, холм Анау, Теккем-дене, но на первом из них масштабы жизни резко сокращаются, а другие представляют собой мелкие поселения. Налицо сложная картина исторического развития южно-туркменистанских племен, объясняемая то наступлением ксеротермического периода, то вторжением воиственных кочевников из среднеазиатских степей.

В этой связи особого интереса заслуживают данные смежных наук и, в первую очередь, заключение В. М. Трубихина, давно и плодотворно работающего на территории Туркменской ССР. По его мнению, «позднечетвертичные трансгрессии и регрессии мирового океана имеют, как известно, гляциозватическую природу. Периоды клима-

тических оптимумов, т. е. периоды максимального потепления и увлажнения и одновременно максимального повышения уровня мирового океана сменялись периодами похолодания, уменьшения влажности (опустынивания) и регрессии (понижения уровня) мирового океана. Около 4500—4200 лет назад произошла значительная регрессия, максимум которой приходился на уровень примерно 4000 лет назад. Последующий период характеризуется постепенным потеплением, повышением влажности и трансгрессии. Подобный режим характерен для всей Западной Евразии. Для Средней Азии подобная закономерность подтверждается изучением позднеголоценовых отложений Прикаспийских районов Туркмении. Пик так называемой новокаспийской трансгрессии приходится на интервал примерно 5000—7000 лет назад, в связи с чем находится и период максимальной увлажненности.

Изучение такрыных отложений в «Данатинском коридоре», между хребтами Кюрендаг и Малый Балхан, показывает, что пльвиальный тип осадконакопления сменился на пустынно-такрыный тип примерно на рубеже 4000 лет назад (варвохронология, палеомагнитные данные). В дальнейшем пустынно-такрыный тип осадконакопления оставался здесь доминирующим. Однако на его фоне можно выделить периоды увлажненности (3500, 2500, 2000 и т. д. лет назад), показывающие неплохое сходство с мировыми данными²⁷.

Иначе говоря, засуха и резкое уменьшение воды подгорных ручьев могли подорвать базу поливного земледелия Южного Туркменистана, в результате чего население вынуждено было осваивать речные долины.

Если теперь подойти к оценке отмеченных региональных «кризисов», то, возможно, в основе их лежит одна общая причина — наступление засухи. В таком случае можно допустить, что обширная зона Восточного Ирана явилась центром, откуда племена под воздействием постепенной, но все усиливающейся засухи снимаются с веками насыщенных мест и движутся в поисках новых земель. Одна такая волна переселенцев через Северо-Восточный Иран (Гиссар III) вступает в пределы Южного Туркменистана, где, однако, сохранялась сходная экологическая ситуация. Еще раньше местные южно-туркменистанские племена из-за постепенного усыхания рек в поисках новых земель переходят от эксплуатации подгорных речек и ручьев к освоению аллювиалей равнинной дельты Мургаба. Именно сюда, где в изобилии имелись свободные, щедро орошаемые Мургабом земли, и могли двинуться пришлые со стороны Ирана племена: их смешение и приведет со временем к сложению особого Маргианского археологического комплекса. Другая волна достигает великой Бактрийской равнины на севере Афганистана, а затем — Южного Узбекистана, где впервые закладываются основы древнеземледельческой культуры Бактрии. Это — два ответвления одного корня, чем и объясняется поразительное сходство культуры Бактрии и Маргианы. Второй южный путь в пределах Юго-Восточного Ирана могут отмечать также промежуточные памятники, как Яхья в Южном Иране (рис. 17) и Мундитах в Афганистане (рис. 18).

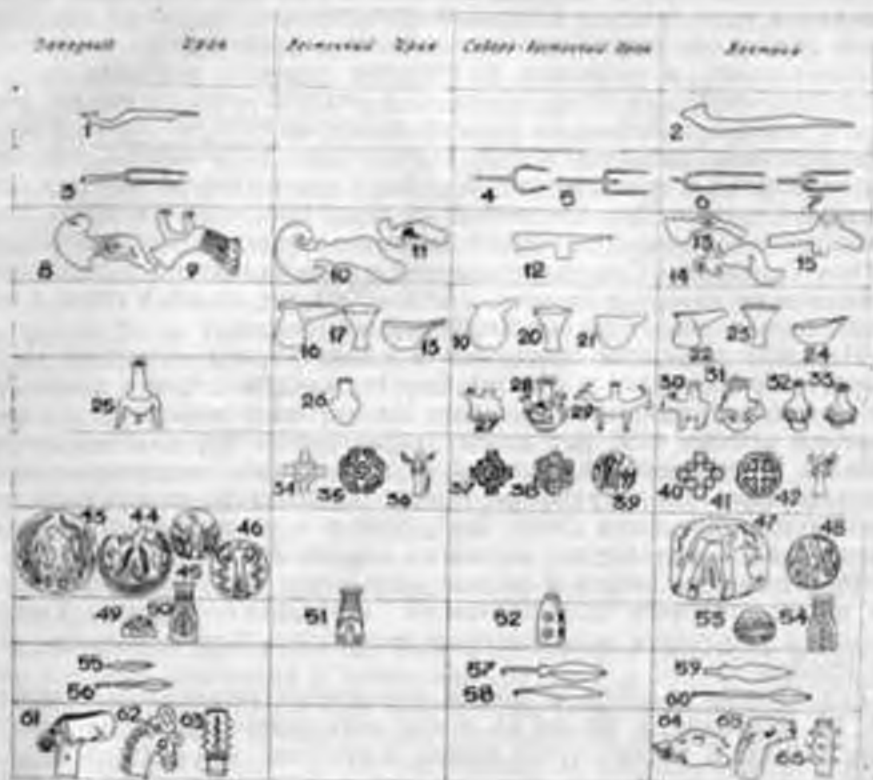

Рис. 17. Сравнительная таблица: Западный Иран, Восточный Иран, Северо-Восточный Иран и Бактрия с Маргшианой.

Рис. 18. Сравнительная таблица: Маргшиана и Топо Яхья.

Но предполагаемая инвазия далека от драматической картины вторжения захватчиков, в том числе и на индийском субконтиненте. Судя по материалам Чанху Даро, пришельцы не только не заняли его силой оружия, но заселили уже после того, как он был частично оставлен и какое-то время оставался заброшенным. До самого последнего времени существует внешне привлекательная теория о гибели хараппской цивилизации в связи с вторжением завоевателей-ариев. Сторонники этой теории находят доказательства, в частности, в «Ригведе», сборнике жертвенных гимнов, составленных на санскрите в середине II тыс. до н. э., из которых можно заключить о великом вторжении, которое сопровождалось сражениями, разрушением городов и т. д. Однако прямой связи прихода арийцев и гибели хараппских городов противоречит хронологический разрыв. Если отвлечься от радиоуглеродных дат, то хронология хараппской цивилизации устанавливалась на основании месопотамской и, в частности, на обнаружении серии типично хараппских печатей в слоях Саргона Аккадского, т. е. около 2350 г. до н. э. Одна такая печать найдена в касситских слоях Ура, которую однако некоторые исследователи относят к 1900—1500 гг. до н. э. В настоящее время считается общепринятым конец хараппской цивилизации относится не позднее начала второй четверти II тыс. до н. э.

II тысячелетие до н. э. отмечается резкой активизацией этнических процессов, в которых наряду с местными участвовали и большие группы пришлых племен. И, пожалуй, центральное место в этом интригующем вопросе занимает индоиранская или иначе арийская проблема. Для нашей темы особый интерес представляет новая концепция Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, которые предложили локализовать родину индоевропейцев в Передней Азии. Распад общиндоевропейского языка происходит на севере Малой Азии, откуда протоиндоиранцы двинулись на восток, в северную часть Иранского нагорья. Позже отсюда индоарины двинулись в двух направлениях: на запад, в Митанни, и на восток, через Афганистан в Индию.

В нашу задачу не входит рассмотрение всей этой сложной проблемы, вот уже 200 лет занимающей умы историков, археологов, лингвистов²². Мы лишь попытаемся сопоставить старые теории, касающиеся индоиранского расселения, с новыми археологическими материалами. И. М. Дьяконов первым высказал мнение, что прародину ираноязычных племен следует искать не на западе, а на востоке Ирана. Вывод его о восточно-иранской локализации раннеиранских племен представлялся вполне верным, причем следует отметить, что вполне справедливо указание: «...уже носители культуры Намазга VI, Тахирбая... XVII—XI вв. до н. э. почти наверняка были индоираноязычными»²³.

Однако, наряду с такой теорией, существует и противоположная точка зрения, которая соотносит индоиранские племена со степными культурами и, в первую очередь, срубно-андроновскими племенами. В то же время сформулировано как бы компромиссное предположение, согласно которому культурные влияния распространялись с юга на север, а язык — с севера на юг. В самом деле, археологические данные

представляют свидетельства постепенного проникновения древнеземледельческих племен на север (Заман Баба), а северных степных племен — на юг, что, однако, не решает проблемы в целом.

Среди археологов Е. Е. Кузьмина, отстаивая вторую гипотезу, приводит наиболее широкий комплекс доказательств, часть которых требует специального рассмотрения. Так, вполне справедливо отмечая большую роль коневодства у ираноиракских племен, автор выступает против того, чтобы видеть в ирано-среднеазиатской зоне родину конных колесниц, решительно исключая все сколько-нибудь веские археологические свидетельства. Доказательство тому усматривается, в частности, в том, что кости животных в Анау, определяемые первоначально как принадлежащие домашней лошади, на самом деле относятся к кулану. Однако следует прямо указать, что кости дикой и домашней лошади в лучшем случае различают с большим трудом, о чем неоднократно говорили не только Дюрст, но и В. И. Цалкин. И совершенно не соответствует археологической реальности утверждение, что в мелкой среднеазиатской пластике неизвестны изображения лошади²².

Великолепный образец терракотовой головки лошади найден при раскопках Алтын-дере, в слоях рубежа III—II тыс. до н. э.²³, что признается всеми исследователями²⁴, и лишь Е. Е. Кузьмина усматривает в ней «двуногрого верблюда». Это особенно непонятно, если учесть, что найдена не фигурка, а лишь фрагмент головки, так что говорить о двуногробе или одноногробе верблюде вообще не приходится. Более того, с южно-туркменских памятников происходит большая коллекция терракотовых моделей как двухосных повозок, так и одноосных колесниц, причем, вопреки мнению того же автора, известны модели колес с нарисованными спицами²⁵, относящиеся, по крайней мере, к периоду позднего Намазга IV, но никак не Намазга VI. Иначе говоря, в III тыс. до н. э. в Южном Туркменистане использовались не архаичные, сплошные, а напротив, более прогрессивные колеса со спицами, что документально свидетельствует о высоком уровне колесного транспорта.

В литературе отмечалось, что среди остеологического материала Южного Туркменистана костные останки лошади отсутствуют²⁶, но это лишь подчеркивает, какое важное место занимало в эпоху бронзы это животное. Можно считать доказанным, что издревле в Южном Туркменистане в качестве тягловой силы использовались быки и верблюды, т. к. бесспорные останки лошади пока известны лишь для эпохи развитой бронзы. Правда, показательно, что исследованный остеологический материал, насчитывающий около 2 тыс. особей с памятником эпохи бронзы, выявил лишь одну особь верблюда²⁷, и это при том, что его большая экономическая роль в древнем хозяйстве признается всеми авторами.

Особая роль лошади и колесниц документируется оттиском с цилиндрической печати из Гиссар III с изображением конной колесницы, колеса которой не сплошные, а со спицами. Для своего времени это была одна из первых цилиндрических печатей в иранском Хорасане, так что Е. Шмидт, хотя и в осторожной форме, но предполагал ее им-

портное происхождение²⁰. Однако в свете находок сходных цилиндрических печатей в Бактрии и Маргиане происхождение гиссарского экземпляра представляется вполне естественным. Доказательством тому может служить цилиндрическая печать из Бактрии с изображением породистой тонконогой лошади с всадником²¹, лишняя раз подчеркивающая особую роль, которую играла лошадь в эпоху поздней бронзы в Ирано-Туркменистанском регионе. В этом плане исключительного интереса заслуживает тот установленный палеозоологами факт, что появление лошади связано с концом периода развитой бронзы²², что совпадает с проникновением в Туркменистан именно БМАК. И, может быть, не случайно terra-cotta головка породистой лошади найдена наверху Алтын-депе в самый поздний период жизни на этом конкретном памятнике, так что не исключено, что пришлые племена БМАК и привели впервые это экзотическое животное в Среднюю Азию. Но и независимо от окончательного решения вопроса есть все основания предполагать, что в пограничной Ирано-Туркменистанской зоне уже, по крайней мере, с начала II тыс. до н. э. известны лошади и колесницы, принадлежавшие местной знати. На этой стадии лошадь еще не использовалась в древнем хозяйстве ни как тяговое, ни как гужевое животное, а имела престижное, элитарное значение, возможно, намекая на выделившуюся прослойку всадничества в среде пришлых племен БМАК.

Б. Брентъес отмечает расхождение во времени между предполагаемым расселением андроновских племен и много более ранним появлением индоариев на Ближнем Востоке. По его мнению, арии были в контакте с Индией до 1600 г. до н. э., а на территории Ирана они находились до сложения андроновской культуры, так что миграцию ариев Брентъес склонен связывать с первым этапом аридизации в конце III тыс. до н. э.²³

Оставляя в стороне несоответствия в отношении хронологии, зададимся вопросом — какие же конкретные археологические комплексы могут быть связаны с индоиранцами? Иными словами, в Иране, Средней Азии, Афганистане и Пакистане должны быть свидетельства существования родственных археологических комплексов, носители которых могут быть соотнесены с индоиранцами. В самом деле, с точки зрения археологии, если это были племена андроновской культуры, их следы должны быть отмечены во всех трех указанных зонах, по крайней мере, в долине Инда. Но прямых археологических свидетельств для андроновской культуры ни в Иране, ни в Пакистане²⁴ неизвестно. Мы далеки от мысли проводить прямую связь между археологической культурой и этносом, но в данном случае поразительное сходство между иранским и индийским языками, по общепринятому мнению лингвистов, предполагает такое культурно-историческое родство, которое должно было бы проявиться и в материальной культуре.

Всем этим требованиям отвечает лишь БМАК. Для доказательства достаточно вспомнить вышеприведенные факты и наблюдения, чтобы прийти к однозначному выводу. В настоящее время единственно лишь БМАК может претендовать на археологическую реальность, которая

практически в одно время, на рубеже III—II тыс. до н. э., появляется в очерченной зоне Юго-Западной Азии. Причиной тому, видимо, действительно являлась вышеотмеченная глобальная аридизация, в результате которой, подобно цепной реакции, приходит в движение огромный земледельческий мир обитателей. Только широким племенным передвижением можно объяснить поразительное сходство белуджистанских комплексов типа Мергар—Сибри и БМАК. Древние земледельцы, попав в исходные экологические условия, и здесь продолжают свои старые традиции как в матеральной, так и в духовной культуре. В Бактрии, Маргiane и Белуджистане мы не имеем никаких прямых свидетельств каких-либо драматических событий, сопровождавших предполагаемую колонизацию этих центров. Напротив, имеются данные, предполагающие, что пришедшие племена осваивают новые места и частично занимают старые поселения, но везде в целом мирно сосуществуют с аборигенами. Примерно в середине II тыс. до н. э. отмечается просачивание белуджистанских племен в долину Инда, свидетельством чего, предположительно, может служить джукарская культура. К сожалению, до сих пор она изучена крайне слабо, но уже сейчас можно допустить, что это проникновение совпадает, а возможно, и следует за глобальным ксеротермическим периодом, захватившим р. Инд. Уже неоднократно отмечались следы постхарапской культуры к востоку от Инда, куда постепенно переселяются жители харапских городов, заброшенные поселки которых могли быть частично реокупированы людьми джукарской культуры. Нетрудно заметить, что конкретный механизм предполагаемого вторичного заселения долины Инда выглядит весьма гипотетично, лишь в самой общей форме и потребует уточнения на новом археологическом материале. Но уже сейчас можно считать, что прямые археологические факты противоречат теории о чистом военном вторжении захватчиков, массовой резне аборигенов и гибели харапской цивилизации в связи с арийским завоеванием.

Указывает ли все это на то, что люди джукарской культуры как-то были связаны с теми индоариями, подлинная история которых все еще остается не совсем ясной. Таких данных у нас нет. Имеющиеся археологические факты лишь соотносят вместе два исторических события: распространение БМАК вплоть до Белуджистана и упадок харапской цивилизации. Приведенные наблюдения археологии согласуются с данными лингвистики и, что особенно показательное, с палеоантропологическими данными, т. е. согласно В. П. Алексееву, прародина индоиранцев охватывала южные области Средней Азии и иранского нагорья³⁴. В настоящее время появление индоиранских племен здесь может соответствовать комплексу Гиссар III как одному из промежуточных центров распространения БМАК. В развитие этой гипотезы теперь можно говорить не только о Северо-Востоке, но и о всем Восточном Иране, где есть основания предполагать очаг происхождения БМАК, с одной стороны, в южных областях Средней Азии и Северо-Западного Афганистана, с другой, — в Белуджистане, а в опосредованной форме — в долину Инда.

В настоящее время параллели джукарской культуры материалам

БМАК и Мергар—Сибри выступают в самой общей форме. Соответствия прослеживаются в таких новшествах, как украшения, керамика с напарными знаками и орнаментами²⁵; известны даже отдельные сосуды²⁶, находящиеся соответственно в БМАК и практически неизвестные в харапской цивилизации. Близость глиптики БМАК джужарской культуре уже отмечалась, к чему теперь можно добавить головку человеческой статуэтки с Чанху Даро, напоминающую каменную головку Миршаде²⁷. В целом все эти и другие аналогии указывают, но еще не доказывают достаточно близкую связь комплекса Мергар—Сибри и культуры Джужар, что, в первую очередь, объясняется ограниченностью известного материала.

Предполагаемое племенное передвижение с запада на восток, реконструируемое на чисто археологическом материале, как будто получает косвенное подтверждение со стороны лингвистических данных. Так, движение индоарийских племен отражено в мифологических представлениях о востоке, связываемом с движением вперед, и соответственно о западе как о «задней» стороне, а о юге как «правой» стороне²⁸. Движение индоарийских племен с иранского нагорья в сторону Индии находит отражение в архаических гимнах Ригведы, указывающих на обитание древнеиндийских племен еще в Восточном Иране и Афганистане. Однако если лингвисты в подтверждение этой гипотезы предполагали путь проникновения индоариев через Северо-Западный Пакистан, то теперь следует иметь в виду «белуджистанский» путь.

Вышеприведенная историко-культурная интерпретация БМАК далеко не решает проблемы индоиранского расселения, а лишь намечает новые аспекты старой проблемы. О том, насколько сложна этническая история Юго-Западной Азии того времени, можно судить по «культуре расписной керамики» раннежелезного века типа Яз I в Туркменистане, Тилля Тепе и Кучук Тепе в Бактрии, Пирак в Белуджистане, которая встречается практически везде, где имеются памятники БМАК. Заключившая обзор нового археологического материала, до определенной степени связанного с арийской проблемой, осталась отметить, что многие признаки, которые, как полагают, характерны только для андроновской культуры, в той же, если не в большей степени свойственны и БМАК. Культ двугорбого верблюда, коня, конных колесниц, быка документируется изображениями на цилиндрических печатях и мелкой терракотовой пластике; культ овцы — ритуальными захоронениями этого животного.

Данные глиптики и мелкой терракотовой пластики в косвенной форме намекают на выделение сословия воинов-колесничих, а возможно, и всадничества. Культ огня и ритуальных возлияний как нигде четко и недвусмысленно аргументируется алтарями храма на Тоголок 21, о чем подробнее будет сказано далее. И хотя пока нет свидетельства обряда трупосожжения, фракционные или частичные захоронения БМАК, а также редкие погребения костей взрослых людей в сосудах могут указывать на обряды, напоминающие зороастрийские, но много более позднего времени.

Думается, что приведенные факты и наблюдения, связывающие БМАК с историей индоиранских племен, хотя и далеко не решают проблемы в целом, вместе с тем выглядят более обнадеживающими, чем старая теория о связи срубно-андроновских и арйских племен.

ГЛАВА V

ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС ТОГОЛОК 21

Памятник Тоголок 21 состоит из двух всхолмлений, из которых южное, с остатками монументального сооружения, стало объектом стационарных раскопок. Подобно многим поселениям Маргнаны, Тоголок 21 был построен на естественном возвышении до 1 м высотой. В строительстве использовали кирпич стандартной прямоугольной формы со средними размерами 44(42)×24(22)×12(10) см. Кладка на глиняном растворе; ширина стен зависела от системы кладки (кирпичи ставились вдоль и поперек). Первоначально возводились прямые длинные стены, затем поперечные, образующие внутренние помещения, отличавшиеся удлинительно ровной и регулярной планировкой.

Весь комплекс Тоголок 21 построен сразу, по единому плану в виде двух вписанных друг в друга прямоугольных кирпичных оград с угловыми башнями и полубашенками по периметру внешних стен. За высокими стенами обеих оград располагается центральное здание, условно названное «крепость», представляющее собой сакральную часть всего комплекса Тоголок 21.

Судя по данным раскопок, сооружение пережило три основных периода. В первый и основной период это было монументальное сооружение типа храма. Во второй период комплекс постепенно хиреет, и в основном в восточной части между крепостью и внешней стеной возводятся помещения бытового назначения, образующие несколько микрокомплексов, где обитали рядовые общинники. Наконец, в третий период забрасываются и эти помещения, а их руины приспособляются под кладбище. Дольше всех просуществовала крепость, в основном сохранившаяся без изменений и лишь юго-восточная часть её была перекрыта мусорными наслоениями, указывающими на постепенный заброс и сокращение общей площади.

Итак, центральную часть архитектурного комплекса Тоголок 21 составляет «крепость», представляющая собой прямоугольное сооружение с круглыми угловыми башнями и двумя полубашенками в середине восточного и западного фасов. Северная часть «крепости» состоит из серии взаимосвязанных помещений, имевших парадное назначение, а то время как южная часть имела преимущественно подсобное назначение, а вместе они составляли единый по функциональному назначению комплекс (рис. 19).

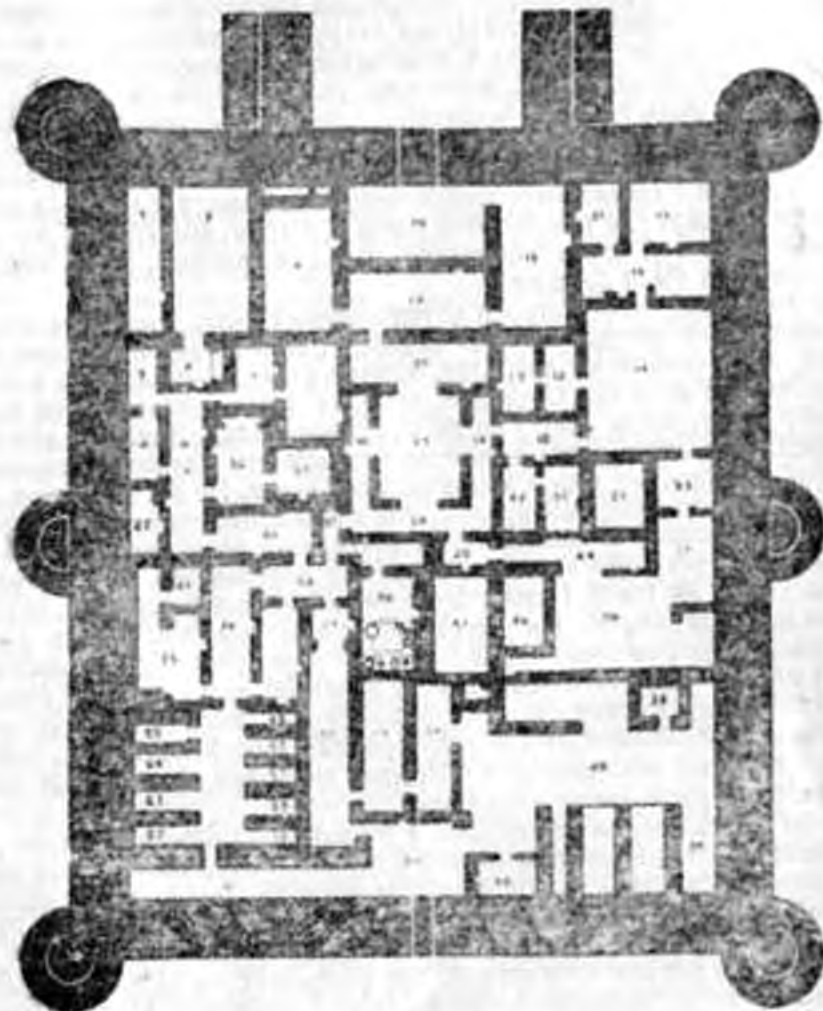

Рис. 19. Тоголок 21. Общий план «крепости».

Внутри «крепость» поразительно правильно и регулярно распланирована, что указывает на имевшийся у древних лодчих единый план.

Помещение № 1 заполнено сплошным строительным завалом очень твердой структуры, состоящим из кусков сырцового кирпича. Завалы начинаются от дневной поверхности и идут до самого пола помещения, сохранившего местами гипсовую обмазку. В северо-восточном углу стоит крупный целый чан конусовидной формы, диаметр венчика — 90 см, высота — 55 см. Глина светлая, снаружи сосуд покрыт светло-зеленым ангобом, венчик слабо профилирован, подтреугольный в разрезе. Рядом, на 10 см выше от его дна, лежит целый, упав-

ший на бок, но не раздавленный пустотелый (не засыпанный внутри землей) красноглиняный хум, покрытый снаружи светло-зеленым ангобом. Тот факт, что донце хума, как и вышеописанного конусовидного сосуда, имеет диаметр около 20 см, возможно, указывает на то, что оба они, должно быть, были вкопаны в землю.

Восточная стена оказалась нарушенной двумя сосудами средних размеров типа хумчи, что, бесспорно, свидетельствует о втором этапе в существовании рассматриваемого помещения. Вместе с тем, оба сосуда спущены не сверху, а как бы помещены в подбой, вырытые сбоку у основания восточной стены помещения, т. е. они вкопаны, когда еще стены помещения были целыми.

В восточной стене устроен внутрстенный очаг, в котором находились фрагменты сосудов средних размеров, но без следов влияния огня. Стенки очага обожжены докрасна, причем на полу—слой золы и угольков толщиной до 5 см. Очевидно, обломки керамики относятся к последнему этапу, когда очаг уже не функционировал. Здесь же отметим, что восточная стена этого помещения к моменту раскопок оказалась скрытой под толстым слоем кирпичной обкладки. Не был найден в этом помещении и достоверный проход, что в совокупности с общей необычной конфигурацией помещения № 1 заставляет допустить, что оно, возможно, было устроено за счет возведения внутренней стенки между помещениями № 1 и 2. Иными словами, можно предположить, что первоначально комнаты № 1 и 2 составляли обширное помещение, на втором этапе разгороженное глухой стеной с вышеупомянутым очагом.

Помещение № 2—смежное, в западной части на полу сохранилась площадка (общий размер — 2,5×2 м), выстланная обломками керамики, и отходящий от нее своеобразный желоб под полом, сложенный из крупных керамических обломков керамики, перекрытых сверху такими же фрагментами керамики; они образуют площадку с дренажем. Во второй период площадка и желоб оказались, в свою очередь, нарушенными глубокой и широкой впускной ямой, заполненной золой, обожженными кусками глины, бытовым мусором. Размеры этой мусорно-обожженной ямы достигают сверху в диаметре 3,5 м при глубине 1,70 см. Следует отметить, что и стены этого помещения оказались плохой сохранности, без следов штукатурки, что указывает на неоднократные ремонтные работы, проводившиеся во второй период. У восточной стены на полу обнаружена целая «миниатюрная колонка», выточенная из коричневатого с белыми пятнами камня. У западной стены на полу расчищен завал полуобожженных, слегка закопченных кусков камней, находившихся внутри простого очажка, заполненного тонким слоем черной золы. Исключая мусорно-золистую яму, остальная часть помещения оказалась заполненной обычным строительным завалом, в основном кусками сырцового кирпича. В южной стене, предположительно, располагается проход, через который только и можно было попасть в помещение № 8.

Помещение № 9 сохранило верхний, последний по времени пол на глубине 20 см от дневной поверхности, на котором встречены целые, стоящие или лежащие небольшие сосудики типа миниатюрных

кирпик. Ближе к северной стене в середине комнаты сохранилось дно огромного сосуда, обмазанного толстым слоем гипса. Еще одна хумча располагается у восточной стены, а две других — в юго-западном углу комнаты. На этом же полу находится целая коричневатого камня «мни-натюрная колонка» и половинка другой — светло-коричневого камня. Пол и особенно стены второго этапа обмазаны белой гипсовой обмазкой.

Внутри помещение заполнено сплошным строительным завалом из кусков сырцового кирпича от упавших стен и кровли. Ниже этого последнего по времени пола на глубину до 15—20 см идет еще один пол, также со следами белой обмазки, причем в северной части помещения он перекрывает верх разрушенной к тому времени более ранней стены, назначение которой остается неясным. Таким образом, налицо два этапа существования этого помещения, причем в обоих случаях интерьеры их покрыты белым гипсом. Еще ниже, на глубину до 25 см, располагается самый ранний пол, которому, кстати, и принадлежит вышеупомянутая северная стеночка, перекрытая белым полом и идущая параллельно крепостной стене на расстоянии 0,5 м от нее. В середине восточной стены имеется внутрисконный очаг со следами воздействия огня.

Помещение № 18 сохранило два пола, соответствующих полам помещения № 9, что подтверждает два этапа существования взаимно соответствующих по уровню полов, и, видимо, по времени тоже. Не только стены, но и полы покрыты белой гипсовой обмазкой, причем, если стены имеют 1—2 слоя, то пол сохранил не менее 5 слоев тонких промазок глины с саманом серого цвета, покрытых сверху белой гипсовой обмазкой. Они составляют слой толщиной около 0,5 см, из расположенных друг над другом слоев тончайших обмазок. В юго-западном и юго-восточном углах имеются широкие проходы с белой побелкой порошка и прилегающих к нему боковых щек; у юго-западного прохода сохранился каменный подплатник, косвенно свидетельствующий о деревянных дверях. В северной стене имеется внутрисконный очаг со следами влияния огня и золы на полу. Сверху, на высоте около 35 см от пола, он оказался накрытым плетеной корзинкой, обмазанной толстым слоем гипса. Между дном очага, покрытым слоем черной золы, перекрытым тонкой прослойкой светлого пепла и гипсовой корзинкой находятся куски сырцового кирпича, обломки керамики и бронзового сосудика, а также слегка законченные фигурные перламутровые вставки и мелкие обгорелые косточки животных.

Помещение № 19 отделено от вышеописанного смежной стеной плохой сохранности, высотой не более 5—7 см, так что нет уверенности в том, что в древности между ними был проход. Не исключено, что комнаты № 18 и 19 первоначально составляли одно обширное помещение, позднее разделенное на два отдельных. Это тем более вероятно, если учесть, что именно в этой северной части Тоголок 21 стены и пол покрыты гладкой штукатуркой светло-зеленого цвета со следами гипсовой обмазки. Восточная часть помещения сохранила кирпичную выкладку в один ряд кирпича. Если проход между помещениями № 18 и

19 с точностью не устанавливая, то в помещении № 16 сохранились два четких входа.

Две стены помещения № 16 сохранили четкие следы белой гипсовой обмазки в несколько слоев, причем у пола эта обмазка делает выкружину, переходя в пол. В восточной стене имеется внутристенный очаг со следами огня; в нем среди обломков битой керамики без следов влияния огня находилась целая «миниаюрная колонка» черного цвета; в очаге помимо керамики встречены как слегка обгоревшие, так и необгоревшие мелкие кости животных. Рядом, прямо на полу, завалившись на бок, находится большой, конической формы сосуд красной глины, снаружи местами сохранивший светло-зеленый ангоб (высота — 90 см, диаметр венчика — 70, диаметр донца — 15 см); в целом он напоминает сосуд из помещения № 1 и, подобно ему, из-за непропорционально маленького дна не мог стоять самостоятельно.

Примерно в середине комнаты в полу, сохранившем в этом месте гипсовую обмазку толщиной до 1 см и состоящую из нескольких прослоек, имеются две круглые неглубокие ямки до 0,5 м в диаметре, обмазанные внутри глиной; обе они сделаны позднее, на втором этапе существования помещения. В заполнении помещения среди сплошного строительного завала встречены обломки керамики, в том числе один фрагмент ручной лепки андроновского типа с орнаментом из косых насечек.

Описанные помещения связаны между собой проходами и, возможно, составляли самостоятельный микрокомплекс. Судя по проходам, связаны они были и с помещениями, расположенными непосредственно к югу от этого микрокомплекса.

Помещение № 8 с помещением № 2 могло сообщаться проходом, однако, сохранившимся настолько плохо, что судить об этом с точностью затруднительно. Рассматриваемое помещение хотя и небольшое, но представляет особый интерес. Подобно большинству вышеописанных, и оно оказалось внутри заполненным сплошным строительным завалом, состоящим из кусков улавшего кирпича. Пол помещения местами сохранил белую алебастровую промазку; в юго-западном углу, но уже на втором этапе, частично, разрушив стену, вкопан небольшой сосуд типа хумчи. В середине южной стены имеется внутристенный очаг со слабообожженными стенками, где, возможно, гледи разожженные на стороне угла. К восточной стене пристроена кирпичная платформочка, возвышающаяся над полом на 15 см. Поверхность ее также покрыта белой гипсовой обмазкой, причем два выступа, расположенные друг против друга по восточной и западной стенам, придают ей форму, приближающуюся к букве т. Назначение помещения в качестве комнаты для молений представляется наиболее вероятным.

Помещение № 3, расположенное рядом, заполнено сплошным строительным завалом, состоящим из обломков кирпича. На полу около западной стены сохранились остатки простого очажка, заполненного черной золой, относящегося ко второму этапу.

Смежное помещение № 4 соединено с помещением № 3 проходом; внутри оно заполнено сплошным строительным завалом, среди

которого встречены глиняные блоки в виде «булок», покрытые белой гипсовой обмазкой, возможно, принадлежавшие архитектурным деталям былого интерьера.

Следы белой обмазки частично сохранились и на стенах, и на полу рассматриваемого помещения. Непосредственно на полу помещения встречены обломки раздавленного ритуального сосуда и 2 каменных изделия в виде конуса черного стеатита и цилиндра из светлого алебастра. С торцевой стороны последнего имеется углубление, при помощи которого изделие могло держаться на острие конуса-подставки, и тогда они составляли единое двусоставное изделие. На полу находится дощечка хума, а в середине восточной и у южной стены еще 2 раздавленных хума; они, скорее всего, относятся ко второму этапу основного периода существования здания.

Помещение № 5 типа коридора соединяется с вышеописанным помещением № 4 проходом; второй проход ведет в помещение № 3. Около него, прямо на полу, расчищено большое дно хума, перевернутое вверх дном. Нижняя часть еще одного сосуда средних размеров расчищена в юго-западном углу помещения. Стены помещения и отчасти пол местами сохранили белую гипсовую обмазку.

В восточной стене сохранился внутрисстенный очаг со слабыми следами воздействия огня, который существовал на протяжении двух этапов: в первый (основной и наиболее ранний) пол его соответствовал полу самого помещения. Затем, когда пол был поднят вверх и образовался второй пол, обмазанный сверху белой обмазкой, соответственно был поднят и уровень дна очага. Иначе говоря, очаг существовал в течение двух этапов одного периода.

У помещения № 22 вход не сохранился, внутри оно заполнено строительным завалом, состоящим из кусков сырцового кирпича. В середине восточной стены устроен очаг, сильно обожженный внутри. Возможно, помещение как-то было связано с прилегающей к стене средней полубашней, но с точностью об этом судить затруднительно.

Помещение № 6 как бы промежуточное, оно соединяет между собой комнаты № 3, 4 и 7; внутри оно заполнено сплошным строительным завалом средней твердости. На полу, находящемся на глубине 30 см от дневной поверхности расчищено несколько донцев от сосудов средних размеров, а также зернотерка, ступка и терочки. Стены и отчасти пол местами сохранили остатки белой гипсовой обмазки; в середине восточной стены устроен внутрисстенный очаг со слабообожженными стенками. Сверху он оказался заполненным кусками сырцового кирпича и фрагментами от хумчи. Лишь на самом дне очага прослеживается тонкий, до 2—3 см, слой черной, слежавшейся золы, угольки и кальцинированные косточки животных.

Помещение № 7 заполнено сплошным строительным завалом; пол и стены частично сохранили белую гипсовую обмазку. В юго-восточном углу располагается внутрисстенный очаг без следов влияния огня. У южной стены, прямо на полу находится каменная «миниатюрная колонка», выточенная из серого камня. Показательно, что ниже этого

пола идут черепки хумов, поставленные на ребро, свидетельствующие, возможно, о существовании более раннего пола.

Помещение № 36 сообщается с помещением № 5 общим проходом с порошком, сохраняющим белую гипсовую обмазку. Стены и пол покрыты белой гипсовой обмазкой, в западной стене имеется внутристенный очаг с сильно прокаленными стенками. В центре помещения — остатки крупных раздавленных (или развалившихся) сосудов типа хумов. Один из них, красноглиняный хум, расположен у восточной стены, причем около него находится половинка каменной «миниатюрной колонки», верхняя часть которой прикрыта крышкой, имеющей наверху углубленный желобок. Это — первый случай находки «миниатюрной колонки» с крышкой. В северной части помещения сделано кирпичное возвышение, которое поднимается над полом на 15 см. В восточной части оно сохранило белую окраску и в целом по конфигурации близко напоминает пристенное возвышение в помещении № 8 и, видимо, также являлось своеобразным святилищем или молельней.

Помещение № 37 заполнено строительным завалом средней плотности; стены и пол покрыты белой обмазкой в несколько слоев. В середине южной стены — внутристенный очаг без следов огня, и лишь на его полу прослеживается тонкий слой угольков. Непосредственно на полу располагаются 3 сосуда. Один, конической формы, находится напротив внутристенного очага, по форме близко напоминая вышеупомянутые.

Около восточной стенки, завалившись на бок, лежит небольшой целый красноглиняный хум (высота — 70 см, диаметр венчика — 25, диаметр донца — 17 см). В северо-западном углу помещения также на боку лежит растрескавшаяся, но целая красноглиняная хумча. В западной стене имеется проход с порогом, окрашенным в белый цвет, возвышающимся над полом на 15 см. На полу у порога находится «миниатюрная колонка» с крышкой. Судя по всему, эта маленькая глухая комнатка была тесно связана с соседним помещением № 36 и, возможно, выполняла подсобную роль.

Помещение № 48 заполнено сплошным завалом средней плотности. Стены и пол, находящийся на глубине 30 см от дневной поверхности, местами покрыты белой гипсовой обмазкой. В северо-восточном углу располагается целый, конической формы красноглиняный чан (диаметр венчика — 55 см, диаметр донца — 15, высота — 48 см). Рядом, но на более раннем полу, находятся 2 фрагмента от раздавленного хума. Видимо, верхнему белому полу соответствуют 2 развалившихся хума, донца которых располагаются на 20 см выше венчика вышеупомянутого конического сосуда. В проходе, ведущем в помещение № 54, на боку лежит раздавленная хумча, свидетельствующая о том, что во втором периоде проход этот не функционировал, и лишь раз указывающая на большие перестройки в позднее время. Иными словами, проход относится к основному, первому периоду функционирования помещения, когда оно имело белый пол. В середине южной стены имеется внутристенный очаг со следами сильного воздействия огня;

его пол соответствует самому раннему полу помещения. Сверху он оказался заложен двумя целыми кирпичами.

Проход в помещении № 5 к моменту раскопок был заложен кусками кирпича, покрыт белой обмазкой и относится, таким образом, ко второму, более позднему этапу.

Судя по глухим длинным стенам, ограничивающим эти комнаты со всех четырех сторон и образующим четкий квадрат размером 15×15 м, перед нами обособленный микрокомплекс в системе всей «крепости». Два святилища или молельни (комнаты № 8 и 36), окруженные маленькими, явно подсобными помещениями, указывают на главное назначение первых и подсобное — вторых. На особое назначение этого микрокомплекса указывает и тот факт, что именно в нем встречено наибольшее количество целых «миниатюрных колонок», здесь же были встречены обломки ритуального сосуда и двусоставное изделие явно культового назначения. Одним словом, имеются веские основания предполагать, что в этом достаточно обособленном микрокомплексе проходили молельные обряды, где в качестве главных атрибутов использовались «миниатюрные колонки» и двусоставные изделия. И можно лишь догадываться, какие конкретно ритуалы проходили здесь в помещении № 36, когда в отблесках огня внутрстенного очага перед алтарным возвышением совершали жрецы свои культовые церемонии.

Зато можно со всей определенностью говорить, что помещения № 8 и 36 находят прямые аналоги в планах помещений № 3 и особенно № 2 круглого храма Дашлы 3 в Бактрии, где также имеются т-образные пристенные возвышения¹. Если учесть, что эти помещения занимают явно центральное место в системе круглого храма, то станет понятным их особое назначение среди остальных. Сходство в общей планировке бактрийского (круглый храм Дашлы 3) и маргианского (Тоголок 21) святилищ может указывать и на сходство бывших ритуалов, протекавших в них примерно в одно и то же время.

Хотя из помещения № 48 имеется проход в следующее помещение № 54, все же, учитывая общую планировку северной части комплекса, будет целесообразнее вернуться к застройке северо-восточной части «крепости». Здесь, в самом углу, располагаются 3 помещения, относительно хорошо сохранившиеся по сравнению с другими.

Помещение № 21 заполнено сплошным строительным завалом; на глубине 60 см от дневной поверхности околонулся пол с белой гипсовой обмазкой, перерезанный ямой, видимо, позднего периода. В середине западной стены имеется внутрстенный очаг со слабыми следами воздействия огня, покрытый изнутри глиняной обмазкой и заполненный обломками зернотерок, фрагментами керамики, терками, обломками мелких костей животных, — все без следов воздействия огня. Почти на самой дневной поверхности находился сильно разрушенный сосуд, относящийся к последнему периоду жизни памятника.

Помещение № 17 — смежное и вместе с тем угловое в системе «крепости». Стены и пол сохранили следы белой обмазки или побелки. Внутреннее заполнение составляет кирпичный завал попеременно с небольшими мусорно-золистыми слоями мягкой структуры. На полу со-

хранилось несколько сосудов, причем у самого входа, расположенного в юго-западном углу, загоравшая его, прямо на полу в правильном вертикальном положении стоит необычный гипсовый сосуд конической формы; диаметр его венчика — 70 см, диаметр донца — 20, высота — 45 см. Между ним и проходом, непосредственно соприкасаясь с донцем сосуда, находится целая красноглиняная хумча. В противоположном юго-восточном углу комнаты располагается на боку большой, конической формы сосуд того же типа и размера, что и в помещении № 16, снаружи и изнутри обмазанный толстым слоем гипса. Создается впечатление, что сосуд завалился набок и, видимо, первоначально стоял вертикально на полу. Рядом с ним, но уже почти в самом углу сохранились остатки развалившейся нижней части хумча, который к моменту раскопок имел правильное вертикальное положение. В помещении также найдены 2 обломка от «миниатюрной колонки».

В середине северной стены стоит большой хум, а в северо-западном углу, слегка наклонившись, — еще 1 красноглиняная хумча. В южной стене, сохранившейся на высоту около 1 м от пола, имеется внутрестенный очаг со следами сильного влияния огня. На дне очага сохранилась зола, выше — куски сырцового кирпича вперемежку с обломками керамики, в том числе кухонной, кальцинированными и необожженными костями животных. Это наблюдение имеет первостепенное значение для определения настоящего назначения так называемых внутрестенных очагов. Если бы это были бытовые очаги, они бы имели на высоте около 0,5 м от дна перекрытие с отверстием-дымоходом, как это с точностью установлено при раскопках Аджикун 8. Здесь же, по крайней мере на высоте около 1 м от дна внутрестенного очага, перекрытия с дымоходом не было. Не может ли это указывать на то, что первоначально это были не столько очаги, сколько внутрестенные ниши, тем более, что часть их не несет следов воздействия огня? Как внутрестенные очаги они могли использоваться во второй период в связи с видоизменением назначения как отдельных помещений, так и всего центрального комплекса, что, однако, требует дополнительных доказательств.

Судя по положению сосудов, а также стратиграфии, заброшенное помещение не было завалено рухнувшей кровлей и стенами, а приходило в запустение постепенно. Показательно также, что проход, ведущий в смежное помещение № 15, оказался забитым крупными фрагментами керамики. Имеющиеся прямые археологические факты и, в первую очередь, то обстоятельство, что вход оказался «заставленным» сосудами, свидетельствуют в пользу того, что если не все, то некоторые найденные сосуды относятся ко второму этапу жизни памятника.

Помещение № 15 небольшое, местами сохранившее на полу и стенах четкие следы белой гипсовой обмазки, внутри заполнено строительным завалом средней плотности. В западной части сохранилось сооружение в виде большой печи, одно отделение которой круглое, а второе — прямоугольное; они соединены между собой и составляют одну огромную печь. Стены их изнутри сильно обожжены, однако степень обожженности явно недостаточная для того, чтобы признать эту

печь керамической. Внутри оба отделения очага оказались забитыми большим количеством битой керамики, камней, костями животных, но без следов обожжения. Возможно, они попали туда после заброса помещения, когда печи уже потеряли свое основное назначение. Правда, отсюда же происходит череп барана, один рог которого частично обожжен.

На полу помещения обнаружено гипсовое ядро биконической формы. У входа — внутрисстенный очаг со следами огня, в середине южной части стены — аккуратно заложенный на втором этапе кирпичами проход.

Помещение № 11 — своеобразный двор, под которого находится на глубине около 0,5 м от дневной поверхности. Прямо в дерновом слое встречено несколько целых сосудов типа миниатюрных кринков, предполагающих еще один, самый верхний пол, практически не сохранившийся к моменту раскопок. Помещение оказалось сплошь заполненным строительным завалом вперемежку с большими зольно-мусорными линзами. Здесь встречены зернотерки, обломки сосудов и, в том числе, хумчи, стоящие прямо на полу. Показателем гончарный сосуд, окрашенный расписными кольцевыми полосами, стоявший у западной стены; внутри этого сосуда находился миниатюрный необожженный сосудик. Любопытно, что пол помещения № 11 не сохранил гипсовой обмазки и, возможно, оно действительно является внутренним двориком.

Проход в середине западной стены ведет в смежное помещение № 12 — небольшое, прямоугольное, заполненное строительным завалом очень твердой структуры. Стены сохранили следы белой побелки, на полу местами отмечены остатки гипсовой обмазки.

Помещение № 13 — глухое, заполненное внутри сплошным строительным завалом твердой структуры, стены и, частично, пол сохранили белую гипсовую обмазку. Помещение внутри сохранило несколько целых и раздавленных сосудов. Так, в северо-восточном углу в правильном положении на 10 см ниже пола стоит крупный конический сосуд, верхняя часть которого развалилась и находится рядом. Около него, у восточной стенки располагается нижняя часть хума с глиняной «лепешкой» внутри, напоминающей толстостенную мелкую миску. Рядом остатки еще одного развалившегося сосуда типа хумчи светлого теста. Почти в центре помещения на боку располагается светлоглиняный развалившийся хум, внутри которого оказалось дно красноглиняного хума. Второй, аналогичный по форме, хум лежит на боку рядом с вышеописанным. Это — красноглиняный хум, покрытый светло-зеленым ангобом (высота — 75, диаметр венчика — 23 см). Между этими двумя хумами, уходя ниже пола, располагается сосуд средних размеров без венчика. Напротив, у южной стены его — еще 2 сильно раздавленных, но практически целых хума. Два сосуда типа хумов, один из которых грубой ручной лепки, лежат на полу около внутрисстенного очага, сохранившего слабые следы валиния огня, и обломки конического сосуда, без следов огня внутри. Наконец, остатки нижней части еще одного хума располагаются у западной стены помещения, и ря-

дом — 2 крупные каменные зернотерки, находящиеся на 10 см выше пола, на котором стояли вышеописанные сосуды.

Думается, что помещения № 12 и 13 функционально были связаны между собой и на последнем этапе предназначались для хранения жидкостей.

Помещение № 10 в отличие от других заполнено мусорно-зольным слоем попеременно с небольшим строительным завалом; стены и пол местами сохранили белую гипсовую обмазку. У юго-западного прохода сохранился каменный подпорок от двери; внутри на разных уровнях располагаются огромные ладьевидные зернотерки, причем к стене была прислонена и находилась в вертикальном положении круглая лепная, закопченная снаружи жаровня. У северной стены на уже накопившихся мусорных слоях толщиной до 10—15 см стоит почти целая красноглиняная хумча, явно позднего происхождения. Над этим слоем, но выше основного пола в середине помещения имеется круглый, явно бытовой очаг. В северной стене — проход, ведущий во двор (помещение № 11), который в один из последних этапов был засыпан мусорно-зольными слоями и заложён кирпичами. В целом же помещение № 10 выполняло роль промежуточного помещения, из которого через три прохода можно было попасть соответственно в помещения № 11, 14, 42.

Помещение № 42 заполнено строительным завалом попеременно с небольшим включением фрагментов керамики. Пол его — на глубине всего 7—10 см от дневной поверхности и относится к последнему периоду обживания. Ниже, на глубине до 15 см, идет более ранний пол, покрытый белой побелкой, так же, как и относящиеся к нему стены. Слой между обоими полами состоит из обломков сырцового кирпича и фрагментов керамики; в этом слое найден целый раздавленный сосуд со сливом, а на самом полу, закатившись к западной стене, лежала мраморная головка бычка. Здесь же на полу расчищено «плитно» насыпного песка и тонкий слой золы у западной стенки. В середине северной стены имеется четко прослеживающийся проход, соединяющий помещения № 10 и 42.

Помещение № 55, смежное с вышеописанным, также сохранило 2 уровня пола, из которых верхний покрыт белой обмазкой. У западной стены располагался раздавленный хум, у восточной — в пол уходят 2 фрагмента хума, поставленные вертикально на ребро. В юго-восточном углу на полу найден практически целый раздавленный ритуальный сосуд. Восточная стена была частично срублена еще в древности, а затем надстроена кирпичами с большими швами между ними.

Помещение № 31 в основном заполнено строительным завалом средней плотности, но юго-восточная часть его занята уже сплошным зольно-мусорным слоем характерного зеленоватого цвета, нарушившим былые стены так, что проход в помещении найден не был.

Помещения № 33 и 53 сплошь заполнены мелкими мусорно-зольными слоями, так что с уверенностью говорить об их первоначальном виде затруднительно.

Если судить по сохранившимся ходам, то можно допустить, что

описанные помещения и обширный двор составляли, возможно, особый микрокомплекс, который вместе с двумя вышеописанными как бы группируется вокруг центрального, состоящего из помещений № 14, 20, 23 и 39.

С другой стороны, помещение № 56 также, скорее всего, являлось двором, оказавшимся сплошь заваленным мусорным слоем. У южной стены находилась наклоненная на бок хумча, у горла которой вертикально вверх стоял сосудик.

Помещение № 46 оказалось аккуратно заложено двумя рядами кирпича без каких-либо находок, под которыми идет ровный пол. Вообще же вся юго-восточная часть «крепости» оказалась сильно нарушена накопившимися здесь мусорно-золистыми слоями. Этот, бесспорно, главный микрокомплекс, в свою очередь, состоит из центральной залы с вестибюлем с северной стороны (№ 23) и тремя обводными коридорами (№ 14, 24, 39).

Помещение № 14 (коридор) сохранило остатки белой побелки на стенах и полу; в середине восточной стены имеется внутрискрипный очаг без следов огня, забитый обломками посуды, в том числе кухонной, также без видимых следов влияния огня.

Помещение № 39 (коридор) сохранило великолепную белую побелку на стенах и на полу, на котором находились 2 целых миниатюрных сосудика типа кринок.

Помещение № 24 (коридор) сохранило белоокрашенные стены и пол. В середине западной стены устроен внутрискрипный очаг со слабыми следами влияния огня.

Следует отметить, что западная стена помещения № 14 и восточная стена помещения № 24 к моменту раскопок сверху оказались частично перекрытыми мусорными слоями и обломками битой керамики так, что есть все основания считать, что они были срублены еще в древности, на втором этапе.

Помещение № 20 — своеобразный вестибюль перед центральным залом. Стены и полы его тщательно обмазаны белой гипсовой обмазкой в несколько слоев, причем на полу около прохода, ведущего в помещение № 18, частично загораживая его, стоит гипсовая корзина, основу которой составляет сплетенный из тонких ветвей каркас, обмазанный с обеих сторон толстым слоем гипса. Корзина имеет плоское дно диаметром 105 см, причем стенки сохранились лишь на высоту 25 см. Судя по обломкам, венчик был простым, непрофилированным; внутри находилась целая, черного камня «миниатюрная колонка», еще одна располагалась прямо на полу помещения. Рядом, напротив того же прохода, располагались остатки еще одной, но много меньших размеров, гипсовой корзины вперемежку с обломками от еще нескольких, но уже керамических сосудов. В юго-восточном углу имеется внутрискрипный очаг с явными следами обожжения. Все описанные сосуды, скорее всего, относятся ко второму этапу существования вестибюля, о чем недвусмысленно свидетельствуют сосуды, загородившие проход в помещение № 18.

В юго-западном углу помещения № 23 располагается вкопанный в пол сохранившийся типсовую обмазку конический чаш, венчик которого соответствует уровню пола. Сосуд изготовлен из ярко-красной глины со слабопрофилированным венчиком, он сохранил на дне микроскопические остатки веточек эфедры. На втором этапе претерпевает большие изменения и внутренняя планировка помещения № 23, когда его стены, как уже отмечалось, были срублены так, что бывшие коридоры потеряли свое первоначальное назначение. Примером может служить восточный проход, полностью загороженный к моменту раскопок вкопанной хумчой и несколькими другими мелкими сосудами. У западного прохода, полностью загораживая его, был вкопан огромный плетеный сосуд с гипсовой обмазкой, напоминающий по типу сосуд из помещения № 20.

Особый интерес представляет керамическая выстилка на полу, от которой отходит дренажная система в виде желоба, составленного из обломков керамики, уложенной в канавку, выложенную сверху также обломками сосудов (табл. LXVI, № 2). Эти обломки сосудов, поставленные в канавку, местами торчат вверх, возвышаясь над уровнем бывшего пола, свидетельствуя о том, что выстилка и желоб относятся к самому позднему, второму этапу. Здесь же на полу встречен фрагмент «миниаюрной колонии».

Как бы то ни было, совершенно очевидно, что первоначально здесь располагался внутренний храмик, окруженный с трех сторон обводным коридором с общими с ним проходами и вестибюлем в передней части. Трудно судить с точностью о его первоначальном назначении, но, думается, он с самого начала был связан с главными культовыми церемониями. На втором этапе обводные коридоры были срублены, и здесь устраивается керамическая выстилка с желобом под полом, напоминающая аналогичные из храмовых построек Месопотамии. Не исключено, что дренажная система (желоб), скорее всего, служила для стока крови от жертвенных животных, которых могли закалывать на керамической выстилке, как это документально засвидетельствовано в Месопотамии.

В целом же керамическая выстилка с дренажом помещения № 23 близко перекликалась с аналогичным устройством в помещении № 2, но в обоих случаях они относятся ко второму этапу существования «крепости».

Вышеописанная архитектура составляет парадную часть «крепости» и отделяется от южной, подсобной, узкими коридорами — помещениями № 30, 32, 44, как бы вытянутыми в цепочку.

Помещения № 30, 32, 44 как бы отграничивают парадную часть крепости от подсобной. У помещения № 44 стены и пол покрыты белой гипсовой обмазкой; пол практически находится на глубине 10—15 см от дневной поверхности. Восточная часть этого помещения разрушена сплошь мусорной свалкой, в то время как в западной части имеется проход, ведущий в помещение № 30. В южной стене имеется внутренственный очаг без следов огня, а вся вторая часть помещения № 44 оказалась нарушена мусором.

Помещение № 30 местами на стенах и полу сохранило белую обмазку из гипса, пол его по уровню соответствует полу помещения № 44. В середине южной стены имеется внутрестенный очаг без следов огня, но на полу — слой черной золы. Подобно помещению № 18, и здесь сверху в очаге находится гипсовое дно от плетеной корзинки, перевернутое вверх дном, под которым найдены обломки сосуда.

Помещение № 32 — узкое, типа вестибюля, имеет пол, расположенный на глубине не более 20 см от дневной поверхности, но сохранивший гипсовую обмазку. Здесь же ооконтурилась небольшая ямка диаметром около 25—27 см со следами гипсовой обмазки внутри, расположенная практически в центре раскапываемой крепости, что, возможно, не случайно. Помещение № 32 через коридор № 51 соединяется с вышеописанным храмиком. Стены и пол местами сохранили гипсовую обмазку.

Из помещения № 32 вход ведет в помещение № 34, бесспорно, игравшее особую роль в системе всего комплекса (рис. 20).

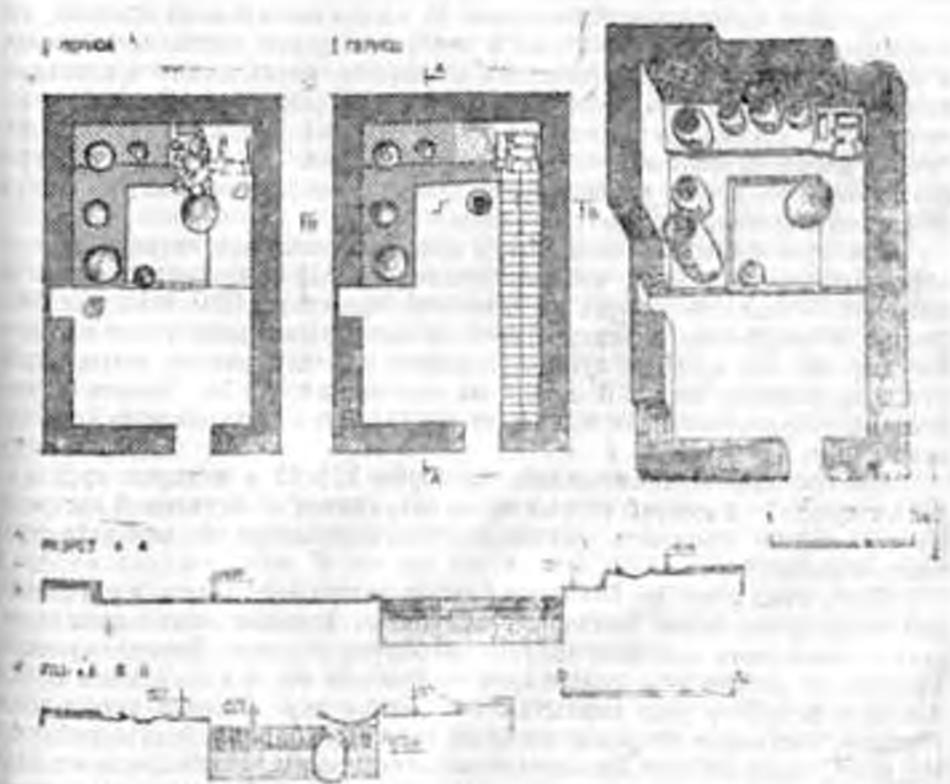

Рис. 20. Тоголок 21. Помещение № 34. План и реконструкция.

Помещение № 34 состоит из двух почти равных частей — северной и южной. Северная половина сохранила на стенах и на полу следы белой гипсовой обмазки. В восточной части устроен внутрестенный очаг со следами закопченности; пол очага совпадает с полом помещения.

Южная половина по сравнению с северной приподнята на 15 см за счет устройства по линии разделения разграничительной перегородочки, сохранившей остатки белой гипсовой обмазки. Вдоль восточной и западной стен устроены кирпичные одноступенчатые пристенные возвышения; вдоль южной стены — двухступенчатое пристенное возвышение. В древности в эти возвышения были вкопаны большие сосуды типа хумов, нижние части которых обмазаны толстым гипсовым слоем, переходящим на пристенные возвышения, прочно скрепившим эти сосуды с возвышениями. На восточном возвышении замазано 2 таких сосуда; на южном, верхнем втором уступе — 4 сосуда. Здесь же, в юго-западном углу, сохранились 2 миниатюрные, расположенные рядом гипсовые «вашички» размером 45×25×12 см; они пустотелые, а их размеры соответствуют обычному стандартному сырцовому кирпичу.

Западное пристенное возвышение не имело ни гипсовой обмазки, ни вкопанных в него сосудов. Лишь в северо-западной части, но на полу, а не на возвышении, закрепившись в сторону, располагалась плетеная из прутьев, обмазанная гипсом корзина диаметром 95 см. Рядом, но на пристенном возвышении, имеются плохо сохранившиеся остатки аналогичной двойной «вашички», обмазанной гипсом. Еще 1 сосуд средних размеров типа хумчи располагался в северо-восточном углу, но опять не на возвышении, а на полу комнаты.

Три пристенных возвышения и разграничительная перегородочка образуют внутри южной части помещения № 34 почти квадратное понижение — пол, состоящий из глиняных промазок. Отметим, что, бесспорно, к основному периоду относятся лишь замазанные в возвышения сосуды, так что сосуд и хумча, стоявшие на полу, скорее всего, относятся ко второму этапу. В целом же помещение № 34, скорее всего связано с приготовлением какого-то питья, о чем подробнее будет сказано далее.

Следующий микрокомплекс размером 22×22 м и двумя проходами с северной и южной сторон четко отграничен от остальной застройки «крепости» прямыми глухими стенами, составляя юго-западную часть «крепости».

Помещение № 54 проходное, с пятью проходами, из которых два в северной стене оказались аккуратно заложеными кирпичами; стены помещения местами сохранили белую обмазку. Внутри помещения сплошь забито обломками кирпичей, в том числе с остатками белой побелки. Встречен угол кирпича с побелкой с двух боков, а кроме того, «бульки», выгнутые стороны которых также сохранили белую побелку. На полу, который, подобно соседним помещениям, расположен на глубине 0,5 м от дневной поверхности, на боку лежат 3 сильно раздавленных хума, а около восточной стенки — целая пустотелая хумча.

Длинное помещение № 26 имеет три прохода, внутри оно

заполнено сплошным строительным завадом средней твердости. Стены помещения на глубину до 30 см сохранили местами белую обмазку, а ниже находятся сосуды, обнаруженные на глубине 0,55 м от дневной поверхности. Один такой хум лежит на боку у юго-западного входа, загораживая проход, заложенный сплошными кирпичами, так что, очевидно, в последний период он не функционировал. В середине восточной стены имеется внутрестенный очаг, сильно обожженный; в южной стене — проход, наглухо заложенный кирпичами.

Помещение № 25 в южной части имеет два уступа. В юго-восточном углу — проход с высоким, до 25 см, порогом. В середине восточной стены — внутрестенный очаг без следов влияния огня. На полу комнаты, на глубине 50 см от дневной поверхности, завалившись на бок, находится 10 раздавленных хумов, 2 хумца и глубокая красноглиняная ваза, а также «миниатюрная колонка». Из этого помещения через своеобразный коридор можно попасть в маленькое глухое помещение № 41.

Две стены помещения № 41 частично сохранили белую обмазку, пол находится на глубине 50 см от дневной поверхности. Внутри, на основном полу, завалившись на бок, лежат 4 слегка раздавленных хума (высота — около 1 м, диаметр венчика — 20 см, диаметр донца — 12 см).

Помещение № 27 частично сохранило на стенах белую обмазку. Около западной стены на полу, завалившись на бок, находится пустотелый, совершенно целый хум (высота — 120 см, диаметр венчика — 20, диаметр донца — 13 см). Рядом, почти в центре помещения, — 2 завалившиеся на бок корзинки, обмазанные толстым слоем гипса с обеих сторон. Обе — простой полусферической формы с непрофилированным венчиком. Размеры одной: высота — 75 см, диаметр венчика — 65, диаметр донца — 25 см; второй корзинки: высота — 60 см, диаметр венчика — 60, диаметр донца — 20 см. В восточной стене — внутрестенный очаг со слегка обожженными стенками; рядом — почти целая хумца.

Помещение № 28 небольшое, типа вестибюля; стены сохранили белую гипсовую обмазку; внутреннее заполнение — сплошной кирпичный завал. В середине восточной стены — внутрестенный очаг со следами влияния огня. В южной части — 2 расположенных друг против друга выступа образуют широкий проход с порогом, щеки выступов сохранили белую обмазку. На полу встречена целая «миниатюрная колонка» и «крышка» от другой, не сохранившейся.

Помещение № 40 заполнено кусками сырцового кирпича от разрушившихся стен и кровли. В юго-западной части встречены мусорные линзы и разрозненные кости человеческого скелета, возможно, от позднего погребения. Два прохода в южной части этой узкой комнаты ведут в помещения следующего микрокомплекса, расположенного в юго-восточной трети крепости, центральную часть которого составляет двор (помещение № 45).

В южной части рассматриваемого микрокомплекса — 9 узких камер, располагающихся по обе стороны широкого коридора, соответственно

№ 47, 49, 57, 59, 60, 62—65. Коридор имеет по одному проходу в северной и южной стенах, однако они оказались наглухо заложенными кирпичами. Отметим, что с начала строительства площадка была выстлана специальной кирпичной отмосткой, на которой затем были построены камеры. Лучшее всего сохранившаяся камера № 65 имеет четко выделенный двумя выступами порог, а в других камерах были расчищены кирпичные пороги. Данные наблюдения дают право предположить, что камеры — это кельи, в которых проживали лица, связанные с функционированием «крепости». Но в таком случае, учитывая узкие размеры, это были кельи аскетов, что находит подтверждение со стороны аналогичных, расположенных вдоль западной стены второй ограды Тоголок 21.

К моменту раскопок лишь на полу келий встречены небольшие зольники, выше все они оказались сплошь заполнены кирпичами, частично со следами побелки. В этом плане показательны заполненные кельи № 57 и 63, аккуратно заложенных поставленными на ребро кирпичами так, что 2 ряда стоят поперек, а 1 — вдоль.

Если кельи оказались сплошь забутованными кирпичем, то разделяющий их коридор сохранил следующую стратиграфию слоев: на полу — тонкий, до 3—4 мм, слой черной золы; выше, до 25—30 см, — горизонтальные глинистые прослойки, образующие второй уровень, также покрытый тонким слоем черной рыхлой золы. Еще выше (до 60 см) почти до самой дневной поверхности идут патечно-надувные слои с явными дождевыми патеками и единичными обломками керамики, лежащими плашмя. Практически в каждой келье сразу под дневной поверхностью также прослеживаются глинистые слои от застоявшейся дождевой воды, достигающие в ряде случаев толщины 25—30 см. Из этих наблюдений можно сделать вывод, что кельи какое-то время стояли заброшенными; когда частично обрушились стены и кровля и стала скапливаться дождевая вода, сюда выбрасывали разбитую посуду, развозили кострища.

На первом, раннем полу коридора, разделяющего кельи, но уже после того, как на нем накопился тонкий слой черной золы, в середине был устроен своеобразный «колодец», уходящий в материковую толщу на глубину до 3 м (до дна не раскопан) и имеющий в разрезе грушевидную форму.

Сверху, на уровне пола, «колодец» имеет хорошо сохранившуюся обкладку из специально вытесанных сырцовых кирпичей. Каждый такой кирпич имеет с одной стороны овальный вырез, а вместе они образуют круглое верхнее отверстие «колодца». Кирпичи поставлены так, что внешние углы их разведены для того, чтобы вывести круг. В пространстве между разведенными внешними углами этих кирпичей вставлены специально вырезанные треугольные куски кирпичей, так что в целом обкладка верха «колодца» выполнена весьма аккуратно. Осталось отметить, что кирпичи обкладки сохранили с нижней стороны песчаную подсыпку и покоятся они на тонкой зольной прослойке. Иначе говоря, «колодец» был вырыт в пределах первого периода, но второго этапа, и первоначально его здесь не было. В момент раскопок от

верха обкладки вниз, на глубину до 50 см, шла пустота, а ниже — спрессованный песок со следами застоявшейся воды. И лишь в последний период они были забутованы кирпичами и их обломками.

Рядом с этим «колодезем» находилось второе отверстие, но без кирпичной обкладки сверху. Отверстие это не было раскопано до конца.

В последний период вся площадка с кельями была сплошь заложена кирпичем и выстлана до самой дневной поверхности кирпичной вымосткой. Микрокомплекс с кельями по общему плану до определенной степени переключается с близким сооружением из «дворца» Дашлы 3, что, однако, необязательно должно указывать на идентичное их назначение³.

Как бы то ни было, проход в южной части ведет в длинное коридорообразное помещение № 61, непосредственно примыкающее к южной обводной стене памятника; возможно, оно как-то связано с угловой башней. Сверху это помещение заложено регулярной кладкой целого и фрагментированного кирпича, ниже которого до самого пола идут тонкие мусорно-зольные линзы. На полу, расположенном на глубине около 0,5 м от дневной поверхности, имеется тонкий слой надувного песка. О существовании более раннего пола свидетельствует целый хум, видимо, стоявший на этом полу. В помещении рядом, но не на полу, а в слое, встречены стеатитовый конус и алебастровый цилиндр с углублением в торцовой части. Здесь же находилась пуговичная «печать» коричневого камня, обломок раковины и какого-то мраморовидного изделия. Очевидно, что во второй период это коридорообразное помещение, подобно кельям, также было преднамеренно заложено так, что сверху его перекрывала кирпичная вымостка.

Из длинного помещения № 40 проход ведет в помещение № 29, заполненное кусками сырцового кирпича вперемежку с мощными мусорно-зольными линзами. В середине комнаты на полу, на глубине 0,5 м от дневной поверхности, прослеживаются тонкие зольные пятна и рядом — глубокая мусорная яма, перерезающая пол и уходящая ниже него. В юго-западном углу, у прохода, прямо на полу стоит обычной формы развалившийся красноглиняный конический сосуд (диаметром около 65 см). В северо-западном углу в пол вкопан хум, венчик которого совпадает с уровнем пола, на котором находились миниатюрный лепной сосудик, алебастровый цилиндр с углублением в торцовой части и стеатитовый конус, также с маленьким отверстием в основании.

Смежное помещение № 58 заполнено строительным завалом вперемежку с небольшими зольно-мусорными линзами, идущими от самого пола, на котором, в свою очередь, прослеживаются золинки, т. е. помещение в последний этап использовалось в бытовых целях.

Помещение № 50 располагается непосредственно к югу от вышеописанных, примыкая к внешней обводной стене. Помещение изнутри заполнено сплошными кусками кирпичей, часть которых сохранила бедую обмазку. На глубине 25—30 см от пола в западной части помещения выявлены «пятна» с тонким слоем золы.

Помещение № 45 — двор, вся обширная площадь которого заполнена сплошным мусорно-зольным слоем характерного зеленова-

того цвета попеременно с кусками сырцового кирпича от строительных завалов. В северо-восточной части двора располагается небольшая комнатка № 35 с проходом в середине южной стены, рядом с которым находится круглая яма, обмазанная изнутри глиной.

В противоположном, юго-восточном углу центральной «крепости», в помещении № 45 прослежены плохо сохранившиеся остатки трех длинных стен, между которыми располагаются кирпичи, видимо, образующие сплошную кладку. Это могла быть невысокая, но обширная по размерам платформа. Осталось отметить, что в помещении № 45 найден астрогал, искусно выточенный из белого камня.

Заключив описание «крепости», следует отметить, что при ширине стен в 4,5 м они, по заключению специалистов, должны были иметь высоту до 10—12 м, что, в свою очередь, потребовало бы около 1 млн. кирпичей. Еще до раскопок, судя по тому, что северо-западная и юго-западная угловые башни оказались пустотелыми, можно предположить существование деревянных несохранившихся лестниц, однако две другие угловые башни сохранили сплошную кирпичную кладку.

«Крепость» составляла центр всего комплекса Тоголок 21 и была включена внутрь прямоугольной кирпичной ограды, условно выделенной как каре, с угловыми башнями и полубашенками по периметру стен (рис. 21). В северной части каре устроено сооружение в виде двух выступающих вперед пилонов прямоугольной конфигурации, между которыми располагается ничем не застроенный предвратный участок, образующий предвратную площадку. Оба пилон имеют одинаковые размеры и форму, причем соответственно у восточной и западной стен встроены дополнительные стены, основания которых покоятся на очень тонком (до 2 см толщиной) мусорном слое. Очевидно, что они были встроены вскоре после сооружения самих пилонов, возможно, из-за каких-то технических причин, но неодновременно (рис. 22).

Отметим, что еще до раскопок памятника по микрокомплексу в середине северного фаса Тоголок 21 четко прослеживалось понижение, отмечавшее былой центральный въезд. И хотя сам проход в северной стене «крепости» выявлен не был, именно в этой части основание стены резко понижается, почти совпадая с уровнем предвратной площадки. Таким образом, ширина прохода в середине северной стены «крепости» (как, впрочем, и южной) из-за их плохой сохранности дана условно.

Первоначально внутри пилоны были пустые и ничем не застроенные, и лишь во второй период здесь на накопившихся мусорных слоях строится помещения, вероятнее всего, хозяйственного назначения (№ 69—79). Здесь же отметим, что и эти постройки второго периода к моменту раскопок оказались заполненными и перекрытыми мусорными слоями характерного зеленоватого цвета, что свидетельствует о том, что и в третий, заключительный период все они также находились в руинах и были приспособлены под мусорную свалку.

Итак, в результате раскопок установлено, что в древности здесь, на выровненной площадке, местами сохранившей толстую глиняную обмазку, было встроено 2 мощных пилона, образующих предвратную площадку, ведущую через сравнительно узкий проход внутрь цент-

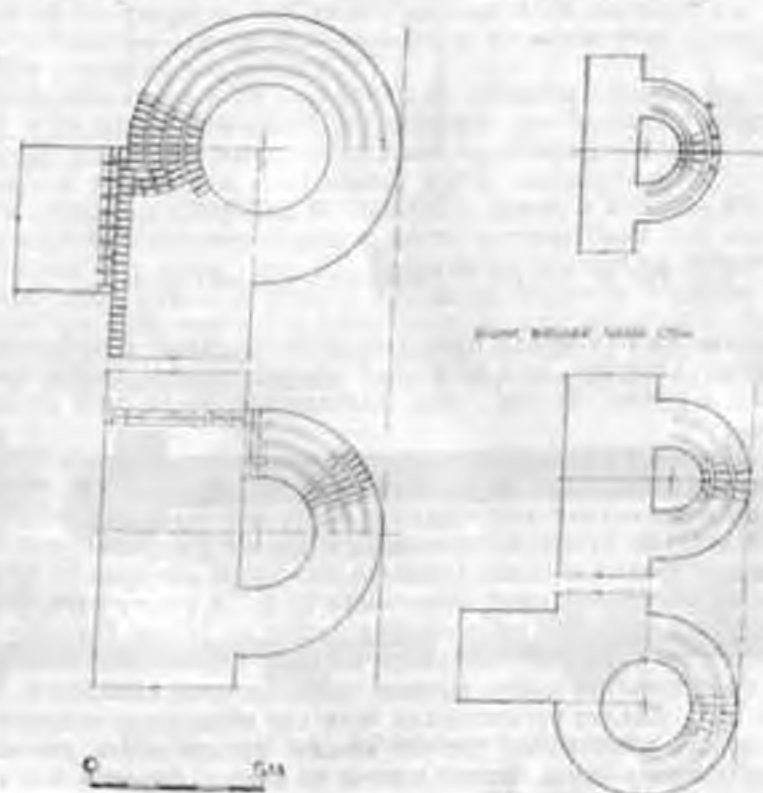

Рис. 21. Тоголок 21. Планы башен и система их кладки.

рального комплекса. Осталось добавить, что оба пилона отмечали центральный въезд всего монументального комплекса Тоголок 21.

Западный фас каре сохранил внутри серию узких, удивительно однотипных камер почти стандартной планировки и размеров. Всего обнаружена 31 такая камера, однако в северной части их стены практически выклинились и переходят в тапир, так что, возможно, их было больше, по крайней мере 33, о чем могут свидетельствовать следы разветвленных кирпичей в этой части каре. И тогда они, подобно южной части каре, могли заканчиваться прямоугольным помещением типа помещения № 114.

Лишь одна камера № 96 сохранилась лучше других и имеет четко выраженный кирпичный проход с порогом. Не исключено, что если не все, то многие из других камер также имели пороги, что, однако, из-за плохой их сохранности остается в области предположений. Несмотря на это удалось установить, что стены камер были сложены из двух рядов кирпичей; примыкая торцовой частью к самой стене

Рис. 22. Топограф 21. Общий план северного фасада.

каре, каждая из них имела проходы, расположенные с противоположной стороны. Отметим, что во второй период камеры скрыты почти до оснований, а руины былых стен оказались перекрытыми мусорными слоями.

В камере № 82 вся северо-восточная часть оказалась обожжена до красного цвета; на полу камеры № 85 находилось погребение № 4, причем могильная яма частично нарушила северную стенку камеры. Относительно лучше сохранившаяся камера № 96 имеет четко выраженный проход и пол с глиняной обмазкой, который оказался перерезанным могильной ямой погребения № 5. Камеру № 98 нарушила большая мусорная яма, которая вошла на 25—30 см ниже уровня пола. Камера № 105 сохранила на полу тонкий слой органических остатков желтоватого цвета, причем такой же слой выявлен в камере № 106. Анализ органических остатков обнаружил остатки ворсинок от шерсти животного, так что можно предполагать, что на полах были настелены кошмы, изготовленные из шерсти баранов или верблюдов. В камерах № 106—109 отмечена практически общая картина: под слоем кирпичного завала толщиной до 35 см непосредственно на полу — тонкий слой черной золы. Кроме того, в камере № 109 почти на дневной поверхности расчищено полуразвешное погребение № 6, могильная яма которого частично перерезала южную стенку камеры.

Осталось отметить, что полы камер имеют общее понижение с севера на юг так, что в северной стороне полы камер № 83—85 почти совпадают с дневной поверхностью, а № 96—113 сохранили полы на глубине 30—35 см от дневной поверхности. Подстилки из кошм или войлока, скорее всего, указывают на назначение камер в качестве келий для храмовых служек, а, учитывая их «неудобные» размеры, это были кельи аскетов. Это тем более так, если учесть, что вся остальная часть каре оставалась незастроенной, предоставляя широкие возможности для возведения обширных келий, где могли проживать служители храма.

Во второй период камеры оказались разрушенными, а вдоль их былых проходов была выстроена длинная стена, стоящая на мусорных наслоениях. Осталось добавить, что все пространство между западной стеной «крепости» и кельями оказалось сплошь заполнено мусорно-

вольным слоем, частично перекрывающим сверху западную стену каре. Создается впечатление, что этот мусорный слой накопился в то время, когда «крепость» еще функционировала, но келам уже пришли в запустение и находились в руинах.

Западная стена каре сохранила по внешнему периметру 2 полубашенки и угловую юго-западную круглую пустотелую башню. Башня возведена на своеобразной «подушке», сложенной из сырцовых кирпичей, за ней начинается пониженная часть, заполненная сплошным мусорным слоем характерного зеленоватого цвета, в котором были встречены следы от сгнившей циновки, кости и череп быка или коровы.

Южный фас каре (рис. 23) сохранился несколько лучше и представляет собой длинную стену с круглыми башнями по двум углам. В середине располагаются 2 полубашенки, между которыми—единственный беспорный проход, соединявший в древности каре с площадью третьего отгороженного участка, речь о котором будет идти далее.

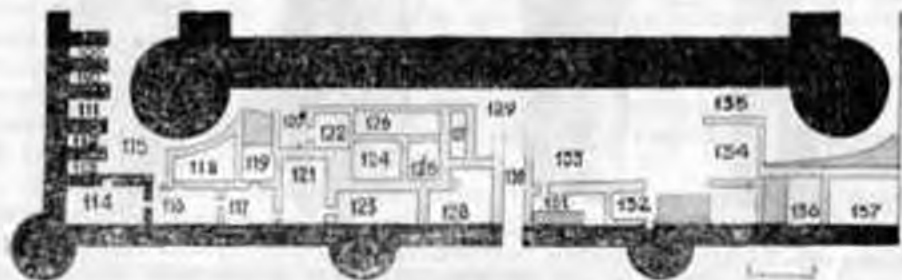

Рис. 23. Тоглох 21. Общий план южного фаса.

Между южной стеной центрального комплекса и южной стеной каре идет сплошная застройка помещений, построенных во второй период, т. е. основания их стен покоятся на накопившихся мусорных слоях. Из всех этих помещений лишь помещение № 114 относится к основному периоду и, видимо, было связано с функционированием келий. Основания стен всех остальных помещений южной части каре покоятся на мусорных слоях зеленоватого цвета, мощностью 8—10 см, которые накопились в предшествующий период. Стены помещений выстроены небрежно, нередко в один ряд кирпича, с бытовыми очагами. Большая часть их заполнена мусорными слоями и лишь единичные, как, например, помещение № 118, забутованы строительным завалом. Показательно, что северная стена этого помещения как бы «обтекает» угловую башню, образуя узкий проход, соединяющий строения западного и южного фасов каре во второй период существования всего комплекса. В помещении № 120 сохранилось два пола, на верхнем из которых к моменту раскопок находилось две группы сосудов: в северо-восточном углу—4 сосуда, стоящие вертикально и включающие чайник, коническую миску, кринку и красноангобированный сосуд с расписными кольцевыми полосами под венчиком; в

противоположном углу у южной стены, но на первом полу, на боку, на специальном кирпиче лежал сосуд типа кринки, внутри которого находились 2 необожженные фигурки людей (рис. 24). Одна из них — женская, с заведенными назад руками, вторая — мужская, с младенцем на груди, причем на туловищах их сохранилось много специально воткнутых костяных отщепов. Кроме того, на втором, верхнем полу находился раздавленный хум и рядом — огромная зернотерка.

Рис. 24. Тогодон 21. Две глиняные статуэтки из помещения № 120.

В помещении № 128, прорубив его западную стену, был втушей хум, лежащий на боку, причем устье его прикрывала второй сосуд, типа хумчи, светло-зеленого ангоба (высота хума — 80 см, диаметр венчика — 30, диаметр донца — 15 см). Внутри находилось погребение № 7, детское, без инвентаря. В целом же помещения южной части каре № 115—137 образуют два достаточно самостоятельных микрокомплекса, разделенных проходом. Первый микрокомплекс составляют помещения № 115—129, второй — № 131—137; разделяет их коридор. Следует отметить, что узкий длинный коридор, идущий вдоль всего южного фаса, соединил их в общее строение.

Судя по горизонтальной стратиграфии и по тому факту, что первый микрокомплекс оказался заполнен сплошным строительным завалом, а второй перерыв мусорными слоями, можно предположить, что последний заброшен несколько раньше, чем предшествующий. Иначе говоря, жизнь на этом конкретном участке сокращалась в направлении с востока на запад, что, возможно, не случайно, учитывая, что аналогичная картина отмечена и для центрального комплекса.

Последний, восточный фас каре, оказался застроен анфиладой помещений, как бы продолжающихся в южной части каре. Узкий коридор, начинающийся с западной стороны, тянется вдоль южной и заканчивается в восточной, как бы огибая всю «крепость», что указывает на

взаимосвязь вскрытых микрокомплексов. Подобно вышеописанным, все помещения восточной части каре относятся ко второму периоду, так как основания их стен возведены на уже образовавшихся культурных слоях толщиной кое-где до 8—10 см. Кладка стен небрежная, местами они наклонны, а помещения, как правило, заполнены сплошными мусорными отбросами характерного зеленоватого цвета; в ряде помещений встречены очаги, свидетельствующие о их бытовом назначении.

В помещении № 138 прямо под дневной поверхностью отмечен развал краснообожженных кирпичей и кусков глины, и рядом 2 сосуда, но следов какого-либо гончарного горна отмечено здесь не было. В узком вышеупомянутом коридоре (№ 139) встречено 2 каменных терочника подчетырехугольной формы и 2 обломка «миниатюрных колонок», попавших сюда, по-видимому, из «крепости». Помещение № 175 заполнено сплошным горелым слоем, возможно, от пожара, а в помещении № 143 почти на дневной поверхности расчищены остатки печи.

Выделяется помещение № 180, где еще в древности были срублены внутренние стены, а само оно оказалось заложено сплошной кирпичной кладкой, назначение которой остается невыясненным. В помещении № 240 в мусорном слое, а не на полу, встречено 3 целых сосуда. В гребень разрушенной к тому времени стены впущены 2 погребения: одно — в помещение № 143, другое — в проход помещения № 172.

Все описанные помещения «зажаты» между восточным фасом центрального здания и восточной стеной каре и составляют своеобразный микрокомплекс жилого назначения, взаимосвязанный смежными проходами. Восточная стена каре, в противоположность всем вышеупомянутым помещениям, стоит на материке, это доказывает принадлежность к первому, основному периоду. В момент раскопок ее верх местами оказался перекрыт мусорными слоями, т. е. уже в древности она находилась в руинах. По внешнему ее фасу имеются 2 полубашенки, северная из которых в поздний этап была укреплена кирпичным футляром; в юго-восточном углу располагается круглая башня очень плохой сохранности.

Итак, раскопками установлено, что «крепость» была заключена в прямоугольное каре с двумя угловыми башнями по южному фасу и с парой полубашенок по периметру западной, южной и восточной стен (рис. 25). Между полубашенками южного фаса располагался беспорный вход, фланкированный полубашенками. В основной период вся внутренняя площадь каре (исключая западный фас с кельями) была не застроена. Во второй период здесь возводятся помещения жилого и хозяйственного назначения, составляя один строительный комплекс. Узкий коридор вдоль всех трех фасов позволял людям, обитавшим здесь во второй период, общаться друг с другом в этом комплексе жилых и хозяйственных строений. Думается, что во второй период стены каре еще стояли неразрушенными и отграничивали обитателей «крепости» от жителей следующего восточного комплекса.

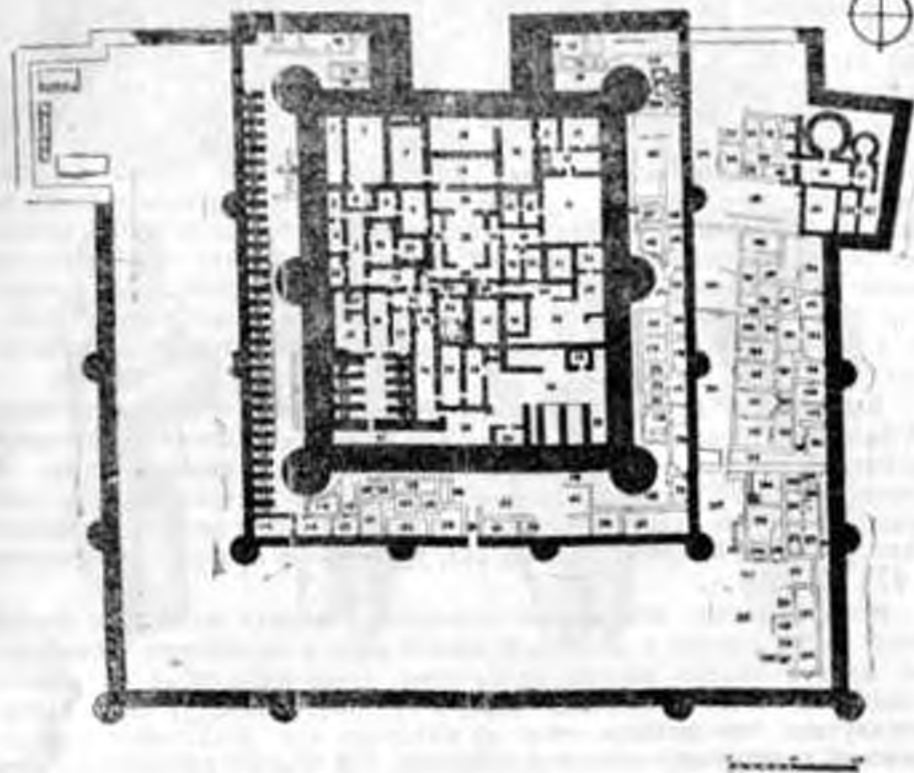

Рис. 25. Тоголок 21. Общий план памятника.

Как оказалось, «крепость» и каре были вписаны внутрь третьего гигантского прямоугольника стен, образующего внешний фас всего комплекса Тоголок 21. Стены этого гигантского прямоугольника возведены непосредственно на материке и относятся к первому, основному периоду. Сравнительно лучше других сохранилась восточная стена шириной 2,5 м, которая в северной части включает алтарную площадку с двумя круглыми алтарями. По периметру восточной обводной стены располагаются 2 пустотелые полубашенки, а в южной части стены — круглая, также пустотелая угловая башня. Точно так же южная обводная стена этого гигантского прямоугольника по периметру сохранила 2 полубашенки, между которыми, предположительно, располагался проход, но с уверенностью судить об этом трудно, т. к. от бывшей южной стены сохранились, да и то лишь местами, кирпичи самого последнего ряда фундамента.

Внутренняя часть этого гигантского прямоугольника первоначально была незастроенной, представляя собой свособразную площадь с единственным въездом в середине южной стены. В северо-восточном углу была устроена катарная площадка (рис. 26) на специально огороженном участке, а для этого строители выровняли площадку на материке и выстлали ее сплошной регулярной кладкой сырцового кирпича. К сожалению, западная часть кирпичной вымостки оказалась нарушенной во второй период, поэтому ее край с точностью не выявлен.

Рис. 26. Тоголок 21. Общий вид алтарей.

Непосредственно на этой кирпичной выстилке, на алтарной площадке было построено несколько взаимосвязанных между собой помещений, которые в северной части заканчивались двумя однотипными круглыми алтарями, но разных размеров. Меньший из них (табл. LXVII, № 1) имеет высоту в 3 ряда кирпичей, причем к моменту его раскопок вся верхняя часть оказалась сплошь заложеной аккуратной кладкой сырцового кирпича. Возможно, не случайно аналогичная картина отмечена в Теге Нуши Джая (Иран), где алтарь также оказался обособлен кирпичной стенкой более позднего времени².

Эта кирпичная закладка в один ряд кирпича четко прослеживается по всему верхнему кругу алтаря, как бы «запечатывает» его. Под кирпич-

ной закладкой идет слой спрессованной золы, без примесей, серого цвета, толщиной до 15 см. Ниже, под ним идет спрессованный слой песка толщиной до 20 см, который отслаивается горизонтальными пластинами. Еще ниже, до самого пола, — слой спрессованной золы светло-серого цвета. Внутренняя часть алтаря сохранила слабообожженную поверхность, она не обожжена так сильно, как «огневые камеры» западной площадки. В западной части алтаря на уровне нижнего слоя, под упомянутой песчаной засыпкой, — сильно спрессованная линза золы белого цвета, под которой, в свою очередь, имеется слой песка, который переслаивается с тонкими глинистыми прослоями. Поскольку алтарь стоял под открытым небом, можно считать, что глинистые прослойки — следы дождевых смывов, а песчаные линзы принесены ветрами. Свидетельством тому может служить заполнение в середине алтаря, состоящее из золынка белой золы с песчаными прослоями, доходящего до самого пола.

Слой белой золы идет по всему полу алтаря, заходя в проход прилегающего помещения № 67, достигая в этом месте толщины до 10 см. Глиняные промазки пола алтаря, перемежающиеся с тонкими прослоями золы указывают на многократные ремонтные обмазки. Отметим также, что пол алтаря находится на 15—20 см ниже пола прилегающей комнаты № 67, а проход между ними был заложен сырцовыми кирпичами. Помещение № 67 — небольшое, подквадратной конфигурации, с внутренним очагом. Помещение имеет два пола, но оба относятся к основному периоду функционирования. Первый и наиболее ранний кирпичный пол представляет собой вышеописанную кирпичную вымостку алтарной площадки. Второй пол находится на 15 см выше и покрыт белой гипсовой обмазкой. Вышеупомянутый внутренний очаг сильно обожжен изнутри, дно расположено на глубине 0,5 м, что выделяет его из обычных очагов такой конструкции. Внутри он оказался заполненным рыхлой комковатой землей с включением мелких угольков и костей животных.

Смежное помещение № 68 также имеет два уровня полов: нижний, кирпичный, и верхний, покрытый гипсовой обмазкой. На его поверхности сохранились 3 донца крупных хумов, практически полностью разваленных. В восточной части комнаты, в прорубленном полу располагается круглая яма с примерными размерами 150×130 см при глубине около 80 см, обложенная сверху кирпичами, которые возвышаются над уровнем белого пола до 10—12 см. Под кирпичами закладки в яме — слой серой золы толщиной до 15 см, под ним — мягкий песок толщиной до 20 см, ниже, до дна ямы идет рыхлая комковатая земля с включением нескольких фрагментов керамики.

К западу от этой ямы, на кирпичном полу, очертился еще один кирпичный круг, но без ямы под ним. Между этими двумя кирпичными кругами под крупными обломками хумов расчищено 2 человеческих черепа и несколько длинных костей, обозначенных как погребение № 21. Поскольку кости уходят под кирпичный пол на глубину до 20 см, то очевидно, что захоронение, подобно рядом расположенной яме, относится к более позднему времени, когда алтарная площадка уже

была заброшена. На гипсовом полу помещения № 68 встречена многолучевая розетка, выточенная из темного стеатита с тонкогравированным рисунком креста (табл. LVIII, № 13).

Проход, заложенный в момент раскопок в северной части помещения № 68, ведет в большой алтарь, который, подобно малому алтарю, построен за счет радиальной кладки кирпича, позволившей вывести круг.

Раскопки большого алтаря выявили сложную картину в истории его существования. Как оказалось, в древности здесь сразу был вырыт огромный «колодезь» глубиной 3 м, устроенный в материке. Пол, непосредственно устроенный на материке, представляет собой песчаную с примесью золы прослойку сероватого цвета. Вышележащий слой, наоборот, представляет собой слой золы с небольшой примесью песка. Его перекрывает слой желтой глины без примеси самана, но со следами пальцев или инструментов, поверхность сверху была заглажена. Над ним идет слой рыжеватого песка толщиной в 2—3 см без каких-либо примесей.

На этом уровне и была возведена кирпичная конструкция в виде двух пересекающихся стен, образующих крест (табл. LVIII). После этого все четыре сектора внутри крестовидной постройки на уровне их полов были покрыты слоем глины с саманом толщиной 2—4 см. Наконец, на этом уровне идет слой золы до 4 см толщиной, который прослеживается во всех четырех секторах. Не исключено, что эта зола образовалась в результате специально разожженного огня, возможно, с жертвоприношениями, т. к. в зольном слое встречены фрагмент обожженной косточки и зуб животного (рис. 27).

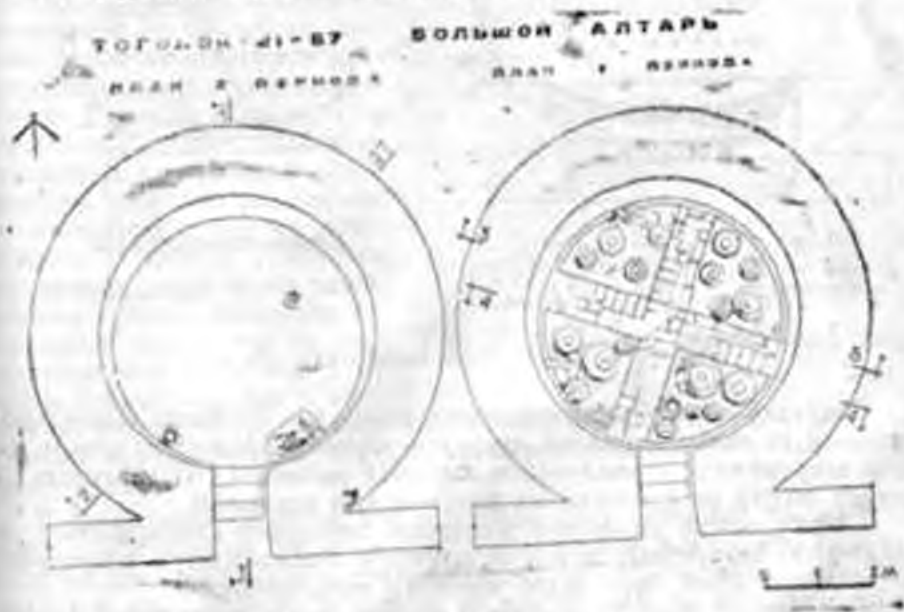

Рис. 27. Тоголок 21. Большой алтарь.

После такого освящения внутри сектора было поставлено 20 огромных хумов, по 5 в каждом секторе. Наиболее тяжелые и массивные из них продавили все слои пола, оставив четкие отпечатки венчиков и самым нижнем глиняном слое желтоватого цвета. Все без исключения хумы поставлены в секторах вверх дном, причем для большей прочности они были обложены вокруг целыми и кусками сырцового кирпича. Обкладка была выведена на уровень обеих крестовидных стен, перекрыв и спрятан под собой все хумы, кроме трех самых больших, чьи донца все еще возвышались над крестовиной. Возможно, была произведена еще одна церемония, для чего был специально разбит хум (№ 21), фрагменты которого разложены сверху в секторах I и IV, после чего кирпичная закладка была продолжена вверх, пока под ней не были погребены самые большие хумы на высоте 130 см от пола. Поверхность крестообразной перегородки сверху оказалась посыпанной слоем песка толщиной 1—2 см, который отделял ее от кирпичной закладки (рис. 28).

ТОГОЛОК 21-87 БОЛЬШОЙ АЛТАРЬ

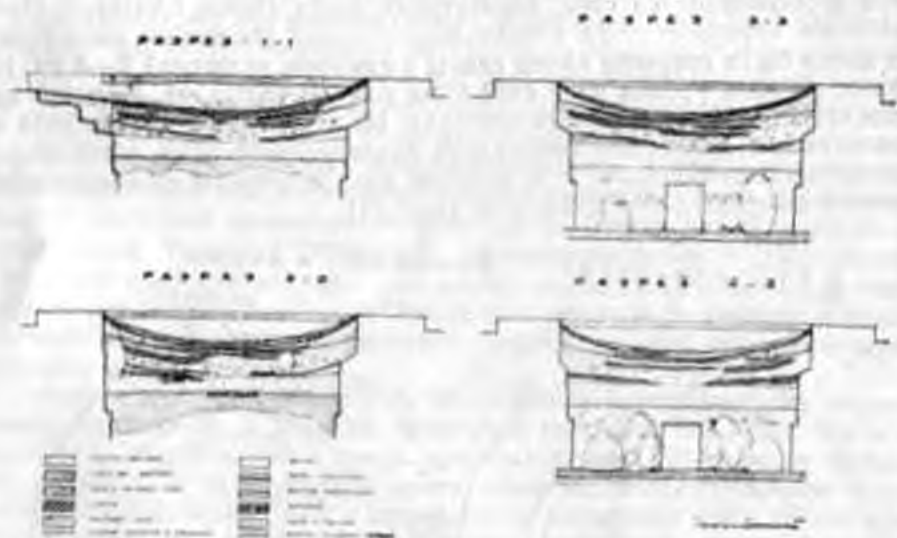

Рис. 28. Тоголок 21. Большой алтарь. Разрезы.

Закладка сложена неравномерно: внизу у пола более тщательно, в основном из целых кирпичей, сверху — более небрежно, из кусков кирпича вперемежку с земляной и песочной засыпкой. Поверхность закладки сверху усеяна мелкими фрагментами керамики.

Сверху толща кирпичной закладки перекрыта слоем чистого, без каких-либо включений, песка, отделявшим нижележащую конструкцию от вышележащей, что было сделано преднамеренно.

Следующий период характеризуется толстым слоем новой засыпки, состоящей из кусков кирпича с земляной засыпкой и мусорно-золистыми

линзами. Показательно, что внизу на границе этого слоя песчаной засыпки и нижележащего в центре зольные линзы образуют круг чистого песка. Иначе говоря, зольные линзы, идущие на границе засыпки и чистого песка, в центре отсутствуют, образуя круг, возможно, для культовых целей. Вышележащие слои в основном мусорно-зольные с толстыми зольными линзами сохранили 2 целых хума, один из которых лепной, донца их для большей устойчивости обложены большими кусками керамики. Осталось добавить, что на границе этого мусорно-зольного и песчаного слоев находился скелет человека в скорченной позе с «необычной» юго-западной ориентировкой.

Наконец, в третий, заключительный период, эти мусорно-зольные слои сверху перекрываются специальной кирпичной выкладкой, но не горизонтальной, а вознутой наподобие чаши (рис. 29). Поверхность ее сохранила следы неоднократной глиняной обмазки, причем несколько в стороне от центра имеется округлое с нечеткими аморфными границами неглубокое понижение (диаметр—около 1 м), внутри которого — дополнительная, маленькая ямка, заполненная угольками и золой. В южной части сохранился проход, ведущий в смежное помещение № 68, общий уровень полов помещения и прохода, бесспорно, соответствует плоскости чашеидного кратера, но, возможно, оно существовало и в предшествующие периоды, хотя археологических доказательств этому не обнаружено. В момент раскопок внутренняя часть этого чашеидного кратера оказалась заполненной закладкой из кусков сырцово-красной глины, а на самом верш — кирпичной выкладкой. Иначе говоря, жители в самый последний период, прежде чем оставить это сооружение, как бы «законсервировали» его от возможных разрушений.

В заключение отметим, что крестообразная стена без глиняной обмазки развернута на 15° к востоку. Показательно также, что вышеупомянутые хумы сохранили внутри, в верхней части, следы черного налета, отдаленно напоминающего коготь, но все их нижние половины такого налета не имеют. И, наконец, среди этих хумов встречен небольшой

Рис. 29. Тоголок 21. План большого алтаря.

сосуд обычной формы, но не с одним, а с двумя носиками, точные аналоги которому имеются еще только в Северном Афганистане, в разграбленных могилах Бактрии.

Итак, в предварительном порядке выделяются три периода в существовании этого алтаря. В первый период вырыт гигантский «колодец», пол которого засыпан слоем золы и обмазан сверху глиняной промазкой, он сверху оказался, в свою очередь, засыпан тонким слоем песка. На этом основании и были возведены 2 кирпичные стены, перекрещивающиеся в центре и образующие 4 сегмента, полы которых снова обмазали тонким слоем глины с саманом. Внутри каждого сегмента, видимо, разводили огонь, т. к. на полах остался слой золы. Только после такого «освящения» всего устройства внутрь сегментов поставлены вверх дном огромные хумы, наполювину закопченные изнутри. Выше, на уровень самого высокого хума, была сделана кирпичная закладка и на этом окончилось основное сооружение. Выше лежащая песчаная прослойка, видимо, символизирует конечную фазу «освящения» всего алтаря.

Итак, алтарь демонстрирует несколько периодов строительства. Сначала была вырыта огромная яма, стены которой выложены сырцовым кирпичом. На полу была построена крестовидная стена с четырьмя секторами, в них — по 5 хумов, поставленных вверх дном. Сверху крестовидная стена перекрыта закладкой с песчаной подсыпкой. Выше — мусорно-золенные слои с двумя лещинными хумами и погребенем, назначение которых не ясно. Либо они фиксируют период временного заброса, либо, что вероятнее всего, сразу же были помещены во время строительства алтаря. Наконец, сверху эта сложная конструкция оказалась оформленной в виде углубленной чаши, наподобие «олимпийской», обведенной по кругу кирпичной стеной высотой около 50—60 см. Причем переход от кольцевой ограды к самому кратеру сверху заложен битой глиной так, что плоскость кратера плавно начинается от верха кирпичного круга и заканчивается внизу упомянутым понижением с очажком в центре. Отметим, что на поверхности кратера сохранились следы слабо выраженных углублений до 25 см в диаметре и глубиной до 3—4 см, закопченные и заполненные золой с угольками, вперемежку с мелкими сжогенными косточками овцы (козы).

Судя по стратиграфии, видно, что по мере функционирования алтаря поверхность его кратера засыпалась мелкими кусочками керамики и костями животных на толщину до 5—8 см, которые по мере необходимости обмазывались сверху глиной в смеси с саманом. Выделяются две такие ремонтные обмазки: нижняя — с желтоватой поверхностью и более поздняя — с беловатой.

Непосредственно у прохода алтаря на поверхности кратера сохранилось «пятно» (около 1 м в диаметре), состоящее из тонкой корочки какой-то засохшей жидкости, анализ которой в МГУ выявил следы жировых веществ. Здесь же у ступенек прохода в алтарь найдена частично обломанная костяная трубочка с гравированными глазами (табл. LXXXII, № 10). Показательно, что подобно малому алтарю и этот к

моменту раскопок оказался сверху заложением, как бы «запечатанным», сырцовыми кирпичами, чтобы оградить от осквернения.

Проход, соединяющий помещение № 68 с алтарем, сохранил порожек из одного ряда кирпичей, покрытый белой алебастровой обмазкой, переходящей на пол всего помещения, что не оставляет сомнений в их функциональной взаимосвязи. В южной стене помещения № 68 имеется внутрестенный очаг, в западной стене — проход, ведущий в другие, но не сохранившиеся помещения. Их принадлежность именно этому микрокомплексу доказывается кирпичной выстилкой, частично сохранившейся после того, как основная часть оказалась скрытой при возведении помещений второго периода.

К югу от помещений № 67 и 68 располагаются еще три, из которых помещение № 153 по существу — своеобразный «дворик» без кирпичного пола.

Помещение № 152, подобно вышеописанным, также сохранило два пола: нижний, с кирпичной выстилкой, и верхний, покрытый белой гипсовой обмазкой. В середине восточной стены имеется проход, ведущий во «дворик»: возможно, имелся проход и в смежное помещение № 161, но очень плохая сохранность стены оставляет этот вопрос открытым. Южную часть помещения № 152 прорезает яма, на дне которой — 2 сосуда и сизка бус, предположительно, от кенотафа (погребение № 25).

Помещение № 161 — смежное, сохранившее два уровня полов: соответственно — кирпичного и белого, гипсового. Во второй период помещение перерезала яма, заполненная надувным песком. Рядом — вторая яма, но более мелкая, слегка углубившаяся в пол помещения, на дне ее стоят 3 сосуда.

Раскопки алтарной площадки выявили специфический комплекс сооружений, связанных с культом огня и, как можно предполагать, с культовыми возлияниями. Пока еще трудно судить о конкретном характере культовых церемоний, но, возможно, с ними были связаны ящичкообразной формы шарики из глины (обычно определяемые как ядра от пращи), кучкой располагавшиеся снаружи, в месте сопряжения обоих алтарей (табл. LXVII, № 2).

Как уже отмечалось, западный обвод внешней стены сохранился плохо, особенно в северной части, тем не менее здесь удалось расчистить сооружение, условно названное «площадка с платформами», располагающееся напротив вышеописанной алтарной площадки (рис. 30). Раскопками установлено, что в древности прямо на песчаном материке были выведены две кирпичные платформы: южная и северная. Первая из них, лучше сохранившаяся, имеет кирпичный пол, выстланный прямо на песчаном материке, с тонкими стеночками шириной в один ряд кирпича, который, к тому же, поставлен не поперек, а вдоль по длинной оси, что само по себе исключает первоначальную достаточно большую высоту ее в древности. Внутри, друг против друга, располагаются 2 стеновые ниши и проход с четко выраженным кирпичным порогом ниже уровня материка. На полу платформы расчищен тонкий слой надувного песка, а выше идет сплошная регулярная закладка целыми кирпичами

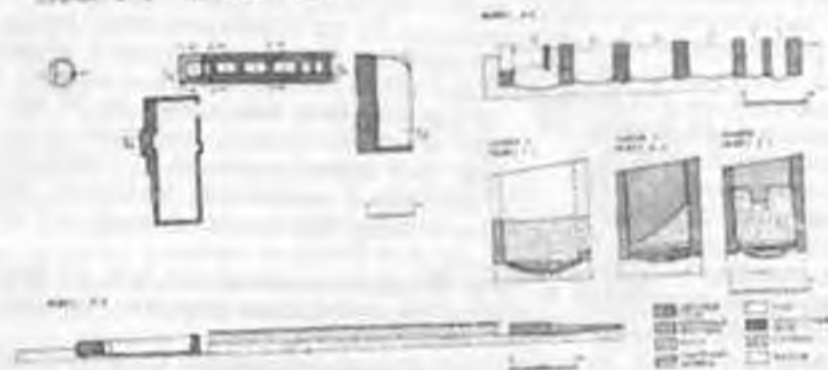

Рис. 30. Тоголок 21. Западный комплекс. Площадка с платформами

ми, которая практически выходит на дневную поверхность. Стенки платформы внутри тщательно отделаны глиняной промазкой, а в целом это — открытое помещение с невысокими стенками и кирпичным полом (табл. LXIX)

Северная платформа № 2 сохранилась много хуже, но также имеет общую прямоугольную конфигурацию и также была вшита в материк. К моменту раскопок сравнительно хорошо сохранилась западная сторона, сложенная из кирпича, остальная ее часть — корытообразное углубление в материке, заполненное кирпичной массой, возможно, глиняной лизой. Несмотря на чрезвычайно плохую сохранность можно допустить, что и она имела по краю тонкую стеночку, но утверждать это нельзя.

Площадка между обеими платформами на большей части сохранила глиняную обмазку, нанесенную поверх песчаного материка. Думается, что «площадка с платформами» располагалась под открытым небом, платформы имели невысокие оградки, а площадь между ними была тщательно выровнена и сплошь обмазана глиной.

Между обеими платформами прямо в материке устроено 5 глубоких, вытянутых в цепочку камер, сильно обожженных изнутри, условно названных «огненными». Две крайние камеры сохранили внутри дополнительные поперечные перегородочки, явно вторичного происхождения, скорее всего, для предохранения от возможного их заваливания. Северная, крайняя камера, продолжала функционировать и после того, как в нее была вставлена поперечная перегородка, в то время как подобная перегородка южной камеры не несет никаких следов влияния огня и была встроена в самый последний период.

Сохранившаяся высота камер в 9 рядов кирпича, видимо, с самого начала совпадала с уровнем окружившей их в древности поверхности. Снаружи кирпичи камер не имеют никакой обмазки, т. к. они были вштыканы в котлован, вырытый в материке. Внутри они сильно обожжены, хотя температура жара не превышала 500°, и не имеют никаких

продуктов или поддувала. Все камеры оказались заполненными обломками обожженных кусков кирпича и комковатой землей с небольшими включениями фрагментов керамики. Полы камер — обожженный мате-риковый несок; все они сохранили тонкий слой золы и слетка углубле-ны, что могло произойти из-за регулярного очищения их от углей и зо-лы. В камере № 4 в засыпке над полом встречен амулет из гретого стеатита с двусторонними изображениями розетки и сидящего живот-ного.

Полное отсутствие поддувал исключает бытовое, производственное назначение камер, хотя в камере № 2 в засыпке встречены единичные медные корольки, которые, кстати, обнаружены и при зачистке дневной поверхности вокруг «огненных камер». В последний период камеры, как и обе платформы, заложены сверху, как бы «запечатаны», сырцовыми кирпичами. Налицо картина, зафиксированная для алтарей, что указывает на преднамеренную закладку объектов, скорее всего, куль-тового назначения. Вместе с тем, следует указать, что «ог-ненные камеры» обожжены изнутри намного больше, чем малый алтарь, так что в этом отношении они несравнимы между собой. Сильно прож-женные, почти ошлакованные внутри стенки камер указыва-ют на длительное влияние сильного огня, некогда буше-вавшего в них.

В целом же представ-ляется, что, подобно алтарной площадке, и эта имела особое предназначение, когда перед открытыми платформами и камерами возжигали огонь, воз-можно, допуская, что и это же время на платформах вос-седали невидимые божества, в честь которых и горел свя-щенный огонь.

Переходя к архитектуре второго периода, расположен-ной между восточной стеной каре и восточной обводной стеной, сразу же отметим, что она представлена тремя основными микрокомплексами (рис. 31).

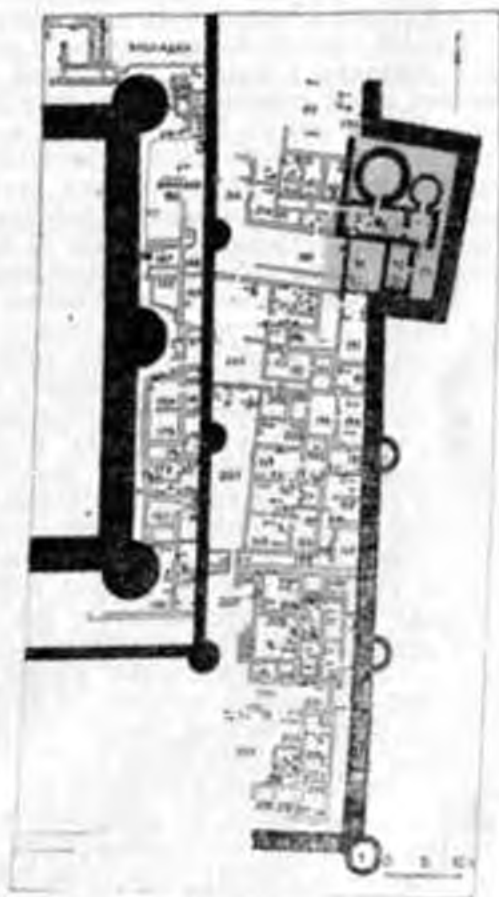

Рис. 31. Тополяк 21, Общий план восточного фасада памятника.

Первый и наиболее северный расположен непосредственно рядом с алтарями, и это при его возведении частично были скрыты помещения западной части алтарной площадки. Северная часть этого микрокомплекса практически вся оказалась развенной и размытой процессами естественной дефляции. Отметим лишь, что помещение № 199, видимо, являлось двором, заполненным сплошным мусорным слоем. Но еще до этого здесь была вырыта огромная яма, на дне которой было встречено несколько вкопанных в землю сосудов. Помещения № 182—183, 212 расположены в ряд и, возможно, имели общие проходы, но невыявленные раскопками из-за чрезвычайно плохой сохранности самих стен, сохранившихся на высоту всего одного ряда кирпичей; внутрстенные очаги указывают на их жилое назначение. Помещение № 189 служило двором и отделено от следующего микрокомплекса глухой разграничительной стеной с единственным проходом.

Второй микрокомплекс разделен разграничительной стеной на две части: северную и южную. В северной части помещения № 200 представляет собой обширный двор, откуда через коридорообразное помещение № 219 можно было попасть в южную часть микрокомплекса, у которого был «свой» двор (помещение № 221). Верх стен многих помещений второго микрокомплекса перекрыт местами мусорными слоями и перерезан впускными погребениями, так что в последний период в истории существования Тоголок 21 и этот участок был превращен в мусорную свалку, заброшен и даже использовался под кладбище.

Третий микрокомплекс ограничен от предыдущего необычно толстой стеной с единственным проходом, причем его юго-западная часть оказалась полностью развенной процессами естественной дефляции.

В системе этого микрокомплекса помещение № 207, скорее всего, также являлось двором, принадлежащим расположенным рядом помещениям третьего микрокомплекса. В северной его части располагается отдельный блок, состоящий из двух обширных помещений (№ 206 и 228) со следами неоднократной перестройки. Между ними и восточной обводной стеной Тоголок 21 располагается анфилада помещений в два ряда, с большим количеством впускных погребений, местами перерезавших их стены и полы. Второй, южный блок помещений сохранился частично, здесь следует отметить два длинных помещения № 223—224. Они сплошь заполнены мусорным слоем и перерезаны большим количеством впускных погребений. Кроме того, следует отметить глубокую яму, перерезавшую помещение № 227, и еще одну, расположенную непосредственно к югу от помещения № 230. Вдоль всего этого микрокомплекса и обводной стены тянется узкий длинный коридор (помещение № 198), который идет вдоль восточной обводной стены и затем поворачивает на запад, но здесь вскоре выклинивается. При помощи коридора обитатели этого конкретного микрокомплекса общались с огромной незастроенной площадью, образующей южный фас всего комплекса.

Хотя из трех микрокомплексов полностью сохранился лишь один, думается, каждый из них был обжит отдельной, а судя по количеству помещений (20—25 комнат), в большой семье. Такие большесемейные

ячейки, видимо, составляли основу былого общества, представляя собой не сельские, а именно большесемейные общины.

Южная часть внутри обводного прямоугольника стен оставалась незастроенной и во второй период, т. к. кроме нескольких остатков стен, стоящих на мощных мусорных наслоениях, здесь больше ничего от древней архитектуры обнаружено не было. Вся эта огромная незастроенная площадь оказалась заполненной сплошными мусорно-золистыми слоями характерного зеленоватого цвета.

Особый интерес представляет южная обводная стена Тоголок 21, возведенная на плотном материковом песке, в котором строители вырыли специальную длинную траншею под будущий фундамент обводной стены, что объяснялось естественным понижением этой части былого возвышения. Траншея оказалась несколько шире, чем сама стена, так что получившийся зазор засыпали частично мусорными слоями так, что при раскопках околонурились прямой ровной линией мусора зеленоватого цвета, отмечающая былой фундамент стены. Точно также незастроенной оказалась вся западная часть памятника, «зажатая» между западной стеной крепости и западной обводной стеной всего раскопываемого комплекса.

Находки. В ходе раскопок Тоголок 21 найден большой материал, происходящий из крепости, помещений второго периода и погребения. Ниже приводится характеристика находок крепости и по мере необходимости из помещений второго периода, которые в таком случае оговариваются особо.

Сосуды. На полах помещений крепости найдены сосуды типа хумов (иначе пифосов) и огромные конической формы чаны, донца которых непропорционально маленькие, что предполагает их закрепление в вертикальном положении. Некоторые из них были вкопаны в полы помещений, но встречены и лежащие на боку. Среди сосудов средних размеров выделяются конической формы со слегка подкошенной придонной частью и отверстием в центре дна (табл. LXX, № 1). Все они сделаны на кругу, хорошего качества, светлолигированные. Если на Тоголок 21 они встречены в основном в помещениях крепости, то на других памятниках Маргианы встречены в единичных фрагментах, а в Южном Туркменистане известен лишь один образец на «вышке» Намалга-тепе, что может указывать на появление этой формы посуды в Средней Азии вместе с распространением новых племен. Специальное отверстие в центре дна, прикрытое клочком шерсти, указывает на их назначение в качестве цедилок; здесь же отметим небольшую цедилку в виде глубокой миски с серией мелких сквозных отверстий на дне.

Столь же показательными полусферические небольшие сосуды со слезами, указывающими на их назначение для разливания жидкости. Один из них обнаружен целым, хотя и раздавленным между двумя полами помещения № 42 (табл. LXXI, № 6). Из помещений крепости происходят небольшие чайники с длинными трубчатыми носиками (табл. XXII), кринки, вазы из ножек, конические сосудики (см. табл. XXIII), входящие прямые аналоги в миниатюрных сосудиках внутри культового из Тоголок 1.

Хотя основная керамика нерасписная, в помещении №11 крепости и впускных могилах встречены однотипной формы округлые кувшины без ручек, украшенные красными кольцевыми полосами по верхней части. Резко отличен от них сильно раздавленный сосуд из помещения № 143, украшенный черной росписью, среди узоров которого прослеживается «солнце», близко напоминающая расписную посуду культуры Джуккар долины Инда (см. табл. XV, № 1).

Известны жаровни лепные, в виде широкого блюда с невысоким бортиком, со следами копоти внутри. Целый образец сохранил на донце четкие отпечатки плетеной тростниковой корзинки. Наряду с этим в незначительных количествах встречены фрагменты лепной посуды от кухонных сосудов. Здесь же отметим явно не бытовой цилиндрической формы сосудик, лепной, с нарезным орнаментом, до определенной степени напоминающий подобные в джукарской культуре (см. табл. XXIX, № 5).

Особое место среди керамики занимают культовые сосуды — целые, раздавленные и сильно фрагментированные, главным определяющим признаком которых являются скульптурные фигурки по венчику. Так, в помещении № 4 на полу встречены фигурки животных и людей, в том числе статуэтка горбатого быка и рогатого козла с накольчатыми точками на шее. Фигурка человека имеет схематичное вылепленное лицо предположительно с рогами на голове, что может указывать на существование специальных масок, что, однако, требует дополнительных доказательств. Если все фигурки принадлежат венчику былого сосуда, то внутри к его стенкам прикреплены как бы распластанные лягушки, две из которых встречены здесь же (табл. LXXIV—LXXVI).

На полу помещения № 4 обнаружено 2 составляющих фрагмента от красноглиняного сосуда с низким бортиком и подкошенной придонной частью. На бортике сохранились следы от некогда прикрепленных к венчику фигурок животных и рядом 1 целая такая статуэтка. В помещении № 10 встречен обломок венчика с наленной фигуркой животного, а в помещении № 11 — статуэтка двугорбого верблюда со следами крепления к венчику сосуда. Отдельные фигурки от культовых сосудов встречены и в других помещениях крепости, но в помещении № 18 найден крупный фрагмент, на внутренней стенке которого имеется наленная змея, голова которой упирается в живот животного на венчике этого же сосуда. Еще один крупный обломок культового сосуда происходит из помещения № 28, на венчике которого сохранилась наленная фигурка человека (голова и левая рука отбиты еще в древности), а внутри сосуда — наленная змея.

Наиболее полное представление о культовых сосудах дает один, обнаруженный на полу помещения № 56, практически целый, хотя от былого фриза сохранились лишь 3 фигурки: горбатый бык, предположительно кабан, и еще одна с точностью не читаемая. Внутри сосуда имеются наленные змеи, головы которых выходят на бортик. Судя по остаткам, на Тоголок 21 обнаружено, по крайней мере, свыше 10 образцов культовых сосудов. Хрупкие наленные фигурки на бортиках

(табл. LXXVII) начисто исключают их бытовое назначение, а культовое представляется наиболее вероятным. Осталось отметить, что единичные налпепные фигурки животных встречены в помещениях второго периода. Но ни одна антропоморфная статуэтка (табл. LXXVIII) не была найдена в культурном слое Тоголок 21, а лишь на его поверхности, причем все они типичны для периода Намазга V.

Каменные изделия. Среди этой категории изделий выделяются крупные стеатитовые биконической формы бусины, украшенные кружковым орнаментом (табл. LXXIX), в единичных случаях в виде многолучевой розетки. Наряду с такими известны редкие биконические бусы из розового алабастра. Одна такая бусина с остатками окислившейся меди скорее всего являлась навершием косметической палочки. В келье № 64 встречена миниатюрная грибовидная поделка, выточенная из черного стеатита, наподобие той, что была найдена на Гонур 1, вместе они напоминают аналогичные харлапской культуре⁴.

Из помещения № 11 происходит округлое навершие булавы из черного стеатита, украшенное, предположительно, извивающимися змеями. Еще один точно такой же фрагмент поднят с поверхности памятника в 1976 г., хотя они с точностью не соприкасаются в месте облома, видимо, принадлежат одному навершию булавы со сквозным отверстием в центре (табл. LXXX, № 15).

На полу помещения № 68 находилась восьмиугольная розетка, выточенная из черного стеатита (табл. XLVIII, № 13). На лицевой стороне выгравирован крест, заключенный в круг, с оборотной стороны — аналогичное кольцевое углубление, в котором частично сохранилась вставленная в него медная проволочка. В центре сделаны 4 небольших углубления, склосные отверстия имеются в концах лучей розетки, при помощи чего она крепилась. Эта своего рода эмблема, видимо, служила престижным отличием, напоминая аналогичную, но более богато изготовленную розетку, происходящую из разграбленных могил Бактрии, с оборотной стороны которой также имеется кольцевое углубление, а внутри — 4 углубления⁵.

Исключительного интереса заслуживает трехгранная стеатитовая призма из кельи № 65, на всех трех сторонах которой выгравирована однотипная композиция в виде пирамидки (табл. LXXXI, № 4), составленной из полуовалов с пикой на вершине, по бокам которой извиваются вставшие на хвосты змеи с разинутыми ртами. Центральное изображение хорошо известно по месопотамской глиптике, где оно обозначает «гору с деревом». Оно нередко определяется как знак бога Мардука, что не вызывает сомнения в его месопотамском происхождении, а сопровождающие его змеи — чисто бактрийское изобретение. С торцовой стороны изделия имеется глубокое отверстие, указывающее на принадлежность призмы двусоставному изделию. В помещении № 61, но не на полу, а в культурном заполнении, найдено коническое стеатитовое изделие с неглубоким отверстием в торцовой части (табл. LXXXII, № 5) и белый алабастровый цилиндр с широким углублением в основании (табл. LXXXII, № 3); возможно, не случайно здесь же найдена плоская заполированная галька. В помещении № 45 найдено 2 алабастровых

изделия: удлиненный конус с углублением в торце и дополнительным сквозным горизонтальным отверстием в нижней части и цилиндр с одним оббитым конном и слабым углублением в торце (см. табл. LXXXII). Из помещения № 44 происходит алебастровый конус со сквозным отверстием в верхней части и полусферическим углублением в основании. Наконец, как уже отмечалось, в помещении № 4 на полу рядом с раздавленным культовым сосудом находилось двусоставное изделие со стеатитовой конусоидной основой, на который свободно крепится алебастровый цилиндр, верхний конец которого сильно оббит (табл. LXXXII, № 1).

Пока еще трудно с уверенностью судить о конкретном назначении этих изделий, встреченных только в крепости, но их культовое назначение представляется наиболее вероятным и, возможно, связано с органистическими культовыми церемониями. Во всяком случае, показательны близкие по типу каменные изделия харалпской цивилизации, определяемые как связанные с фаллическими культами⁶.

О бесспорно высоком уровне местного камнерезного искусства можно судить по великолепной скульптурной головке быка, выточенной из белого мраморовидного камня. Рога и уши быка изготовлены из другого материала и, видимо, вставлены в специальные отверстия на голове. По линии шеи головка имеет заглаженную поверхность, а по краям — 3 сквозных отверстия для крепления, возможно, на конце деревянного стержня, что образует, предположительно, булаву. Морда животного выполнена в лучших традициях древневосточного искусства, о чем свидетельствует тонкая детализировка в трактовке овальных глаз с четко моделированными надбровными дугами носа и рта и, в особенности, мягкой складки кожи снизу шеи (табл. LXXXII, № 8).

Наиболее близкую аналогию обнаруживает многократно тиражированное изображение золотой головки быка с Алтын-депе, также со вставными рогами, ушами, выделенными надбровными дугами и отверстиями для крепления на стержне-основе⁷. Рядом находился гвоздик, обернутый серебристой фольгой, при помощи которого головка быка крепилась на древнем стержне. Обе головки с Алтын-депе и Тоголок 21, скорее всего, — наверхия от желтой, близко напоминающих аналогичные, которые до сих пор употреблялись зороастрийскими жрецами⁸.

Здесь же отметим происходящую с поверхности Тоголок 21 миниатюрную фигурку, предположительно, свиньи или кабана, выточенную из белого алебастра в виде амулета со сквозным отверстием для подвешивания на шнурке (табл. LXXXIII, № 2). Аналогичный, но с отбитой головой, амулет происходит с поверхности Голур I. Оба имеют цилиндрическое тело и голову с торчащими ушами; «лягачок» имеет четко выделенный рот.

Из верхнего культурного слоя восточного комплекса происходят две, по-видимому, заготовки в виде круга диаметром около 25 см и высотой 5—7 см, одна плоскость которых гладкая, а другая — выпуклая, полусферическая. По заключению специалистов, это — андезитовый перфрит, имеющий облик бадхызских лав или плаков свинцовых плавок; порода очень крепкая. Здесь же встречен обломок плитки, обе пло-

кости которой тщательно заглажены изготовленной из кораллового известняка диатомовой водоросли морского происхождения, предположительно, с Иранского плоскогорья; обломки от нескольких сосудов из этого материала найдены в Теле Яхья².

В помещении № 174 в мусорном заполнении встречен обломок каменной ручки от так называемой «гири», характерного изделия, впервые обнаруженного с «миниатюрными колонками» в Гиссаре, назначение которого остается не совсем ясным. В Южной Туркмении, судя по неопубликованным материалам с Улуг-депе, оно встречается в слоях позднего Намазга IV.

Только с поверхности памятника происходят обломки от миниатюрных стеатитовых сосудов (табл. LXXXIV), а также амулетов и так называемых пуговичных печатей с резным орнаментом на лицевой стороне и выступом с отверстием — на оборотной.

Одна такая печать из черного стеатита, предположительно, сохранила редкое изображение лица в круговом обрамлении из лучей (табл. LXXXV, № 1). Здесь же укажем на существование пуговичных печатей, но не из камня, а медных, то в виде уступчатого креста (табл. LXXXV, № 11), то свернутых в клубок нескольких змей (табл. LXXXV, № 9), точное соответствие которым имеется в Бактрии.

Особого интереса заслуживают печати-амулеты мургабского стиля с сюжетными композициями. Один такой амулет со сквозным отверстием для шнурка происходит из верхнего слоя крепости и изготовлен из черного стеатита. На одной плоскости выгравирован крылатый лев, под животом которого извивается рептилия, а на другой — хищник в виде лисы или волка также с рептилией под животом (табл. LXXXVI, № 1). Вверху, в поле, и перед животным изображены ветки какого-то растения. Амулет соответствует такому же с Тоголок I, а вместе они находят прямые аналоги в глиптике Бактрии, что в особенности касается изображения крылатого льва в канонической позе с разинутой пастью и хвостом, конец которого высовывается из-за крыльев.

С поверхности памятника происходит квадратный с зубчатыми краями амулет, на одной плоскости которого рогатое чудовище терзает поверженных на землю людей, а на другой — козлы, стоящие у мирового дерева (табл. LXXXV, № 4). Последний мотив явно имеет переднеазиатское влияние, но стоящая на хвосте змея, скорее всего, отражает местное его происхождение.

С восточной окраины памятника происходит пуговичная печать розоватого камня с изображением свисавших в клубок и терзающих друг друга рогатых драконов, образующих так называемое сенгеро-коесо (табл. LXXXVI, № 4).

В южной части памятника в слое встречен каменный амулет с изображением на одной стороне хищника типа пантеры с головой, повернутой назад, а на другой, — двух змей или драконов (табл. LXXXVI, № 2).

Наконец, с поверхности Тоголок 21 происходит амулет черного стеатита с сильно стертым изображением, на котором могут быть прослежены лишь отдельные фигуры животных (см. табл. XLVIII, № 7). Еще

один сильно стертый от ношения амулет черного камня с одной стороны сохранил трудно читаемую композицию, а с другой, — двух животных, возможно, быков, вставших на задние ноги, между которыми находится змея или дракон с широко разинутой пастью (табл. LXXXVI, № 3).

В одной из камер на «площадке с платформами» обнаружен белого цвета амулет из гретого стеатита с изображением четырехлепестковой розетки на одной плоскости и, предположительно, сидящего быка — на другой (табл. LXXXVII, № 3). Перед мордой быка — 2 вертикальные линии, 1 — с маленьким перекрестком, что отчасти напоминает «кормушки» с ножками на харапских печатях. Четыре косые черточки на шее могут передавать загибок, но 2 знака в поле с точностью не расшифровываются.

Иконографический образ быка с парой рогов, выставленных вперед, близко напоминает аналогичные изображения харапских печатей, на которых такие же, но стоящие быки, показаны с «кормушкой» на ножке перед мордой¹⁰.

Миниатюрный бирюзовый амулет сохранил на одной плоскости рисунок орла в геральдической позе, на обороте — предположительно, какое-то насекомое (табл. LXXXVIII, № 7). Несколько стеатитовых амулетов имеют гравированные изображения бутонов, возможно, мака.

В единственном числе известна обломанная цилиндрическая печать черного камня, на которой с трудом читаются ноги идущих животных, что напоминает сцену с цилиндрической печати с поселения Таип I (табл. LXXXV, № 7).

На поверхности же Тоголок 21 встречается половинка стеатитового амулета, обломанная еще в древности и заглаженная по линии излома так, что владелец мог продолжать пользоваться ею как амулетом. На обеих плоскостях сохранились изображения крылатых животных с извивающимися под их животами рептилиями. Есть основания считать, что подобные сюжетные композиции отражают идею подлищения рептилиями, чаще всего змеями, «живительного семени», олицетворяющего жизнь, всеобщее плодородие¹¹ (табл. LI).

Амулет имеет не одно, а два сквозных отверстия, просверленных в противоположных углах так, что он мог быть надет на два шнура, чем образовывал своеобразное кольцо.

При раскопках южной части храма обнаружен каменный амулет, выточенный в форме верблюда, обливающего свою заднюю ногу (табл. LXXXVII, № 1; LXXXIII, № 1). Амулет с лицевой стороны вырезан в форме глубокого рельефа, с тонкой моделировкой тела и в особенности головы с четко проработанными деталями. Султан на голове свидетельствует, что это — парадный верблюд, оба горба которого украшены специальными «попонами». Обратная сторона — плоская, на ней глубокой, сочной резьбой выгравирована явно тематическая композиция, к сожалению, сохранившаяся лишь частично. В центре композиции изображен мчащийся, видимо, разъяренный бык, хвост которого задран на спину и заканчивается на конце кисточкой. Сверху на быка набрасываются три птицы, по-видимому, орлы. Сзади частично сохра-

нились ноги, предположительно, прыгающего человека, возможно, акробата.

Эта композиция верхнего регистра отделена от нижней своеобразной плетеной, само же изображение сохранилось настолько плохо, что четко читается лишь одна человеческая фигура, сидящая, по-видимому, обнаженная: левая рука вытянута, правая — у головы. Рядом частично сохранилась вторая фигура, возможно, бегущая.

Наконец, на нижней части амулета изображена сцена охоты лучника (от которого сохранился лишь туго натянутый лук со стрелой) с охотничьей собакой, преследующей горного козла, взбирающегося на гору. Эта композиция почти до деталей повторяет такую же позднесаккадского времени, не оставляя сомнений в их тематической близости¹². И хотя амулет выполнен в лучших традициях месопотамской глиптики, факт изображения верблюда, персонажа чрезвычайно редкого в Месопотамии и вместе с тем популярного в искусстве Бактрии и Маргианы, полностью исключает возможное предположение об импортном характере амулета и вместе с тем указывает на его местное изготовление.

В помещении № 34 под полом встречена гипсовая цилиндрическая «бусина» с нацарапанным орнаментом в виде слочки (табл. XXV, № 2).

Выше уже упоминался обломок булавки с резным орнаментом; второй обломок того же камня и так же украшенный встречен на полу помещения № 11. Хотя в месте излома они не совпадают, скорее всего, принадлежат одному навершию булавки (табл. XXVI, № 7), украшенной орнаментом, предположительно, из извивающихся змей, что напоминает один целый из Бактрии¹³.

Только в помещениях парадной части крепости найдены целые «миниатюрные колонки», выточенные из разных пород камня (табл. XXXIX). По определению старшего научного сотрудника ВНИГНИ А. Г. Швеца, практически все они изготовлены из брекчии, яшмовидных пород, оникса, мрамора, органогенного известняка, естественные месторождения которых отсутствуют в Копетдаге, что с необходимостью предполагает импорт материала из более отдаленных районов.

Все они представляют собой однотипные столбики (до 0,4 см высотой) с утончением в средней или верхней части. Не всегда, но часть на торцовых сторонах имеет выточенные углубления-желобки, иногда переходящие на боковые стороны самих стволов; как правило, один (предположительно, верхний) — конец другого.

Выделяется одна такая «миниатюрная колонка» из помещения № 28 со следами медной обоймы в верхней части, оказавшаяся прикрытой «крышкой», выточенной из того же камня, причем диаметр «крышки» точно соответствует диаметру «колонки». Хотя обе торцовые части сохранили желобки, «крышка» также имеет сверху желобок. Еще одна «крышка», но без «колонки» встречена в помещении № 9.

Хотя точное назначение «миниатюрных колонок» неясно, общая культовая принадлежность их признается всеми¹⁴. Причем из разграбленных могил Бактрии происходит одна богато инкрустированная ко-

глинами вставками¹⁵, напоминающая подобную из Гиссара. На Тоголок 21 в одном случае имеются следы от медной, а в другом — серебряной обивки, некогда прикрепленной гвоздями к верхним частям «колонок». Кажется, впервые «колонок» с «крышками» встречены в Тоголок 21, что в будущем позволит уточнить их общее предназначение. Показательно, что даже целые образцы не были взяты их владельцами, а остались на месте, что пока не находит точного объяснения.

Отметим, что все «миниатюрные колонки» тщательно изготовлены и выточены из разнообразных, порой, красочных пород камня, привезенных в бассейн дельты Мургаба за многие десятки километров, вероятнее всего, из Ирана. Обращают внимание тщательно выточенные желобки, всегда расположенные параллельно друг другу по обеим торцовым плоскостям. Не во всех случаях, но по преимуществу такие желобки, выточенные на верхней плоскости, имеют один расширенный конец. Лишь в одном случае на «миниатюрной колонке», происходящей из помещения № 14, оба желобка и на верхней, и на нижней плоскостях имеют по одному расширенному концу, расположенному друг против друга. Причем именно узкие, а не расширенные концы сохранили углубления, возможно, указывающие на их конкретное назначение. Из других наблюдений отметим, что внешние края торцовых плоскостей почти у всех образцов сохранили следы залощенности и нередко зазубрины.

На волах многих помещений «крепости» в огромном количестве встречены огромные каменные ступки и пестики, наряду с чем выделяются миниатюрные терки округлой и, наоборот, квадратной форм. Встречены они в количестве во много раз превосходящем такие находки на обычных бытовых памятниках, причем здесь они, судя по микроскопическим остаткам мака на их поверхности, служили для перетирания именно этого растения. Здесь же отметим, что стеатит и мраморовидные породы камня использовались для различных изделий и в том числе для косметических флаконов, встреченных в более поздних могилах Тоголок 21. Относительно каменных астрагалов следует отметить, что 1 встречен в помещении № 50.

Костяные изделия. Бесспорно, особого интереса заслуживают костяные трубочки с аккуратно сплеченными концами и с заполненной, нередко до зеркального блеска, поверхностью с однотипными (табл. LXXXII, № 9—13) гравированными изображениями личи с преувеличенно большими глазами, нередко с центрированными зрачками под полукруглыми бровями.

Показательно, что среди 5 трубочек 1 дежала на полу помещения № 34 и содержала внутри пыльцу мака, а вторая была найдена между кирпичами порога большого алтаря (табл. LXXXII, № 10). Кроме Тоголок 21, еще одна происходит¹⁶ с поселений Тахирбай 3 и Аучин-дере, и более они пока за пределами Маргианы неизвестны. Думается, не случайно, что на таких трубочках всегда выгравированы лишь широко раскрытые глаза, т. е. известно, что при употреблении наркотиков из мака окружающие предметы приобретают преувеличенно огромные размеры, воспринимаемые человеком через зрение, т. е. глазами. Представляется, что подобные костяные трубочки были связаны с употреблением

культовых напитков, приводящих человека в галлюциногенное состояние, в состоянии эйфории.

Среди немногочисленных костяных изделий выделяется одно, предположительно, изготовленное из слоновой кости, чечевице и в разрезе со сквозным отверстием по длинной оси. На одной плоскости глубокой резьбой изображена восьмилучевая розетка, на другой — три центральные рельефные полосы, оконтуренные с двух сторон выпуклыми «пирамидками». Ближние по типу изделия известны из разграбленных могил Бактрии.

Из очага помещения № 19 происходят почеревенные от жара перламутровые вставки в виде ромбов, треугольников, прямоугольников с зубчатыми краями, служившие, скорее всего, инкрустациями. В помещении № 16 найден обломок крупной перламутровой раковины, а в помещении № 40 встречена частично сохранившаяся раковина, происходящая, по-видимому, из Индийского океана (см. табл. XLVIII, № 15). Еще в древности она была приспособлена под своеобразный сосуд, для чего была спилена часть раковины таким образом, что один из торчащих шипов стал своеобразным сливом. Сосуды, выточенные из раковин, широко использовались в харапской культуре, для чего специально обтачивались¹⁷.

С северо-западной окраины памятника, по-видимому, из развешенного погребения происходят костяные инкрустации различных форм, в том числе в виде трилистника (см. табл. XXXIII, № 1—7). Исходя из материалов Харалпы и Мохенжо Даро Э. Маккей высказал мнение, что изображение трилистника имело, по-видимому, «сacщенный символ», что получило поддержку со стороны А. Парпола¹⁸. В этой связи следует вспомнить рисунок трилистника на гипсовых плитках двора Дашлы 3, к чему теперь можно добавить и рассматриваемые вставки с Тоголок 21, все вместе, возможно, действительно имевшие астральное значение.

Здесь же отметим, что из впускных погребений Тоголок 21 происходят другие каменные и костяные, с зубчатыми краями вставки в форме пирамид, ромбов, полусфер, прямоугольников, служившие инкрустациями каких-то, возможно, деревянных изделий.

Металлические изделия (табл. XC). Представлены единичными медно-бронзовыми булавками с пирамидальным полусферическим навершием, а в одном случае — с навершием, предположительно, в виде нераскрытого бутона мака. В погребениях Тоголок 21 встречены миниатюрные «секачи» (табл. XC, № 5), браслеты, книжал. В помещении № 25 на полу найден изогнутый «серп» с гладким лезвием. Особого интереса заслуживает явно переомональный топор из помещения № 75 (табл. XC, № 8). Топор имеет сильно расширяющееся тупое лезвие и фигурную втулку; аналогичный известен из Северного Афганистана, а оба они восходят к топорам-алебардам аккадской эпохи¹⁹. Еще 2 топора с изображением глаза на втулке происходят из погребений Тоголок 21 (табл. XC, № 6—7). Среди металлических изделий выделяется железная «бусинка» из помещения № 33, обнаруженная на глубине 0,5 м от поверхности, демонстрируя наиболее ранний образец

для Средней Азии (см. табл. XXXVI, № 18). Здесь же упомянем миниатюрный цилиндрической формы сосудик из свинца из помещения № 160 (см. табл. XXIX, № 1).

Общее культовое назначение комплекса Тоголок 21 документируется характерным набором органических остатков, в особенности из помещения № 34. Органические остатки, взятые со дна хумов, переданы на определение в МГУ доктору биологических наук Н. Р. Мейер-Меликян, по авторитетному заключению которой в них обнаружены микроскопические остатки веточек эфедры, хвойного кустарника, содержащего алколоидный экстракт—эфедрин, который, скорее всего, изготавливался именно в этом помещении.

В литературе давно дискутируется вопрос, из какого растения индоиранские, арийские племена в древности изготавливали культовый, галлюциногенный напиток, именуемый в Авесте хаомой, а в Ригведе—сомой. Предполагалось, что для этого могли использовать коноплю, особый вид гриба-мухомора, мандрагору, эфедру и даже жень-шень. Не исключено, что в разных регионах обширного ареала обитания индоиранских племен могли использоваться разные из перечисленных растений, но впервые документально засвидетельствовано, что в Маргиане для приготовления этого культового напитка использовали эфедру.

Заросли эфедры до сих пор в изобилии произрастают в Каракумах, однако именно этот вид, так называемая эфедра шишконосная, практически не содержит эфедрина²⁰ и не может быть использована для приготовления напитка типа хаомы. Зато другой вид—эфедра интермедна, произрастающая в горах и особенно предгорных районах Копетдага, содержит высокий процент эфедрина, и хотя ископаемая эфедра с Тоголок 21 не может быть определена до вида, думается, именно эфедра интермедна использовалась для приготовления хаомы, что, в свою очередь, предполагает организацию древними маргушиами специальных экспедиций в предгорья Копетдага почти за 250—300 км от их родины. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что современные зороастрийские общины Индии для получения эфедры устраивают подобные экспедиции в Восточный Иран, в район г. Керман, что само по себе весьма показательно. В этой связи, возможно, не случайно, что в Авесте растение хаома фигурирует как произрастающее в горах, что, в свою очередь, полностью согласуется с данными биологии. И, возможно, не случайно также, что среди фитоморфных изображений амулетов Маргианы достаточно определенно выделяются изображения бутонов мака и веток эфедры (рис. 32).

Обнаружение ископаемой эфедры и мака на Тоголок 21 не только дало документальные основания связать этот памятник с культом галлюциногенных напитков наподобие тех, что были распространены у индоиранцев, но и позволило по-новому оценить другие находки. По данным Авесты и Ригведы, известно, что для приготовления сомы-хаомы ветки эфедры долго отмачивались в больших чанах, затем тщательно перетирались на каменных зернотерках каменными же терками и толклись в ступках специальными пестиками. Полученную массу разбавляли

Рис. 32. Тоголок 21. Изображение растений на амулетах Вактрии и Маргана.

водой, смешивали с молоком, в том числе кислым, ячменем и затем оставляли бродить в сосудах. После этого, когда сок был готов, его процеживали через специальные сита и затем использовали при культовых церемониях. В Авесте говорится о четырех основных этапах приготовления хаомы и, в частности, упоминаются «перые жрецы ступки».

Если обратиться к находкам крепости Тоголок 21, то нетрудно убедиться в наличии здесь всех составных компонентов, необходимых для приготовления хаомы. Большие конической формы чаны были встречены глубоко зарытыми в углах помещений, а на полах — каменные терки, пестики и зернотерки в количестве, превышающем потребности даже обычных, бытовых намятников; там же встречены специальные сита, конической формы сосуды с отверстием в центре дна, прикрытые клочком шерсти, они служили для процеживания (табл. LXX, № 1—2).

Среди находок, бесспорно, особого внимания заслуживают культовые сосуды, венчики которых украшены скульптурными фигурками птиц, людей и животных (табл. LXXIII—LXXV).

Как правило, центральное место среди скульптурных фигурок на культовых сосудах занимают две человеческие, стоящие рядом; причем в тех случаях, когда это можно установить, одна из них держит на груди ребенка, а вторая показана в явно приниженной позе с заведенными за спину руками. При раскопках Тоголок 21 в одном из помещений второго периода найден небольшой сосуд типа кринки (табл. XV, № 7), внутри которого находились 2 статуэтки из необожженной глины (табл. XIX, № 1—2), до деталей повторяющие вышеописанные на культовых сосудах, но с одной существенной разницей, с четко выраженными признаками пола. Протип всякого ожидания, ребенка на груди держит мужской персонаж, а с заведенными назад руками — женский. Обе статуэтки сохранили большое количество мелких костяных отщепов,

воткнутых в их тела. Думается, что как парные, центральные персонажи фризов культовых сосудов, так и эти два отражают хорошо известные местным племенам мифы, являясь своеобразными «конспектами» или «цитатами» таких мифов. Но если культовые сосуды действительно связаны с Хаомой, то, вероятнее всего, с мифами об этом божественном налитке связаны и скульптурные фризы на них.

В этом отношении особый интерес представляет один миф Ригведы, в котором повествуется о деификации растения сомы, где Сома выступает как дитя Парджаны (бог грома), жена которого (в таком случае, видимо, мать-земля), так что Сома выступает как дитя неба и земли. Уже давно установлено, что в древних верованиях небо обычно мыслилось как мужское, а земля — как женское начало²¹, так что было бы заманчиво сопоставить это наблюдение с фризами на культовых сосудах. В таком случае этот индоиранский миф мог найти скульптурное отражение на фризах, когда бог грома, насильно отобрав их общее дитя у матери-земли, возносит ребенка на небо, где он получит statue бога Сомы-Хаомы. В этом плане особого интереса заслуживает замечание, что «среди индоиранских божеств вряд ли найдется еще одно, характеристики которого и в иранской, и в индийской традиции совпали бы настолько, как это имеет место в случае с авестийской Хаомой и ведийской Сомой»²².

Помимо Маргнаны, подобные культовые сосуды столь же широко распространены в Бактрии, где они встречены в древних могилах. На одном из них — 2 центральных персонажа показаны в позе борющихся, причем один из них делает ногой подсечку другому. Не имеем ли мы здесь отражение все того же мифа, эпизод борьбы, когда бог грома пытается отобрать у матери-земли их общее дитя и, унеся на небо, обожествить его? Из тех же могил Бактрии происходит небольшая коллекция, включающая несколько терракотовых статуэток животных и одну мужскую фигурку с расставленными в позе «широкого объятия» руками и топором, заткнутым за пояс, этим непременно атрибутом бога-громовержца. При первой публикации еще не были известны культовые сосуды, так что точная принадлежность этой коллекции была неясной²³, теперь же очевидно, что все эти скульптурки принадлежат культовому сосуду, на котором нашла отражение все та же тема: похищение и деификация хаомы-сомы (рис. 33).

Лингвисты считают, что Хаома сочетал в себе функции бога, жреца и вещества, приносимого в жертву. Хаома — существенная часть зороастрийских ритуалов и литургий, в которых налиток дарует бессмертие.

Помимо Бактрии и Маргнаны, такие культовые сосуды были распространены еще в Белуджистане²⁴, не оставляя сомнений в существовании общих культовых церемоний.

Казалось бы, имеются все основания видеть в Тоголок-21 первый подлинно зороастрийский храм, однако такому предположению препятствует, в первую очередь, то обстоятельство, что в Авесте нигде не упоминаются храмы. А, кроме того, в Бактрии, где обитали родственные племена и существовали близкие, если не идентичные культовые обря-

Рис. 33. Антропоморфные статуэтки с культовыми сосудами Бактрии (1—3) и Маргяны.

ды, раскопаны храмы принципиально отличной планировки. Имеются в виду монументальные комплексы в пункте Дашлы 3, где круглый храм был определен К. Петтмаром как авестийская «вара»²⁵, а то время как рядом расположенное здание Б. Брентьеэ сравнивает с «мандала» индонезийцев²⁶, что получило поддержку и других исследователей²⁷.

Наконец, в Северной Бактрии в Джаркутане открыт, как предполагают, храм огня, что в совокупности указывает на существование в одно и то же время, у одного и того же банзского по культуре народа разных, как по архитектурной планировке, так и культовой обрядности, храмов, что как будто противоречит ортодоксальному зороастризму. Наряду с такими узкоспециализированными храмами существовали более универсальные, типа Тоголок 21, культовые обряды которого, скорее всего, были использованы и включены в зороастрийскую религию, но, конечно, в переработанном, реформированном виде. Однако в таком случае следует признать малообоснованной гипотезу, слишком удрежняющую время существования и деятельности Зороастра, т. к. время функционирования Тоголок 21 относится если не к первым векам 1 тыс. до н. э., что довольно хорошо согласуется с новыми радиоуглеродными датами для Гиссара²⁸ и временем отнесения жизни в Бактрии и Маргяне, то не ранее начала II тыс. до н. э. Если учесть, что Тоголок 21 относится к самому позднему, заключительному периоду существования Маргяны, и рядом с ним располагаются уже поселения так называемого ахеменидского времени, то предложенные выше рамки существования Тоголок 21 представляются наиболее оправданными всей суммой имеющихся фактов.

В свете сказанного, следует очень осторожно оценивать наметившуюся в последнее время тенденцию к слишком большому удреждению времени жизни Зороастра и относить ее к IX—VII вв. до н. э., но не ра-

нее. Факт существования протозороастрийских храмов и отсутствие упоминания последних в Авесте не только не противоречит, но и подтверждает преемственность религиозных представлений и культовой обрядности: культ хаома и культ огня занимают главное место в храме типа Тоголок 21 и соответственно в последующей зороастрийской религии. Иное дело, что в результате реформы Зороастр отказался от монументальных храмов, упростив при этом и культовую обрядность.

Рис. 34. Тоголок 21. Аэрофото.

Итак, раскопки Тоголок 21 показали, что с самого начала строителями возведен монументальный комплекс, состоявший из трех частей: внешнего прямоугольника обводных стен с двумя площадками, внутреннего прямоугольника с кельями и, наконец, центральной крепости (рис. 34). Совершенно очевидно, что основные культовые церемонии проходили в крепости, а выполняли их несколько главных жрецов, обитавших в девяти кельях внутри крепости. В кельях внутреннего двора могли проживать храмовые служки более низкого ранга, основная деятельность которых была связана с культовыми церемониями, проходившими на алтарной площадке и площадке с платформами. Наконец, обширная площадь внутри внешней обводной стены могла служить местом скопления паломников во время больших богослужений (рис. 35).

Тот факт, что подходы к обеим площадкам могли осуществляться лишь изнутри, указывает, что после предварительных культовых обря-

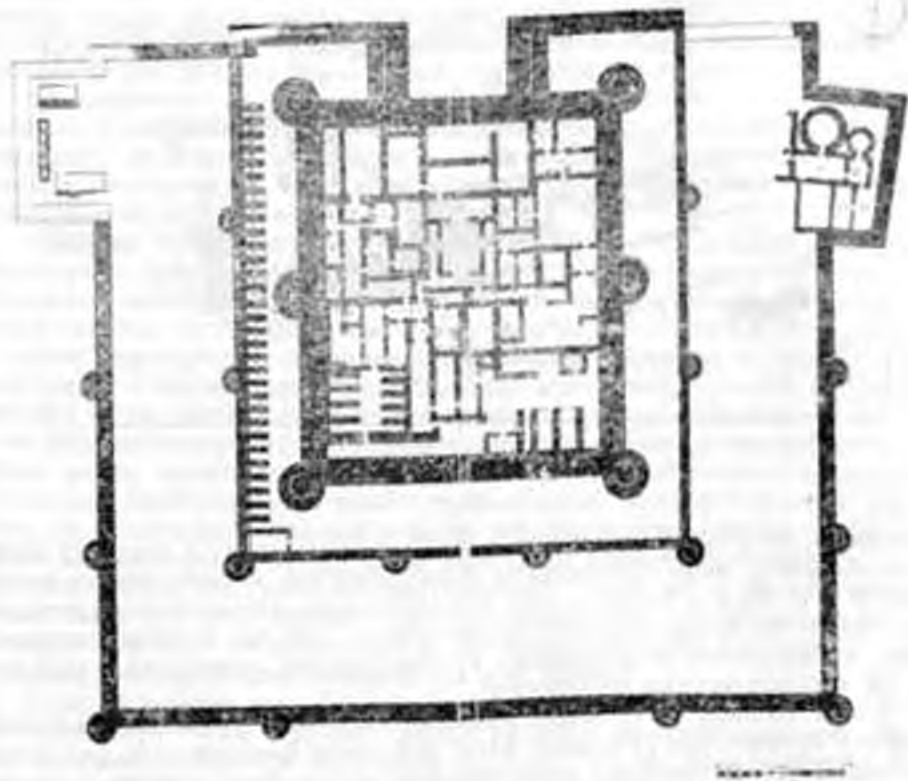

Рис. 35. Тоголок 21. План первого, основного периода храма.

дов внутри крепости жрецы только через южные ворота имели доступ к культовым площадкам, где у алтарей производили культовые возлияния и жертвоприношения, а в «огненных камерах» перед платформами возжигали жаркий огонь (рис. 36). Создается впечатление, что с культом огня связана была «площадка с платформами», в то время как алтарная площадка более предназначена для культовых возлияний (вспомним «пятно» от застывшей жидкости у входа в большой алтарь).

Судя по всему, Тоголок 21 является центральным храмом Марганы в самый поздний период его истории, где проходили главные культовые церемонии года, наряду с чем, безусловно, имелись более скромные, предназначенные для каждодневных ритуалов храмы, представляющие собой провинциальную копию «кафедрального» Тоголок 21.

Храм Тоголок 21 приходил в упадок постепенно, когда внутри двух прямоугольных оград возводятся жилые и хозяйственные помещения рядовых общинников, деятельность которых, возможно, была связана с еще функционирующей крепостью. И хотя комплекс постепенно хирел,

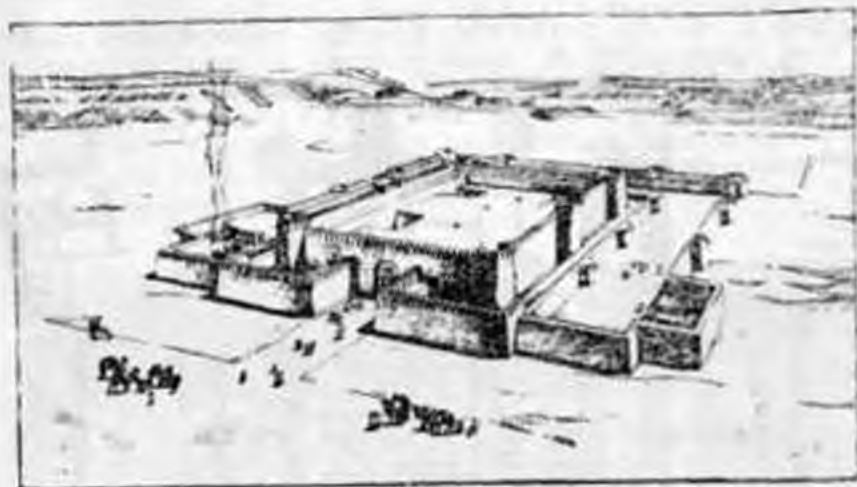

Рис. 36. Тоголок 21. Храм. Реконструкция.

возможно, окончательно брошен он был сразу, т. к. в крепости осталось на месте много совершенно целых сосудов, «миниатюрных колонок» и т. д. Но и в таком случае знаменательно, что алтари и платформы оказались преднамеренно заложенными, как бы «запечатанными», что предостерегает от поспешных предположений, связанных с какими-то катастрофическими событиями.

Храм Тоголок 21 не имеет прямых аналогов в храмовой, монументальной архитектуре Передней Азии, исключая Бактрию, что уже отмечалось. Чисто формальное сопоставление может быть сделано с овальным храмом в Хафадже, но роднит их между собой лишь основной принцип: вписанные друг в друга две ограды заключают в центре, в одном случае, здание типа зиккурата, а в другом — крепость с изготовленным культовым панпиком.

Общий план храма Тоголок 21 свидетельствует о высоком уровне строительного дела Маргшан, предполагая существование особой маргшанской школы древневосточного зодчества.

Свидетельством тому служит модуль, равный 7,5 м, которому соответствует диаметр большого алтаря, диаметр башен крепости, длина южной платформы и помещений № 23, 34, 35, 114. Удвоение модуля, т. е. 15×15 м соответствует размерам микрокомплексов помещений № 1—2, 3—9; 16, 18—19; 22, 36—37, 48; на расстоянии 15 м отстоит храмик (помещения № 14, 23—24) от внутренней плоскости западной и восточной стен и на 22 м от их внешних граней. Утроение модуля, т. е. 22,5 м не укладывается с точностью, но зато 22 м имеется почти повсеместно. Двойное уменьшение модуля, т. е. 3,75 м дает диаметр малого алтаря и диаметры всех башенок и полубашенок двух оград.

Даже эти пока еще предварительные факты и наблюдения с бес-

спорностью свидетельствуют о высоком интеллектуальном развитии местных племен и в том числе о высоком уровне научных знаний. Во всяком случае, имеются все основания предполагать знакомство маргушцев с основами геометрии, астрономии и вообще математическими знаниями, что должно стать темой специального исследования.

Приведенные данные, бесспорно, свидетельствуют о чрезвычайно высоком уровне развития у местных племен положительных знаний и в том числе геометрии, а главное — астрономии, что помимо всего другого документируется поразительно точной ориентировкой стен всего комплекса по странам света.

Судя по тому факту, что в центре храма располагалось здание, связанное с приготовлением культового, галлюциногенного напитка типа хаома, можно считать доказанным, что именно этот культ являлся здесь главным, в то время как культ огня играл второстепенную роль. В таком случае, если правомерно наше предположение о связи храма Тоголок 21 с последующей зороастрийской религией, то такое наблюдение как будто находится в противоречии с данными Авесты. В самом деле, лингвистами уже было отмечено, что в древнейшей части Авесты — Гатах хаома практически не упоминается, если не считать косвенное замечание Заратуштры, сурово порицающего «отвратительную жидкость этого напитка». Правда, в более поздних частях Авесты, напротив, хаома восхваляется так, что было высказано вполне справедливое мнение, что пророк выступал против бытового пьянства, а не культового питья. Из этого наблюдения сделано заключение, что традиции опьяняющего напитка восходят еще к дозороастрийскому времени, к тем культам, которые существовали здесь и то время.

Предполагается, что Заратуштра сначала пытался исключить данный культ при своей реформе старой религии, но сопротивление местных неофитов оказалось настолько сильным, что он был вынужден оставить и включить культ хаома в свое реформированное учение, но придать ему исключительно ритуальное значение. Исходя из полученных археологических фактов в сопоставлении их с данными лингвистов можно считать, что на Тоголок 21 находился протозороастрийский храм, связанный в первую очередь, с культом хаома и затем — с культом огня. Оба эти культа затем были включены в последующую зороастрийскую религию, хотя и в реформированном виде.

В интересующем нас плане исключительный интерес представляют явно тематические, сюжетные композиции на печатях-амулетах маргабского стиля, о которых подробно уже говорилось. Генеральная тема их — постоянная борьба, с одной стороны, драконов, а с другой — рептилий и членистоногих за обладание «жизненным семенем», воплощенным в животных и птицах. Вспомним амулет, на котором в центре изображен спокойной стоящий бык, на которого сверху и спереди набрасываются злобные драконы, и то время как под животом его, у задних ног располагается свернувшаяся в кольца змея. Нет необходимости перечислять другие аналогичные композиции на маргабских амулетах, где змея и членистоногие подбираются к задним ногам птиц и животных, стремясь овладеть «жизненным семенем», в то время, как злобные дра-

коны всячески пытаются помешать им. Прием на некоторых амулетах изоборот, видно, что драконы завладели «жизненным семенем», когда они, злобно оскалившись, выплывают из-под жпвотов своих жертв.

Можно почти не сомневаться, что драконы олицетворяют отрицательные по отношению к человеку силы, а то время, как рептилии и членистоногие — положительные. Иными словами, злые, агрессивные драконы символизируют собой злое начало в противоположность которым — рептилии и членистоногие — добро. Если с таких позиций рассматривать эти композиции, то налицо вечная борьба добрых и злых сил, а в конечном счете Добра и Зла. Эта этико-философская концепция, распространенная у местных племен, чрезвычайно близко напоминает идеологические представления последующего зороастризма, почти не оставляя сомнений в их логической связи. Создается впечатление, что мифологические представления маргушцев о извечной борьбе добрых и злых духов, в более оформленном и четко сформулированном виде, затем были включены Заратуштрой в его новое учение.

Все эти факты и наблюдения дают веские основания предполагать, что древняя страна Маргуш являлась одним из центров, связанных со сложением зороастрийской религии. Но точно так же нет никаких оснований замыкаться только в этих рамках одного региона. Напротив, с таким же правом на это может претендовать и Бактрия, где, судя по всему, были распространены близкие протозороастрийские верования накануне реформы Заратуштры. Вспомним, что здесь также при культовой обрядности использовались «миниатюрные колонки» и культовые сосуды со скульптурными фризами, что указывает на сходство религиозных верований.

Наконец, «миниатюрные колонки» встречены в Восточном Иране и, что особенно важно, в Сивистане, исторической Дрангиане, где многие лингвисты, основываясь на анализе Авесты, предполагают родину если не Заратуштры, то зороастризма. Более того, с точки зрения археологии, есть все основания считать, что в Дрангиане в дозороастрийское время существовали храмы наподобие Тоголок 21, свидетельством чего являются находки в местечке Годари Шах, где на месте мусульманской святили Дж. Дейле обнаружил большое скопление «миниатюрных колонок», известных в таком большом количестве только в Тоголок 21. Высказано совершенно справедливое мнение, что эти иано культовые изделия были перенесены на мусульманское кладбище откуда-то со стороны. Вместе с тем, учитывая большие их размеры, а главное — большую тяжесть, имеются все основания считать, что они были перенесены сюда из близ расположенного места, предположительно, развееинного могильника. Однако такое скопление «миниатюрных колонок» не исключает того, что они происходят не из могильника, а из развееинного храма наподобие Тоголок 21 и тогда можно предполагать, что в Дрангиане существовала та же культовая обрядность, что и в Маргиане, за чем, возможно, кроются и сходные религиозные верования.

Итак, Восточный Иран с Бактрией, Маргианой и Белуджистаном выделяют тот обширный регион, где, вероятнее всего, находится родина Зороастра и зороастризма. Именно в этом регионе были распространены

и одно и то же время сходные культовые атрибуты, предполагающие сходные церемонии и верования. Добавим к этому, что именно здесь были распространены и амулеты с мифологическими композициями, генеральную идею которых составляет борьба добрых и злых сил.

Но не так уж и важно, где родился Заратуштра и где он провел свою реформу. В конце концов он мог родиться в одном из центров очерченной зоны (например, в Бактрии или Маргиане), а провозгласить свое учение и приобрести своих первых адептов в другом, например, в Дрангиане. Для нас важно, что новейшие археологические данные достаточно четко выделяют в системе Юго-Западной Азии зону, где можно, вероятнее всего, предполагать истоки дозороастрийских верований, которые затем в переработанном виде будут использованы новоявленным пророком в его реформаторском учении. В еще большей степени важно, что данные археологии достаточно прямо связываются и находят соответствия в данных лингвистики, а в опосредственной форме и антропологии, как это можно заключить по последним работам В. П. Алексеева, давно и плодотворно занимающегося данной проблемой.

Можно не сомневаться, что будущие исследования уточнит и во многом конкретизируют наши сегодняшние представления. Но также можно не сомневаться, что страна Маргуш открыла перед исследователями новые аспекты этой старой проблемы. Арийская проблема и проблема зороастризма еще долго будут являться темой горячих споров и научных дискуссий, начало чему было положено свыше 200 лет назад. Археологические находки страны Маргуш с ее оригинальной культурой и высоким интеллектуальным потенциалом открывают новые перспективы на этом многотрудном, но в высшей степени интересном пути (см.: Погребения).

ПОГРЕБЕНИЯ

Таблица 1

№ п/п	Трупонахождение, вид	Ориентир	Инвентарь			Примечания
			керамика	каменные изделия	бронза	
1	2	3	4	5	6	7
1,2	На левом боку, скрещен, руки перед грудью	С	5 сосудов			Погребение № 1 раскопано в 1955 г.
3	Завалившись на живот, скрещен, кисть правой руки — под животом, кисть левой — под ключицей	С	11 сосудов	Бусы		В шаровидной хумче — бараний кости. Все сосуды за головой
4	На правом боку, скрещен, кисти рук перед лицом	С	9 сосудов	Фдакон в хумче, бусы и амулет	Браслет в хумче	Бараний бок

1	2	3	4	5	6	7
5	На правом боку, скорчен	3				Верхний отдел разрушен при устройстве погребения № 4
6						Развезено. Расчищено несколько косточек на дневной поверхности.

Гонур I

1	Скорчен на правом боку, кисть правой руки у лица, левая — полусогнута	ССЗ	4 сосуда			
2	Череп лицом вверх, челюсть отчленена Кости рук, ног и ребра аккуратно сложены вместе	3			Оболодострый стержень типа шило	
3	Детский, на правом боку, скорчен	3				Обложен крупными обломками керамики
4	Скорчен, руки вдоль тела, прикрыт обломками керамики	С				
5-8	Детские, обломки черепов		2 сосуда	Фрагменты вазы	Медное шило	Принадлежность к погребениям предположительная
9	Детский, на правом боку, скорчен, руки сложены перед грудью	С				Могильная яма вырыта в мусорно-зольном слое. Сверху частично прикрыта обломками керамики
10	Детский, на левом боку, скорчен	3	2 сосуда			
11	Детский, на правом боку, колени подняты к груди, руки перед грудью	3	1 сосуд (раздавлен)			
12	Детский, на левом боку, скорчен, руки перед грудью	ЮВ	1 сосуд			
13	Детский, на левом боку, скорчен, руки перед грудью	С				Сверху обложен фрагментами керамики
14	Детский, на правом боку, скорчен, руки перед грудью	3				

1	2	3	4	5	6	7
15a	Детский, на правом боку, скорчен, левая рука сильно согнута	С	Обломок керамики			Берцовая кость левой ноги несколько смещена, та же берцовая кость правой ноги не сохранилась
15б	Детский, череп лицом вниз		Обломок керамики			На 6—7 см ниже погребенная № 15а. Сильно нарушено
16	Детский, на правом боку, спавшись лицом вниз, правая рука согнута под прямым углом, левая не сохранилась	ЮВ	Обломок керамики			Под садекетом и над ним встречено большое количество угольков, но кости не несут следов воздействия огня
17	На правом боку, сильно скорчен, ноги плотно сжаты, руки плотно сжаты и согнуты	В				Череп прикрыт сверху обломками крупного сосуда, возможно, труп был втиснут в небольшую могильную яму
18	Детский, сильно разрушен	З				
19a	Детский, на правом боку, скорчен, руки сохранились плохо	СЗ				Прикрыто сверху большим обломком хума
19б	Детский, повторяет 19a	СЗ	1 сосуд			
19в	В хуме разрозненные кости черепа, ребер, фаланги пальцев					Бок у хума специально выломан и через отверстие младенец был положен внутрь, а обломок составлен на место
20	На правом боку, скорчен, руки не сохранились	З	2 сосуда			Сильно нарушено грызунами
21	Детский, на правом боку, ноги подтянуты к животу, кисти перед лицом	З				
22	Детский, на правом боку, колени прижаты к груди, руки согнуты перед грудью	ЮЗ				Сверху закрыт большим обломком хума
23	Детский, на правом боку, скорчен	З				Сверху прикрыт большим обломком накопленного котла

1	2	3	4	5	6	7
24	Детский, на правом боку, сильно скорчен, кисти перед лицом	ЮЗ	Левой сосуд			Принадлежность к погребальному инвентарю предположительна
25	Детский, на правом боку, ноги и руки прижаты к груди	З	4 сосуда			Череп прикрыт обломками сосуда
26	Детский, на левом боку, скорчен, пятка у таза, руки прижаты к груди	ЮЗ	6 сосудов			
27	Детский, на животе, ноги и руки прижаты к груди	ССЗ	1 сосуд	Пуговица (статит), булавка		
28	Детский, на левом боку, руки и ноги прижаты к груди	З				
29	На правом боку, скорчен, руки прижаты к груди	С	4 сосуда			Скелет прикрыт обломками крупных сосудов ручного изготовления
30	На правом боку, скорчен, ладони перед лицом	ЮЮЗ				Прикрыт сверху крупными фрагментами керамики
31	На правом боку, скорчен, руки прижаты к груди	В				Плохо сохранился. Прикрыт сверху обломками керамики

Тоголок 1 (холм)

1	Кенотаф					
2	На правом боку, скорчен, ступни уходят под сосуд. Руки перед грудью, череп отсутствует	С	2 сосуда (Разветвля)		Булавка	№ 1, кенотаф, раскопан в 1974 г. (см. текст)
3	На левом боку, скорчен, левая ступня полностью под сосудом, правая — частично, ладони перед лицом	Ю	3 сосуда			
4	Детское, парное. Один на левом боку, другой — в 25 см южнее — на правом	З З				Сохранность костяков очень плохая

1	2	3	4	5	6	7
5	Детский, на левом боку, кости рук и, частично, ног не сохранились	С				
6	Детский, на левом боку, кости рук и ног не сохранились	С				

Тоголок 21

1	Кенотаф		12 сосудов			Подпрямоугольная яма 150×130 см
2	На правом боку, скорчен, ладони у лица	В	7 сосудов		Булавка	
3	На правом боку, руки перед грудью, скорчен	С	2 сосуда			
4	На правом боку, колени подтянуты к животу, руки у груди	С				
5	На левом боку, скорчен, руки у груди	С				В области живота косточка младенца — возможно, беременная женщина
6	На правом боку, скорчен, руки перед грудью	С	5 сосудов			
7	В хуме, детский	С				Устье хума прикрыто вторым сосудом
8	На правом боку, колени подтянуты к животу, ладони у лица	С				
9	Кенотаф		6 сосудов			Могильная яма 65×70 см, глубина — 30 см
10	Кенотаф		22 сосуда		Костяная булавка, 2 браслета, топорик	В хуме с орнаментом. В красном сосуде — чайничек
11	На левом боку, скорчен, кисть правой руки перед лицом, кисть левой — у колен	Ю				
12	На правом боку, сильно скорчен, кисти у лица	С				Череп плохой сохранности
13	Детский, на левом боку, колени почти у груди, руки перед грудью	З				

1	2	3	4	5	6	7
14	Детский, на правом боку, сильно скорчен, руки перед грудью	С				
15	На правом боку, скорчен, руки перед грудью		10 сосудов (развалены)			Сосуды располагаются на 20 см ниже кистей
16	Детский, на правом боку, сильно скорчен, руки перед грудью	В	1 сосуд			Принадлежность сосуда к погребению предположительна
17	На правом боку, сильно скорчен, руки перед грудью	С				Через прикрыт сосудом
18	На левом боку, ноги сильно скорчены, правая рука соснута, левая вытянута вдоль тела	С				
19	Двойное, один на левом боку, ладонь вверх, нижняя челюсть отвалилась, скорчен, руки перед грудью Второй — на правом боку, слабо скорчен, кисти перед лицом	С	1 сосуд	Праслине		В сосуде
20	Двойное Сверху детский, слабо скорчен, руки перед грудью Под ним — взрослый, на правом боку, сильно скорчен, руки перед грудью	С	Крича		Височное кольцо	
21	Одноразное погребение в сосуде, череп поверх костей, лицом вверх					
22	На правом боку, сильно скорчен, колени у локтей, руки перед грудью	В				
23	Детский, на правом боку, скорчен, руки перед грудью	З				
24	Детский, на правом боку, скорчен, руки перед лицом	С				
25	Кенотаф		2 сосуда	Бусы		
26	Кенотаф		3 сосуда			

1	2	3	4	5	6	7
27	На правом боку, сильно скорчен, руки перед лицом	С	12 сосудов	Прислице	Булавка, модели „брить“, инкрустация, (табл. XXXIII, № 31—53)	Находилась в сферическом сосуде с красными орнаментальными полосами, 12 сосудов поставлены на возвышении (табл. XC)
28	Кенотаф		9 сосудов			
29	На правом боку, заглавшись на живот, скорчен, руки перед грудью	С	7 сосудов	Флакон в сосуде		Из них миниатюрный сосудик в сосуде
30	На правом боку, скорчен, руки не сохранились	С				Находилась почти на дневной поверхности Развезено
31	На левом боку, сильно скорчен	З	4 сосуда			Плохой сохранности
32	На правом боку, скорчен, кисти левой руки — под головой, кисть правой — перед лицом	З	11 сосудов			Сосуды поставлены на возвышение. Среди них найдена баранья лопатка
33	На спине, ноги согнуты влево, правая рука вытянута вдоль туловища, левая не сохранилась	Ю				
34	На правом боку, скорчен, ноги лежат поверх костей рук, кисти перед лицом	С				Над черепом и позвоночником находятся обломки кирпичей
35	Лицом вверх, на правом боку, скорчен, пятка у таза, кисть левой руки — у груди, правая — не сохранилась	С			Наконечник стрелы	В правой части грудной клетки (табл. XXXV, № 17)
36	Детский, на правом боку, колени подтянуты к животу, кисти перед лицом	С				
37	На правом боку, скорчен, сильно развезен	С				
38	На правом боку, сильно развезен	З	1 сосуд			
39	Детский, на правом боку, скорчен	С				
40	Детский, на спине, скорчен, коленные суставы находятся поверх лучевых костей рук	С	4 сосуда			2 крупных сосуда к востоку от костей. Фрагменты сосудов внутри и поверх костяка

1	2	3	4	5	6	7
41	В сосуде типа хума					Сосуд, покрытый внутри несколькими слоями обмазки, снаружи — красным ангобом
42	На правом боку, скорчен, кисти перед лицом	C				
43	На правом боку, ноги подтянуты к животу, кисти перед лицом	ССЗ				
44	Детский, на левом боку, ноги подтянуты к животу, колени рядом с локтями, кисти у лица	C				
45	Кенотаф		3 сосуда			1 лепный, 1 чайник, 1 крупный конический
46	На правом боку, скорчен, руки перед грудью	C	2 сосуда (фрагм.)			Скелет покрыт обломками крупных сосудов
47	Кенотаф		7 сосудов			В том числе 2 лепных
48	Детский, на правом боку, скорчен, кисти под черепом	C				
49	Кенотаф		8 сосудов			
50	Кенотаф		5 сосудов			
51	Кенотаф		5 сосудов		Флакон с булавкой (табл. XXIX № 4)	Из них 1 лепной
52	На правом боку, скорчен, кисти перед лицом, левая ступня прикрыта сосудом	C	13 сосудов		Браслет, клинжал, сосуд, топорик (табл. XC, № 4, 6, 10; табл. XLIII, № 16)	Фрагменты закопченного лепного сосуда, под позвоночником в крестном большое количество угля
53	Кенотаф		2 сосуда		Инструмент типа зубила	
54	На правом боку, скорчен, левая нога закрыта сосудом, кисти перед лицом	ССЗ	2 сосуда	Бусина	Булавка	Находилась в круглом сосуде, лежащем в ногах
55	Детский, на правом боку, скорчен, кисти перед лицом	C	2 сосуда			В ногах и за спиной большое количество угля

1	2	3	4	5	6	7
56	На правом боку, ноги подтянуты к животу, коленные суставы находятся на локтях, кисти перед лицом	З				
57	На правом боку, скорчен, кисти перед лицом	СЗ				
58	На правом боку, скорчен, левая нога подтянута к животу так, что находится под лучевыми костями рук, кисти перед грудью	С				
59	На правом боку, скорчен, пятки подтянуты к тазу, кисти перед лицом	СЗ	6 сосудов		2 браслета	Браслеты и миниатюрные костяные изделия (табл. XI, III) находились в сосуде сферической формы, стоящем в ногах. 4 сосуда на полочке высотой 40 см. У левого коленного сустава — позвоночник животного.
60	На правом боку, ислени подтянуты к груди, кисти перед лицом	З				
61	Детский, скорчен, на дне большого хума	С	5 сосудов			Прикрыт двумя крупными сосудами и фрагментами керамики
62	Кенотаф		16 сосудов			
63	На правом боку, скорчен, кисти у лба	С	1 сосуд (раздавлен)			Совершенно в приподнятой яме, выгнутой с С на Ю. С трех сторон, посередине глубокие ямы — узкие ступеньки (Ю, З, В)
64	Взрослый: на правом боку, скорчен, пятки касаются таза, кисти перед лицом, колено правой ноги частично перекрыло труп ребенка Детский: лежит в той же позе, что и взрослый. Голова находится у колена левой ноги взрослого		7 сосудов			Погребение оваловременное. Ребенок был положен в могилу первым

1	2	3	4	5	6	7
5	На левом боку; скорчен, кисть левой руки находится у лба, правой — в 20 см от черепа	ЮЗ				Скелет прижат спиной к стене и расположен у входа внутри алтаря
6	На левом боку, руки перед грудью, ноги не сохранились	В	6 сосудов			В том числе серо-глиняный миниатюрный флакон
Тоголок 24						
1	Двойное: На левом боку, скорчен, сохранность плохая. На правом боку, скорчен, ноги подогнуты, кисти рук у лица	ССЗ	3 сосуда			Находилась в трапециевидно-прямоугольной яме
		ССЗ	2 сосуда			Яма трапециевидной формы
						Обе ямы перекрыты глинябитной «пробкой» голландской опилой 20 см
2	Детский, скорчен, в сосуде	ССВ	Обломки керамики			Сосуд в находящийся в нем скелет разрушены
3	Кенотаф		2 сосуда фрагменты керамики			Сосуды сильно разрушены
4	Несколько обломков костей		Фрагменты керамики, 5 фрагментов лепной			
5	Детский, скорчен, в крупном сосуде	ЗСЗ	Обломки гонимой и лепной керамики			Принадлежность керамики к погребению с точностью не прослеживается
6			Обломки керамики			
7	Фрагменты мелких костей в почве, фаланги пальцев, скелет разрушен трактором	С	4 сосуда (развал)	20 бусин	Флакон, булавка, обломок браслета, зеркало, часы (табл. LXXIX)	Прямоугольная камера сложена из кирпича. Обломки черепа и длинные кости найдены в балоте За южной стенкой камеры — скелет барана, на левом боку, в правильном анатомическом положении (табл. LIX)

1	2	3	4	5	6	7
8	Яма диаметром 100 см. Кальцинированные кости		Фрагменты керамики			Возможно, развал не связан с мо- гилищем, а имел бытовое назначение
9			Фрагменты керамики			Керамическое скоп- ление в неподре- зоженном виде
10	Детский, на правом бо- ку, скрючен, руки согну- ты, ладони у лица	ССЗ	2 сосуда			В 1,4 м на запад обнаружена ниж- няя часть крупно- го сосуда с за- готовками камен- ных амулетов и печатей. С погре- бением, видимо, не связано (табл. LXXIX, № 1—11, 15)
11						Керамическое скоп- ление
12						.
13						.
14						.
15						.
16			Фрагменты керамики			Остатки разрушен- ного керамическо- го горна
17			Фрагменты керамики, в том чис- ле левой			
18			Фрагменты керамики, в том чис- ле левой			В рассказанном слое в переотло- женном состоянии
19						Керамическое скоп- ление
20						Керамическое скоп- ление в переотло- женном виде
21			Фрагмен- ты керами- ки, в том числе ле- вой			Керамическое скоп- ление в пахоте в переотложенном состоянии
22			Фрагменты керамики, в том числе левой			

1	2	3	4	5	6	7
23						Керамическое складение в яме, обожженной и залитой золой. Вперемешку с фрагментами пережженного глиняного сосуда. Сверху перекрыта 3 кирпичами.
24			4 сосуда			Керамическое складение. Яма перекрыта глинябитной «пробкой».
25	На правом боку, скорчен, руки согнуты	ССЗ	3 сосуда	Бусы, амулет, булавка, пряслице (табл. LXXIX, № 16)		
26						Глиняная «пробка» округлой формы, закрывающая глиняную ямку, вырытую в материковом песке. В «пробке» примешаны кости животных и фрагменты керамики.
27	На правом боку, скорчен, руки перед лицом	ССЗ	10 сосудов (плоской сохранности)			Прямоугольная гробница, сложенная из стандартного сырцового кирпича.
28	Детский, в круглом сосуде	З				Дно сосуда отбито, видимо, через него труп был положен внутрь.
29	Скорчен, на правом боку, ладоня у лица	С				
30	Скелет барана на правом боку	З	6 сосудов	Мраморная «подложка» (табл. ХСІ, № 2)	2 наконечника стрел, браслет (табл. LХ)	Прямоугольная кирпичная гробница того же типа, что № 7 и № 27.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. — Сиб., 1894.

² *Rampelly R. Explorations in Turkestan.* — Washington, 1908. — V. 1.

³ Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. // ТЮТАКЭ. — Ашхабад, 1955. — Т. 5.

⁴ Сарисяиди В. И. Керамические печи древней Маргианы // КСНПМК. — М., 1957. — Вып. 69.

⁵ *Masimov I. The study of Bronze Age Sites in the Lower Murgab/The Bronze Age Civilization of Central Asia.* — New York, 1981.

⁶ *Sarisiyidi V. Margiana in the Bronze Age/The Bronze Age Civilization of Central Asia.* — New York, 1981.

ГЛАВА I

Маргиана в эпоху бронзы

¹ Масимов И. С. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе // Древние цивилизации Востока. — Ташкент, 1986 (рис. 1).

² *Pottier M. H. Materiel Funeraire de la Bactriane Medionale de L'Age du Bronze.* — Paris, 1984. — P. XLV. — N. 329.

³ *Schmidt E. Excavations at Tepe Hissar.* — Philadelphia, 1937 (fig. 122).

⁴ *Pottier M. H. Materiel Funeraire.* — P. VI. — N. 38.

⁵ Определение А. А. Бобринского.

⁶ Сарисяиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. — 1976. — № 1 (рис. 1).

⁷ Там же (рис. 7).

⁸ *Sarisiyidi V. I. Margiana in the Bronze Age/The Bronze Age Civilization of Central Asia.* — New York, 1981. — № 1. (fig. 6).

⁹ *Op. cit.*, fig. 8, № 5.

¹⁰ Сарисяиди В. И. Культовый сосуд из Маргианы // СА. — 1980. — № 2. — С. 167—178.

¹¹ Частное письмо П. Аниэ от 25 августа 1975 г.

¹² Аскиров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Южного Туркменистана. — Ташкент, 1977 (табл. XXV, № 15).

¹³ Сарисяиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. — М., 1977 (рис. 51, № 1).

¹⁴ Сарисяиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля. — (рис. 5—6).

- ¹² Сарияниди В. И. Новый центр древневосточного искусства // Археология Старого и Нового Света.—М., 1982 (рис. 6, № 16).
- ¹³ Machay E. Chanku-Daro excavations.—New-York, 1967.—Pl. LXXVIII.—№ 16.
- ¹⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяна//МНА.—М.; Л., 1959.—№ 73.
- ¹⁵ Сарияниди В. И. Степные племена эпохи бронзы в Маргяне//СА.—1975.—№ 2.

ГЛАВА II

Маргянский археологический комплекс

- ¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяна.—С. 27—28.
- ² Масимов Н. С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба //СА.—1979.—№ 1.
- ³ Rappelly R. Explorations in Turkestan.—V. 1.—Pl. 12.—№ 1.
- ⁴ Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tere Giyan.—Paris, 1935.—Pl. XXI.—№ 2.
- ⁵ Op. cit.—P. 39.
- ⁶ Schmidt E. Excavations at Tere Hissar.—Philadelphia, 1937.—P. 182 (fig. 107, № 3511).
- ⁷ Contenau G., Ghirshman R. Fouilles du Tere Giyan.—Pl. XXI.—№ 1.
- ⁸ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. (рис. 30, № 2).
- ⁹ Медведовская И. И. История одной керамической формы // Культура Востока.—Л., 1978.—С. 55.
- ¹⁰ Кузьмина Е. Е., Ляпин А. А. Новые находки стеной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана.—Ашхабад, 1984.
- ¹¹ Там же.—С. 19.
- ¹² Масимов Н. С. Раскопки памятников древнемургабской дельты // АО.—1984.
- ¹³ Шетемко А. Я. Раскопки Теккем-дере и Намазга-дере // АО.—1972.
- ¹⁴ Кузьмина Е. Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индонезийцев // Переднеазиатский сборник.—М., 1986.—С. 204.
- ¹⁵ Там же.—С. 207.
- ¹⁶ Сарияниди В. И. Культурный сосуд из Маргяна // СА.—1980.—№ 2; Игнатьева М. А. Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «сварзаской» периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока.—Ташкент, 1986.
- ¹⁷ Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы.—М., 1973.
- ¹⁸ Schmidt E. Excavations at Tere Hissar.—Philadelphia, 1937.—Pl. LXX.
- ¹⁹ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана.—М., 1977 (рис. 54, № 5—9).
- ²⁰ Casal J. M. Fouilles de Modgkak.—Paris, 1961 (fig. 138, № 37).
- ²¹ Piggot S. Prehistoric India.—London, 1962 (fig. 27).
- ²² Amiet P. Antiquites de Serpentine//Iranian Antiqua.—1980.—V. XV.
- ²³ Lamberg-Carlovsky C. C., Tosi M. Sohri Sokhta and Tere Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau/East and West.—Roma.—V. 23.—№ 1—2.
- ²⁴ Lamberg-Carlovsky C. C. Excavations at Tere Yahya.—Cambridge, 1970.—Pl. 23, E; Pl. 24 A.
- ²⁵ Op. cit.—Pl. 25.
- ²⁶ Nabeni A. Catalogue de L'Exposition, Lut.—Togheran, 1972.—Pl. XI.
- ²⁷ Miroshchid P. Vases et objets en Steatite Susiens du Musee du Louvre//DAF1.—Paris, 1972.—№ 3.
- ²⁸ Amiet P. Antiquites de Serpentine.—P. 160—165.
- ²⁹ Machay E. Chanku-Daro Excavations.—New-York, 1967.—Pl. LXXVIII.—№ 10, 11, 16.
- ³⁰ Potter M. H. Materiel Funeraire.—Pl. XXXIV.—№ 283.
- ³¹ Сарияниди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА.—1976.—№ 1.
- ³² Масимов Н. С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА.—1981.—№ 2.

³⁰ Масимов И. С. Новые находки печетей... — С. 140. Автор усматривает здесь «крылатого дракона», однако это скорее крылатый зверь, аналогичный хорошо известным «крылатым львам».

³¹ Сарияниди В. И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргарианы // Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1986; *On the Kuldovian symbolics amulets of Bactria and Margiana* // Сборник памяти Д. Туччи. — Рим, 1988; *On the Drevnebaktriskij palteon* // Информационный бюллетень. — М., 1986. — Вып. 10.

³² Колороши Г. К. Символика дерева в искусстве древнего Двуречья // Древний Восток и мировая культура. — М., 1981.

³³ Сарияниди В. И. Бактрия и Месопотамия до II тыс. до н. э. // СА. — 1986. — № 2.

³⁴ Garrige J. F. Les Relations entre L'Asie Centrale Meridionale, le Baluchistan et la Vallee de L'Indus a la Fin du 3- et au debut du 2- Millenaire // L'Archeologie de la Bactriane Ancienne. — Paris, 1985.

³⁵ Op. cit. (fig. 5).

³⁶ Sumner W. Excavations at Talli Malyan // IRAN. — 1976. — V. XIV. (fig. 5, K).

³⁷ Масимов И. С. Новые находки... (рис. 3, № 11).

³⁸ Pottier M. H. Materiel Funerair de la Bactriane Meridionale de L'Age du Bronze. — Paris, 1984. — P. 54—55.

³⁹ Anlet P. Antiquites de Serpentine // Iranica Antiqua. — Cent, 1980. — V. XV.

⁴⁰ Масимов В. М. Алтын-депе... — С. 94.

⁴¹ Дэйсон Р. Х., Лоуард С. М. Повторное изучение памятника Тете Гиссар // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. — Самарканд, 1983. — С. 36.

⁴² Дэйсон Р. Х. Повторное изучение Тете Гиссар // Древние цивилизации Востока... — Ташкент, 1986. — С. 87.

⁴³ Lamberg-Carlovsky C. C. Excavations at Tere Yahya, Iran. — Cambridge, 1970.

⁴⁴ Lamberg-Carlovsky C. C. Excavations at Tere Yahya // СА, 1972. — № 1.

⁴⁵ Байман А. А. О связи протоэлмской письменности с протошумерской // ВДИ — 1972. — № 3.

⁴⁶ Lamberg-Carlovsky C. C. Excavations at Tere Yahya (fig. 31, № 3, 5).

⁴⁷ Неопубликованная диссертация Д. Тотте «Раскопки Тете Яхья: периоды IVC, и IVB», хранящаяся в центре археологических исследований в Париже.

⁴⁸ Сарияниди В. И. Южная Туркмения и Маргариана в эпоху бронзы // Информационный бюллетень. — М., 1984. — С. 7.

ГЛАВА III

Бактрийско-Маргарианский археологический комплекс

¹ Масимов В. М. Расписная керамика Южного Туркменистана по раскопкам Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ — Ашхабад, 1956. — Т. 7 (табл. XXX и др.).

² Schmidt E. Excavations at Tere Hissar. — Philadelphia, 1937. (fig. 38—39).

³ Pampelly R. Explorations in Turkestan. — Washington, 1908. — V. I. — P. 10—12.

44. ⁴ Op. cit. — Pl. 15. — № 7—9.

⁵ Op. cit. — Pl. 41. — № 6—8.

⁶ Op. cit. — Pl. 45. — № 8.

⁷ Op. cit. — Pl. 45. — № 6.

⁸ Гавляш А. Ф. Потребности эпохи бронзы у селения Янги Кади // ТЮТАКЭ. — Ашхабад, 1956. — Т. 7.

⁹ Hoppin I. N. Southern Turkmenia in the Late Bronze Age // East and West. — Roma, 1972. — V. 22. — № 3—4 (fig. 7, № 10).

¹⁰ Устное сообщение И. Н. Хаюмова; Pampelly R. Explorations in Turkestan (fig. 399).

¹¹ Гавляш А. Ф. Тезкем-тепе // ТИНАЭ АН ТССР. — Ашхабад, 1956. — Т. 2 (рис. 3—8).

¹² Неопубликованные материалы автора с Улуг-депе.

¹³ Гавляш А. Ф. Раскопки в 1951—1961 гг. на Алтын-депе // СА. — 1967. — № 4.

¹⁴ Pottier M. H. Materiel Funerair de la Bactriane Meridionale de L'Age du Bronze. — Paris, 1984; Kohl Ph. Central Asia / Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. — Paris, 1984.

- 34 // Информационный бюллетень МАНКЦА. — М., 1984. — Вып. 7.
- ¹⁶ Аскаров А. Древнеземледельческие культуры юга. — Ташкент, 1977.
- ¹⁷ Сарияниди В. Н. Древние земледельцы Афганистана. — М., 1977.
- ¹⁸ Feitmar K. The Origins of Chinese Civilization: Soviet Views//The Origins of Chinese Civilization.—Berkeley, 1983.—P. 231.
- ¹⁹ Сарияниди В. Н. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы.
- ²⁰ Schmidt E. Excavations at Tepe Hissar.—P. 112.—Pl. XXIII, XXV—XXVI.
- ²¹ Массон В. М. Расписная керамика Южного Туркменистана. — С. 302 (табл. XXV, № 6; XXVI, № 10).
- ²² Там же.
- ²³ Schmidt E. Excavations at Tepe Hissar.—Pl. XXV.
- ²⁴ Сарияниди В. Н. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы. — С. 13.
- ²⁵ Lamberg-Karlovsky C. C. Excavations at Tepe Yahya, Iran.—Cambridge, 1970.—Fig. 25, 26, 30.
- ²⁶ Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M. Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iran an Plateau/East and West.—Roma, 1973.—V. 23.—№ 1—2 (fig. 30).
- ²⁷ Stein A. Archaeological Reconnaissances in North Western India and South-Eastern Iran.—London, 1937.—Pl. XV.—№ 278, 279.—P. 120—121.
- ²⁸ Stein A. An Archaeological Tour in Gedrosia//MASJ.—Calcutta, 1931.—№ 43.—Pl. V—VIII.
- ²⁹ Op. cit.—№ 77.—Pl. XI.
- ³⁰ Stein A. An Archaeological Tour.—Pl. XXXI.
- ³¹ Santoni M. Sibel and the South Cemetery of Mehrgahr: Third Millenium Connections Between Northern Kachi Plain (Pakistan) and Central Asia, South Asian Archaeology, 1981.—Cambridge, 1984.
- ³² Garrige J. F. Les Relations entre L'Asie Centrale, Meridionale, la Baluchistan et la Valée de L'Indus a la Fin du 3-e et au debut du 2-e millenaire//Actes du Colloque Franco-Sovietique L'Archeologie de la Bactriane Ancienne.—Paris, 1985.
- ³³ Santoni M. Sibel and the South Cemetery of Mehrgahr (fig. 8).
- ³⁴ Массон В. М., Сарияниди В. Н. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. — С. 68.
- ³⁵ Dani A. H. Excavations in the Gomal Valley, Ancient Pakistan.—Parshavar, 1970—1971.—V. V.
- ³⁶ Jarrige J. F. Usman Hasan funerary complexes in Baluchistan/South Asian Archaeology, 1985.—Aarhus, 1986.
- ³⁷ Amiet P. La Bactriane Proto-Historique Syria.—Paris, 1977.—V. LIV.—№ 1—2; Amiet P. Antiquites de Bactriane, La Revue du Louvre et des Musees de France.—Paris, 1978.—V.XXVIII.
- ³⁸ Сарияниди В. Н. Южная Туркмения и Маргиана в эпоху бронзы // Информационный бюллетень МАНКЦА. — М., 1984. — Вып. 7.
- ³⁹ Неопубликованные материалы автора.

ГЛАВА IV

Арийская проблема и новый археологический материал

- ¹ Dales G. The Mythical Massacre at Mohenjo Daro//Expedition.—Philadelphia.—V. 6.—№ 3.
- ² Marshall J. Mohenjo Daro and the Indus Civilization.—London, 1931.
- ³ Garrige J. F. La Fin de la Civilization Harappienne.—Paleorient.—Paris, 1973.—V. 1.—P. 273.
- ⁴ Op. cit. Paleorient.—Paris.—V. 1.—P. 269. (Здесь же указана литература по этой проблеме).
- ⁵ Lambrick H. The Indus Flood Plain and the «Indus» Civilization//The Geographical Journal.—London, 1967.—V. 113.—№ 4; Fossey G. The Mohenjo Daro Floods: A Reply, American Anthropologist.—Washington, 1967.—V. 69.—№ 1.

⁸ Wheeler M. The Indus Civilization. — Cambridge, 1968. — P. 127; Fairbairn W. The Origin Character and Deadline of an Early Civilization. — New York, 1967 (American Museum Novitates, № 2302; Possehl G. The Mohenjo Daro Floods: A Reply. — Washington, 1967, American Anthropologist. — V. 6. — № 1.

⁹ Бонгард-Левин Г. М. Индия в древности. — М., 1985. — С. 110.

¹⁰ Garrige J. La Fin de la Civilization Harappienne. — P. 279.

¹¹ Piggot S. Prehistoric India. — London, 1962. — P. 224—225.

¹² Сараниди В. И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этноческие проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981.

¹³ Piggot S. Prehistoric India (fig. 27).

¹⁴ Mackay E. Chanh-Daro Excavations. — Pl. I. — № 17.

¹⁵ Op. cit. — P. 24—25. — Pl. III.

¹⁶ Dixon R. The Archaeological Evidence of the Second Millennium B. C. on the Persian Plateau//The Cambridge Ancient History. — Cambridge, 1968. — V. II. — № XVI.

¹⁷ Lamberg-Carlovsky C. C. Excavations at Tere Yahya (fig. 14—20).

¹⁸ Сараниди В. И. Маргана и Южная Туркмения. — С. 14.

¹⁹ Lamberg-Carlovsky C. C. Foreign Relations in the Third Millennium at Tere Yahya/La Plateau Iranien et L'Asie Centrale des Origines a la Conquete Islamique. — Paris, 1976. — P. 42.

²⁰ История Ирана. — М., 1977. — С. 21; Бонгард-Левин Г. М. Индия в древности. — С. 110.

²¹ Бонгард-Левин Г. М. Индия в древности. — С. 110. Здесь же приведена литература вопроса.

²² Приношу В. М. Трубишкину искреннюю благодарность.

²³ Этноческие проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Т. I—2.

²⁴ Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира // История Иранского государства и культуры. — М., 1971. — С. 131.

²⁵ Кузьмина Е. Е. Провославные индоевропейцы в свете новейших археологических данных//Этноческие проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981. — С. 108; Она же. О некоторых архаичных аспектах проблемы происхождения индоевропейцев.

²⁶ Сараниди В. И. Статуэтка лошади с Ашты-дере // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М., 1973. — С. 113—117.

²⁷ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — С. 559.

²⁸ Кудряков Б. А. Полевой отчет ТЮТАКЭ. — Ашхабад, 1956. — Т. 7 (рис. 27).

²⁹ Цалкан В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии // Бюллетень Московского общества исследователей природы. — М., 1970. — № 1.

³⁰ Ермолова Н. М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении//Карисунские древности. — Ашхабад, 1970 (табл. 1).

³¹ Schmidt E. Excavations at Tere Nizgar. — P. 138 (fig. 118).

³² Сараниди В. И. Бактрия и Месопотамия во II тыс. до н. э. // Советская археология. — 1980. — № 2.

³³ Ермолова Н. М. Материалы к изучению скотоводства и озоны в Центральной Азии и эпоху бронзы и бронзы//Древние цивилизации Востока. — Ташкент, 1986. — С. 117.

³⁴ Brentjes B. The Mitanians and the Peacock. Этноческие проблемы истории Центральной Азии в древности. — М., 1981. — С. 145—148.

³⁵ Уверенное существование южных формостей пастушеских евроазиатских племен (Кузьмина Е. Е. О некоторых археологических аспектах. — С. 206) не аргументировано на одном археологическом факте.

³⁶ Алексеев В. П. Антропологические аспекты индоевропейской проблемы. — С. 204.

³⁷ Mackay E. Chanh-Daro Excavations. — Pl. XLVIII.

³⁸ Op. cit. — Pl. XXXIX. — № 5, 7; XLIX—L.

³⁹ Пухляченко Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. — Ташкент, 1973 (рис. 1).

⁴⁰ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — С. 915.

Храмовый комплекс Тоголок 21

- ¹ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана (рис. 11).
- ² Там же (рис. 15).
- ³ Roof M., Stonich D. Tepe Nuzhī-Jan/Second Interim Report.—Iran, 1973.—V. XI.—P. 136.
- ⁴ Maschaу E. Chanu-Daro Excavations.—Pl. LXXVIII.—№ 10—11, 16.
- ⁵ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана (табл. III, № 5).
- ⁶ Dales G. Sex and Stone at Mohenjo-Daro, *Frontiers of the Indus Civilization*.—New Delhi, 1984.—P. 109—115 (fig. 12).
- ⁷ Массон В. М. Аштан-дене (табл. XXIII, № 1).
- ⁸ Бодс М. Зороастрийцы.—М., 1987.
- ⁹ Lambert-Carlowsky C. C. Excavations at Tepe Yahya, Iran.—1967—1975; The Early Period.—Cambridge, 1986 (fig. 7, № C).
- ¹⁰ Fairweather W. Excavations at Allahdino.—New York, 1976 (fig. 6, A).
- ¹¹ Сарияниди В. И. Древнебактрийский пантеон // Информационный бюллетень МАИКИА.—М., 1986.—Вып. 10.
- ¹² Amiet P. *L'Art Antique du Proche-Orient*.—Paris, 1973 (fig. 776).
- ¹³ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. (рис. 51).
- ¹⁴ Dales G. Prehistoric Research in Southern Afgan Seistan.—Kabul, 1972.—№ 4.
- ¹⁵ Pottier M. Materiel Funeraire de la Bactriane Meridionale de L'Age du Bronze.—Paris, 1984.—Pl. XXXIV.—№ 288.
- ¹⁶ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы (табл. XII, № 5).
- ¹⁷ Maschaу E. Chanu-Daro Excavations.—Pl. XC.—№ 2.
- ¹⁸ Parpola A. The Sky-Garment.—Helsinki, 1985.
- ¹⁹ Amiet P. *Bactriane Protohistorique/Syria*.—Paris, 1977.—V. LIV.—Pl. V.—№ 2. (таб. 1—2).
- ²⁰ Устное сообщение зав. лабораторией местной флоры Центрального Ботанического сада Академии наук Туркменской ССР, проф. Л. Е. Ищенко.
- ²¹ Рыгveda. Избранные Гимны/Пер. Т. Я. Елизаренковой.—М., 1972.—С. 301.
- ²² Дределл М. Мифология Древнего Ирана // Мифология древнего мира.—М., 1977.—С. 351.
- ²³ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана.—С. 76.
- ²⁴ Stein A. An Archaeological Tour in Gedrosia.—Calcutta, 1931.—Pl. XXXI.
- ²⁵ Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians Ethnic Problems of the History of Central Asia in the Early Period.—М., 1981.
- ²⁶ Brentjes B. Die Stadt des Yima.—Leipzig, 1981.
- ²⁷ Parpola A. The Sky Garment.—Helsinki, 1985.
- ²⁸ Dyson R., Howard S. A Reassessment of Tepe Hissar—Iran (in Press).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАБОТКА МЕТАЛЛОВ В ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЕ

История племен Южной Туркмении в эпоху бронзы, тесно связанная с историей сложения культур равнинородского типа¹, имеет одним из аспектов своего развития становление различных ремесел. При этом особое место занимает металлообрабатывающее производство — важнейшая отрасль древней экономики. Степень развитости его во многом определяет и уровень социально-экономического развития общества.

Возможности изучения различных сторон деятельности в этой сфере значительно расширились, благодаря привлечению естественнонаучных методов, в частности металлографии.

Технико-технологические характеристики, полученные на основании результатов металлографического исследования металлической продукции, позволяют реконструировать способы обработки металла, а следовательно, получить представление о развитости технологических знаний, техническом потенциале производства, т. е. в конечном счете об уровне его развития.

Территория Южной Туркмении — один из древнейших центров становления металлообрабатывающего производства. Как показали исследования материалов, относящихся к раннему периоду², металлообработка в своем развитии проходит длительный и сложный путь. Начиная с V тыс. до н. э. здесь наблюдается постоянный процесс усложнения специализированной деятельности в этой сфере, происходит становление новых приемов обработки металлов, отработка технологических приемов, появляются новые операции. Фиксируется четкая профессиональная направленность технических задач в разработке технологии производства. В развитии технического строя металлообрабатывающего производства намечается несколько этапов, связанных с существенными изменениями в технике производства, с появлением новых технологических приемов.

Материалы из памятников, расположенных в дельте Мургаба, относящихся ко второй половине II тыс. до н. э., позволяют проследить дальнейшие пути развития этого производства. Отмечаемая исследователями (В. И. Сариянц, И. С. Масимов) хронологическая последовательность мургабских поселений дает возможность изучить и динамику процесса. Учитывая прослеживаемую археологически связь мургабских поселений с памятниками подгорной полосы Копетдага и Дашлинеки-ми поселениями древней Бактрии представляется интересным сравнительный анализ результатов металлографических анализов².

Коллекция металлических изделий, изученных нами с помощью металлографических методов, составляет 211 предметов³, происходящих из 35 поселений в дельте Мургаба и представляющих ранний («келлелийский»), средний («гонурский») и поздний («тогодокский») этапы развития местной культуры по периодизации В. И. Сариянца.

В соответствии с этими этапами мы даем и изложение результатов исследования. Для оценки уровня развития производства использовались следующие важнейшие показатели: а) развитость приемов обработки металла, целенаправленное применение их в отношении определенных категорий изделий; б) соотношение кузнечной и литейной продукции, при ведущей роли литейной, отражающей наиболее сложную технику; в) разнообразие сплавов и их технологически оправданное использование; г) наличие сплавов с высокими концентрациями технологически значимых примесей в сочетании с отсутствием технологических дефектов в готовом изделии.

I. Келлелийский этап. Ранний этап представлен памятниками Келлелийского оазиса, самыми северными по отношению к остальным памятникам рассматриваемого региона. Это — шесть вышедших холмов-поселений (Келлели Iб), самое крупное из которых Келлели I имеет площадь более 5 га, самое меньшее — Келлели б — около 0,2 га. Наряду с керамикой, терракотовыми фигурками людей и животных и прочими находками почти на всех поселениях обнаружены и металлические изделия. Это — шилья, проколки, пробойник, небольшое зубило, нож, обломки сосудов, зеркала (?), печати, булавки, височные подвески, пронизки, обломок браслета. В большинстве случаев предметы весьма фрагментарные, плохой сохранности. Из 47 отобранных для исследований изделий (это почти весь найденный материал) пригодными для металлографического анализа оказалось 20. Почти все категории изделий имеют точные аналогии в памятниках подгорной полосы Копетдага, в частности Алтын-депе.

Из орудий наиболее многочисленной категорией являются шилья, проколки (11 экз.). По форме различаются круглые или овальные в сечении и четырехгранные шилья. Целых экземпляров — 4. Это — 2 небольшие круглые в сечении проколки (длина — 3 и 3,5 см, диаметр — 2,5 и 3 мм). Один конец у них заострен, другой — затуплен (ан. 396, 399) и четырехгранные шилья (длина — 4,0 и 5,0 см). Остальные изделия этой категории — в обломках (4 — овальные и круглые в сечении, 3 — уплощенно-прямоугольные).

Технология изготовления рассматриваемых изделий однотипна. Все они, за исключением одного (ан. 407), откованы из литой заготовки — прутка в холодную или при низкой температуре (близкой к порогу рекристаллизации) с промежуточными отжигами. В заключение все изделие проковывалось в холодную. Структурно это выражается в сильно вытянутых в продольном направлении дендритах сплава меди с мышьяком (1,0—3,5%) в одном случае 0,4%, иногда с оловом (2,0%), на фоне которых видны мелкие раздробленные полиэдрические кристаллы с двойниками. На некоторых экземплярах (ан. 394, 396) хорошо заметны линии скольжения.

Материалом при изготовлении изделий этой категории служили: 1) медь свинцово-мышьяковистая; 2) сплав меди с мышьяком (1,0—3,5%); 3) сплав меди со свинцом (1,0%) и мышьяком (1,0%); 4) сплав меди с оловом (2,0%) и мышьяком (1,0%); 5) сплав меди с оловом (2,0%) с примесью свинца (0,8%).

Почти во всех изделиях (за исключением трех) примесь свинца превышает нормы, допустимые при горячей обработке. В сочетании с отсутствием следов краснотомкости этот факт свидетельствует о том, что температурный режим ковочных операций был выбран правильно.

Обломок острья, круглого в сечении (№ 407) с поселения Келлелли 5 выделяется как по химическому составу, так и технологии изготовления. Это — высокооловянистая бронза (Sb—10,0%) с примесью значительного количества свинца (1,8%). Остальные примеси — в сотых и тысячных долях процента технологического значения не имеют.

Острье отлито, подвергнуто длительному гомогенизирующему отжигу при 700—750°C, в результате которого получилась пластичная однородная структура (крупные кристаллы α -твердого раствора с намечающимися двойниками) и доработано ковкой. Однако при доработке, на видному, был нарушен температурный режим — изделие растрескалось и сломалось (на шлифе даже невооруженным глазом видна широкая трещина, а под микроскопом — много волосовидных). Указанное изделие, явно выпадающее как по химическому составу, так и технологии изготовления из рассматриваемой категории, возможно, относится к булавам.

Два орудия — зубилице и нож (в обломках) проходят с поселения Келлелли 3. Зубилице миниатюрное, прямоугольное в сечении (ширина — 5, толщина — 3 мм), имеет симметрично заточенное, слегка расширяющееся лезвие (ширина — 7 мм). Изготовлено ковкой в холодную с промежуточным отжигом, из литой заготовки прутка. Структурно это выражается в значительной вытянутости дендритов сплава меди с мышьяком и раздробленности полиэдрических кристаллов с двойниками на их фоне. Лезвие в заключение проковано в холодную (микротвердость — 148 кг/мм²). Материалом послужил сплав меди с мышьяком (1,0%). Зубилице, видимо, использовалось в ювелирном деле. Аналогична технология изготовления ножа. Основой для его изготовления также послужила литая заготовка (пруток). Ковкой в холодную с промежуточным отжигом ей была придана соответствующая форма. Лез-

ния были подвергнуты наклепу, в результате чего твердость их возросла до 137 кг/мм² по сравнению с 118 кг/мм² в середине изделия. Материалом послужила мышьяково-свинцовистая медь (As — 0,7%; Pb — 1,8%).

Стержни круглые в сечении с утолщением на конце происходят с поселения Келлели 1 и 3 (анализы 402, 419), имеют точные аналогии в памятниках подгорной полосы. Состав металла и технология изготовления также аналогичны. Изделия отлиты по выплавляемой (восковой) модели в закрытой форме и слегка подработаны в холодную. На шлифах обоих экземпляров под микроскопом фиксируется значительное количество включений закиси меди, располагающихся в виде эвтектики по границам зерен, что свидетельствует о насыщении расплава кислородом. Это нежелательное с технологической точки зрения явление связано с тем, что расплавленный металл не предохраняли от соприкосновения с воздухом, наиболее часто наблюдается в металлических изделиях энсолитического времени в памятниках подгорной полосы Копетдага (например, в Геоксюре)¹. Часто оно сопровождается соответствующими дефектами отливок, выраженными в их повышенной хрупкости. В данном случае одно из изделий (ан. 402) имеет явные следы хладноломкости (характерные микротрещины). Материалом для изготовления стержней с утолщением послужила медь мышьяково-свинцовая (0,5%), сплав меди с мышьяком (2,5%).

В коллекции металла из Келлелийского оазиса есть ряд изделий, назначение которых ввиду их фрагментарности определить трудно. Клинообразный предмет типа пробойника овальный в сечении имеет вертикальные рельефные полосы на обеих плоскостях (Келлели 4, анализ 398). Изготовлен отливкой из сплава меди с мышьяком (6,0%) и примесью свинца. Дендритная структура сплава, обнаруженная под микроскопом, не имеет следов значительного деформирующего воздействия. Прослеживаемые лишь у поверхности линии скольжения свидетельствуют о легком обжатии в холодную. Включения свинца равномерно распределены в междендритном пространстве.

Плоский предмет сердцевидной формы (Келлели 5, ан. 412), возможно, навершие булавки, также изготовлен отливкой без какой-либо дополнительной обработки. Материалом послужила мышьяково (0,8%) -свинцовистая (0,7%) медь.

Обломки двух круглых в сечении стержней (Келлели 2, ан. 405) либо булавок, либо шильев изготовлены ковкой в холодную с промежуточным отжигом из литой заготовки. Материалом послужил сплав меди со свинцом (1,0%) и мышьяком (1,0%). В коллекции много плоских, толщиной в 2—3 мм, обломков, иногда с фигурным краем, назначение которых определить трудно, сохранность их не позволяет провести металлографическое исследование. Возможно, часть из них принадлежит зеркалам, либо сосудам. Один фрагмент с характерной изогнутостью как будто можно связывать со стенкой сосуда (Келлели 5, ан. 411). Изделие было отлито из низкооловянистой (4,0%) бронзы.

Печати представлены в основном в обломках (8 экз.), имеют, как правило, либо геометрический, либо растительный узор, выполненный

перегородчатой техникой. Выделается лишь один экземпляр — сохранившийся целиком — крупная печать с изображением орлиных (?) голов, расположенных по кругу, обращенных влево (ан. 441). Исполнение грубое, не все детали отчетливо получились, не выдержана симметрия, но в целом образ хищной птицы передан достаточно четко.

Как показало металлографическое исследование, печать изготовлена в технике, хорошо известной нам по соответствующим образцам с памятников подгорной полосы (Алтын-дере, Улуг-дере). Изделие отлито по выплавляемой (восковой модели) из сплава меди со свинцом (5,5%) и примесью мышьяка (0,45%), дополнительной обработке не подвергалось. На изделии хорошо видны следы заглаживания восковой модели и края пластины — основы, на которой резалось изображение. Форма была глиняной закрытой, литник, видимо, подводился к ручкоплетельке, расположенной с обратной изображению стороны. Именно в этом месте, возможно, в связи с образованием усадочной раковины ручка чаще всего ломается. Это можно видеть и на описываемом экземпляре.

К предметам украшения относится обломок круглопроволочной височной привески с несомкнутыми концами, проноски — спиралевидные из проволоки и пластичатая.

Булавки с бипирамидальным навершием имеют точные аналогии в материалах памятников подгорной полосы Копетдага. К сожалению, все эти изделия из-за плохой сохранности оказались непригодными для металлографического анализа.

Суммируя итоги аналитического исследования коллекции металла из Келдешинского оазиса, можно сделать следующие выводы. Металлические изделия разнообразных форм и технологических конструкций прочно вошли в быт населения. Почти все категории изделий имеют технологическое сходство с материалами южно-туркменских памятников подгорной полосы Копетдага, в частности Алтын-дере. Аналогична и техника их обработки. Два основных приема использовались при металлообработке: ковка (52,5% изделий) и литье (47,5%).

Соотношение кузнечной и литейной продукции близко, как можно судить по этим данным. Кузнечным способом изготовлены орудия труда: шилья, проколки, ножи. При этом использовался литой универсальный полуфабрикат — прутки, благодаря чему кузнечные операции не были трудоемкими. Применялись разнообразные операции свободнойковки: круговая ковка, придание изделию четырехгранной формы, изгиб на оправке нужного профиля, рубка, сгибание (до тончайших пластинок). Ковка велась в холодную в сочетании с приемами термической обработки — отжиг промежуточный, отжиг заключительный. Применилась и такая специальная операция, как наклеп, повышающая твердость орудий. Отсутствие технологических дефектов, характерных для сплавовых сплавов при нарушении температурного режима их обработки свидетельствует о том, что мастерам были хорошо знакомы свойства этих сплавов.

Продукцией литейного производства были инструменты, посуда, украшения, стержни с утолщением на конце. При этом выделяются из-

делия, отлитые и доработанные кузнечным способом (инструменты, стержни с утолщением на конце) — 26,3% и изделия, отлитые без дополнительной обработки (посуда, украшения, печати) — 21,2%.

В практике металлообработки на келдешских поселениях использовались следующие сплавы: 1) медь+мышьяковистая — 1 экз.; 2) медь+свинцово-мышьяковистая — 3 экз.; 3) медь+свинец (примесь мышьяка) — 2 экз.; 4) медь+мышьяк (примесь свинца) — 5 экз.; 5) медь+свинец+мышьяк — 4 экз.; 6) медь+олово+свинец — 1 экз.; 7) медь+олово+мышьяк — 1 экз.; 8) медь+олово — 2 экз. Наиболее употребительными были сплавы с различным соотношением основных примесей — свинца и мышьяка.

Распределение сплавов по трем группам в зависимости от концентрации основных (имеющих технологическое значение) примесей следующее:

Группы	1	2	3
Содержание основных примесей, %	1,0—3,0	4,0—6,0	7,0—12,0
Количество предметов	12	2	1
Наличие дефекта	Нет	Нет	1

К группе 2 относятся сплавы 3 и 8, к группе 3 — сплав 6. Олово входит в состав трех сплавов (6, 7, 8) — 4 изделия, 2 из которых относятся к группе 1, одно — к группе 2 и одно — к группе 3. Последнее содержит высокую концентрацию олова — 10,0% и примесь свинца (1,8%). Изделие это (булавка или проколка) оказалось некачественным, хотя технологическая схема выбрана правильная, отливка — гомогенизирующий отжиг при температуре 700—750°С, кузнечная доработка. Трудно установить точную причину дефекта, даже в современных условиях деформация сплава указанного состава представляет непростую задачу, тем более, если учесть миниатюрность изделия. Для нас важно установление факта первого появления высокооловянистого сплава и первых опытов работы с ним.

Гонурск и й — это п. Средний этап эпохи бронзы (гонурский) в низовьях Мургаба, по периодизации В. И. Сарваниди, является временем расцвета местной культуры, представленной материалами многочисленных поселений, сгруппированных в 5 оазисах: Гонурском, Аузинском, Адамбасадском, Аджикунинском и Тапском. Каждый из них включает несколько поселений, иногда свыше 10, в каждом имеется центральное поселение, значительно превосходящее по размерам остальные.

Самое крупное поселение — Гонур-депе 1 площадью более 28 га. Оно состоит из крепости с оборонительными башнями и неукрепленного поселения с керамическими кварталами. Отсюда происходит наиболее многочисленный и выразительный материал. В. И. Сарваниди считает, что на среднем этапе эпохи бронзы этот памятник мог быть своего рода административным центром всего Мургабского региона. Материальная культура поселений указанных оазисов в целом идентична. В то

же время исследователи (И. С. Мисимов, В. И. Сарганиди) отмечают ряд особенностей, отличающих её от культуры памятников келдзлийского оазиса — наличие поселений с крепостями, новые типы посуды, своеобразие печатей-амулетов.

Металлические изделия обнаружены на всех поселениях. Номенклатура их такая же, как и в Келдзлийском оазисе. В основном это мелкие орудия труда, типа шильев-проколов, дощаточковидные орудия, обломки ножевидных лезвий, отдельные инструменты, обломки сосудов, стержни с утолщением на конце, браслеты, височные привески, печати.

Лабораторное исследование прошло 141 изделие, из них 116 подвергнуты металлографическому изучению, 25 (плохой сохранности) исследованы с помощью бинокулярного микроскопа МБС-2. Распределение находок металлических изделий по поселениям крайне неравномерно:

Оазис	Количество поселений	Количество находок
Гонурский	1	64
Аучинский	1	26
Адамбасанский	10	24
Аджикушский	7	17
Ташский	1	10

Как видно из приведенных данных, только на одном памятнике — Гонур-депе (Гонурский оазис) обнаружено 64 металлических предмета, в то время как на 10 поселениях Адамбасанского оазиса их найдено 24.

Как и в Келдзлийском оазисе, наиболее многочисленной категорией орудий здесь являются шилья, проколки (41 экз.). Распределение их по памятникам следующее:

Оазис	Количество находок
Гонурский	17
Аучинский	11
Адамбасанский	5
Аджикушский	5
Ташский	4
Итого	42

Выделяется несколько типов: обоюдоострые круглые или прямоугольные в сечении, обоюдоострые с разным сечением концов (круглым и прямоугольным), или квадратные в сечении, односторонние с упором. Размеры и толщина разные: диаметр круглых в сечении орудий — 2—4 мм, толщина четырехгранных — 2×3, 4×3, 4×5 мм. Наиболее длинные достигают 13,5 см (ан. 548), короткие — 2,5—3 см. Из-за фрагментарности большинства предметов размер их трудноопределим.

Как показало металлографическое исследование, технология из-

готовления всех изделий этой категории одинакова. Они были сформованы свободной ковкой из литой заготовки — прутка. Ковка велась в холодную (не выше 300°) с промежуточными отжигами. В заключение орудие чаще всего проковывалось в холодную. Основанием для таких выводов могут служить следующие микроструктурные данные. Почти на всех экземплярах хорошо прослеживается под микроскопом дендритная структура литой заготовки, деформированная в процессе ковочной операции — вытяжки, или протяжки и приобретающая «полосчатый» или волокнистый вид. На ее фоне видны мелкие полиэдрические кристаллы с двойниками, особенно сильно измененные и как бы раздробленные у поверхности, что свидетельствует о заключительной проковке в холодную. Об этом же говорит и линия скольжения.

На примере изготовленных на поперечном сечении изделий можно обнаружить следы круговой ковки по характерной вытянутости дендритов (ан. 260—263). На четырехгранных экземплярах дендриты как бы сплюснены у поверхности.

Основным доделочным материалом для рассматриваемых изделий служил сплав меди со свинцом и мышьяком. В 74% изделий концентрации свинца (0,15—3,0%) превышают нормы, допустимые при горячей обработке. Отсутствие на исследованных экземплярах следов хрупкости говорит о правильном температурном режиме их обработки. Концентрации мышьяка — 0,5—4,6%.

Кроме указанного сплава в шести случаях использована мышьяковистая медь (As—1,0—2,6%), одно изделие (ан. 470) отковано из «чистой» меди (все примеси в сотых и тысячных долях процента), два имеют в своем составе, кроме свинца и мышьяка, примесь олова — 2,3 и 3,0%. Технология изготовления их аналогична описанной. Только одно изделие (ан. 413) выпадает из общей схемы. Это — круглое в сечении острие. Один конец слегка изогнут и обломан (диаметр — 5 мм), заостренный конец сильно вытянут и сужен. Материалом послужила оловянистая (7,0%) бронза с примесью свинца (2,5%) и мышьяка (0,9%). На основании металлографического исследования технология изготовления изделия представляется следующей: отливка заготовки (свинец залегает в виде пленок по границам кристаллов), длительный гомогенизирующий отжиг в результате чего сплав приобрел более пластические свойства, так как структура его перешла в равновесное состояние; обработка в холодную — вытягивание острия (измельченность и некоторая вытянутость кристаллов). В пользу такой реконструкции говорят и показатели микротвердости: 90,5 кг/мм² — на обломанном конце и 192 кг/мм² — на острие.

Микроскопическое исследование обнаружило серьезные дефекты в изделии. На шлифе, изготовленном на поперечном срезе обломанного конца, можно даже невооруженным глазом увидеть глубокую трещину (рвануву), проходящую через весь шлиф. Под микроскопом на многих участках выявляются более тонкие трещины, особенно в местах скопления свинцовой фазы. Повышенная пористость этой части отливки и значительная примесь свинца неравномерно распределенная, даже при холодной обработке могла оказать вредное действие, но не исключено,

что на каком-то этапе температурный режим не был выдержан до конца. Рассмотренное изделие, вполне возможно, являлось фрагментом булавки.

В коллекции имеется несколько инструментов. Пробойник (ан. 476) происходит с поселения Аджикун 8; имеет уплощено-прямоугольное сечение (10×5 мм), общая длина — 6 см. Орудие отлито (дендритная структура) из медно-мышьяковистого (1,0%) сплава (остальные примеси — в тысячных долях процента, только железо — 0,9). Рабочая часть доработана в холодную (вытянутость и раздробленность дендритов).

Тесло (ан. 475). Это миниатюрное изделие найдено на поселении Аджикун 3, имеет прямосрезанный обухок прямоугольного сечения (6×5 мм), слегка расширяющиеся грани и закругленное лезвие, линзовидное в сечении (ширина — 15 мм). Общая длина — 8 см.

Интересно, что состав и технология изготовления абсолютно аналогичны рассмотренному выше изделию. Оно также отлито из медно-мышьяковистого (1,0%) сплава. Рабочая часть доработана в холодную.

Поживидные лезвия (ан. 251, 266, 332, 431, 488) представлены в обломках. Это — листовидные острия с линзовидным сечением. Часть из них, возможно, — фрагменты дротиков (или стрелок). Почти все они изготовлены ковкой в холодную с промежуточным отжигом из литых заготовок. В заключение лезвия прокованы в холодную (характерная вытянутость и раздробленность дендритов, повышенная микротвердость — 103 — в глубине изделия, 137, 148 кг/мм² — на лезвиях). Три изделия изготовлены из медно-свинцово (0,5—0,6%) — мышьяковистого (0,9—3,1%) сплава, одно (ан. 266) — из меди с незначительной примесью мышьяка (0,4%). Одно миниатюрное изделие с небольшим выделением черешком прямоугольного сечения и вытянутым листовидным лезвием линзовидного сечения (ан. 483) отковано из меди (микрпримеси — в сотых и тысячных процента), отожжено и в заключение проковано в холодную (вытянутость полиэдрических кристаллов). Клинок (ан. 549) — фрагмент обоюдоострого листовидного лезвия (ширина — 3,5 см, сечение — линзовидное). Проходит с поселения Гонур 1. Изделие отлито из медно-мышьяковистой (10,0%) бронзы, подвергнуто длительному гомогенизирующему отжигу, превратившему сплав в более пластичный (равновесная полиэдрическая структура), в заключение лезвия были подвергнуты наклепу, о чем свидетельствуют как микроструктурные признаки (линии скольжения), так и показатели микротвердости (в глубине изделия — 110,5—115 кг/мм², на лезвиях — 148, 161 кг/мм²).

Два орудия неясного назначения с поселения Эгри 3 (анализ 474) и Адам Басан (ан. 424) имеют выделенную плоскую ручку и лопаточковидную рабочую часть, прямосрезанную на одном экземпляре (анализ 424) и закругленную на другом (ан. 474). В сечении эта часть — линзовидная. Грани плавно сужаются к концу (ан. 424). Одно из изделий более крупное, размеры рабочей части: ширина у ручки — 4 см, на другом конце — 2 см, длина — 6,5, ширина ручки — 2 см.

У второго ширина лопаточки близ ручки — 2 см, у закругленного

ковца — 1 см, длина — 2,5 см, ширина ручки — 1,2 см. Оба орудия откованы из литой заготовки в холодную с промежуточным отжигом (дендритная структура имеет полосчатый вид, на ее фоне мелкие полидритические кристаллы с двойниками). Материалом послужил медно-мышьяковистый (1,0%) сплав, в одном случае (ан. 424) с примесью свинца — 0,3% и высоким содержанием железа 5,0%.

Рыболовный крючок (ан. 487) согнут в холодную из круглой проволоки неравномерного сечения (1,5—2,5 мм), и заключенные заострен и прокован в холодную (сильная вытянутость и раздробленность полидритических кристаллов с двойниками). Проволока изготовлена вытяжкой в холодную с промежуточными отжигами из медно-свинцово (0,5%) - мышьяковистого (0,9) сплава.

Металлическая посуда, по-видимому, представлена несколькими обломками стенок с характерной изогнутостью (толщина — 3 мм) — два с Гонур-деле (ан. 315, 319), один — из Таип-деле 1 (ан. 428). Показательно, что все образцы демонстрируют литую структуру, не подвергавшуюся какой-либо деформации. Во всех случаях это крупнодендритная структура сплава меди с мышьяком (0,7—1,0%) с примесью свинца (0,5, 2,0%). Крупнокристаллическая структура свидетельствует о том, что отливка остывала медленно. Форма, по-видимому, была глиняной.

Украшения — браслеты, височные привески, булавки найдены на всех поселениях. Браслеты известны двух типов; гладкие, круглые в сечении с несомкнутыми концами и ложновитые (всего 9 экз.). Все ложновитые браслеты происходят с поселения Гонур-деле 1 (4 экз., ан. 296—300, 312, 325), гладкие браслеты — 5 экз. — из Лучин 1 (ан. 265, 272), Аджикун 1 (ан. 404), Аджикун 7 (ан. 478), Таип-деле 1 (ан. 426).

Технология изготовления ложновитых браслетов одинакова, все они отлиты по восковой модели. Об этом свидетельствует не нарушенная деформацией дендритная структура сплава меди с мышьяком. Свинцовая структурная составляющая, как правило, равномерно распределяется между осями дендритов, что свидетельствует о правильном технологическом процессе, исключившем свойственную свинцовым сплавам ликвацию. Однако все же на одном экземпляре (ан. 300) подобная ликвация — расслаивание по удельному весу — зафиксирована. В результате получилось как бы два слоя — верхний, у поверхности менее обогащенный свинцом, и внутренний, где сконцентрировано его наибольшее количество. Это — единственный дефект, нарушающий общую монолитность и прочность изделия. На некоторых образцах под микроскопом видны отпечатавшиеся на отливке следы заглаживания восковой модели. Отсутствие так называемых литевых швов, то есть затеков по линии разреза формы, которые трудно было бы бесследно уничтожить на столь рельефном предмете, позволяет заключить, что форма была закрытой, утрачиваемой. Материалом для отливки служил медно-свинцово (2,0—4,0%) - мышьяковистый (1,2—3,1%) сплав.

Технология и химический состав гладких браслетов в значительной мере различны. Два браслета (ан. 272, 278) изготовлены из высоко-свинцовистой (5,5; 12,0%) бронзы с примесью мышьяка (1,0; 1,4%).

Один из них (ан. 278) отлит (дендритная структура сплава меди с мышьяком и равномерно распределенным в междендритном пространстве свинцом не нарушена деформацией), другой (ан. 272) — согнут на литого прутка в холодную с промежуточными отжигами, в заключение слегка прокован в холодную (на фоне дендритной структуры — полиэдрические кристаллы с двойниками и линиями скольжения).

Два браслета (ан. 265, 406) изготовлены из оловянистой (5,0 и 8,0%) бронзы с примесью мышьяка (2,0 и 2,4%). Оба согнуты в холодную из литого прутка (диаметр — 4—5 мм), подвергнутого длительному гомогенизирующему отжигу, в результате сплав приобрел необходимые пластичные свойства (отраженном этом является равновесная структура из полиэдрических кристаллов). Только 1 браслет изготовлен ковкой из медной проволоки с небольшой примесью мышьяка (0,2%). Ковка велась в холодную с промежуточными отжигами (об этом может свидетельствовать крайне неравномерное сечение), в заключение изделие отожжено (равновесные полиэдрические кристаллы с двойниками).

Высокие привески, серьги (10 экз.). Изделия этой категории двух типов С-видные и U-образные, круглые в сечении. 5 экз. — с поселения Лучин 1 (ан. 270, 273, 275—277), 2 — с Адам-Басан (ан. 417, 422), 1 — с Гонур 1 (ан. 328) и 2 без паспорта.

Среди С-видных подвесок или серег различаются тонкие проволочные (диаметр — 2 мм) и более массивные (диаметр — 3 мм). Только одно изделие с поселения Гонур 1 отлито, остальные изготовлены ковкой из литого прутка.

Подвеска из Гонур 1 отлита из медно-свинцово-мышьяковистого сплава с высоким содержанием свинца (12,0%) и мышьяка (5,9%). Обращает внимание и высокое содержание железа — 1,9%. При исследовании отливки обнаружено явление так называемой обратной зональной ликвации, выражающейся в том, что легкоплавкой составляющей (в данном случае свинцом) обогащается наружный слой, этот дефект высокосвинцовистых сплавов чаще всего бывает связан с высокой скоростью охлаждения. Об этом же говорит и тонкодендритная структура образца. По-видимому, литье велось при низкой температуре, форма была холодной.

Еще одно изделие (ан. 277) изготовлено из близкого по составу сплава при содержании свинца — 8,6%, мышьяка — 6,2%. Оно отковано в холодную с промежуточными отжигами из литой заготовки (на фоне вытянутых и раздробленных дендритов — полиэдрические кристаллы с двойниками). Аналогичным образом сформованы остальные изделия. Материалом служил в основном медно-свинцово-мышьяковистый сплав с содержанием свинца — 0,3—2,0%, мышьяка — 0,7—2,5%. В одном случае (ан. 273) обнаружена примесь олова — 2,3%.

Б у л а в к и. Известно 9 экземпляров: 3 — Гонур-дере 1 (ан. 551, 571, 573), 2 — Адам-Басан 3 (ан. 415) и Адам-Басан 8 (ан. 480); 2 — Лучин 1 (ан. 243—244); один без паспорта (ан. 440), 1 — Аджикун 4 (ан. 481). По типу наконечника различаются гвоздевидные (ан. 243—244, 573), лопаточковидные (ан. 480—481, 551) и биконические (ан. 440, 415, 571). Все они имеют вытянутый заостренный конец, общая

длина — 5,5—10,5 см, диаметр — 3—4 мм. Чтобы выявить технологию изготовления, образцы для исследования брались как на навершии, так и на острье.

Микроскопическое исследование показало, что основой для изготовления булавок служила литая заготовка, подвергнутая в большей или меньшей степени деформации в зависимости от диаметра окончательного изделия. Однако во всех случаях в фигурных навершиях, гвоздевидных и биконических можно обнаружить структурные признаки отливки — округлость неметаллических включений, газовых пор (ан. 573), характерная «сплюснутость» дендритов лишь у поверхности (ан. 244).

В стержне дендриты значительно вытянуты в продольном направлении. Лопаточковидное навершие формировалось ковкой-плющением. Все операции проводились в холодную с промежуточным отжигом, иногда длительным, если того требовал слишком твердый и хрупкий в работе материал, как это можно наблюдать на примере экземпляра (ан. 243), имеющего в своем составе высокий процент мышьяка (6,8%). Это изделие потребовало длительной обработки и заключительного отжига, приведшего структуру сплава к равновесной (полнэдрические кристаллы с двойниками), более пластичной.

Булавки, сформованные из более мягкого металла (с незначительной примесью мышьяка — 0,25—0,45%) и заключение подвергались холодной обработке с целью упрочения (ан. 551). Чаще всего такие булавки имеют навершие в виде лопаточки. В основном же использовался медно-свинцово-мышьяковистый сплав с содержанием мышьяка около 2,0%, свинца 0,2—0,5%. Он был наиболее удобен в работе, так как обладал и хорошими литейными качествами и хорошо поддавался деформации в холодном состоянии.

Стержни с утолщением на конце. В материалах с мургабских поселений так же, как и в памятниках подгорной полосы, известны своеобразные изделия, напоминающие по типу булавки, но вместо острья на конце, противоположном навершию, имеющие платное утолщение. Как и булавки, они имеют фигурные (ан. 314, 327) или лопаточковидные (ан. 306) навершия, однако все изделие гораздо более массивное, в диаметре стержень достигает 5—7 мм. Навершие — 9—11 мм, длина, судя по сохранившимся обломкам, не менее 10—12 см.

Иногда сохраняется лишь верхняя с навершием или средняя часть стержня, но по общим размерам и технологии изготовления их можно с достаточной долей уверенности реконструировать, как имеющие на конце утолщение. Всего 20 таких изделий относится к рассматриваемому этапу:

Оазис	Количество изделий
Гонурский	16
Лучинский	3
Адамбасанский	1
Итого	20

Обращает внимание тот факт, что подавляющее большинство изделий происходит с поселения Гонур I. Все изделия отлиты (дендрит-

ная структура), некоторые подвергнуты легкой доработке — круговой ковке, что хорошо фиксируется под микроскопом по характерной вытянутости дендритов у поверхности.

Основная масса рассматриваемых стержней (14 экз.) изготовлена из медно-свинцово-мышьяковистого сплава, в котором содержание мышьяка — 1,2—4,3%, свинца — 0,15—0,6%. В двух изделиях отмечаются высокие концентрации свинца (ан. 245)—6,7%, при содержании мышьяка 1,4% (ан. 314)—3,6%, при содержании мышьяка 5,0%. Медно-мышьяковистый сплав зафиксирован в двух экземплярах (ан. 295, 305), (содержание мышьяка — 1,2; 3,9%, свинца и большинство других примесей в сотых и тысячных долях процента). В одном экземпляре (ан. 289) содержание мышьяка незначительно (0,3%), остальные примеси в сотых и тысячных долях процента.

Выделяется по форме, составу и технологии фрагмент стержня утолщено-овального сечения (ширина — 4 мм) (ан. 553). Изделие отлито из высокооловянистой бронзы (10,0%) с примесью свинца (3,0%) и мышьяка (2,0%), затем подвергнуто длительному гомогенизирующему отжигу, в результате которого структура стала равновесной, приобретя более пластические свойства, в заключение слегка обжато в холодную (линии скольжения). Возможно, к этой же категории относятся еще одно изделие (ан. 308, Гонур 1): это — обломок круглого стержня (диаметр — 5 мм), переходящего в вытянутое плавное утолщение, имеющее, однако, не круглое, как обычно, а прямоугольное сечение (10 × 7 мм). Необычен и химический состав. Изделие отлито из высокосвинцовисто (12%) -мышьякового (5,0%) сплава с высокой примесью висмута (2,0%). При микроскопическом исследовании обнаружено ликвационное строение отливки (обратная ликвация). Этот характерный для высокосвинцовистых бронз дефект при определенных условиях кристаллизации нарушает прочность отливки.

Рассматривая технологию изготовления стержней с утолщением на конце в материалах из памятников подгорной полосы, мы уже высказывали мысль о том, что, возможно, они играли роль заготовок для целого ряда небольших предметов (шпиль, булавки), которым с помощью несложных кузнечных операций легко было придать желаемую форму⁶. Эти соображения, как нам кажется, подтверждаются и мургабскими материалами. Не случаен, видимо, и тот факт, что на некоторых экземплярах достаточно четко заметны следы обрубки (ан. 472). Из одного стержня кузнечным способом легко можно было изготовить несколько изделий — булавку с соответствующим навершием и шило, браслет и височную подвеску или даже, расковав утолщенную часть, небольшой листовидный нож, какие встречаются в мургабских материалах.

Печати (17 экз.) найдены почти на всех поселениях. По форме они делятся на круглые, розетковидные, зооморфные. Узор чаще всего растительный или геометрический, обычно это как бы негатив, выполненный в перегородчатой технике на основе в виде пластинки. Редко встречаются ажурные печати. С тыльной стороны — ручка-петелька, которая

чаще всего бывает утрачена. Иногда можно видеть следы починки ручки — доливка недостающей части или отливка ее заново (ан. 574).

На некоторых экземплярах хорошо видны отпечатавшиеся следы заглаживания моделей (ан. 462), изготовленных из пластичного материала, по-видимому, воска. Как показало исследование, все печати отлиты по выплавляемой модели. Четыре изделия отлиты из высокосвинцовистого (5,3; 5,5; 10,0) сплава с примесью мышьяка (0,45—4,3%). Одно из них (ан. 442) имеет на ручке глубокую трещину, делющую ее в продольном направлении как бы на две половинки. Этот брак вызван дефектом, наблюдаемым в структуре сплава — ликвация по удельному весу, из-за чего произошло расслаивание.

Другая отливка (ан. 443) также оказалась некачественной: рисунок смазан, некоторые детали не вышли, не получилось и отверстие в ручке-петельке. Эти дефекты скорее всего связаны с недостаточно четкой формовкой модели или ее повреждением при неосторожном покрытии глиняной обмазкой. Форма для каждой модели готовилась индивидуальная. Нужно было несколько раз покрыть модель жидкой глиной, дав каждому слою хорошо просохнуть. Высушенную формочку слегка обжигали, при этом воск выплавлялся и выливался через будущий литниковый канал, сформованный вместе с моделью. Металл заливали с тыльной стороны в канал, подведенный к верхнему изгибу ручки. Чтобы вынуть готовую отливку, формочку приходилось разбивать. В месте полвода металла ручка часто бывает повреждена, возможно, из-за образования здесь при литье усадочной раковины, как это хорошо видно на печати из Гонур 1 (ан. 575).

Для большинства печатей использовался медно-свинцово-мышьяковистый сплав с невысоким содержанием свинца (0,25—1,5%) и мышьяка (0,45—2,2%). Два изделия (ан. 463, 465) изготовлены из медно-мышьяковистого (1,5; 2,2 %) сплава, два (ан. 461, 469) — медные. Одно изделие (ан. 444) несколько необычно — с лицевой стороны это — позитивное рельефное изображение хищника, как будто льва. Тыльная сторона гладкая, без ручки, поверхность бугристая, неоднородная. Изображение нечеткое, смазанное. Возможно, отливка производилась в открытую форму, лицевой стороной вниз.

Различные поделки, заготовки, слитки. В коллекции имеется целый ряд фрагментированных изделий, назначение которых определить трудно, почти все они отлиты и не подвергались дополнительной обработке, лишь на некоторых можно обнаружить следы мягкого обжатия. Возможно, это — заготовки незавершенных изделий. Костылеобразный предмет (ан. 477, Адам-Басан 10) имеет квадратный (10 × 10 мм) стержень длиной 5,5 см, заканчивающийся загнутым круглым (диаметр — 5 мм) концом. Микроскопическое исследование обнаружило литую структуру с признаками легкой доработки (линии скольжения). Посередине образца, взятого для исследования, обнаружена глубокая трещина, образовавшаяся, по-видимому, в процессе кристаллизации металла. Материалом послужила медь, загрязненная микропримесями (в сотых и тысячных долях процента).

Различного рода пластины — прямоугольные (ан. 317, 323 — Гонур

1, ан. 418 — Адам-Басан 3); листовидные (ан. 509 — Гонур 1), фигурные (ан. 331 — Гонур 1, ан. 486 — Аджикуй 2); роговидные (ан. 318 — Гонур 1) отлиты из медно-свинцово (0,3—2,4%) мышьяковистого (0,8—2,5%) сплава. Некоторые из них, возможно, — обломки зеркала.

Небольшие слитки (отходы производства) близкие по составу к указанному выше, происходят с поселения Гонур 1 (ан. 311, 320).

Иногда встречаются обрубленные раскованные пластины (по структуре всегда можно обнаружить следы литой заготовки, из которой они сделаны: ан. 344 — Гонур 1; ан. 485 — Адам-Басан 8).

Массивный слиток металла клиновидной формы найден на поселении Адам-Басан (ан. 445). Как показало микроскопическое исследование, металл сильно загрязнен крупными неметаллическими включениями, в том числе шлака, много пор, трещин. Структура — крупные полиэдрические кристаллы. Судя по всему, это — слиток черновой меди.

Полученные в результате исследования материалов гонурского этапа данные позволяют говорить о том, что металлообрабатывающее производство приобретает черты большей централизации по сравнению с предыдущим этапом, характеризуется возросшим объемом продукции, увеличением доли литейной продукции, 45,4% изученных металлических изделий, относящихся к этому периоду, приходится только на одно поселение Гонур-депе I, в то время как 54,6% — на 18 остальных памятников.

По-прежнему используются при металлообработке два основных технических приема: ковка — 44,1% изделий; литье — 55,8%. Причем изделия, выполненные ковкой, распределяются таким образом: только 26,3% приходится на Гонур-депе, 73,7% — на остальные памятники. В то же время 60% изделий, выполненных отливкой, происходит с поселения Гонур-депе, остальные — с прочих памятников. Ковкой изготовлялись бытовые орудия — шилья, иглы, проколки, ножи, отдельные украшения (височные привески, гладкие браслеты). Во всех случаях использовался литой универсальный полуфабрикат — прутки. Практиковались все основные виды свободнойковки — вытяжка, высадка, прокатка, рубка, придание изделию четырехгранной формы, круговая ковка. Широко применялась такая специальная операция, как наклеп. Ковка велась в холодную с промежуточным отжигом. В литейной технике выделяется два приема: отливка с последующей кузнечной доработкой (52,7% изделий) и отливка без доработки (47,3%), (не считая отделочных работ — очистки, шлифовки и т. д.).

Первый применялся при изготовлении инструментов, некоторых орудий труда, стержней с утолщением на конце, некоторых украшений. Вторым способом изготовлялись сосуды, печати, отдельные украшения, зеркала (?).

При отливке использовались открытые односторонние формы, закрытые, неразъемные (по выплавляемой модели), формы со вставным стержнем. Материалом, скорее всего, служили глинистые формовочные смеси.

И в кузнечной, и в литейной технике использовались одни и те же металлы и сплавы (это легко объяснимо, поскольку при кузнечной

формовке использовался литой полуфабрикат): свинец (1 экз.); медь (5 экз.); медь свинцовая (2 экз.); медь мышьяковистая (12 экз.); медь свинцово-мышьяковистая (8 экз.); медь + свинец (8 экз.); медь + мышьяк (56 экз., из них 35 — с примесью свинца); медь + олово + свинец (2 экз.), медь + олово + свинец + мышьяк (2 экз.).

Как видно из приведенных данных, ведущее место занимает сплав меди с мышьяком, причем основная масса изделий (52 из 56 экз. изготовлена из низкомышьяковистых (до 3,0%) сплавов. На втором месте сплав меди со свинцом и мышьяком, здесь больше половины изделий (13 из 22) содержат в своем составе высокую примесь свинца (8,0—12,0%) и мышьяка (4,0—7,0%).

Основная масса изделий изготовлена из сплавов с низким содержанием технологически значимых примесей (свинец, мышьяк, олово) и дефектов не обнаруживает.

Группы основной примеси, %	1 1,0—3,0	2 4,0—6,0	3 7,0—12,0
Количество предметов	70	11	12
Наличие дефектов	Нет	1	3

Технологические дефекты обнаружены в изделиях со средним и высоким содержанием основных примесей. Это, в основном, дефекты, характерные для высокосвинцовистых бронз — явление обратной ликвации (2 экз., содержание свинца — 12,0%) и высокооловинистых сплавов — растрескивание (1 экз., содержание олова — 7,0%). Одно изделие обнаружило ликвацию по удельному весу. Всего 7 изделий, относящихся к этому этапу, изготовлены из сплавов, в состав которых входит олово (3 из них содержат олова 7,0; 8,0 и 10%, 1—5%, остальные — до 3,0%). Одно изделие было дефектным.

III. Т о г о л о к с к и й э т а п. Поздний или Тоголокский этап выделяется В. И. Сариниди главным образом на основании появления на большинстве поселений этого времени керамики, характерной для раннежелезного века — типа Яз I, что свидетельствует о существовании жизни на этих поселениях вплоть до I тыс. до н. э. К этому этапу В. И. Сариниди относит два оазиса — Тоголокский и Тахирбайский. Первый включает около 30 поселений, крупнейшее из которых — Тоголок I. В Тахирбайском оазисе центральным является поселение Тахирбай 3.

Нами исследовано 75 металлических изделий этого периода (Тоголокский оазис — 64, Тахирбайский — 11) Номенклатура и типы изделий в основном аналогичны описанным выше: шпиль, проволока, иглы, ножи, булавы, браслеты, височные кольца. Однако выделяются некоторые типы булавок, например, с квадратным завершением или завершением в виде семилучевой звезды. Нехарактерен также и книжал с ребром жесткости. Следует особо отметить и огромное количество всевозможных отходов производства (слитков, капель, шлака), больше всего на поселении Тоголок I, хотя фиксируются они и на ряде других (Тоголок 2, 15—21).

В. И. Сариниди отмечает территориально выделение за пределами поселков не только керамического, но и металлического производства (горны).

Шилья, иглы, проколки — наиболее часто встречаемая категория изделий (20 экз.). Типы шильев-проколок аналогичны уже рассмотренным, это — обоюдоострые круглые или прямоугольные в сечении (обычно длинные — 10—12 см) обоюдоострые с разным сечением концов, односторонние, прямоугольные или квадратные в сечении (длина — 5—6 см), симметричные прямоугольные в сечении с упором посредине. Иглы представлены тремя экземплярами. Судя по единственному целому экземпляру, длина их достигала 6 см, ушко формировалось в виде петли (ан. 547), абсолютно идентичные изделия известны и в памятных подгорной полосы Колетдага. Большая часть изделий этой категории сформована ковкой из литой заготовки — прутка, о чем свидетельствуют характерные особенности микроструктуры (вытянутость валочный, дендритов, наличие на их фоне полиэдрических кристаллов с двойниками). Ковка велась вхолдную с промежуточными отжигами, заключительной операцией была проковка всего изделия вхолдную (об этом говорит раздробленность кристаллов, наличие линий скольжения). За исключением трех случаев (ан. 228, 516, 529) в составе всех изделий фиксируется повышенная примесь свинца, не допускающая горячей обработки. Основным поделочным материалом был медно-свинцово-мышьяковистый сплав с содержанием свинца — 0,1—0,9%, мышьяка — 1,2—2,0%.

Несколько изделий изготовлены из высокомышьяковой бронзы (ан. 513, 542) с содержанием мышьяка 5,0; 6,0; 7,5% с примесью свинца 0,25 и 0,5% и свинцово-мышьяковой бронзы (ан. 528, 538) с содержанием свинца 3,0 и 10,0% и мышьяка — 4,5 и 6,5%. Технология их не отличается от остальных орудий, однако, высокая концентрация мышьяка потребовала длительного многочасового отжига, в результате которого сплав приобрел более пластические свойства (структура стала равновесной).

Четыре изделия отлиты и лишь слегка доработаны ковкой (не отразившейся существенно на характере микроструктуры). Одно из них отлито (ан. 546) из мышьяковой (6,0%) бронзы, остальные — из обычного медно-свинцово-мышьяковистого сплава с невысокими концентрациями свинца (0,09—0,45) и мышьяка (1,2—2,5%).

Инструменты представлены в коллекции целым изделием типа миниатюрного тесла (ан. 557, Тоголок 1), обломком зубила (ан. 544, Тоголок 15) с двумя четырехгранными стержнями типа пробойников (ан. 540, Тоголок 11; ан. 536, Тоголок 3). Орудие типа тесла (длина — 8 см, толщина — 3—4 см, ширина — 7 мм) имеет параллельные плавно скругленные грани, немного расширяющиеся к слегка закругленному лезвию (ширина — 12 мм) и прямосрезанной пятке (ширина — 9 мм). Изделие отлито из высокоооловянистой (10,0%) бронзы (примесь свинца — 0,1%, мышьяка — 0,2%), подвергнуто длительному гомогенизирующему отжигу, придавшему сплаву более пластические свойства и доработано ковкой вхолдную. Об этом свидетельствует равновесная структура.

тура, состоящая из полиэдрических кристаллов с двойниками (на некоторых участках слабо улавливаются следы дендритного строения — неподный отжиг), а также показатели микротвердости. Лезвие и пятка в заключение были прокованы в холодную (измельченность кристаллов особенно на лезвии). Микротвердость на лезвии — 210 кг/мм², на пятке — 192 кг/мм², в глубине изделия — 161 кг/мм². Технологических дефектов не обнаружено.

Зубило (сохранилась рабочая часть) имеет симметрично заточенные лезвия (ан. 544), изготовлено отливкой из оловянистой (5,0%) бронзы с примесью мышьяка (1,0%) и свинца (0,15%). Отливка была подвергнута гомогенизирующему отжигу, о чем свидетельствует равновесная структура из полиэдрических кристаллов. Дальнейшей обработке исследованная часть изделия не подвергалась. Качество отливки — плохое (крупные литейные поры, пленки свинца, сеткой залегающие по границам кристаллов).

Два четырехгранных стержня, по форме напоминающие пробойники, изготовлены из необычного для данного типа изделий материала: один (ан. 540) отлит из свинца с незначительной примесью меди (1,0%), другой — из высокопроцентного медно-свинцового (10,0%) сплава с примесью мышьяка (0,8%). Оба изделия механической обработке не подвергались. Назначение их не вполне ясно.

Трудноопределимо также назначение плоских стержней (ширина — 7—9 мм, толщина — 3—4 мм), имеющих уплощенный закругленный кончик. Один из них происходит с поселения Тахирбай 3 (ан. 231), два — с поселения Тоголок 1. Они отлиты и слегка доработаны в холодную. В двух случаях (ан. 324, 491, Тоголок 1) использован обычный сплав меди со свинцом (0,4; 2,0%) и мышьяком (1,0; 1,2%). Изделие с поселения Тахирбай 3 отливо из медно-оловянистой (5,0%) бронзы с незначительной примесью свинца (0,1%), остальные — микропримеси в тысячных процентах. Отливка была подвергнута гомогенизирующему отжигу и доработана в холодную (равновесная структура из полиэдрических кристаллов, линии скольжения). Технологических дефектов нет. Не исключено, что это — ручки каких-то изделий, может быть, зеркал.

Н о ж и, р е ж у щ и е о р у д и я. Нож обоюдоострый, с выделенным плоским черешком и листовидным лезвием листовидного сечения происходит с поселения Тоголок 1 (ан. 554). Общая длина — 10,5 см, длина лезвия — 7,5 см, ширина у черешка — 3 см, ширина рукоятки — 8 мм. Как показало микроскопическое исследование, нож отлит из сплава меди с оловом (2,0%), свинцом (1,0%) и мышьяком (4,0%). Лезвия вытянуты и заострены ковкой в холодную с промежуточным отжигом в заключение прокованы в холодную. Микротвердость на лезвиях и на конце ножа — 148 и 161 кг/мм². Технологических дефектов нет.

Два миниатюрных режущих орудия (ан. 503, Тоголок 1; ан. 541, Тоголок 15) имеют выделенный плоский черешок и лопаточкообразное лезвие (в сечении листовидное), общая длина — 3—4 см. Оба изделия отлиты и доработаны ковкой в холодную с промежуточным отжигом. Одно (ан. 541) изготовлено из сплава меди со свинцом (1,0%) и мышья-

ком (2,0%), второе (ан. 503) — из сплава меди с оловом (2,0%), остальные примеси в сотых и тысячных долях процента.

Книжал черешковой, листовидный с ребром жесткости посреднее (ан. 555) происходит с поселения Тоголок 1 (общая длина — 16,5 см). Он отлит из оловянистой (5,0%) бронзы с примесью свинца (0,1%) и мышьяка (2,0%). Отливка была подвергнута гомогенизирующему отжигу (неполному, так как следы дендритной структуры еще можно уловить), сделавшему сплав более пластичным (равновесная структура из полиэдрических кристаллов с двойниками). После этого ковкой в холодную с промежуточным отжигом изделие было доработано — вытянуто, заострено и подвергнуто наклепу лезвия, слегка утолщен конец черешка. Микротвердость на конце черешка — 148 кг/мм², на лезвиях — 210 кг/мм². Технологических дефектов не обнаружено.

Металлическая посуда представлена несколькими невыразительными обломками стенок и венчиков: 3 из поселения Тоголок 1 (ан. 508, 559, 562) и 2 — из поселения Тоголок 2 (ан. 526, 530). Как показало микроструктурное исследование, все изделия были отлиты. Неиспользованы при этом следующие сплавы: оловянистая (10,0%) бронза (ан. 508—509), свинцовая (5,0%) бронза (ан. 526); свинцово-мышьяковистая медь (свинец — 1,0%, мышьяк (0,45%) (ан. 530); медь, загрязненная микропримесями (ан. 562). Отливки из высокооловянистой бронзы были подвергнуты гомогенизирующему отжигу (структура приобрела равновесный характер — полиэдрические кристаллы). Обе отливки не обнаружили технологических дефектов.

Остальные изделия никакой дополнительной обработке не подвергались.

У к р а ш е н и я. Набор украшений (браслеты, височные кольца, булавки) и типы их в основном те же, что и на предыдущем этапе.

Браслеты (4 экз.) известны двух типов — гладкие, круглые в сечении с несомкнутыми концами (2 экз.) (ан. 234, Тахирбай 3; ан. 522 Тоголок 2) и ложновитые (ан. 492, Тоголок 1; ан. 524, Тоголок 2). Технология изготовления и состав металлов указанных типов различны.

Ложновитые браслеты отлиты, доработке не подвергались. Изготовлены из высокопроцентного сплава меди со свинцом (10,0%) и мышьяком (5,0 и 6,5%). Одна отливка (ан. 524) качественная (включения свинца эвтектично распределены в междендритном пространстве), во второй обнаружены ликвационные зоны (обратная ликвация). Гладкие браслеты согнуты в холодную из литого прутка (дендриты слегка вытянуты и раздроблены). Материалом послужила медь с примесью свинца (0,2; 0,7%) и мышьяка (2,0%) и в одном из изделий (ан. 234) олова (1,0%).

Височные привески (3 экз.) круглопроволочные с несомкнутыми концами. Два экземпляра С-видные (ан. 227, Тахирбай 3; ан. 521, Тоголок 2); один — U-образный (ан. 226, Тахирбай 3).

Все изделия согнуты в холодную из литого прутка с промежуточным отжигом. Литой прутки были подвергнуты гомогенизирующему отжигу, сделавшему его более пластичным (структура приняла вид равновес-

ной — полиэдрические кристаллы с двойниками). Оба изделия из Тахирбай 3 изготовлены из медно-мышьяковистого (4,6 и 6,2%) сплава.

Материалом для изготовления привески из поселения Тоголок 21 послужил медно-свинцово (9,0%) -мышьяковистый (10,0%) сплав. Последнее изделие, несмотря на высокий процент свинца, не обнаружало технологических дефектов.

Бусина или грузик биконической формы со сквозным отверстием (диаметр — 3 мм) происходит с поселения Тоголок 2 (ан. 525). Изделие отлито со вставным стержнем из медно-свинцового (10%) сплава.

Роговидный плоско-выпуклый обломок, тождественный находке на поселении Гонур 1 (ан. 318) происходит с поселения Тахирбай 3 (ан. 232), является, видимо, фрагментом какого-то украшения. Изделие отлито из медно-оловянистого (9,0%) сплава, доработке не подвергалось (дендритная структура не имеет следов деформации).

Пронизка (ан. 512) в виде сдвоенных трубочек (диаметр — 2 мм) изготовлена из тонкой пластинки (толщина — 1 мм), свернутой восьмой. Пластина откована входную с промежуточным отжигом из высокооловянистой (10,0%) бронзы. Чтобы отковать тончайшую пластину из бронзы такого состава необходимо было подвергнуть заготовку длительному гомогенизирующему отжигу при температуре 700—750° и закалить в холодной воде.

Булавки (10 экз.) — имеют круглый стержень и заостренный конец. По типу наконечника различаются гвоздевидные — 4 экз. (ан. 490, Тоголок 1; ан. 520, Тоголок 21); ан. 537, Тоголок 5; ан. 225, Тахирбай 3); лопаточковидные — 3 экз. (ан. 502, 515, Тоголок 1; ан. 539, Тоголок 11) с квадратным наконечником в виде печати — 1 экз. (ан. 560, Тоголок 1) с розетковидным (семилепестковым) наконечником — 1 экз. (ан. 561, Тоголок 1) с листовидно-вытянутым наконечником, имеющим маленькое сквозное отверстие посередине (ан. 556, Тоголок 1). Последние 2 представляют тип булавок, не известных ни в мургабских материалах, ни в материалах памятников подгорной полосы Копетдага. Булавка с розетковидным семилепестковым наконечником близка экземпляру, найденному в Ашхабадском могильнике времени Намазга VI. Еще одно подобное изделие, происходящее из поселения Тахирбай 2, приводится в работе В. М. Массона и сводке Е. Е. Кульмшиной⁷.

Все булавки изготовлены из литой заготовки. Фигурные наконечники отлиты и лишь слегка доработаны ковкой входную, лопаточковидные и листовидные сформованы ковкой-плющением. Стержень булавок вытянут и заострен входную с промежуточным отжигом (на фоне вытянутых дендритов полиэдрические кристаллы с двойниками, иногда линии скольжения). В тех случаях, когда в состав металла входил высокий процент мышьяка или олова, кузнечным операциями предшествующей длительной гомогенизирующий отжиг. Использовались следующие сплавы: медно-мышьяковистый (3,5—10,0%) — 5 экз. (ан. 225, 502, 520, 539, 556); медно-свинцово (3,5%) -мышьяковистый (3,5%) — 1 экз. (ан. 537); медно-оловянисто (4,0%) -свинцовый (2,0%) — 1 экз. (ан. 560); медно с примесью свинца (0,1—0,5%) и мышьяка (0,35; 1,5%) — 2 экз. (ан. 490, 515).

Стержни с утолщением на конце, обломки круглых в сечении стержней. Всего в коллекции явно выраженных четыре экземпляра стержней с утолщением на конце (3 — Тоголок 1, ан. 500, 505, 510; 1 — Тахирбай 3, ан. 229). Однако целый ряд обломков стержней (11 экз.), круглых в сечении, не сохранивших конца, возможно, также относятся к этой категории, хотя не исключено, что часть из них является фрагментами проколов или булавок. Почти все они происходят с поселения Тоголок 1, только 2 изделия — с Тоголок 2 и 1 — из Тоголок 15. Стержни с утолщением отлиты (дендритная или полидендритовая структура с включениями округлых очертаний), слегка доработаны ковкой (линии скобления, раздробленные кристаллы). Два стержня (анализы 229, 505) имеют типичный для большинства изделий химический состав — медь с примесью свинца и мышьяка в невысоких концентрациях (свинец — 0,25, мышьяк — 1,5%). Одно изделие (анализ 500) отлито из свинцовистой (1,0%) меди. Материалом для четвертого послужил медно-оловянно-мышьяковистый сплав (олово — 5,0, мышьяк — 2,0%).

Часть круглых стержней, сохранившихся в обломках, изготовлена ковкой входную из литой заготовки (5 экз.), о чем свидетельствуют соответствующие микроструктурные данные (значительная вытянутость включений, вытянутость дендритов). Состав сплава — медь с примесью свинца (0,25—1,0%, в одном случае — 3,0%) и мышьяка (0,9—2,0%). Шесть стержней отлиты и слегка доработаны ковкой. При этом использовались сплавы трех видов: медно-мышьяковистый (4,0 и 5,0%) — 2 экз. (ан. 532—533), медно-оловянистый (2,0; 5,5%) с примесью свинца (0,5; 3,0%) и мышьяка (1,0; 2,5%) — 2 экз. (ан. 493, 543); медь с примесью свинца (0,45; 0,5%) и мышьяка (2,5, 0,8%) — 2 экз. (ан. 497, 514).

Печати (8 экз.) целые и в обломках происходят из Тоголокского оазиса (ан. 507, 563—564 — Тоголок 1, ан. 531 — Тоголок 2; ан. 567 — Тоголок 3; ан. 565 — Тоголок 5; ан. 566 — Тоголок 11; ан. 568 — Тоголок 15).

Различаются круглые, квадратные и зооморфные печати. Изображение на круглых печатях чаще всего в виде многолепестковой розетки с кругом или квадратом посредине, на квадратных — крестовидные, иногда сложные растительные узоры. Отдельные детали бывают сазовыми. Зооморфная печать (ан. 566) изображает хищника кошачьей породы. С тыльной стороны у всех печатей — ручка в виде дуги, либо округлой, либо подчеркнута прямоугольной. Технологія изготовления их обычна для этой категории изделий — все они отлиты по восковой модели (следы заглаживания ее, характерные натеки хорошо видны на некоторых отливках). Для каждой готовилась индивидуальная форма из глинистой формовочной смеси, которая для извлечения отливки должна была разбиваться.

Химический состав определен у двух экземпляров — это сплав меди со свинцом (10%), с примесью мышьяка (3,0) — ан. 531 и сплав меди с мышьяком (5,0%) — ан. 507.

Отходы производства. Большое количество всевозможных обрешков,

слитков, канель и т. д. и прочих отходов производства происходит с поселения Тоголок 1, в меньшей степени они представлены на других поселениях: Тоголок 2, Тоголок 15, Тоголок 21.

Микроскопическое исследование не обнаруживает определенной структуры. Образцы обычно очень пористые с большим количеством шлака, неметаллических включений. Иногда это — куски обмазки с пригоревшим металлом. Характерной особенностью химического состава является высокий процент железа (1,0%). Иногда присутствуют в заметных количествах свинец (1,0—2,0%) и мышьяк (1,0—2,0%). Несколько образцов обнаружили высокий процент свинца (8,0%, ан. 5, 535, Тоголок 2) и мышьяка (5,0—6,5% — ан. 21, 35, 517, Тоголок 1; 9,0% — ан. 4, 534, Тоголок 2). Олово (1,0—3,0%) присутствует в образцах с поселения Тоголок 1. В целом химизм образцов, являющихся отходами производства, соответствует химизму готовых изделий.

Приведенные данные аналитических исследований металлической продукции тоголокского этапа позволяют сделать следующие выводы относительно характера металлообработки в данный период.

При изготовлении металлических изделий использовались два основных приема: ковка — 31,1% изделий; литье — 68,9%.

Существенную роль, судя по этим показателям, играла литейная техника. Причем различаются изделия, выполненные двумя способами: отливкой с последующей кузнечной доработкой (69,8%), отливкой без доработки (не считая отделки) — 30,2%. С помощью первого способа изготавливались инструменты, оружие, отдельные орудия, ножевидные изделия, некоторые украшения, стержни с утолщениями на конце. Вторым способом — посуда, печати, стержни, отдельные украшения.

Продукцией кузнечной техники были мелкие бытовые орудия: шилья, проколки, иглы, крючки, небольшие ножи. Применялись различные операции свободнойковки — вытяжка, плющение, рубка, придание изделию четырехгранной формы, круговая ковка, изгиб на оправке нужного профиля. Ковка велась в холодную в сочетании с промежуточным отжигом. Для упрочнения рабочей части, а иногда и всего изделия применялся наклеп. Использовалась и такая термическая обработка, как гомогенизирующий отжиг отливок перед кузнечной обработкой.

Основной всех кузнечных изделий был литой полуфабрикат-пруток. Несмотря на присутствие в химическом составе большинства кузнечных изделий свинца, в повышенных против нормы концентрациях, дефектов, связанных с этим (красноломкости), не обнаружено. Это свидетельствует о том, что температурный режим выдерживался кузнецами правильно.

В практике металлообработки используются разнообразные сплавы: 1) медь свинцовистая (2 экз.); 2) медь свинцово-мышьяковистая (7 экз.); 3) медь + свинец (5 экз., с примесью мышьяка — 3); 4) медь + мышьяк (34 экз., с примесью свинца — 22); 5) медь + свинец + мышьяк (11 экз.); 6) медь + олово + свинец (2 экз.); 7) медь + олово + мышьяк (6 экз.); 8) медь + олово + свинец + мышьяк (2 экз.); 9) медь + олово (5 экз.).

На первом месте по частоте встречаемости — сплав меди с мышьяком, причем больше половины изделий (13) относятся к среднемышьяковистым (4,0, 5,0% — 9 экз.) и высокомышьяковистым (7,0; 10% — 4 экз.).

На втором месте сплав меди со свинцом и мышьяком. Из 11 изделий, изготовленных из этого сплава, 2 относятся к среднемышьяковистым и 6 — к высокомышьяковистым (7,0—10%), 15 изделий выполнены из сплавов, в состав которых входит олово, причем только 2 из них содержат олова до 3%, в остальных — 4,0—5,0 и 9,0—10,0%.

Интересно, что все имеющиеся инструменты изготовлены из оловянистых сплавов. Использованы они также для украшения. Медные бытовые орудия не содержат в химическом составе олова. Соотношение изделий, изготовленных из сплавов с различной концентрацией основных компонентов (свинец, мышьяк, олово) и наличие технологических дефектов таково:

Группы	1	2	3
Содержание основных примесей, %	1,0—3,0	4,0—6,0	7,0—12,0
Количество предметов	29	10	17
Наличие дефектов	Нет	Нет	1

Дефект в виде обратной ликвации обнаружен только на одном изделии из высокосвинцово (10,0%) мышьяковистой (5,0%) бронзы. Показательно, что в изделиях из оловянистой бронзы на данном этапе технологических дефектов не отмечается.

Подводя итоги проведенному исследованию можно заключить следующее.

Традиции местной металлообработки уходят корнями в энеолитический период развития культуры древних земледельцев Южной Туркмении.

В эпоху бронзы металлический инвентарь мургабских поселений характеризуется не только большой типологической близостью, но и общностью техно-технологических приемов с материалами из таких центров подгорной полосы Копетдага, как Алтын-дере и бактрийских памятников типа Дашлы.

Два основных приема металлообработки характерны для перечисленных центров. При этом, как показывает процентное соотношение соответствующей продукции, ведущей отраслью было литейное дело (табл. I).

Исключение составляют лишь данные, относящиеся к раннему (железистому) этапу культуры населения Мургабского региона. Однако именно на этом основании хорошо видна динамика развития здесь металлообработки; доля продукции литейной техники растет, достигая на тоголокском этапе показателей, близких алтынделинским, доля кузнечной продукции соответственно уменьшается.

1. Приемы металлообработки

Памятники и этапы	Основные приемы металлообработки, %	
	литье	ковка
Алтын-депе	27,6	72,4
Келденйский этап	52,5	47,5
Гонурский этап	44,1	55,8
Тоголокский этап	31,1	68,9
Дашлы	36,9	63,1

Прогрессивное развитие именно литейной техники — характерная черта металлообрабатывающего производства Южной Туркмении, фиксируемая на всех этапах, начиная с древнейших⁴. Развитие шло по линии освоения новых приемов — от литья в открытые формы до сложных отливок по восковой модели в неразъемные формы, литье в формы со вставным стержнем, разработки рецептур новых сплавов, обработки методики работы с ними. В изучаемый период литейное дело предстает как развитое, хорошо технически оснащенное производство. Оно включало сложный комплекс работ — изготовление форм и моделей, подбор рецептуры разных сплавов, плавление металла, заливка форм, отделка отливок. Все это требовало соответствующего сырья, специализированного инструментария, оборудования и, конечно, высокого профессионализма мастеров.

Возросший спрос на металлические изделия, прочно вошедшие в быт населения, мог быть обеспечен за счет роста производительности труда, основанного на углублении специализации и дифференциации производственной деятельности. Есть все основания полагать, что литейное дело не только составляло самостоятельную отрасль, но и, в свою очередь, распадалось на ряд отдельных производств.

Несомненно, что художественные отливки, такие как булавки со скульптурными навершиями или перегородчатые печати со сложными замысловатыми или зооморфными изображениями, требовавшие не только мастерства, но и художественного вкуса и таланта, выполнялись мастерами-ювелирами.

Литейщик-кузнец изготавливал также ответственные изделия, как инструменты, оружие, некоторые орудия. Для получения качественных изделий необходимо было использовать специальные приемы в зависимости от типа сплава. Например, высокосвинцовистые бронзы требовали увеличения скорости заливки металла при минимально допустимой температуре, сильного перемешивания металла, не допускали деформации в горячем состоянии. Высокомышьяковистые сплавы хорошо поддавались холодной и горячей деформации только до определенной концентрации мышьяка, в то же время примесь свинца в большинстве мышьяковистых сплавов ограничивала рамки температурного режима. Особого отношения требовали при деформации оловянистые сплавы, способы обработ-

ки которых находились в прямой зависимости от диапазонов концентраций. Мастерам был известен такой специальный прием обработки отливок из высокооловянистой бронзы, как дантельный гомогенизирующий отжиг — нагрев и выдержка при температуре 700—750° в течение 24 или даже 48 ч. Возможно, гомогенизирующий отжиг сочетался с закалкой в холодной воде. В результате сплав приобретал максимальную высокую пластичность, необходимую для дальнейшей холодной обработки.

На протяжении всего рассматриваемого периода можно видеть, как постепенно растет опыт работы с оловянистыми сплавами (табл. 2). Только на тоголовском этапе мы не обнаруживаем в изделиях, изготовленных из них, характерных дефектов. Однако оловянистые бронзы так и не вошли в практику южно-туркменской металлообработки. Вместе с тем обращает на себя внимание факт увеличения количества предметов, в состав которых входит олово, и увеличение доли высокооловянистых изделий.

2. Обработка оловянистых сплавов

Этап	Содержание олова, %			Общее количество изделий
	1,0—3,0	4,0—6,0	7,0—10,0	
Кельдешский	2	1	1	4
Гонурский	3	1	3	7
Тоголовский	4	6	5	15

В практике металлообработки на мургабских поселениях использовалось не менее 11 типов различных сплавов (табл. 3), при этом преобладающими были сплавы меди с мышьяком (иногда с примесью свинца). В хронологическом аспекте прослеживается тенденция к увеличению сплавов с высокими концентрациями основных примесей.

3. Металлообработка на мургабских поселениях

Этап	Содержание основных примесей (свинец, мышьяк, олово), %		
	1,0—3,0	4,0—6,0	7,0—12,0
Кельдешский	12	2	1
Гонурский	70	11	12
Тоголовский	23	19	17

Кузнечная продукция, как было отмечено, составляла меньшую долю в производстве — это были несложные изделия бытового назначения, такие как шилья, проколки, иглы, крючки, некоторые простые

украшения типа гладкопроволочных височных колец и браслетов. Причем основой кузнечного производства был литой полуфабрикат—пруток традиционной формы, генетически связанной с материалами памятников подгорной полосы Коветадага и позволявшей с помощью различных операций свободнойковки легко и быстро формировать нужные изделия.

Рассмотрение толографии изделий, выполненных разными техническими средствами на примере мургабских памятников, показывает, что литейная продукция больше представлена на центральных памятниках, кузнечная — на мелких поселениях. При этом обращают внимание находки именно на мелких поселениях кузнечных инструментов (зубила, пробойники). Можно полагать, что литейное производство, связанное со сложным оборудованием и инструментарием было сосредоточено в основном на крупных центральных памятниках, таких как Гонур, Аучин, Тоголок. Здесь работали литейщики, литейщики-кузнецы, литейщики-ювелиры, тогда как на поселениях сельской округи трудились кузнецы, получавшие от литейщиков слитки-полуфабрикаты.

В целом металлообрабатывающее производство в рассмотренных памятниках предстает как сложная разветвленная и в то же время тесно взаимосвязанная система — самостоятельная отрасль экономической структуры общества, что является одной из характерных черт складывающихся здесь раннегородских цивилизаций древневосточного типа.

Внутренняя динамика развития металлообрабатывающего производства, прослеживаемая на мургабских материалах, говорит в пользу реальности выделяемых здесь трех этапов развития местной культуры.

¹ Маслов В. М. Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией. Тез. докл. из заседания, посвященного итогам полетных исследований 1969 г. — М., 1970 — С. 63—70; Он же. Экономика и социальный строй древних обществ — М., 1976 — С. 143—144.

² Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство древнейших земледельцев Туркмении // Очерки технологии древнейших производств — М., 1975.

³ Значительная серия металлографических анализов металла из Алтын-дере и Дашлы проведена автором. Результаты хранятся в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР.

⁴ Выражаю (глубокую) благодарность В. И. Сарваниди и И. С. Мышенину, предоставившим материалы для исследования из слоя раскопок. Исследования проводил автором в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР. Применяются также данные спектрального анализа, осуществленные В. Д. Рузавиным в той же лаборатории.

⁵ Терехова Н. Н. Металлообработка на энеолитических поселениях Гонжур/АА — 1974. — № 2. Она же. Металлообрабатывающее производство...

⁶ Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство... — С. 34.

⁷ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. — М., 1966. — Вып. 4—9 — С. 83; Маслов В. М. Древнеземледельческая культура Марганы // Вып. 73 (табл. XIV, № 2); Кузьмина Е. Е. Металлические изделия... (табл. XVI, № 11).

⁸ Терехова Н. Н. Металлообрабатывающее производство...

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ ИЗ ТОГОЛОК 21

На кафедру высших растений МГУ были переданы на определение органические остатки, каменные пестики и терки, а также костяная трубка, происходящие из раскопок монументального комплекса Тоголок 21. Все образцы отобраны из центральной части раскопанного комплекса и относятся к одному хронологическому периоду.

Образцы взяты со дна хумов, крупных сосудов для хранения жидкостей из помещений №23 и 34. В них обнаружены остатки растений: обломки стеблей (часто с листовыми следами), листья, микроспориангии, пыльцевые зерна, антерофоры, обрывки покрова мегаспорангия, части плода.

Проведенные с помощью светлого, а также сканирующего электронного микроскопов сравнительные исследования ископаемых остатков и современных растений показали, что первые принадлежали к роду *Ephedra*. Род этот относится к семейству *Ephedraceae* класса *Gymnosperms*, входящему в отдел голосеменных растений. В настоящее время он представлен 40 видами, распространенными главным образом в Средиземноморье, Азии и Америке. Большинство современных видов эфедры — низкие, сильно ветвистые двудомные кустарники, произрастающие в пустынях, полупустынях, степях. Молодые стебли эфедры ребристые, снабжены многочисленными устьицами, расположенными между ребрами.

Проводящая система представлена эндархной эвстелой. Метаксилема состоит из трахеид, имеющих округлые окаймленные поры с торусом. Во вторичной ксилеме наряду с трахеидами образуются сосуды, снабженные сквозными отверстиями, которые, сливаясь, нередко образуют перфорации. Листья мелкие, рано опадающие, чешуевидные, супротивные или в мутовках. Стробилы однополые, редко встречаются однодомные растения.

Мужской стробил-микростробил состоит из покрова, образованного двумя сросшимися чешуевидными листьями и колонки («интерофора»), несущей на верхушке от 2 до 8 микроспориангиев. Колонка снаружи образована специфическими сильно удлиненными клетками. Микроспориангии 2—4-гнездные, открывающиеся овальными дырочками.

Мегастробилы сидят в паузах сросшихся у основания листьев, которые у многих видов сухие, чешуевидные. Плоды у некоторых видов (например, *Ephedra distachna*) окружены ярким оранжевым пленчатым покровом, имеющим устьица. Последние, обычно округлые по форме, имеют слегка приподнятый край и восковое утолщение.

Известно лекарственное и наркотическое действие некоторых видов эфедры, благодаря содержанию в них алкалоида — эфедрина (Жизнь растений, 1978).

Найденные в раскопках обломки стеблей длиной до 1 см и шириной 1—3 мм имеют до 16 продольных ребер (табл. CV № 4), между ко-

торыми местами сохранились устьица, имеющие, как и у современных *Ephedra*, свальные очертания. Длинная ось устьиц располагается параллельно длине стебля, а концы закруглены или слегка заострены (табл. CVI, № 1).

В ксилеме, наряду с трахеидами, обнаружены сосуды, имеющие многочисленные мелкие овальные и округлые сквозные отверстия, часто сливающиеся в перфорации (табл. CVII, № 1). Ребра образованы толстостенными клетками (см. табл. CV, № 1). На некоторых стеблях сохранились не только следы, но и остатки листьев (табл. CV, № 3; табл. CVI, № 2). Последние мелкие, игольчатые, сильно заостренные, длиной около 4 мм (см. табл. CV, № 3). Приведенные морфологические и анатомические описания стеблей свидетельствуют в пользу того, что найденные в раскопках стебли и листья принадлежат роду *Ephedra*.

Довольно часто встречаются колонки (антерофоры), заканчивающиеся микросинангиями. Они образованы сильно удлиненными клетками, морфологически весьма сходными с клетками современных *Ephedra*, а микросинангии покрыты изодиаметрическими, извилистыми, относительно мелкими клетками (табл. CVII, № 3).

На некоторых микросинангиях сохраняются овальные, складчатые, ребристые пыльцевые зерна, характерные только для рода *Ephedra* и близкого ему рода *Welwitschia*, представленного единственным видом *Welwitschia mirabilis*, обитающим в каменных пустынях Анголы и Юго-Западной тропической Африке (табл. CVII, № 3). Такое видоимичное обитание *Welwitschia* позволяет полностью исключить возможность нахождения ее пыльцевых зерен в Средней Азии. Таким образом, найденные пыльцевые зерна могут принадлежать лишь роду *Ephedra*.

В осадке также обнаружены сухие, чешуевидные, сросшиеся у основания листья, весьма сходные со стерильными чешуевидными листьями, окружающими мегастробилы современных видов эфедры (табл. CVII, № 1). Кроме того, из осадка выделены яркие оранжевые чешуйчатые чешуи, на которых под электронным микроскопом обнаруживаются округлые устьица, имеющие своеобразные восковые утолщения, весьма сходные с таковыми современных эфедр (табл. CVIII, № 2—3).

Комплекс всех найденных остатков растений, бесспорно, свидетельствует о том, что часть обнаруженных в раскопе остатков растений принадлежит роду эфедра.

В костяной трубочке из комнаты № 34 обнаружены остатки пыльца, содержащие трехбороздные пыльцевые зерна мака (Раругея, сем. Рараугеясеае). Как известно, некоторые современные виды имеют трехбороздные пыльцевые зерна с характерным сетчатым рисунком поверхности (*Rarugea rhodeas*, *R. somniferum*, *R. strigatum*, *R. hybridum*, *R. dubium*, *R. orientale*) (Сагдуллаева, 1959; Кайс, 1959; Мейер, Ильина, 1986). Остатки семян мака обнаружены и на лестнице из комнаты № 38.

Таким образом, проведенные микро- и ультраструктурный анализы растительных остатков из раскопок комплекса Тоголок позволили выявить

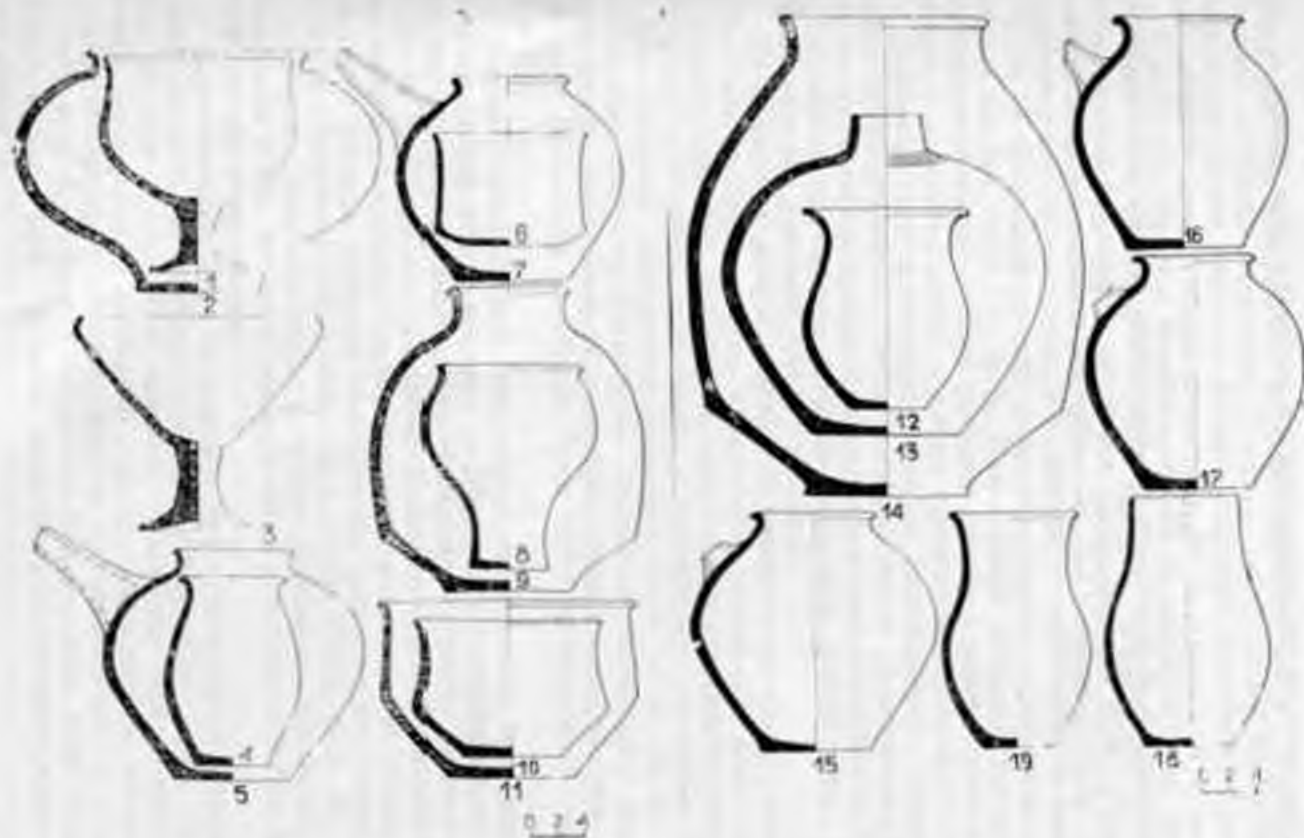
считать, что часть из них принадлежала растениям рода эфедра и мак (Ephedra, Papaver).

Медер Н. Р., Ильина Г. М. Палеоботанические данные к системе семейства маковых // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 16. Биология.—1966.—№ 1.—С. 16—21.

Салдулаева А. Л. Морфология пыльцы семейства маковых // Проблемы ботаники — М.—Л., 1959.— Вып. 4.—С. 11—50.

Жизнь растений.—М.: Просвещение, 1978.—Т. 4.—С. 299—302.

Kalix A. J. The Northwest European pollen flora, 29. Papaveraceae // Rev. Paleobot. and Palynol., 28 NEPF.—1979.—P. 209—260.

Таблиця 1. Групи 1. Кераміка із шурфа №2 (1-11) и шурфа №3 (12-19). Всі відбитки без точного вказання місця знаходження провізділи з поверхності поселення.

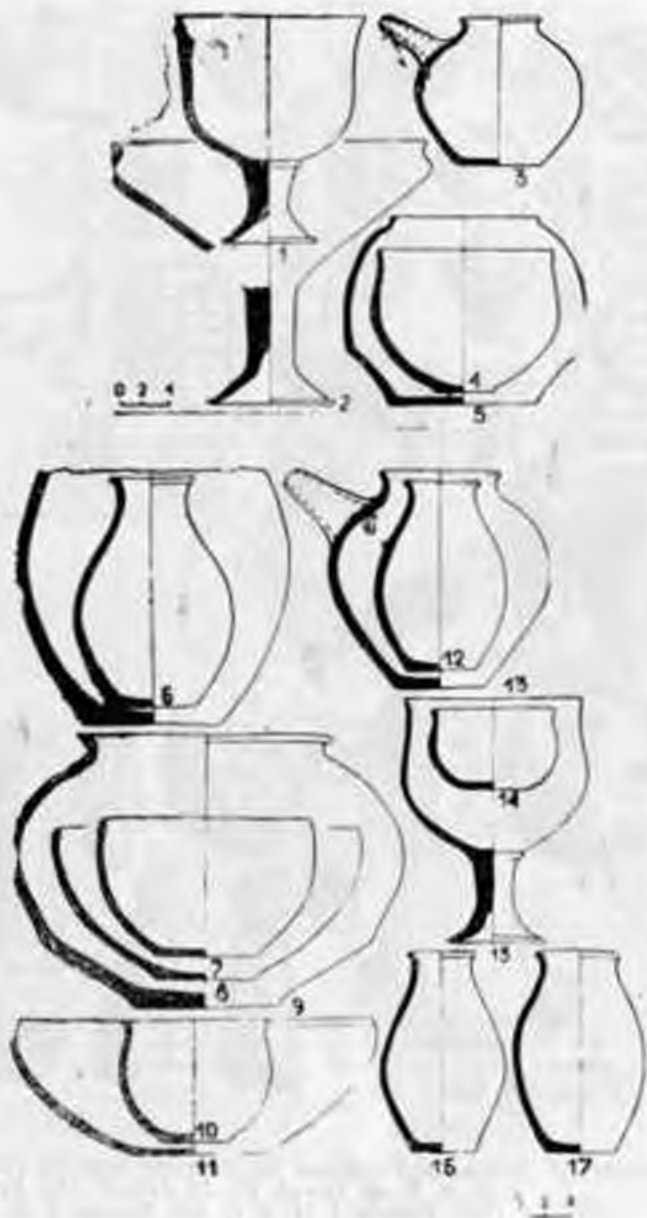

Таблица II. Аучит 1. Керамика из погребениа 2(1-3) и 4 (6-8, 9-17).

Таблица III. Маргана. Различные керамические изделия. Гонур
 1 (3, 6, 9, 12, 14-15, 17-18, 21-23, 25); Аучи
 1 (24); Тоголок 1 (1, 5, 7, 10); Тоголок 2 (8, 16,
 20); Тоголок 7 (2); Тоголок 20 (4); Тахирбий
 3 (11).

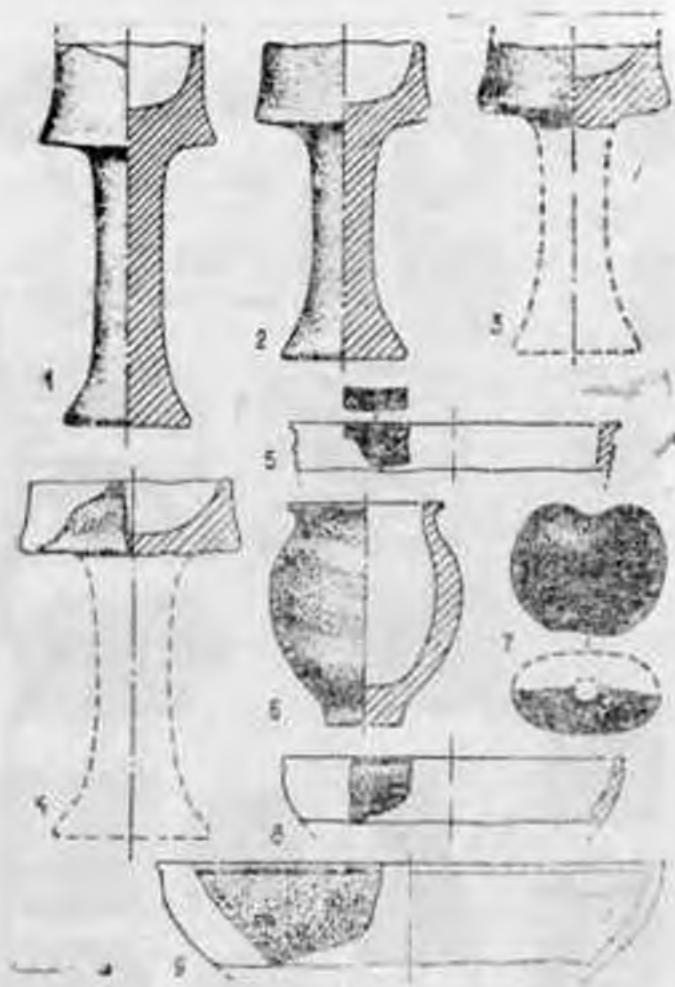

Таблица IV. Маргана. Каменные изделия. Тоголок 21 (1—со-
 шение); Говур 1 (2—помещение № 22; 5—7—
 помещения № 8, 15); Лучин 1 (3); Тоголок 20 (4);
 Тоголок 25 (6); Тоголок 7 (7).

Таблица V. Марсиана. Каменные, керамические (3) и металличе-
ские (29) изделия. Аучи I погребение № 4 (1);
Гонур I (2-5, 7-17, 21, 23) с поверхности Тоголок
91 (6, 20, 22) с поверхности, а 22 — из помещения
№ 65; Тоголок 13 (19); Аучи I (18).

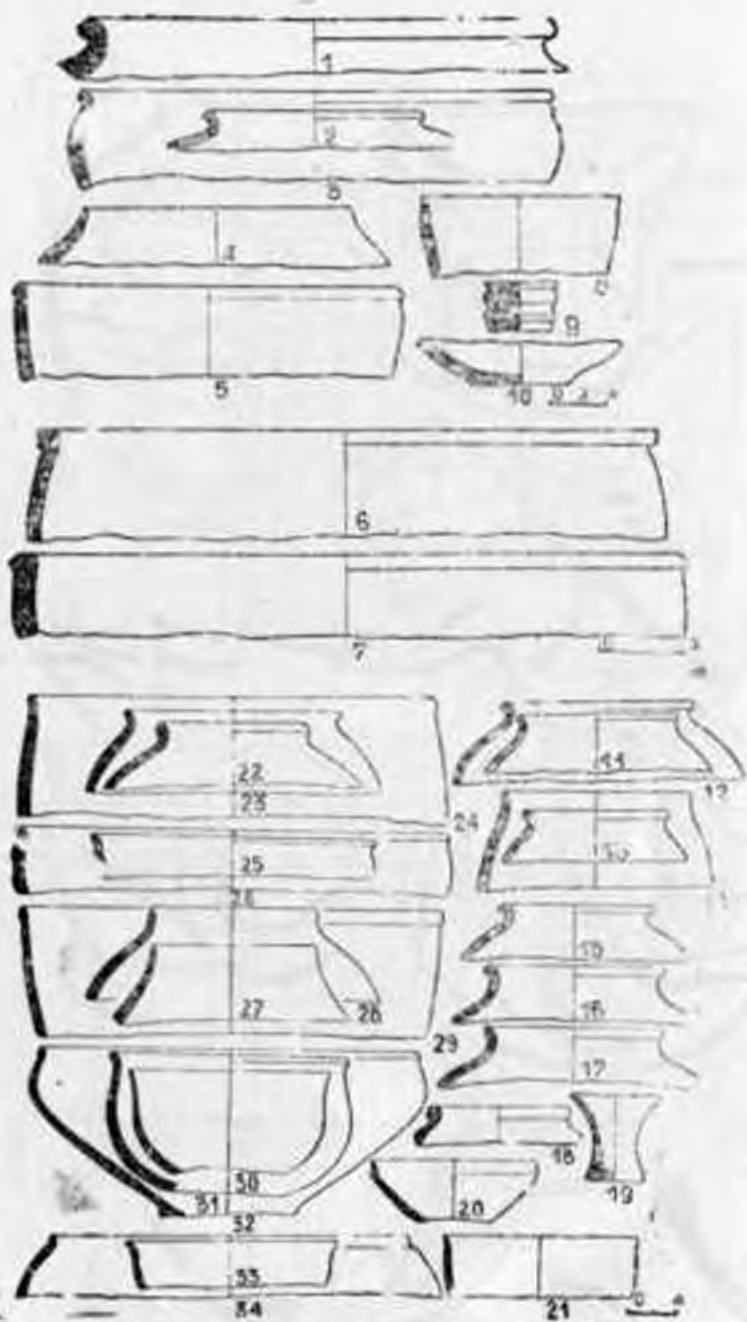

Таблица VI. Гонур I. Шурф № 1. Ярус I (1-7), ярус II (11-34).

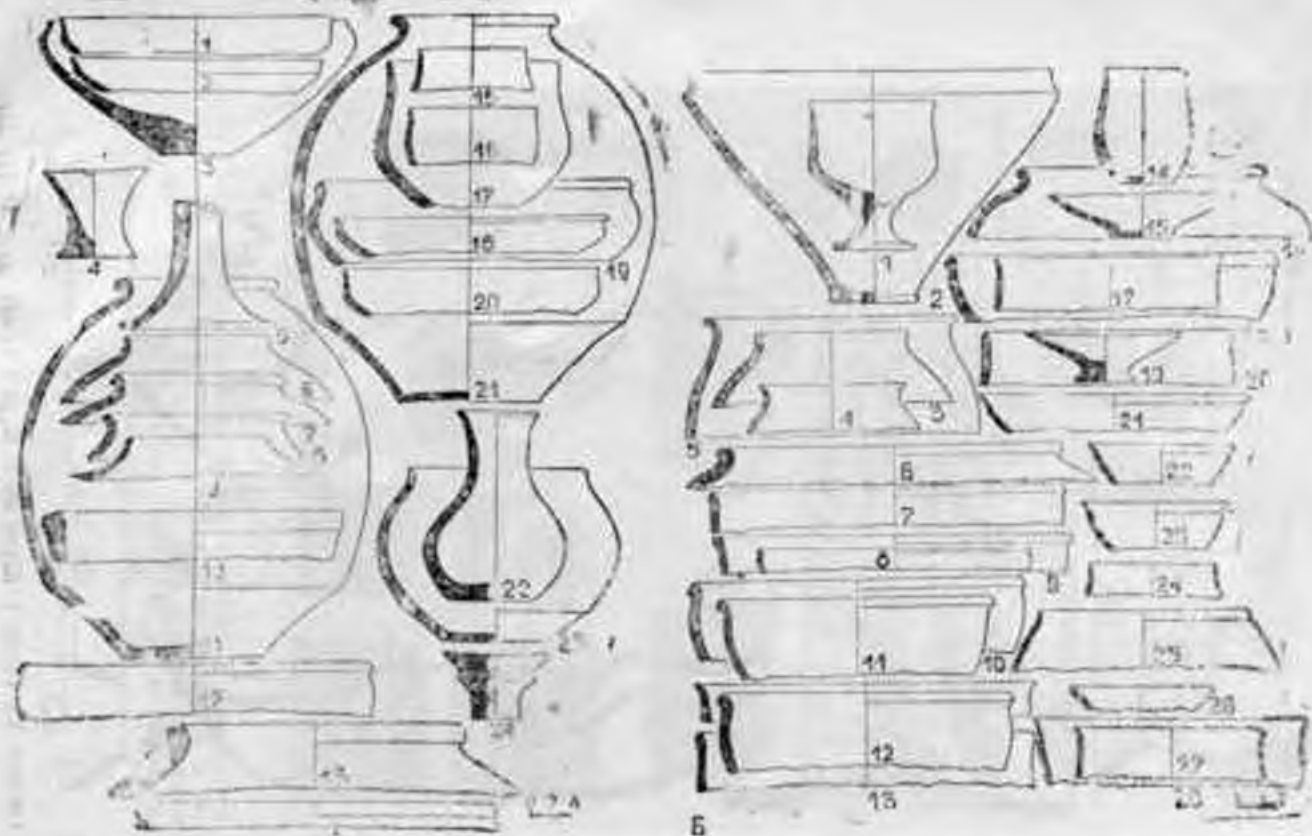

Таблица VII. Гонур-1. Шурф № 1. Ярус II (А) и ярус III (Б).

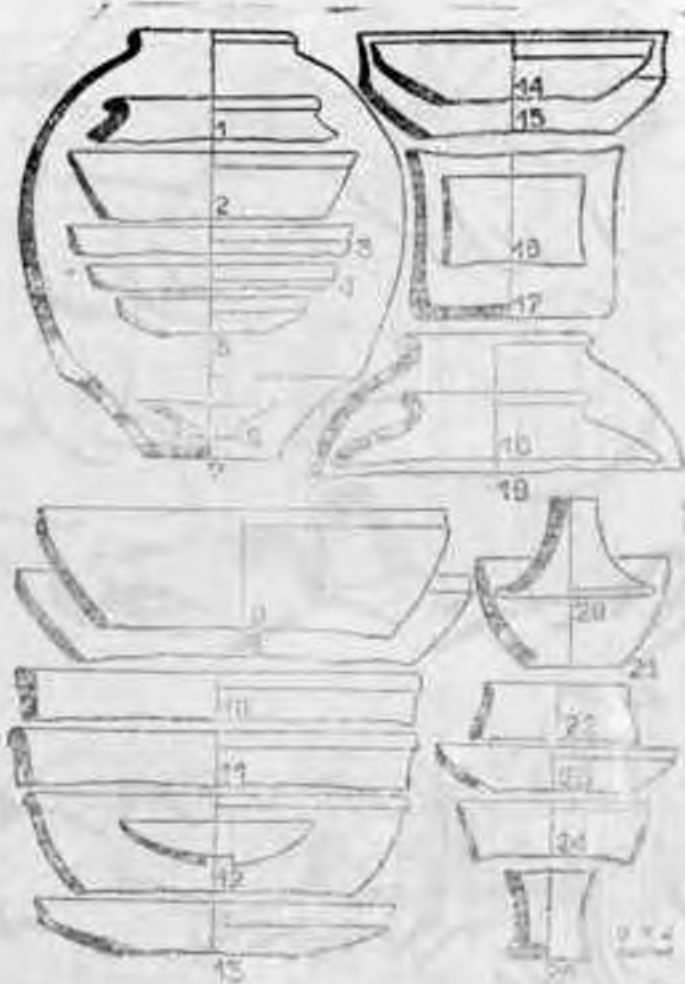

Таблица VIII. Говур 1. Шурф № 1. Ярус IV (1—25).

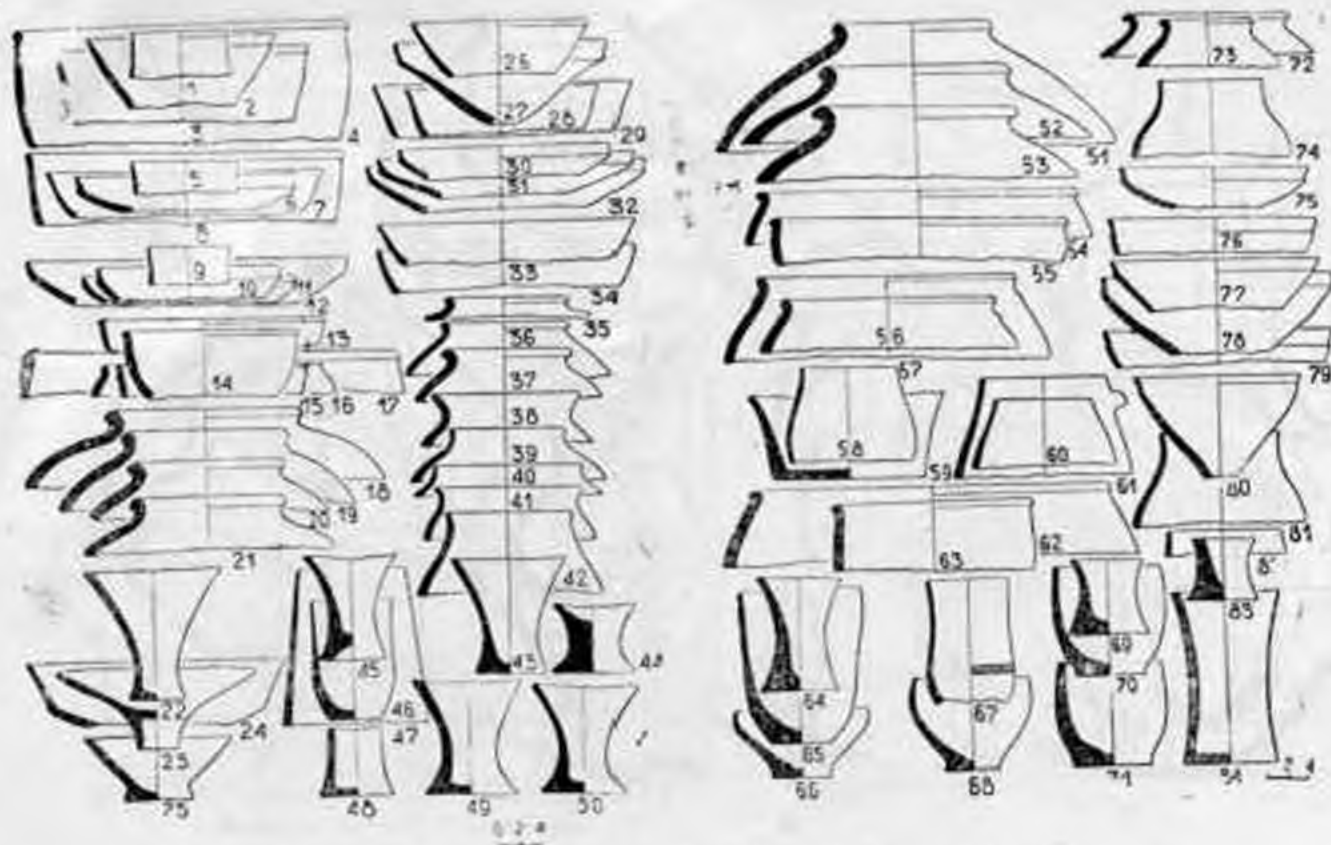

Таблица IX. Гонур I, Шурф № 1. Ярус V (1—34) и ярус VI (35—84).

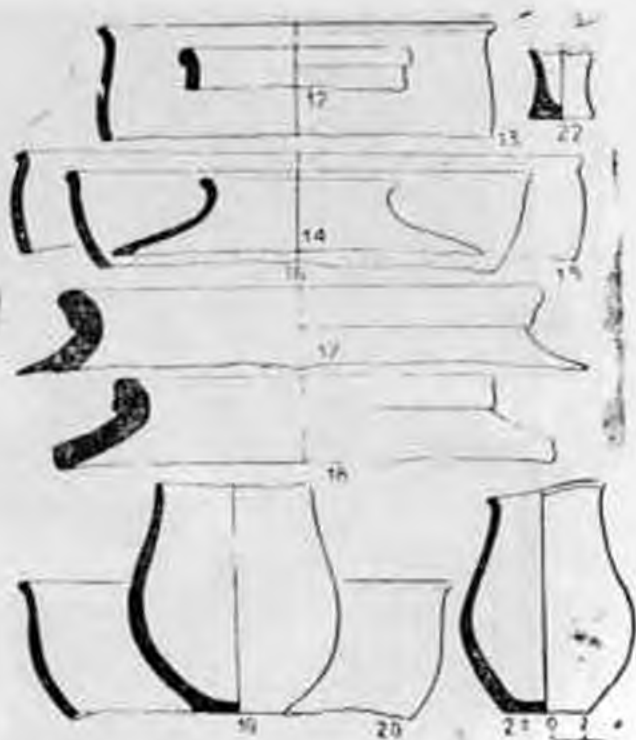
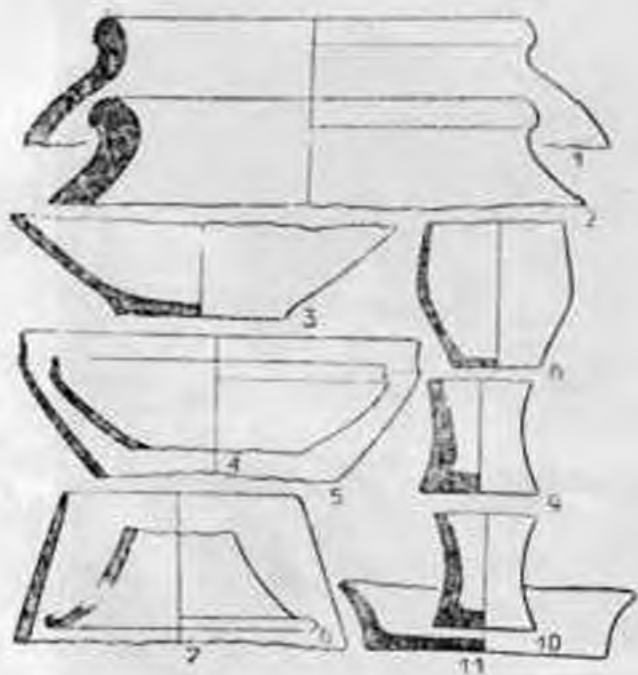

Таблица X. Гонур I. Шурф № 1. Ярус VII (1—11). Шурф № 2, Ярусы I—II (12—22).

Таблица XI. Группы 1. Различные этапы: 1 — осыпной коридор; 2 — жилая коридор;

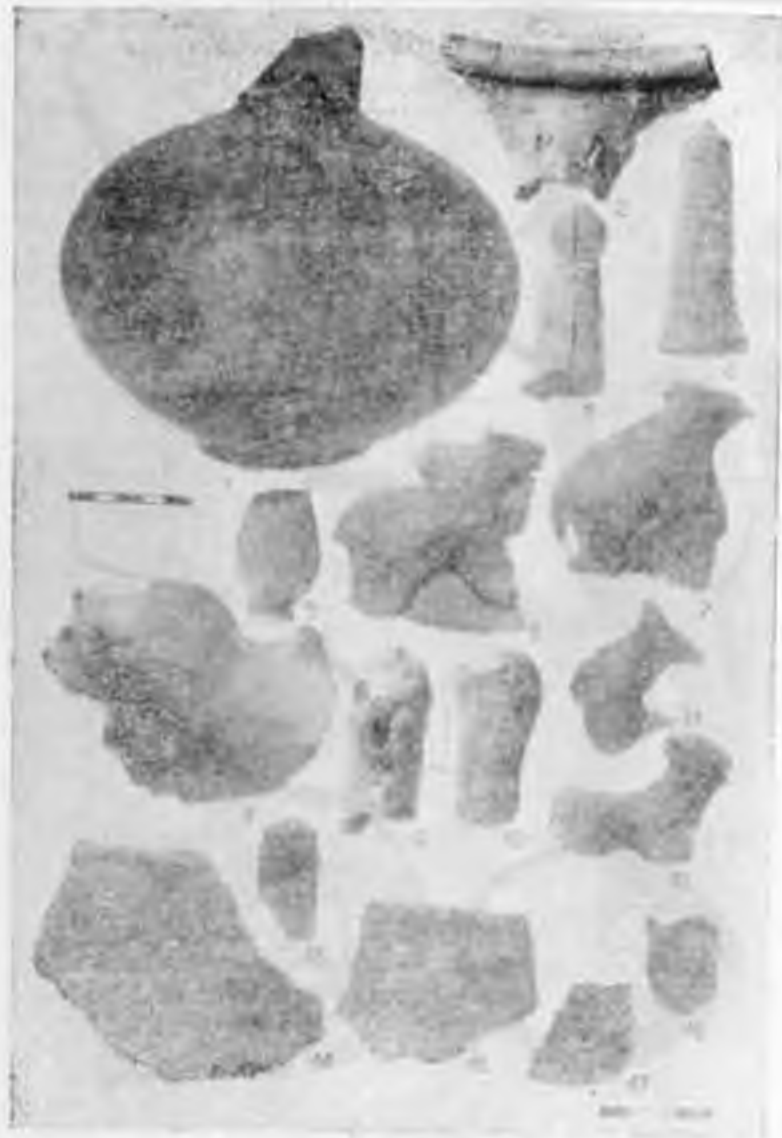

Таблица XII. Миссия. Керамика и верховские изделия. Гонур 1 (1 — помещение № 24; 2, 4—5, 8—10, 14—15 — дельта керамика андроновского типа; 13, 16—17 — фрагменты стеганых флажков). Лучин 1 (3); Топка 2) (6—7, 11—12 — помещение № 4).

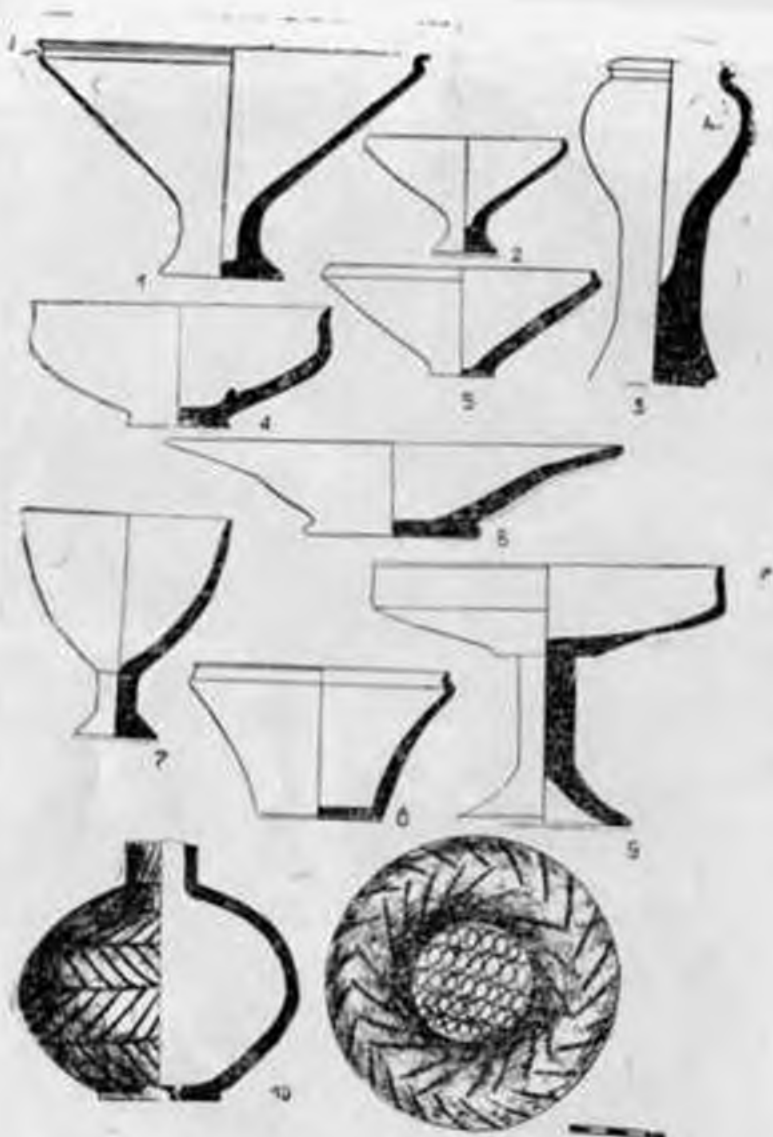

Таблица XIII. Гонур I. Керамика из раскопок кремля (1—помещение № 28; 2, 7—помещение № 17; 3—помещение № 14; 5, 8—помещение № 30; 6, 9—помещение № 32; 10—помещение № 29; 4—шероховатость поверхности).

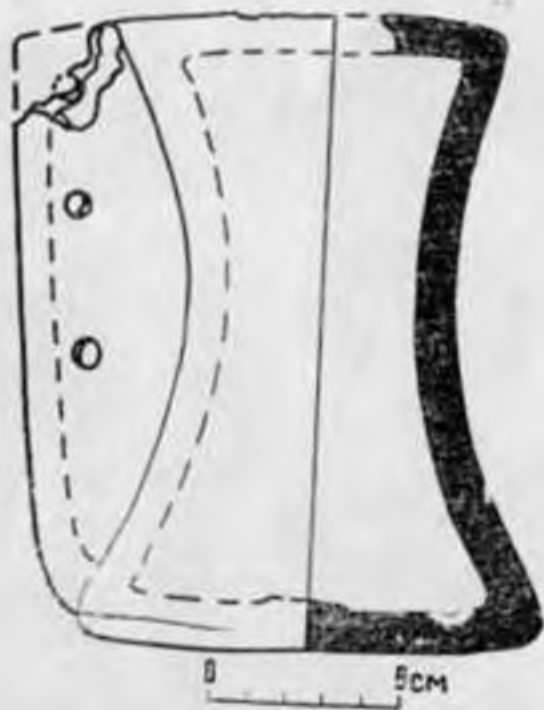

Таблица XIV. Марензия, Гокур. Е. Керамика из помещения № 14.

Таблица XV. Маргана. Керамика (сливы и ритуальные фигурки).
 Горлоок 21. 1 — помещение № 143; 3-6 — поверхность; 7 — помещение № 120.

Таблица XVI. Маргиана. Антропоморфные статуэтки. Тосылик 1 (1); Тоголак 5 (4); Гошур 1 (2-3, 5-13, 21-22, 24-27 — поверхность; 20 — помещение № 7; 23 — помещение № 4).

Таблица XVII. Говур 1. Антропоморфные статуэтки (1—4—помещение № 4; 3—4, 6—9—поверхности; 5—помещение № 23; 10—помещение № 28).

Таблица XVIII. Маргиана. Антропоморфные статуэтки, Тоголок 1 (1); Гочур 1 (2--19). Все с поверхности.

Таблица XIX. Маргина. Антропоморфные статуэтки Тоголок 21
 (1-2—помещение № 123); Аджикви 8 (1);
 Тоголок 1 (11-12, 14); Говур 1 (3-4, 6-7, 9,
 16); Тоголок 5 (13); Тоголок 21 (5).

Таблица XX. Годур I. Антропоморфные статуэтки (1-19, 25-26 — поверхности; 20 — помещенье № 31; 21 — помещенье № 29).

Таблица XXI. Марсиана. Антропоморфные статуэтки. Тоголок 1 (1-5, 7-8, 11, 13, 15-19, 22 — поверхность; 9 — хрус III стратиграфического раскопа); Тоголок 21 (6, 10); Тоголок 5 (12, 14); Тоголок 25 (20); Тоголок 1 (21 — хрус III стратиграфического раскопа).

Таблица XXII. Маргиана. Антропоморфные статуэтки. Гонур 1 (1 — помещение № 23; 2—3 — поверхность; 5—6 — поверхность; 8 — помещение № 4; 9 — помещение № 28; 10 — помещение № 7; 12 — помещение № 29; 13 — помещение № 20; 14 — помещение № 4); То-голок 1 (4, 11, 15 — поверхность); Гонур 1 (7 — поверхность).

Таблица XXIII. Маркиана. Зооморфные статуэтки и печати-амулеты. Тоголок 1 (6-7, 10, 12-14, 16 - поверхность); Тоголок 2 (2, 4, 11); Тоголок 3 (15, 17-18 - поверхность); Тоголок 6 (5); Тоголок 20 (1); Тоголок 21 (8-9 - поверхность); Гору 1 (3).

Таблица XXIV. Маргана. Зооморфные статуэтки, Гонур 1 (1—4, 6—10, 13 — поперечность; 9 — помещение № 5); Тоголок 1 (15—16); Тоголок 2 (5, 12); Тоголок 3 (11); Тоголок 4 (14).

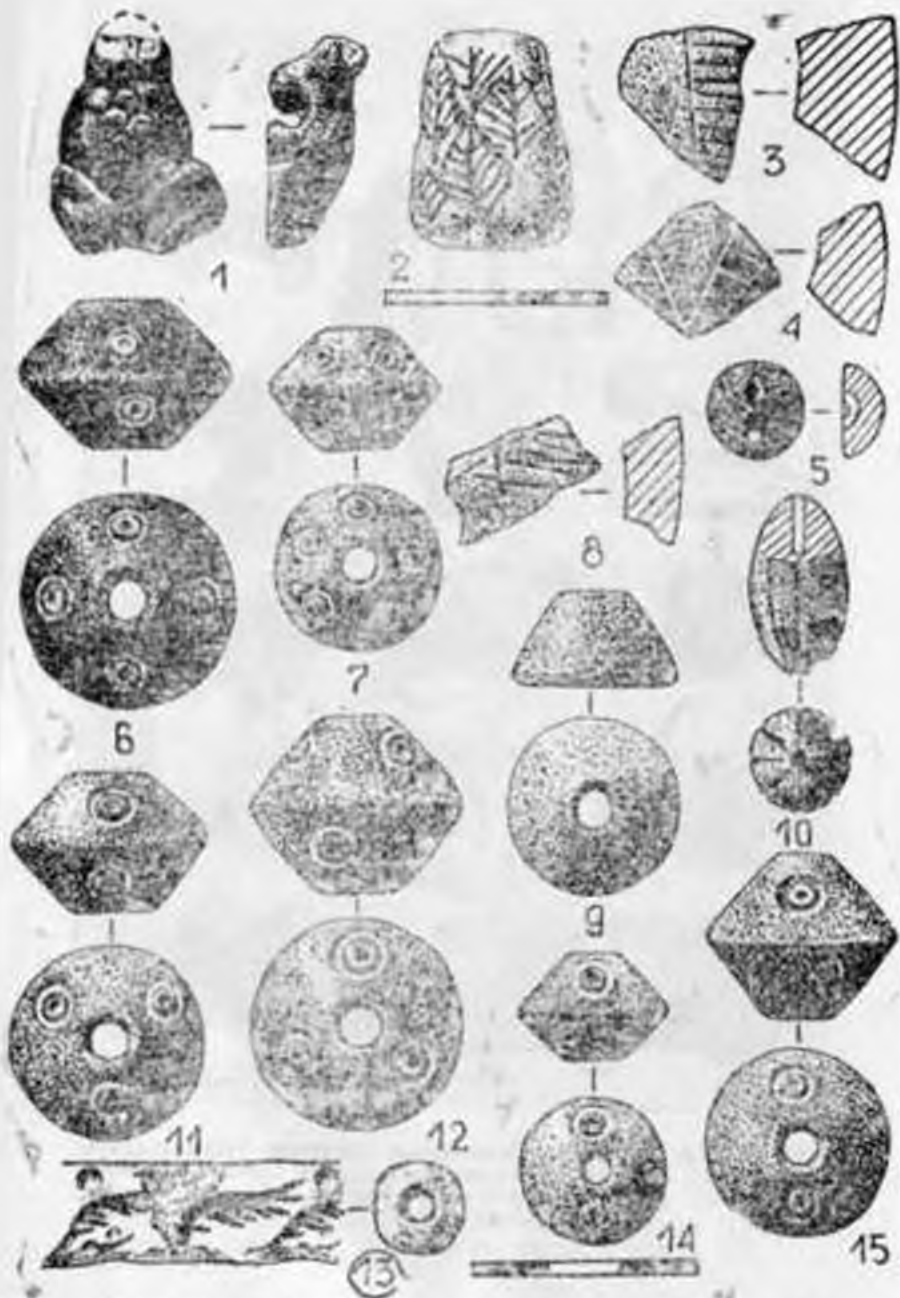

Таблица XXV. Маргана. Каменные изделия. Тоголок 1 (1, 3, 6, 13, 15); Тоголок 21 (2 — помещение № 34; 10 — поверхность); Тоголок 24 (14 — погребение № 25); Гонур 1 (4, 7, 9 — поверхность; 11 — помещение № 8); Тахирбай 3 (5); Тахирбай 7 (12).

Таблица XXVI. Марзбана. Каменные изделия в раскопки (1). Тоголок 20 (5); Тоголок 21 (1 — помещение № 40; 7 — помещение № 11; 10, 13 — поверхность); Голур 1 (2—4, 6, 8—9, 11—12, 14—16 — поверхность).

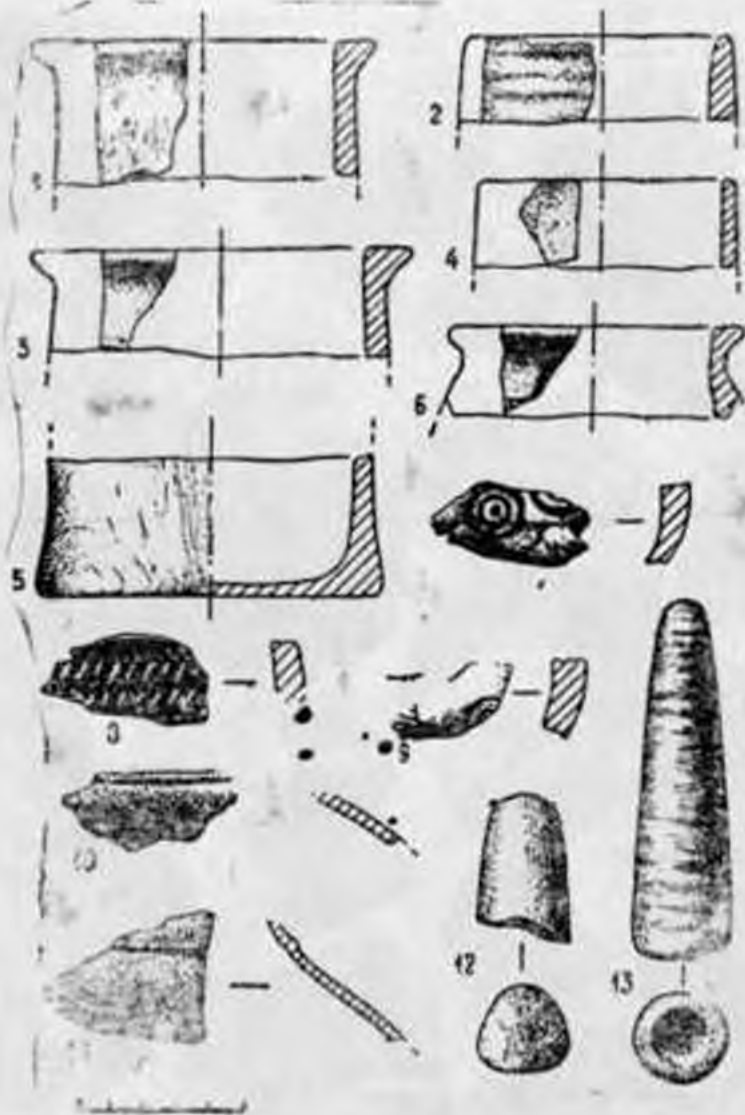

Таблица XXVII. Маргьяна. Каменные изделия. Тоголок 1 (1, 4, 7, 9 — поверхность); Тоголок 8 (10—11); Тоголок 15 (3, 6); Тоголок 25 (2), Тоголок 2 (12); Тахирбай 3 (13 — раскол 11, помещение № 1); Гонур 1 (5); Лучин 1 (5).

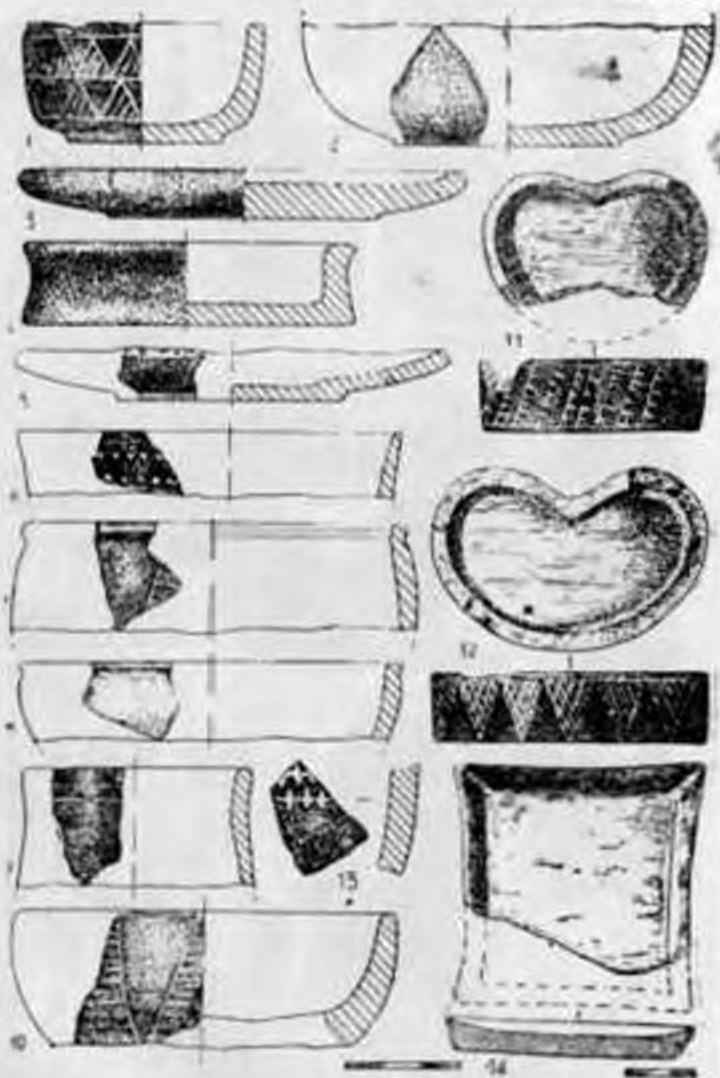

Таблица XXVIII. Маргана. Каменные сосуды. Гонур 1 (1—помещение № 35; 2, 6—7, 9—10—поверхность; 11—помещение № 16); Тоголок 2 (12); Тоголок 20 (3, 5, 8); Тоголок 21 (13—поверхность; 14—помещение № 198); Гонур 1 (4—раскол 1; помещения № 36).

Таблица XXIX. Марзлыца. Различные изделия. Тоголок 15 (6 — поверхность); Тоголок 21 (1 — помещение № 160; 2 — погребение № 30; 3 — помещение № 172; 4 — погребение № 51; 7 — поверхность; 8 — помещение № 148); Гонур 1 (10 — поверхность; 9 — помещение № 9; 11 — помещение № 17; 13 — помещение № 4; 14 — помещение № 20).

Таблица XXX. Марсиана. Каменные изделия. Тоголок 2 (29); Тоголок 10 (4); Тоголок 15 (28); Тоголок 20 (17); Тоголок 21 (21-24); Тоголок 25 (1). Все остальные изделия—Гор. 1 (с поверхности).

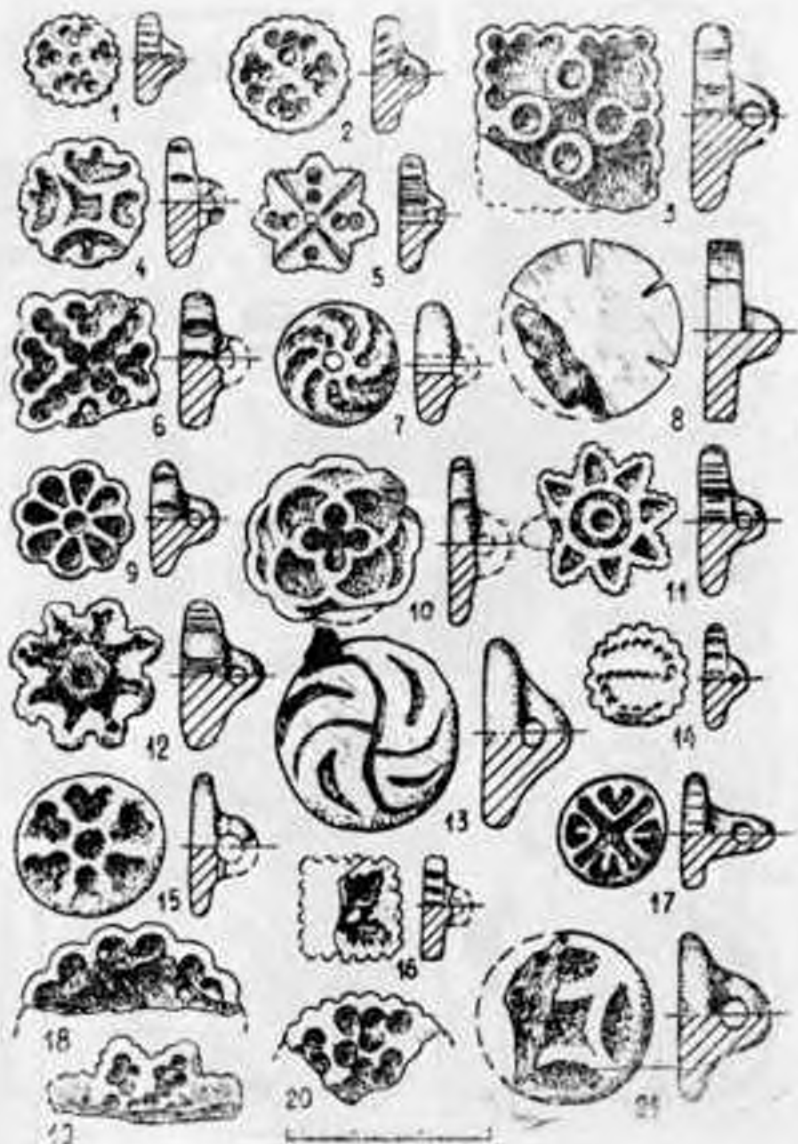

Таблица XXXI. Маргана. Каменные печати-амулеты. Тоголок 9 (14); Тоголок 21 (1, 6-7, 9, 12, 16, 19 — поверхности; 4 — помещения № 61); Тоголок 24 (8 — погребение № 10; 2 — погребение № 7); Тахирбай 3 (18); Ганур 1 (10-11, 13, 18, 19, 20-21).

Таблица XXXII. Маршана Печати-амулеты. Голур 1 (1-3, 5-6); Того-
лок 21 (4 — северный холм).

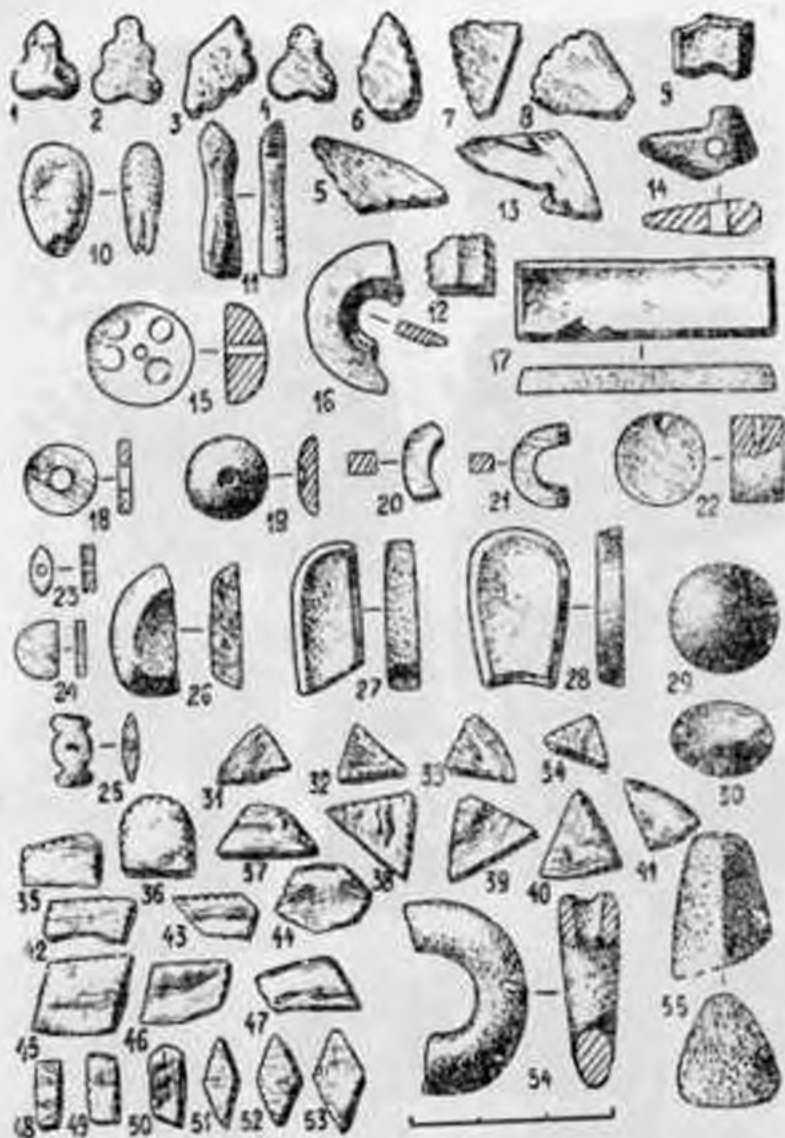

Таблица XXXIII. Маргана. Каменные изделия. Тоголок I (8, 12, 14);
 Тоголок II (55); Тоголок 15 (19, 24, 29-30); Тоголок
 21 (1-7—поверхность; 22—помещение № 186; 31-53—
 погребение № 27; Гонур I (9, 11-12, 16-18, 20-21,
 25-28 — поверхность; 54—помещение № 31).

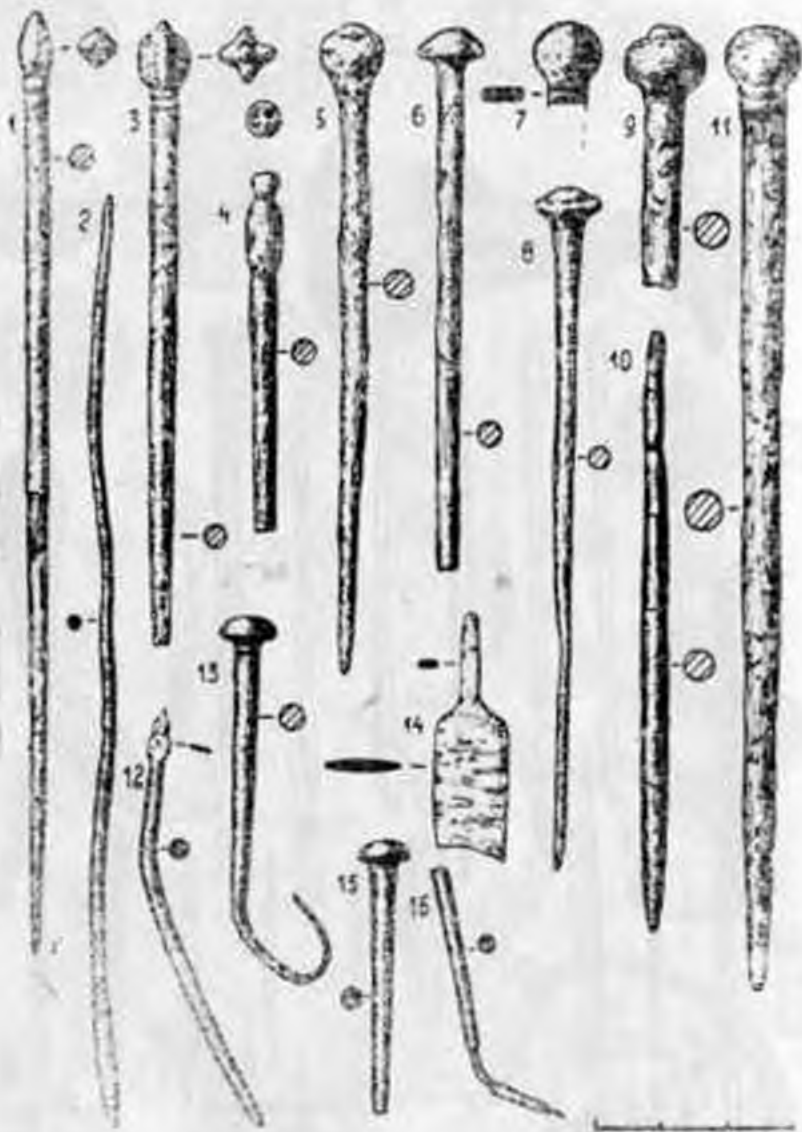

Таблица XXXIV. Маргана. Металлические изделия. Гонур I (1—8, 10—11, 12—13, 15—16 — поверхность); Тоголок 21 (5, 9, 14 — поверхность; 10 — помещение № 55; 11 — помещение № 7).

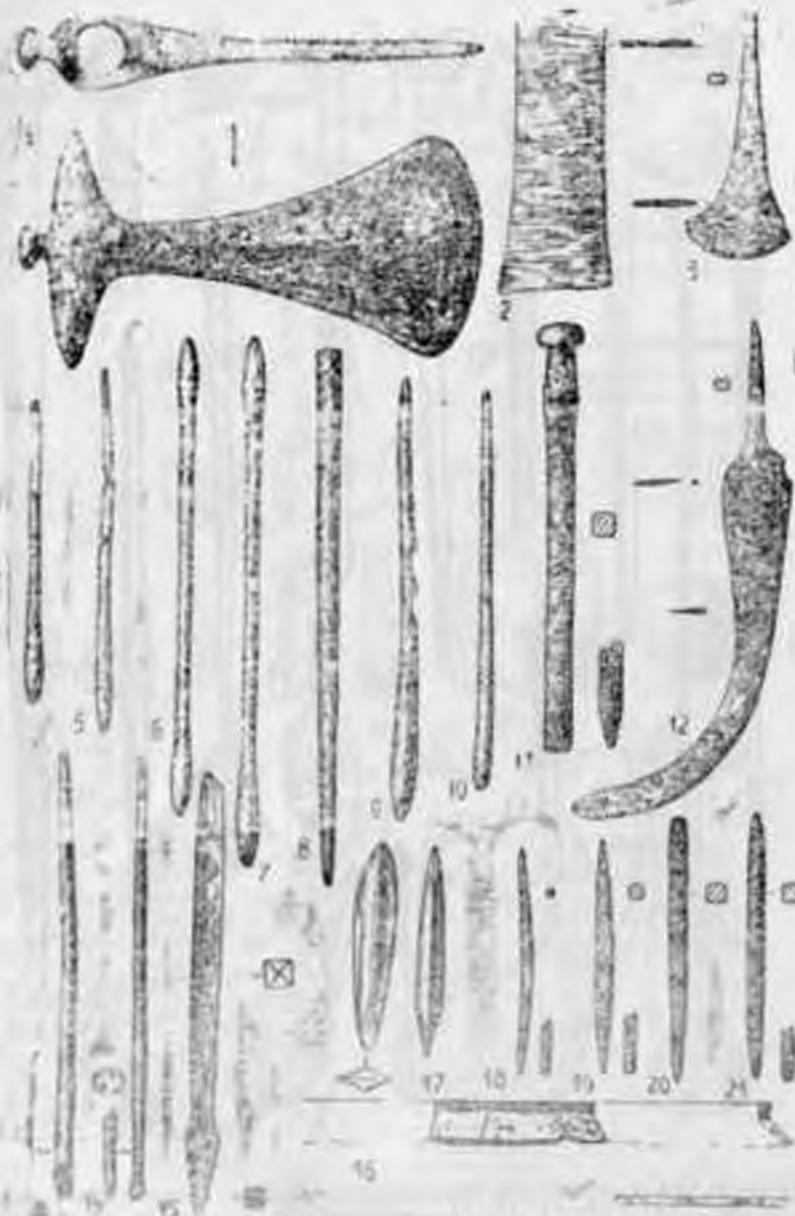

Таблица XXXV. Маргана. Металлические изделия. Тоголок 1 (14, 21); Тоголок 21 (1 — помещение № 75; 4, 6, 9, 15 — поверхность; 12 — помещение № 25; 17 — погребение № 35; 18 — помещение № 127; 21 — помещение № 140); Тоголок 24 (8, 10, 13 — поверхность); Гонур 1 (2—3, 5, 11, 16, 19—20 — поверхность; 7 — помещения №16).

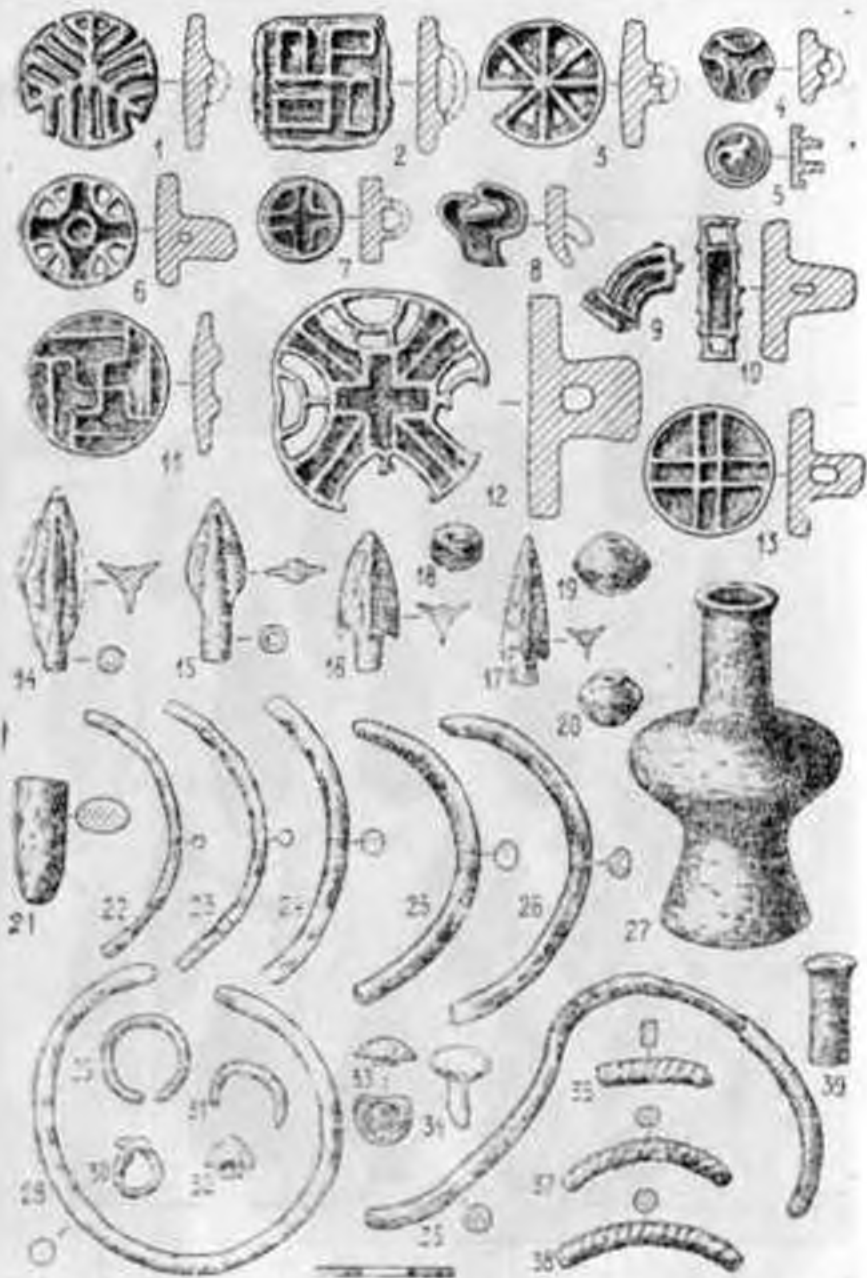

Таблица XXXVI. Маргана. Металлические изделия. Гонур I (1-10, 13, 19, 23, 29-30, 32-33, 36-37, 39 — поверхности; 12 — помещение № 4; 30-21 — помещение № 21); Тоголок 21 (18 — помещение № 33; 11, 25-26, 31, 34, 38 — поверхность; 22 — помещение № 25; 24 — помещение № 34); Тоголок 24 (27-28 — погребение № 7; 35 — поверхность); Тахирбай 3 (14, 16-17 — поверхность); Тахирбай 2 (15).

Таблица XXXVII. Маргана. Кремневые наконечники стрел, Гонур
 1 (1-22); Тоголок 1 (23-25); Тоголок 21
 (27-33).

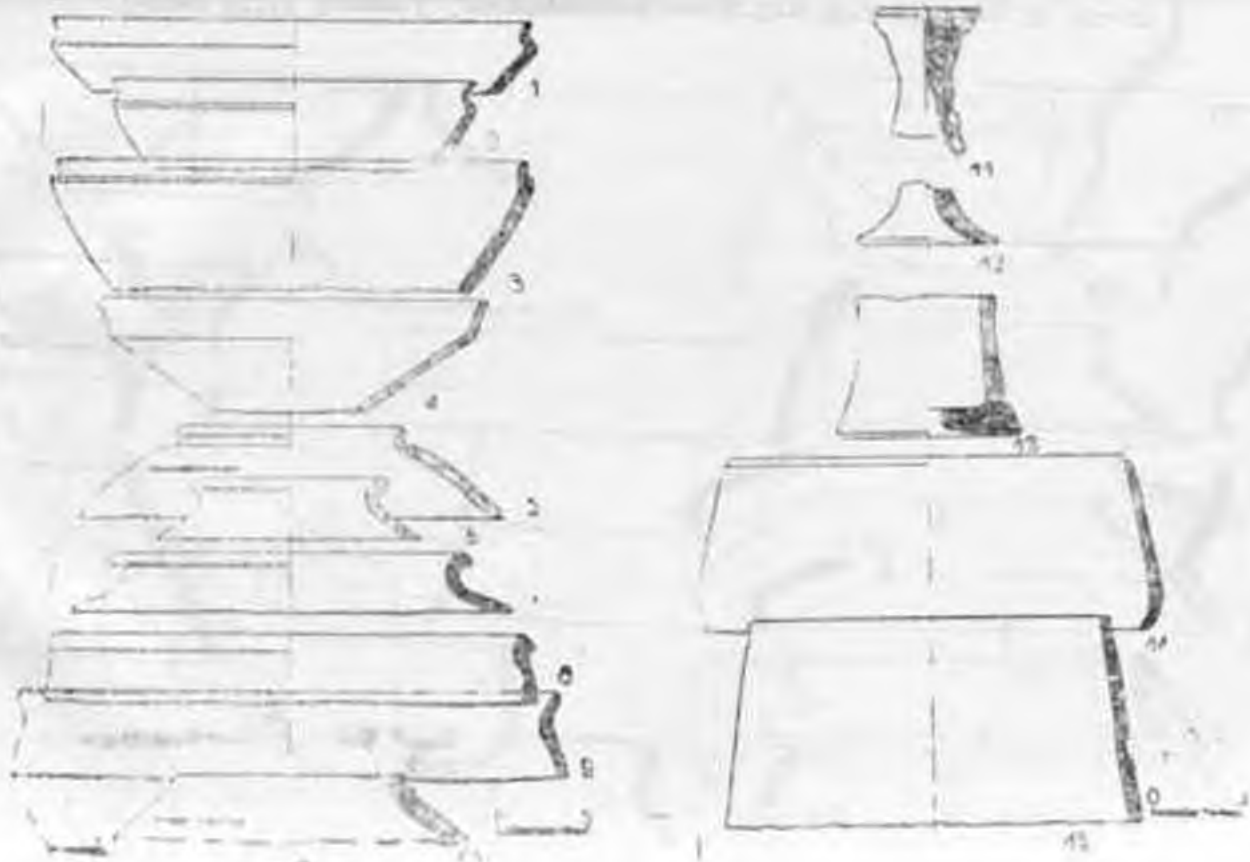

Таблица XXXVIII. Тоголок 1. Стратиграфический раскоп. Ярус 1 (1—15).

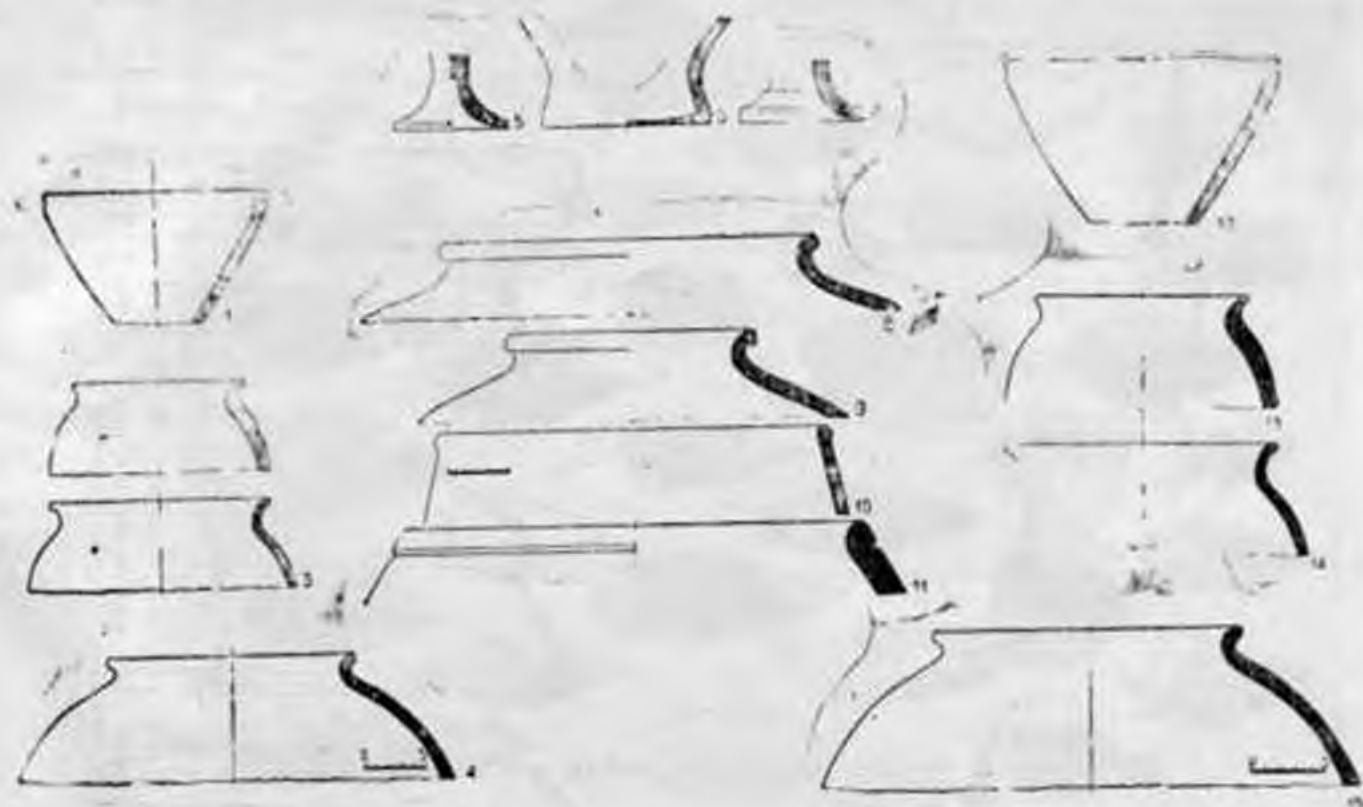

Таблица XXXIX. Тоголок 1. Стратиграфический раскоп. Ярус II (1—11) и ярус III (12—15).

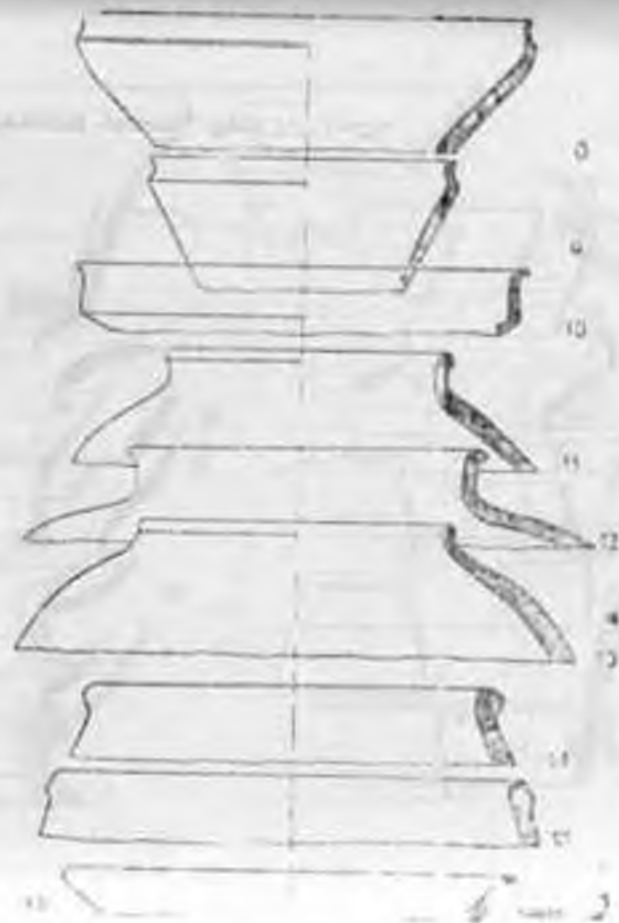

Таблица XL. Тоголок I. Стратиграфический разрез. Ярус III (1—12).

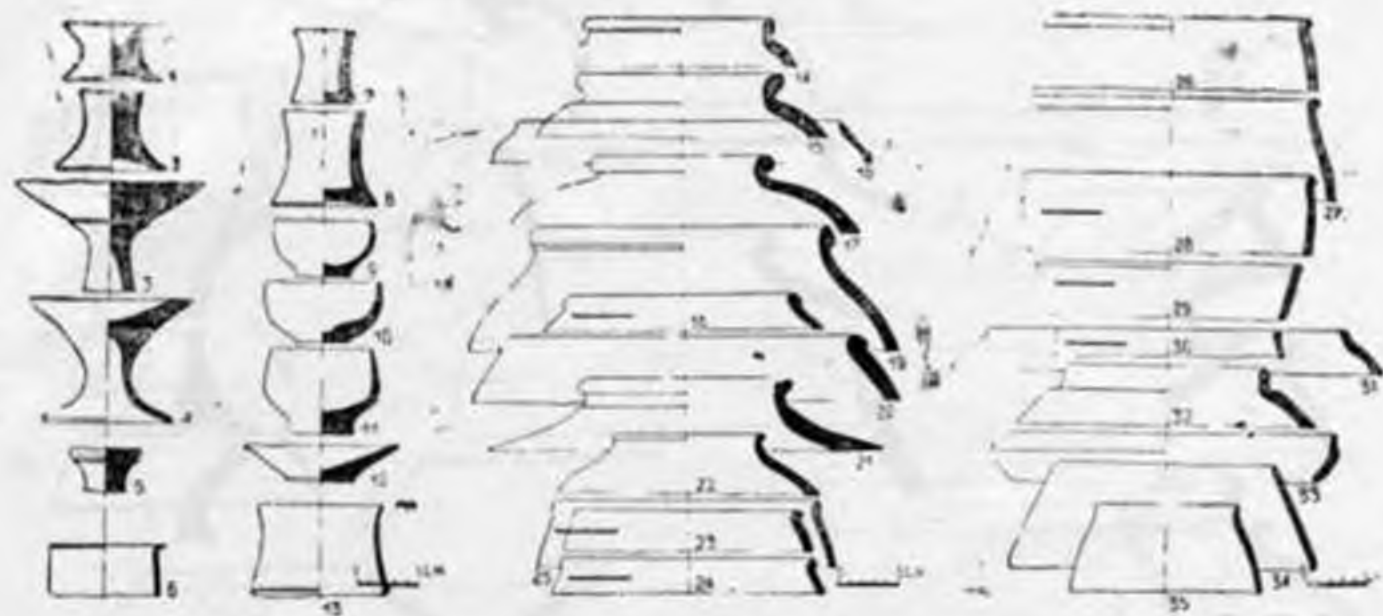

Таблица ХLI. Тоголок 1. Стратиграфический раскол. Ярус IV (1—35).

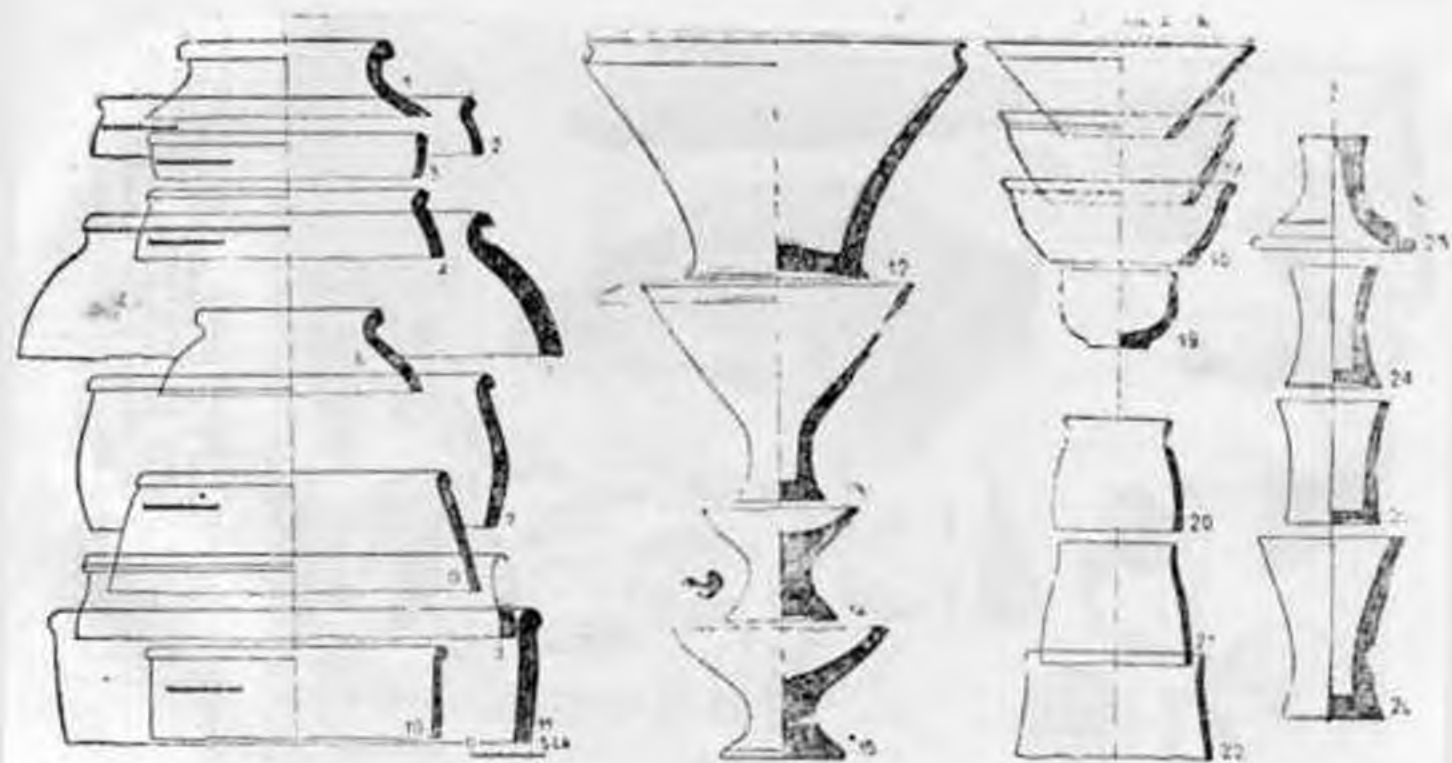

Таблица XLII. Тоголок 1. Стратиграфический раскоп. Ярус V (1-26).

Таблица XLIII. Мартынов. Различные изделия из камня и керамики (8). Тоголок 1 (1-2—стратиграфический раскол, ярус VI; 4-5, 7—поверхность); Тоголок 10 (6); Тоголок 15 (9, 11); Лущин 1 (8—погребение № 3); Гоур 1 (3); Тоголок 8 (12); Тоголок 21 (10—погребение № 59).

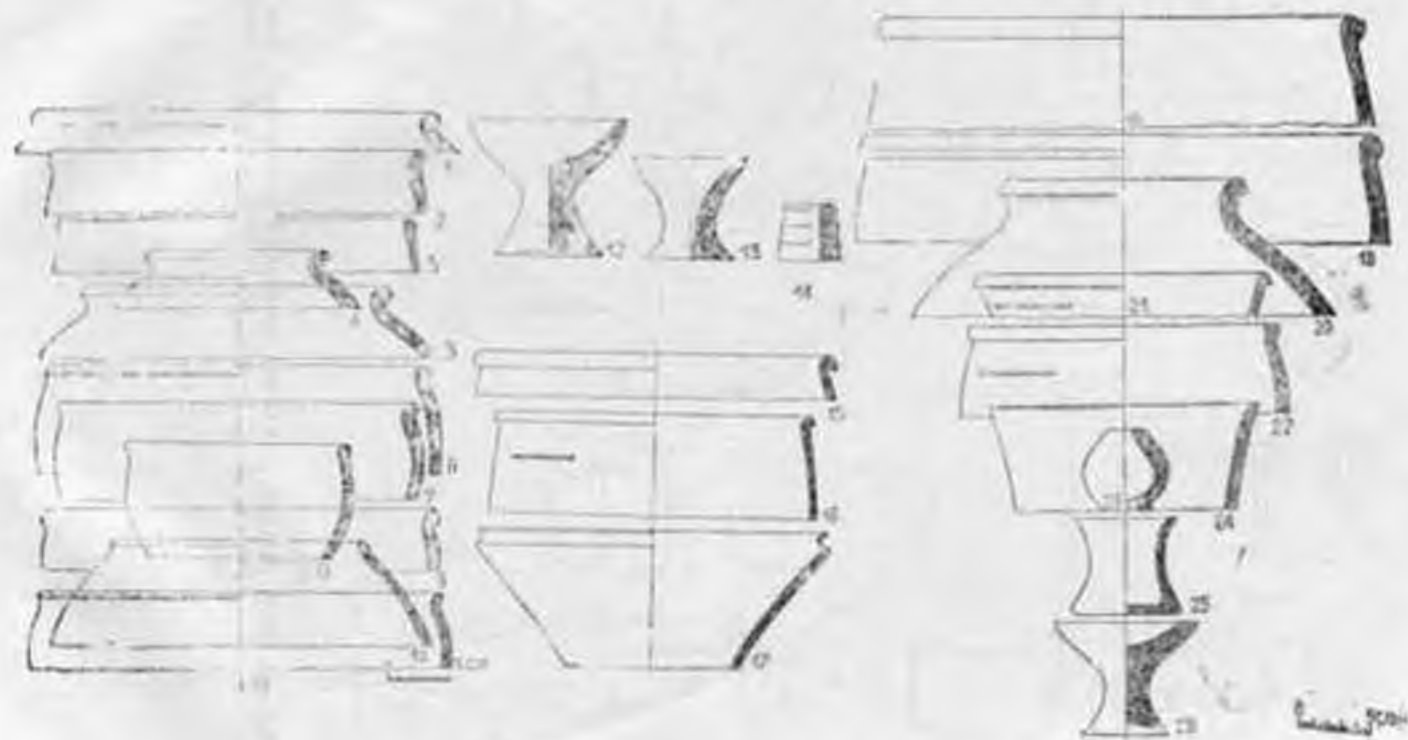

Таблица XLIV. Топодем 1. Стратиграфический раскоп. Ярусы VI—VII

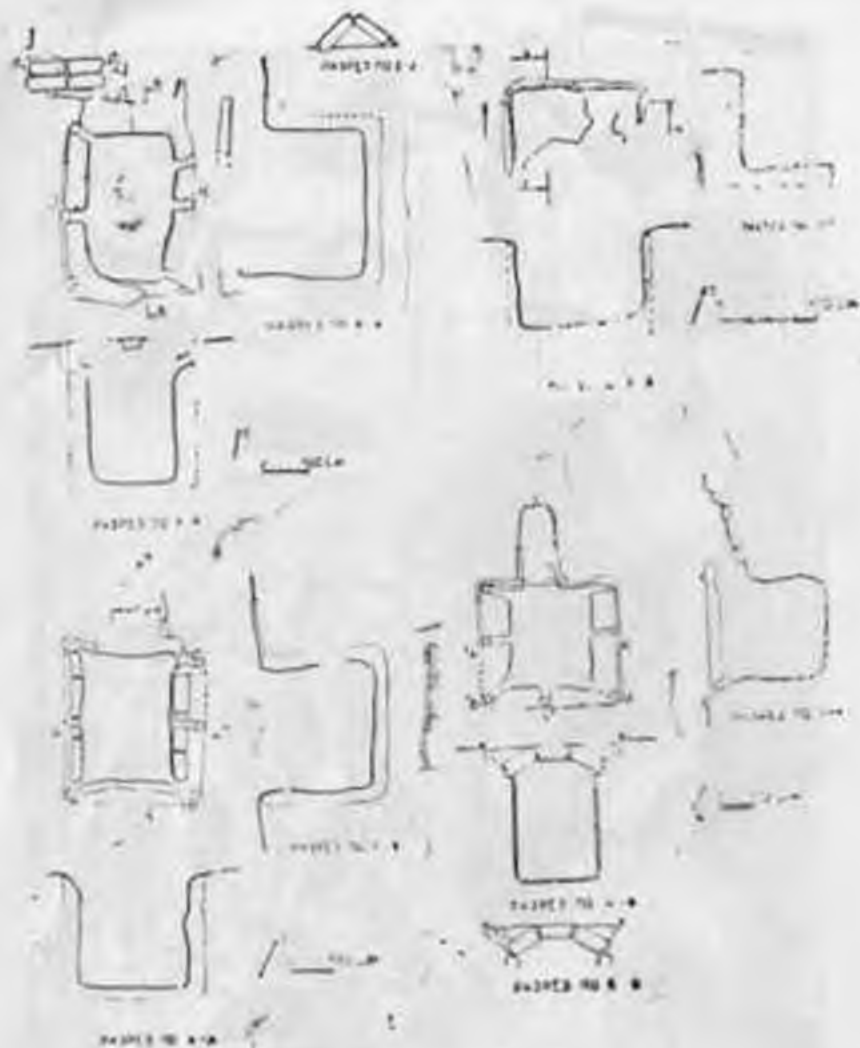

Таблица XLV. Тоголок 1. Южный квартал. Керамические печи:
 1—печь № 1; 2—печь № 2; 3—печь № 3; 4—печь
 № 4.

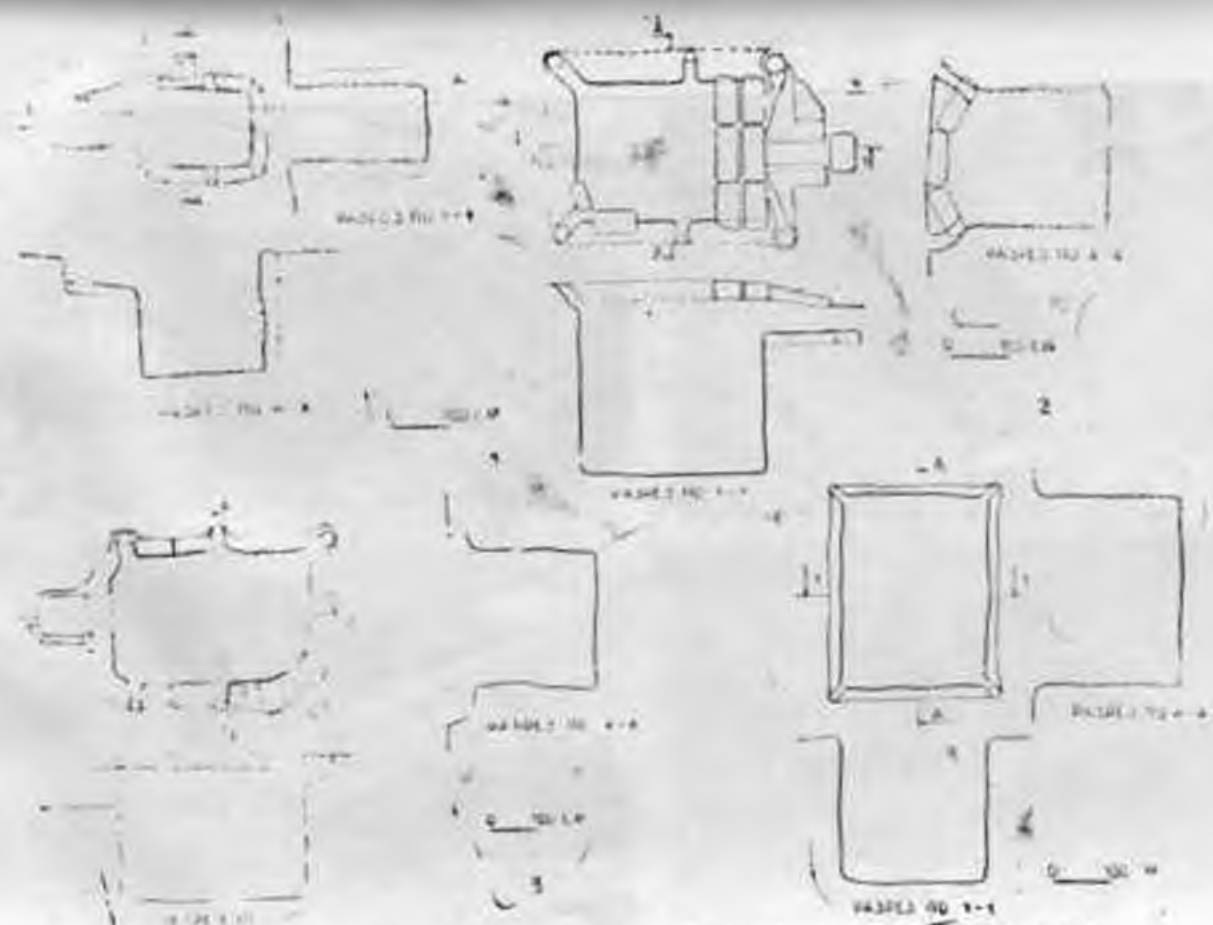

Таблица XLVI. Тоголок. 1. Северный квартал. Керамические печи: 1—печь № 5; 2—печь № 6; 3—печь № 7; 4—печь № 10.

Таблица XLVII. Тотское I. Керамические горны.

Таблица XLVIII. Маргиана. Каменные, керамические, металлические (16) изделия и раковина (15). Тоголок 21 (1, 9-10—поверхность; 4—помещение № 170; 3—помещение № 175; 2—помещение № 168; 5—поверхность; 11—помещение № 136; 12—погребение № 59; 13—помещение № 68; 14—помещение № 128; 15—помещение № 40; 16—разрушенное погребение № 59). Тоголок 15 (7); Гонур 1 (5, 8).

Таблица XLIX. Тоголок 1. Культный (1) и другие сосуды.

Таблица L. Маргана. Различные изделия. Голур 1 (1-7, 10—поверхность); Тоголок 1 (8); Тоголок 21 (9—помещение № 55); Тоголок 24 (12—ангребение № 30); Тоголок 28 (11).

ТОГОЛОК 21/85/
ПЕЧЬ N

РАЗРЕЗ Б

4

РАЗРЕЗ А-А

0 5M

КЕРАМИЧЕСКАЯ
ПЕЧЬ N 4

МЯЗ-84
Тоголок 21

КЕРАМИЧЕСКИЕ ПЕЧИ

2

РАЗРЕЗ Б-Б

3

0 5M

0 100M

Таблица LI. Тоголок 21. Керамические печи и амулет (4).

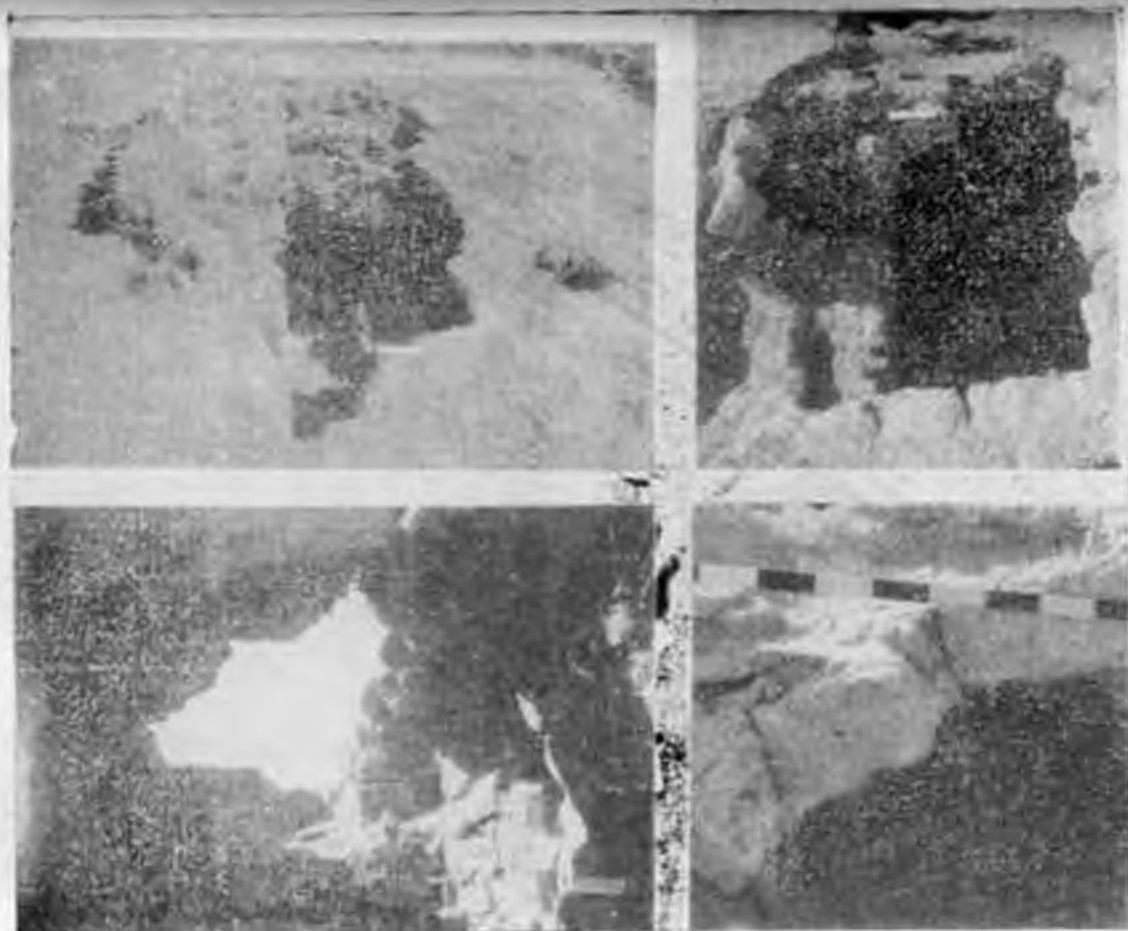

Таблица LII. Топограф. 21. Керамическе гори.

Таблиця LIII. Тоголок 21. Керамический гора.

Таблица LIV, Маргиана. Расписная керамика (1—5) и керамика андроновского типа (6—13).

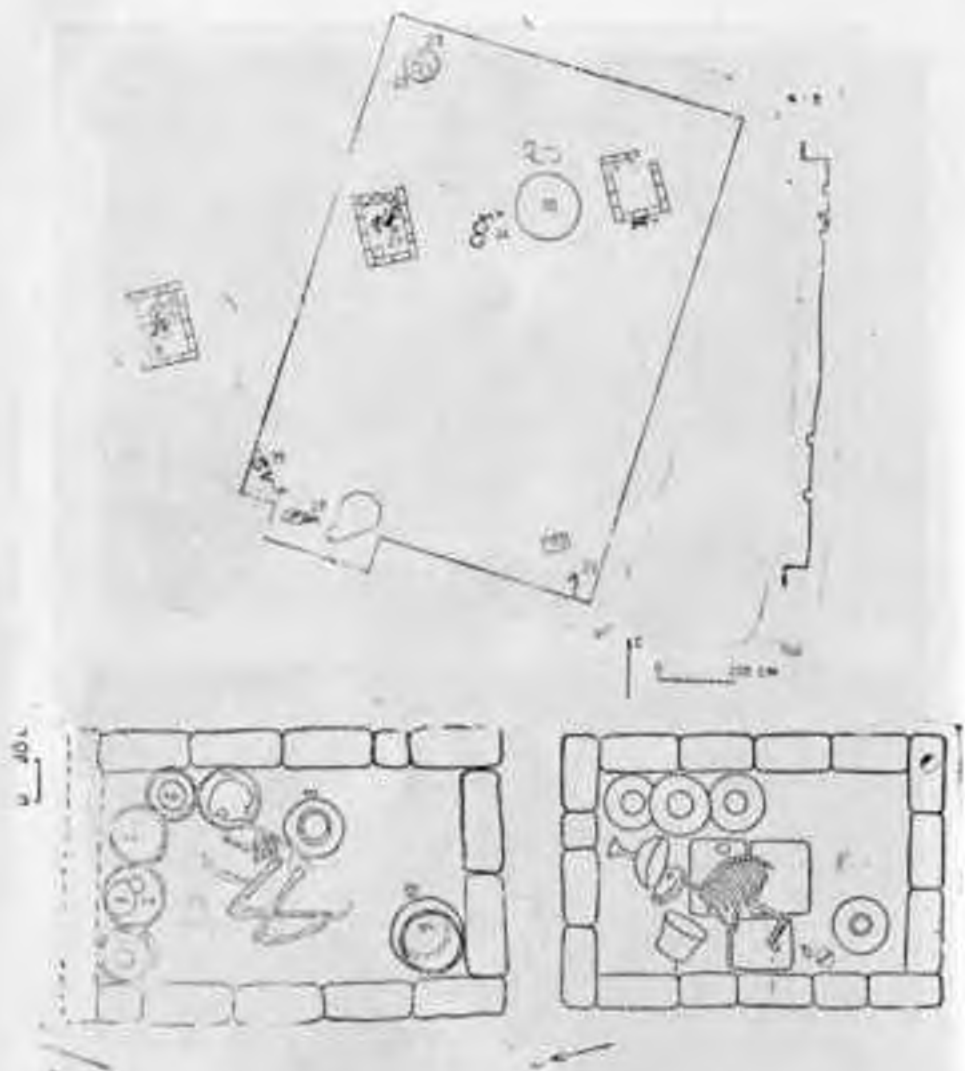

Таблица LV. Тоголок 24. Могильник: 1 — общий вид могильника; 2 — погребение № 27; 3 — погребение № 30.

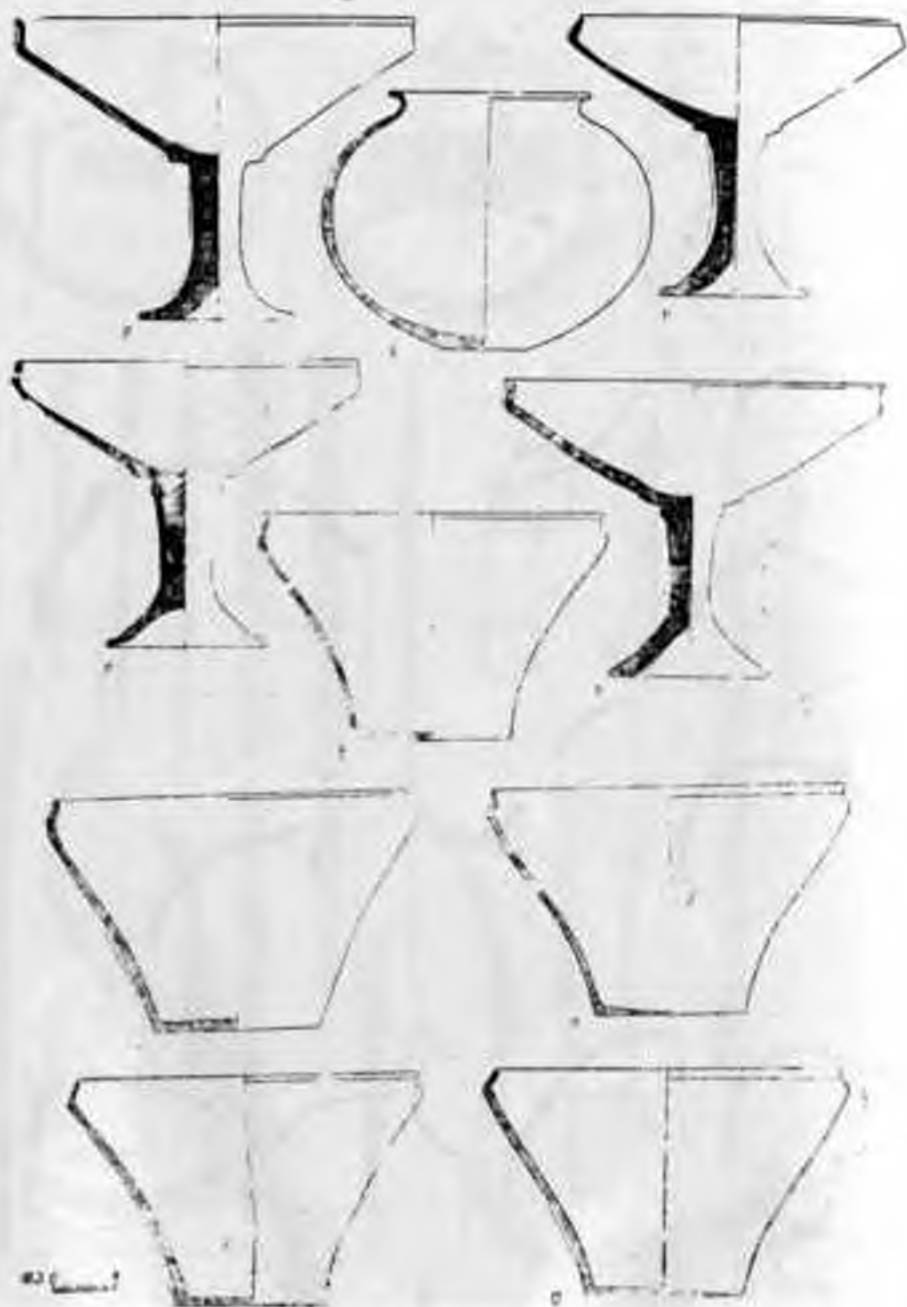

Таблица LVI. Тоголок 24. Керамика из погребення № 27.

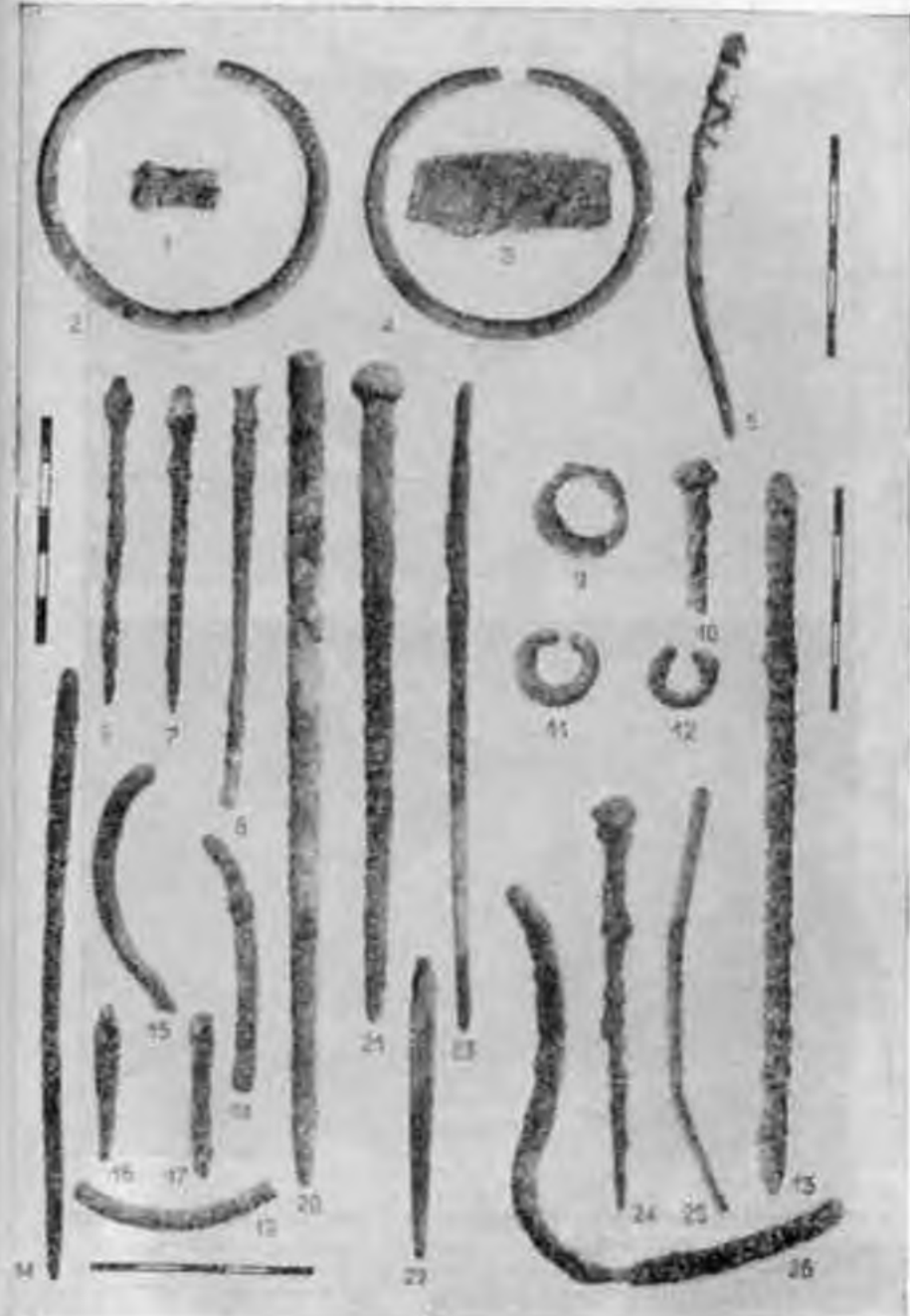

Таблица LVIII. Маренна. Металлические изделия. Тоголок 24 (1 — погребение № 30; 5, 21 — погребение № 7; 13 — погребение № 25; 9, 15—20 — поверхность); Тоголок 21 (2, 4 — погребение № 10; 3 — поверхность; 6 — погребение № 2; 7 — погребение № 54; 8 — помещение № 125; 10 — поверхность; 11—12 — погребение № 20; 23 — погребение № 51).

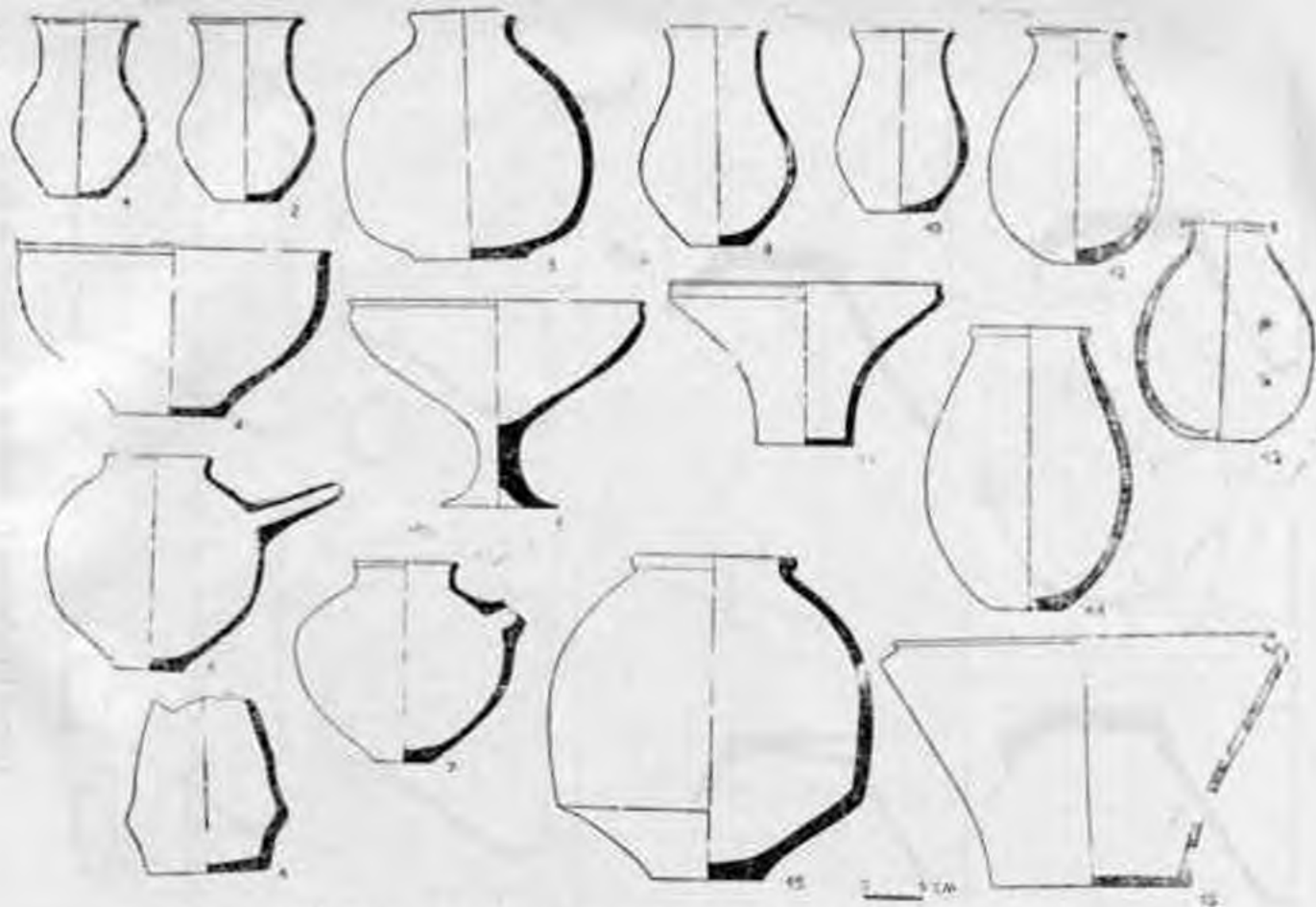

Таблица LVII. Тоголок 24. Керамика из могильника; 1—8—погребение № 1; 9—11—
погребение № 25; 12—14—погребения № 28; 15—погребение
№20; 16—погребения № 24 и 30.

Таблица LIX. Тоголык 24. Погребение № 7: 1 — после раскопок; 2 — до раскопок.

Таблица IА. Маргана, различные изделия. Голур 1 (1 — помещение № 24; 2 — помещение № 22; 3 — У-деге, поверхность); Тоголок 24 (4-5 — погребение № 30); Тоголок 31 (6 — поверхность).

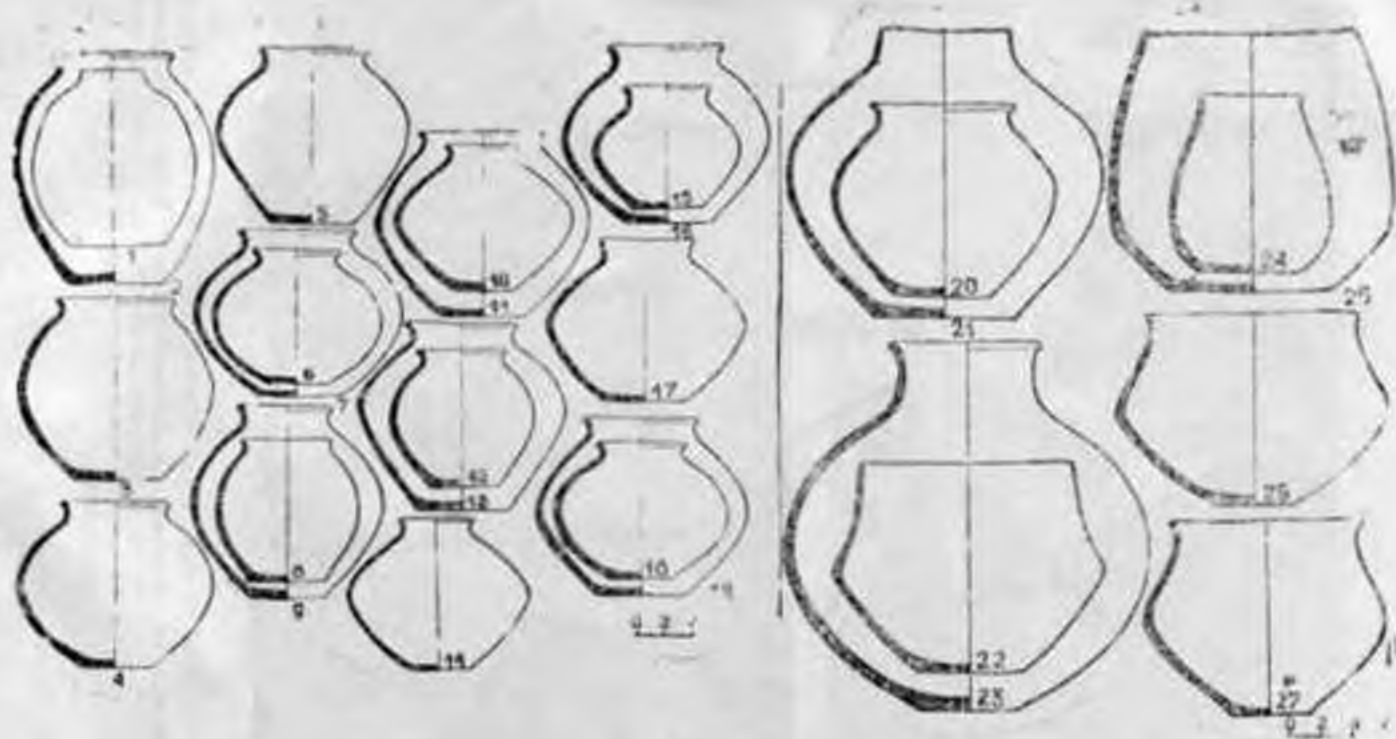

Таблица LXI. Тахирбай 3. Керамика.

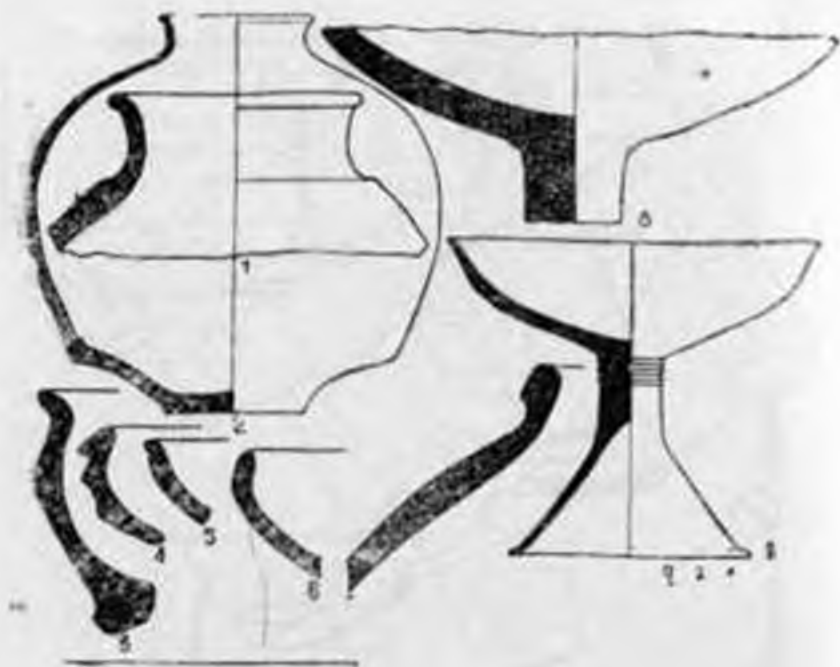
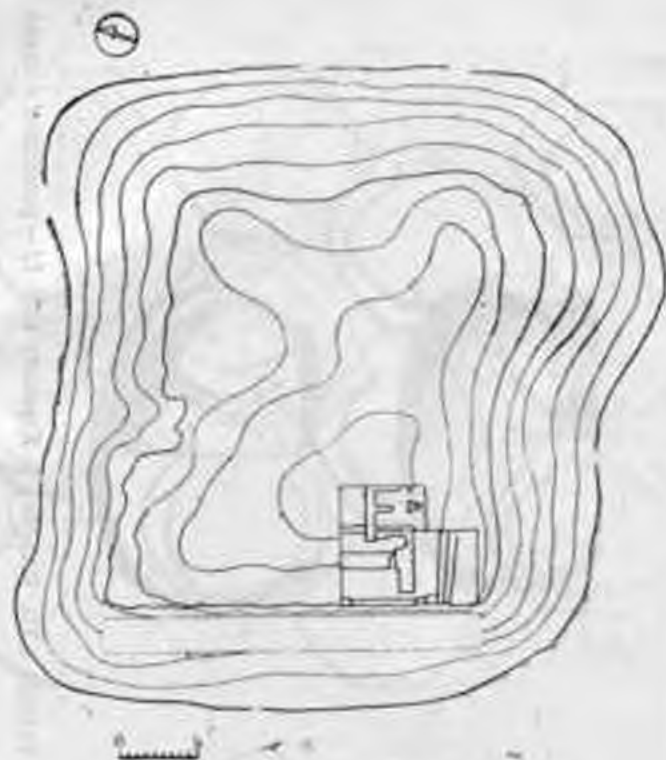
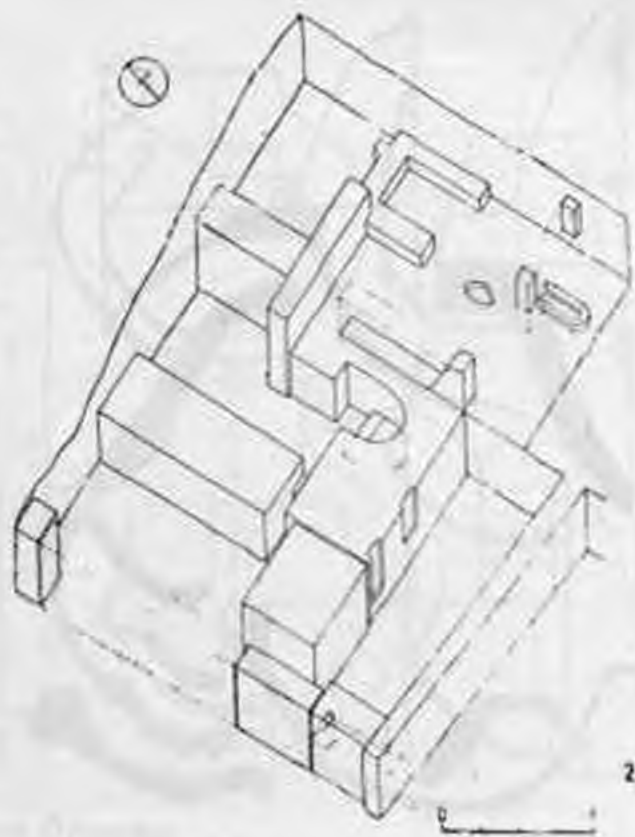

Таблица LXII. Тахирбай 3. Керамика (10—11 — расписные сосуды).

ПРОЕКЦІЯ ЧЕРЕЗ 0,5 М

Таблиця LXIII. Уч-дере, Общій план пам'ятника (1), Аксонометрик (2).

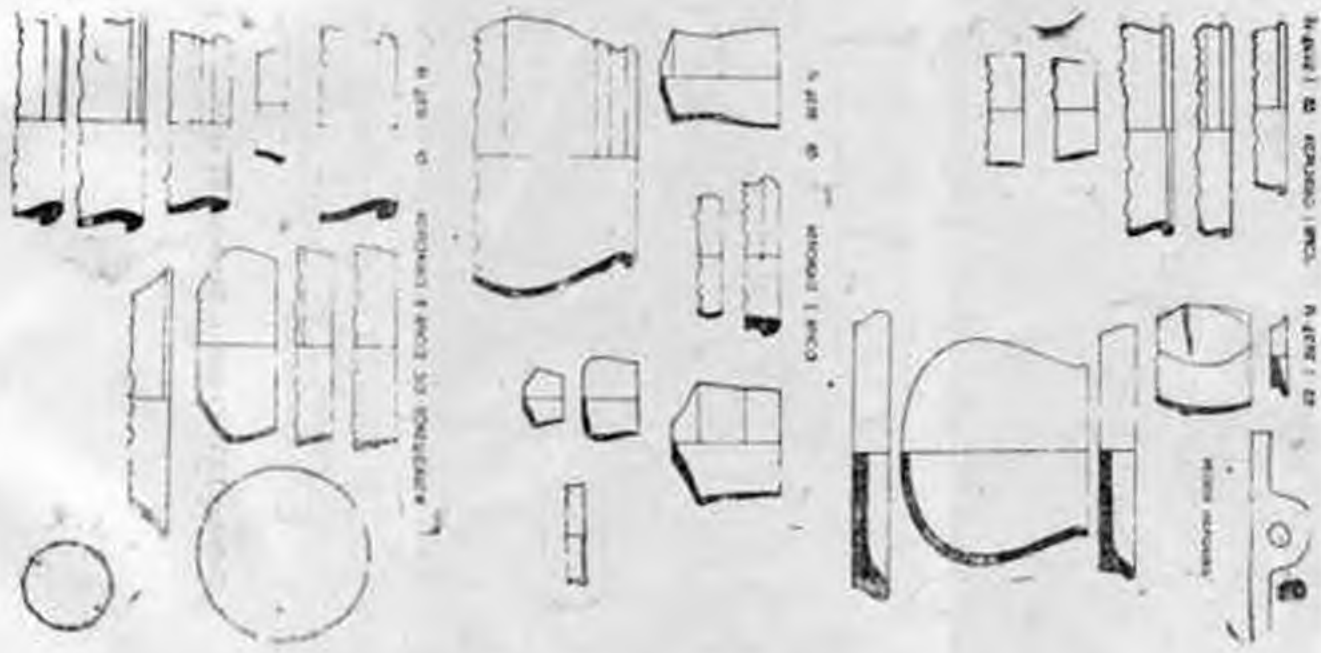

Таблица XLIV. Уч-дзё 1. Кераміка I, II, III ярусав.

Таблица LXV. Уч-дзене 1. Керамика III яруса.

Таблица LXVI. Тополяк 21. 1—общий вид района, 2—архитектурная выстилка в дренаж.

Таблица LXVII. Титулок 21. Алтари (малый и большой).

Таблица LXVIII. Большой алтарь: 1 — урна на дне сектора и чаши с двумя сливами; 2 — общий вид сектора.

Таблица I.111. Топограф. план. Вид с юго-запада (1) и с юго-востока (2).

Таблица LXX. Маргана. Керамича.

Таблица LXXI, Маргиана. Керамика

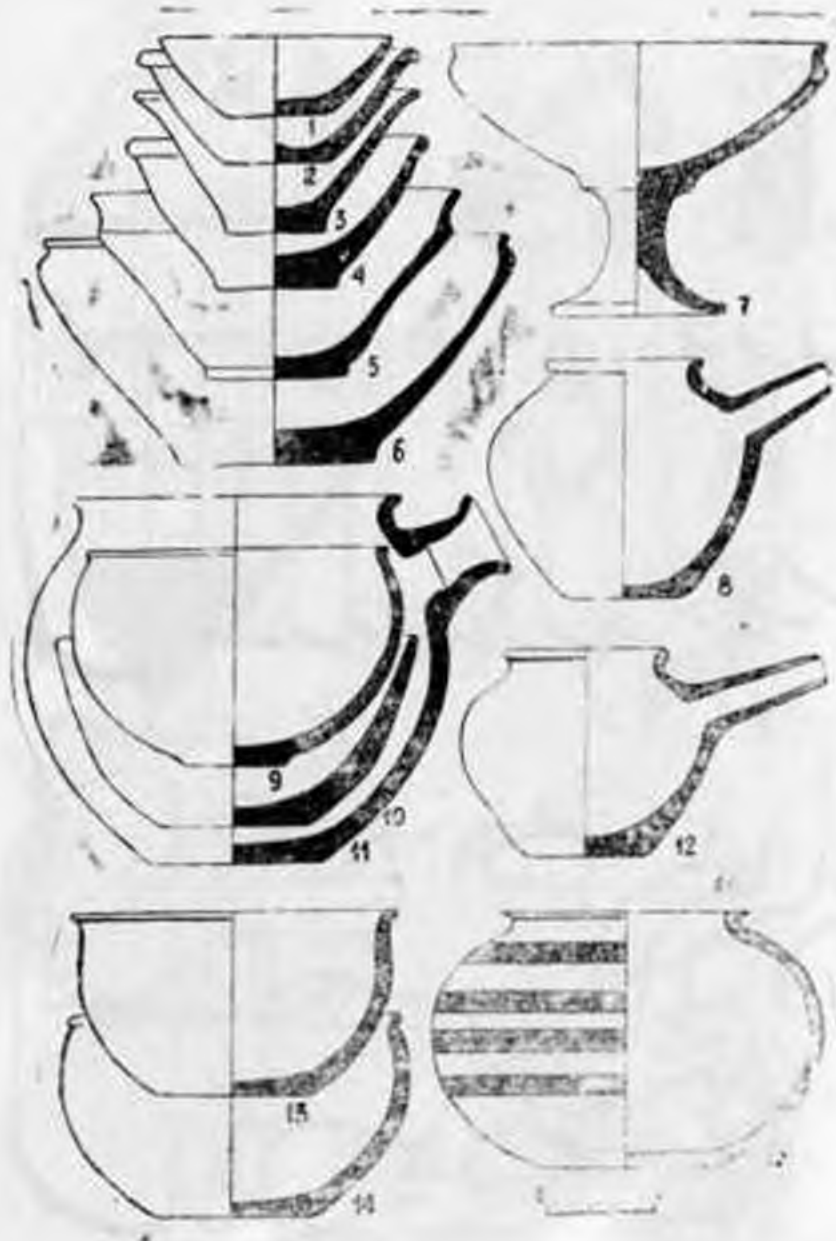

Таблица LXXII. Городище 21. Типы керамики.

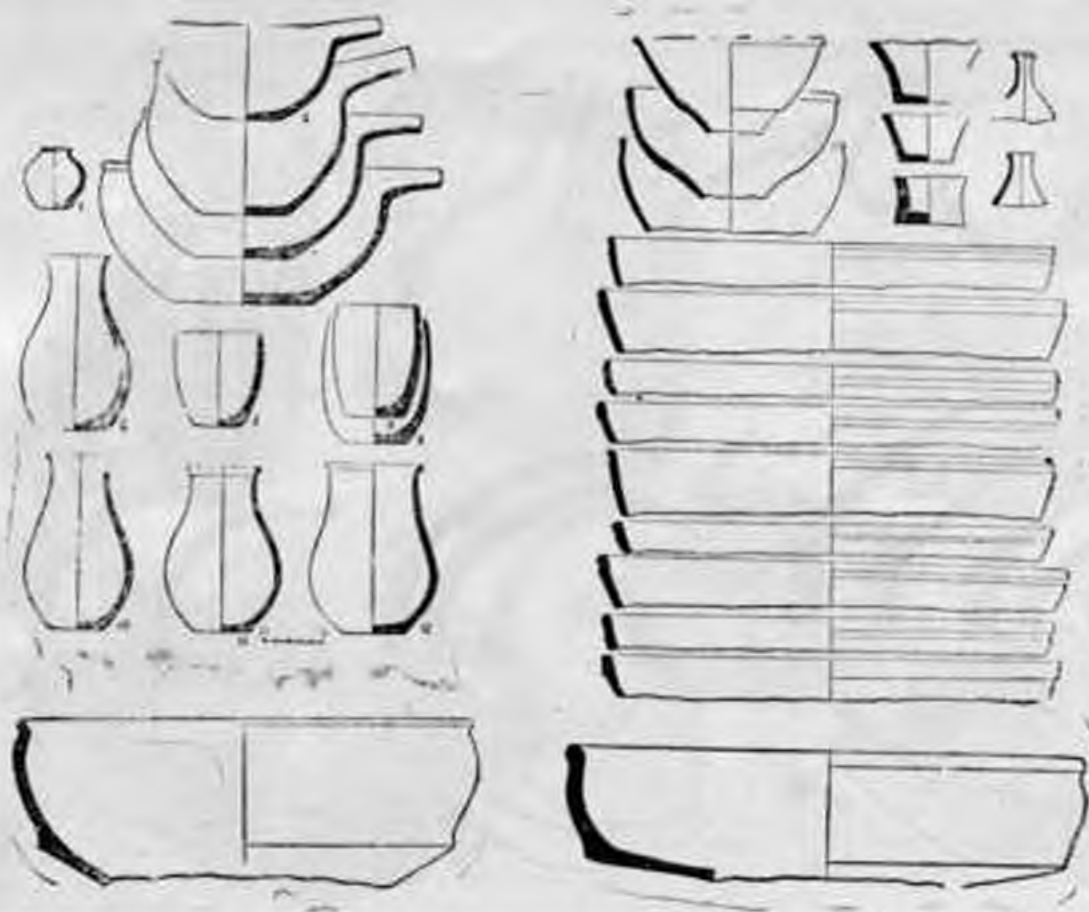

Таблица LXXIII. Маргиана. Типы керамики.

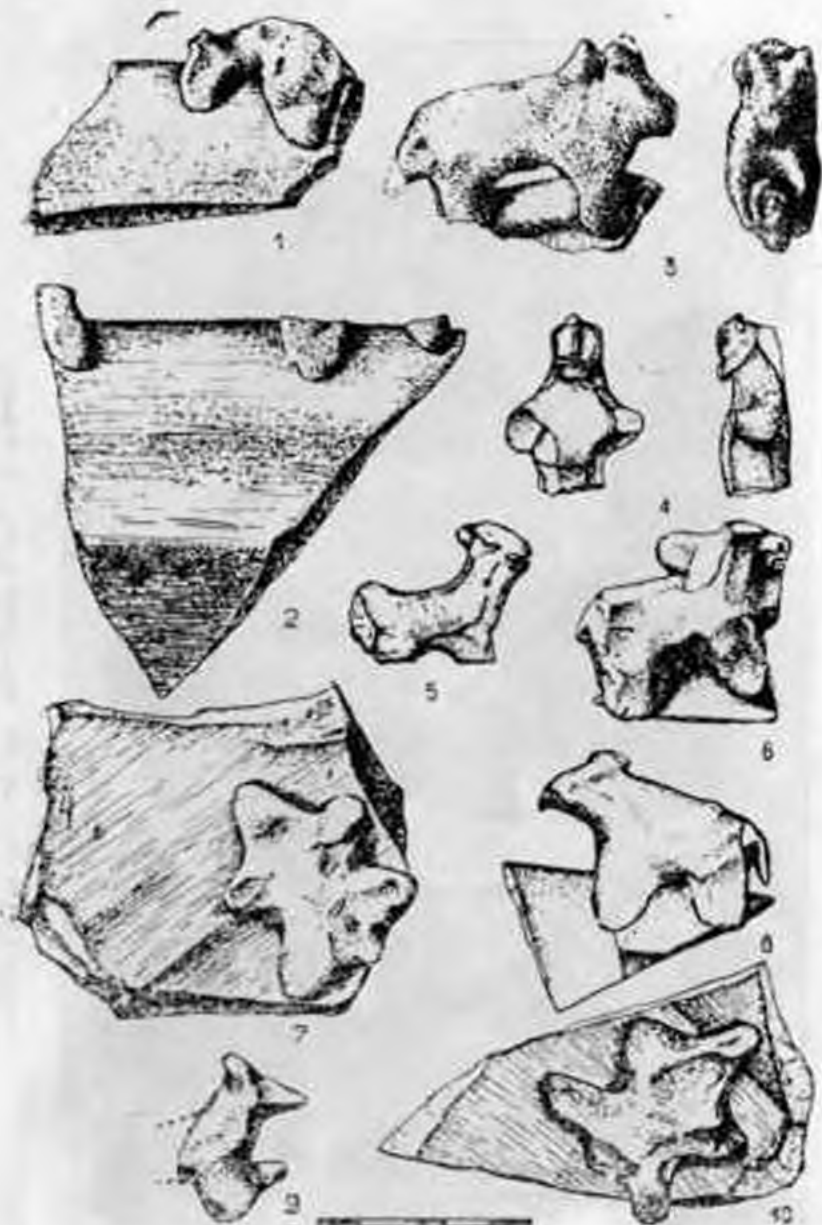

Таблица LXXIV. Таблица 21. Зооморфные фигуры с культовых сосудов (1 — помещение № 14; 2 — поверхность; 3 — помещение № 156; 4 — помещение № 5; 5—8, 10 — помещение № 14; 9 — поверхность).

Таблица LXXV. Тоголов 2). Культурный сосуд, фрагменты культурных сосудов (1—помещение № 28; 2—помещение № 14; 3—помещение № 4; 4—помещение № 56; 5—поверхность).

Таблица LXXVI. Мадриана. Фрагменты культовых сосудов. Тоголок 21 (1—помещение № 2; 2—помещение № 12; 3—помещение № 156; 4—помещение № 148; 7—поверхность); Тоголок 15 (5—поверхность); Тоголок 21 (6—помещение № 183).

Таблица LXXVII. Марзиска. Зооморфные статуэтки и другие изделия. Гонур 1 (2, 4, 6 — поверхности); Тоголов 21 (9—11; 16—18 — поверхности; 1 — помещение № 51; 5, 14, 19 — помещения № 56; 3 — помещение № 10; 7 — помещения № 40; 13 — помещения № 11; 15 — помещения № 2; 12 — помещения № 145).

Таблица LXXVIII. Тоголок 21. Антропоморфные статуэтки (1-7 — по-
верность).

Таблица LXXIX. Марсиана. Каменные изделия. Тоголок 24 (1-11, 15—погребение №10; 17—погребение №7); Тоголок 21 (12—помещение № 137; 13—помещение №150; 14—помещение № 175; 16—погребение № 25).

Таблица LXXX. Тоголок 21. Каменные изделия (1-11 — помеще-
 ние № 4; 2 — помеще-ние № 27; 4 — поме-
 щение № 21; 6 — помеще-ние № 38; 8-9 — по-
 меще-ние № 61; 10-17 — помеще-ние № 45; 13 —
 помеще-ние № 42; 16 — помеще-ние № 44;
 14 — помеще-ние № 11; 3 — помеще-ние № 4;
 5 — помеще-ние № 216; 7, 12, 15 — поверхность).

Таблица LXXXI. Марсиана. Печати-амулеты. Тоголок 29 (1); Тоголок 24 (2 — погребение № 25); Тоголок 21 (3, 6, 8, 12 — поверхность; 4 — помещение № 65; 5 — помещения № 264); Гокур 1 (9, 14 — поверхность); Тоголок 11 (10—11 — поверхность); Тоголок 9 (13).

Таблица LXXXII. Тыгловок 21. Каменные изделия и костяные трубочки (1—помещение № 4; 2—3, 5—помещение № 61; 4, 6, 13—поверхность; 7—помещение № 45; 8—помещение № 44; 11—помещение № 34; 12—помещение № 147; 10—большой алтарь; 9—помещение № 27).

Таблица LXXXIII. Маргiana. Печати-амулеты и другие изделия. Тоголок 21 (1-южный двор; 2—помещение № 138); Тоголок 24 (3—погребение № 25).

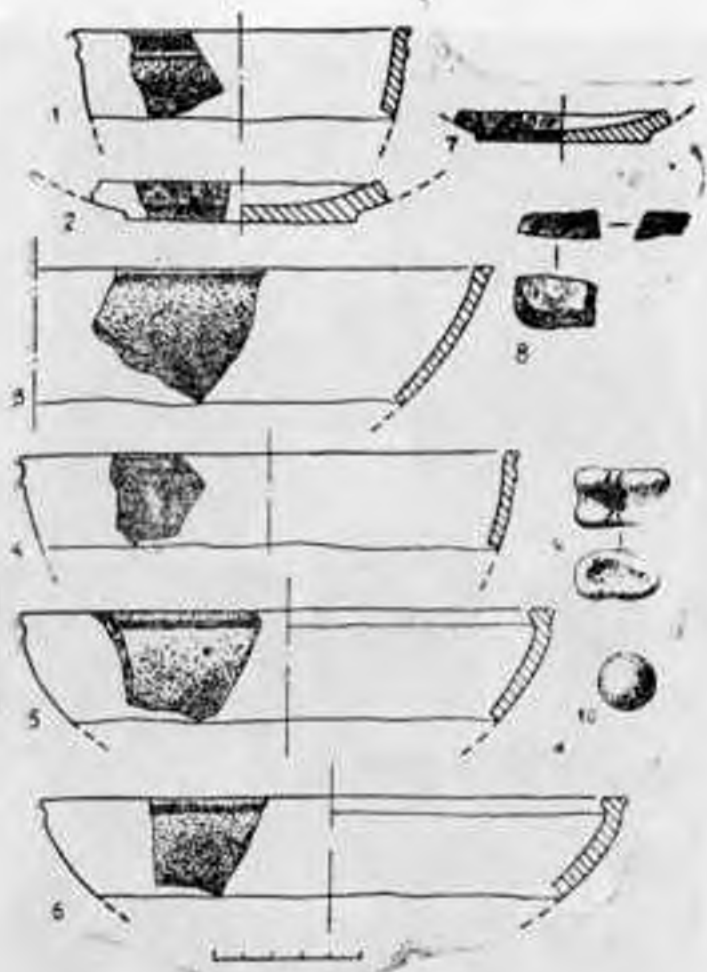

Таблица LXXXIV. Тосолох 21. Каменные изделия (1-8, 10—поверхности; 9 — помещение № 50).

Таблица LXXXV. Маргиана. Печати-амулеты. Тоголов 1 (7, 12);
 Тоголов 21 (1 — помещение № 168; 8 — по-
 мещение № 175; 4, 10 — поверхность; 3 — по-
 мещение № 264; 5 — помещение № 217; 6 —
 помещение № 175; 9 — помещение № 218;
 11 — помещение № 165); Тоголов 29 (2 — по-
 верхность).

Таблица LXXXVI. Топалок 21. Печати-амулеты (1—помещение № 17; 2—площадка с платформами; 3—помещение № 180; 4—помещение № 155).

Таблица LXXXVII. Тоголок 21. Пелати и костяках грубома (1-2 —
 елжый двор; 3—клетри № 2. 4 — поверх-
 ность).

Таблица LXXXVIII. Маргнант. Различные изделия. Тоголок 26 (1); Тоголок 24 (2 — поверхность); Тоголок 17 (3); Тоголок 21 (4—5 — поверхность; 6 — помещение № 135; 7 — помещение № 186).

Таблица LXXXIX. Тоголок 21. Миниатюрные вазочки (1, 16—помещение № 16; 2, 8—помещение № 20; 3—помещение № 9; 4, 6—помещение № 28; 5, 11—помещение № 25; 7, 10, 18—помещение № 14; 9—помещение № 2; 12—помещение № 15; 13—помещение № 7; 14—помещение № 39; 15—помещение № 40; 17—помещение № 36); Тоголок 24 (19—погребение № 30).

Таблица XС. Мургана. Металлические изделия. Тоголок 21 (1-2 — погребение № 59; 4 — погребение № 52; 5 — погребение № 27; 6 — погребение № 52; 7 — погребение № 16; 8 — помещение № 75); Гонур 1 (3 — поверхность); Тоголок 15 (9 — поверхность); Тоголок 21 (10 — поверхность).

Таблица XCI. Маргина. Различные изделия Гонур 1 (1—помещение № 24; 3—8, 10—11—поверхность); Тоголок 24 (2—потребление № 30); Тоголок 11 (3); Тоголок 21 (4—помещение № 145; 9—помещение № 165).

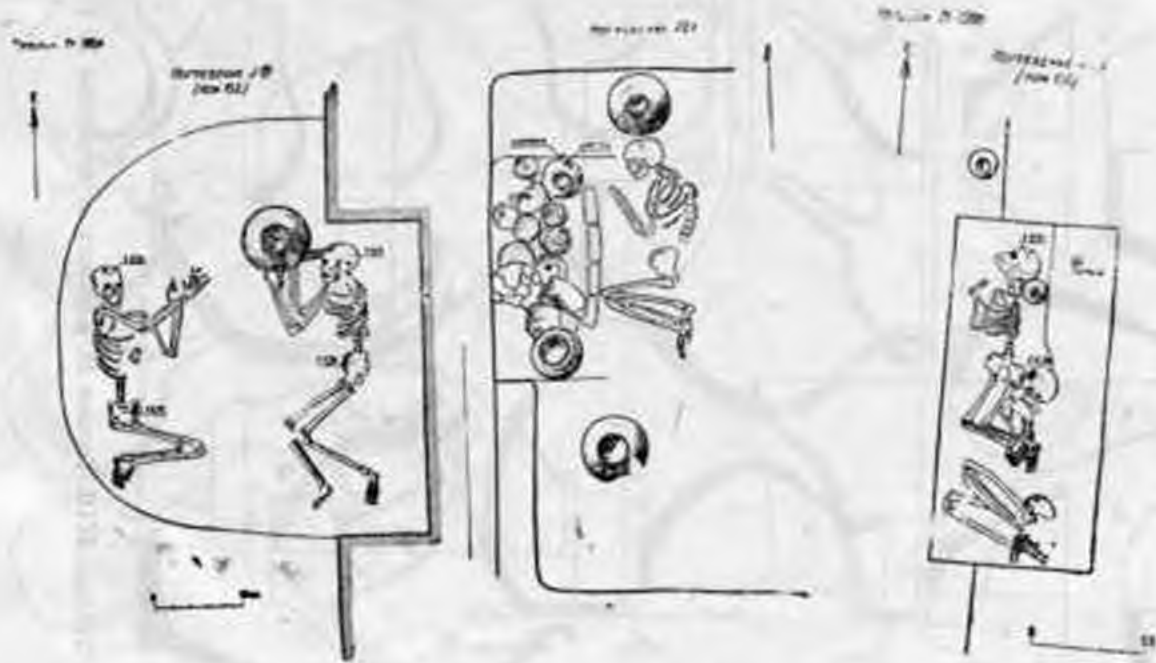

Таблица ХСІЕ. Тоголок 21. Погребения № 19—20, 27.

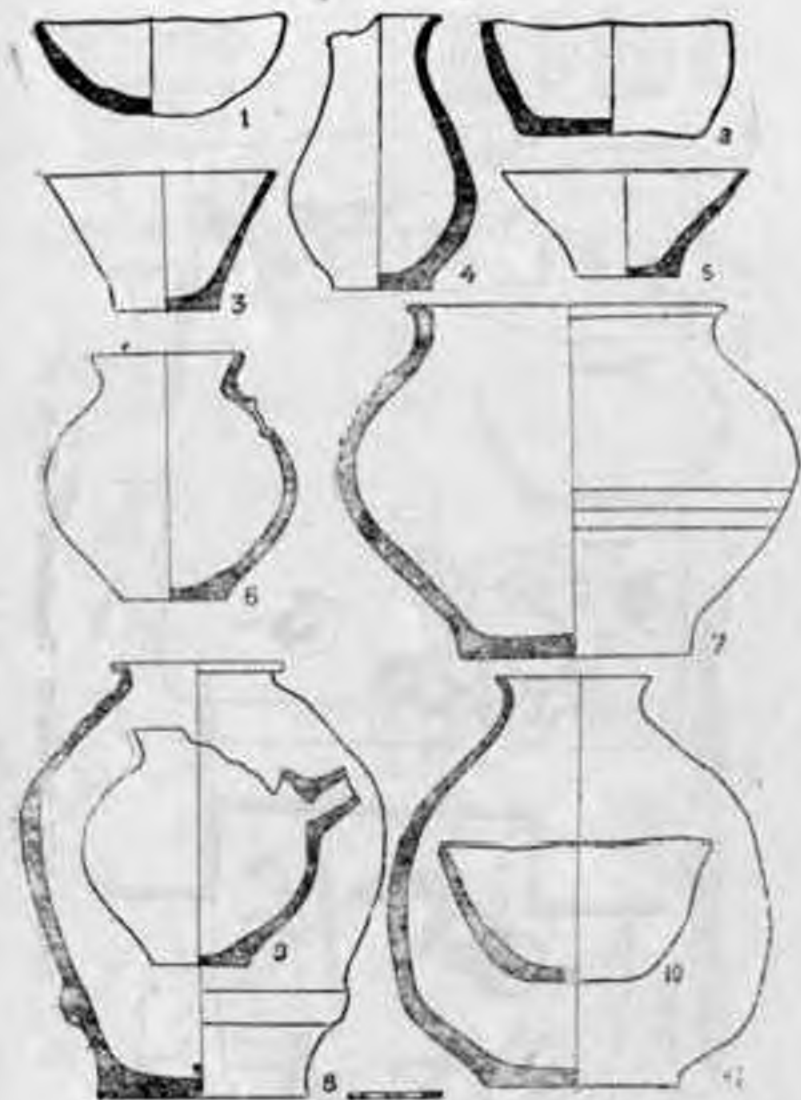

Таблица ХСІІІ. Тоголох 21, Керамика из погребения № 1

Таблица ХСІV. Тоголок 21. Керамика из погребения № 9 (А) и из погребения № 52 (Б).

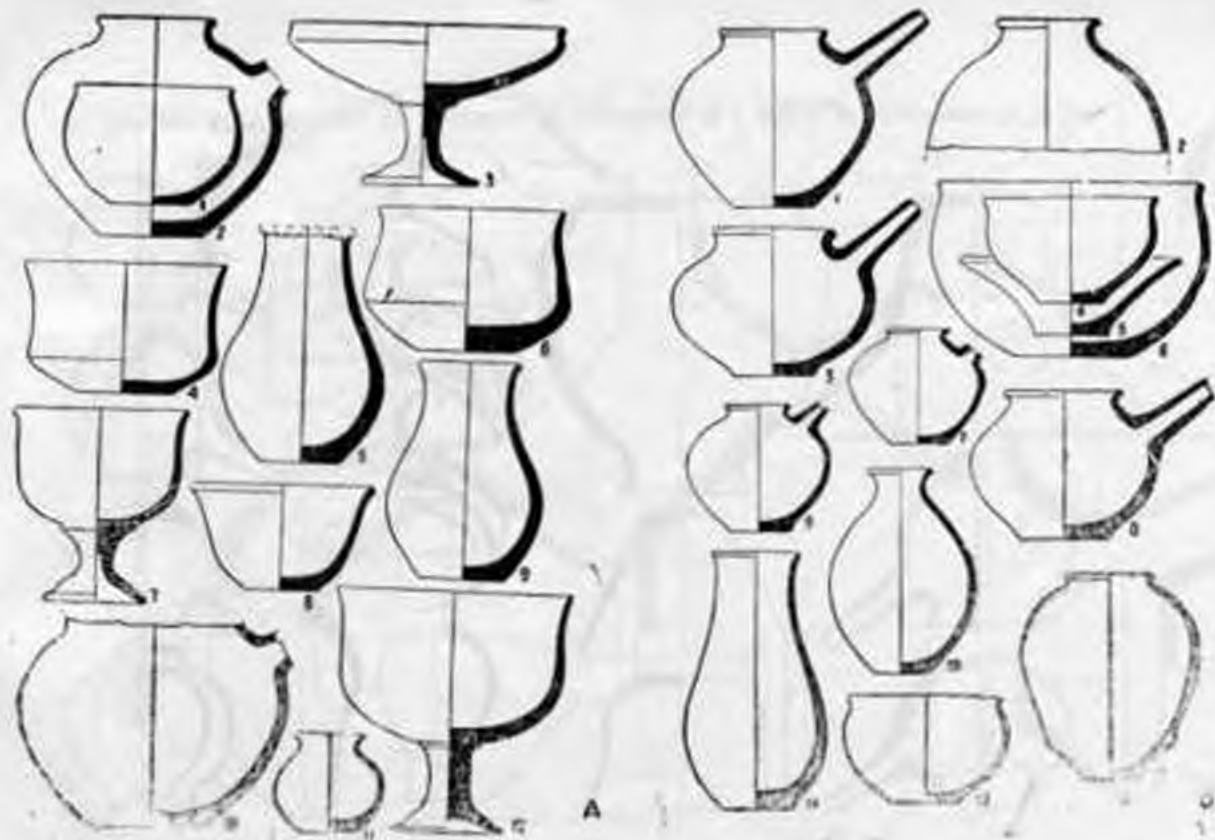

Таблица XCV. Тоголок 21. Керамика из погребений: (А) 1-6—погребение № 59; 7-12—погребение № 20; (Б) 1-3—погребение № 40; 4-5—погребение № 50; 9-10—погребение № 53; 11-13—помещение № 149.

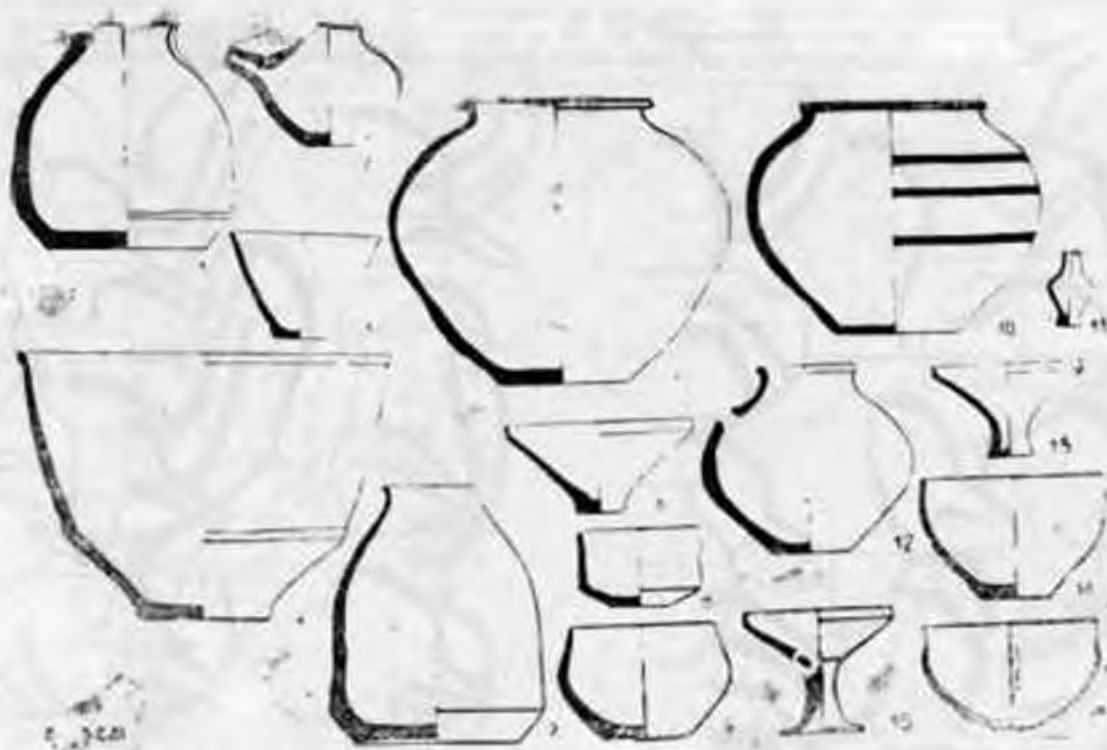

Таблица ХСVI. Тоголок 21. Керамика из погребений (1—3—погребение № 4; 4—погребение № 46; 5—9—погребение № 59; 10—16—погребение № 67).

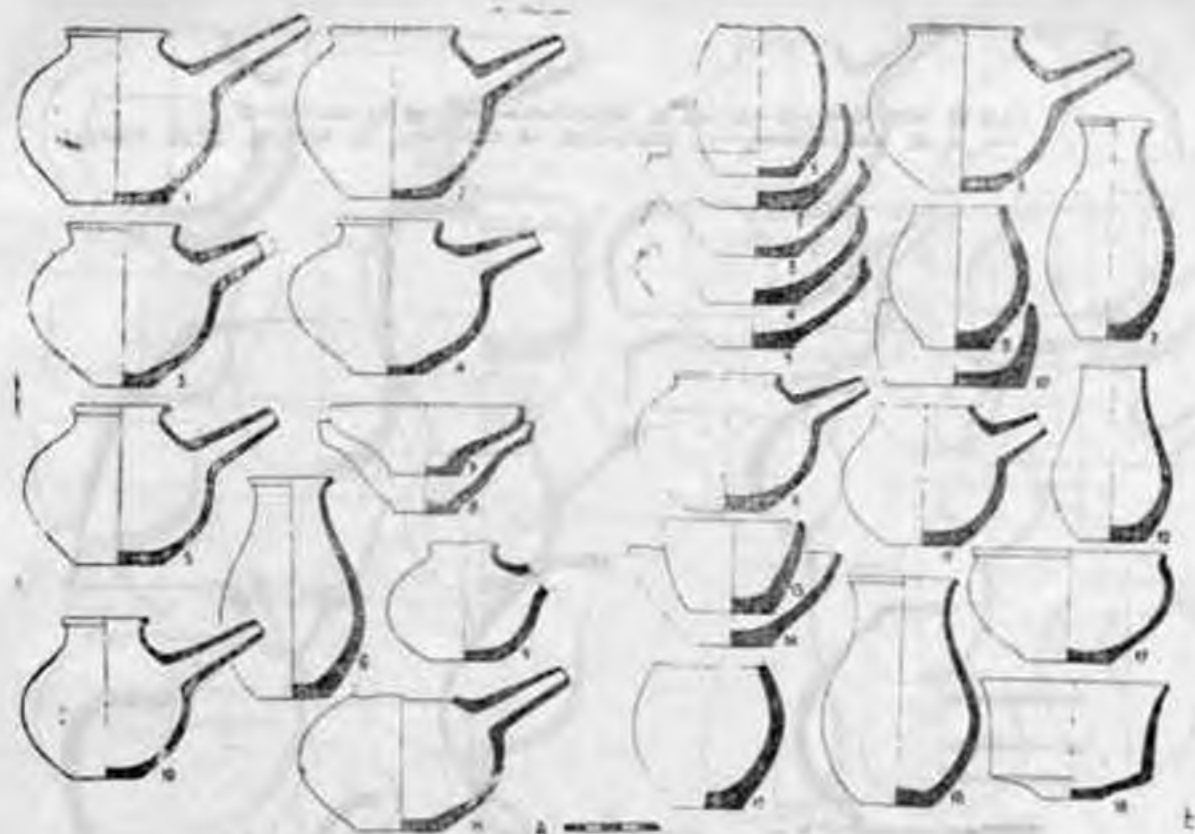

Таблица ХСVII. Тоголок 21. Керамика из погребений: (А) 1—3—погребение № 10; 4—погребение № 20; 7—11—погребения № 6; (Б) 1—8—погребения № 49; 9—15—погребения № 47; 16—погребение № 54; 17—18—погребения № 55.

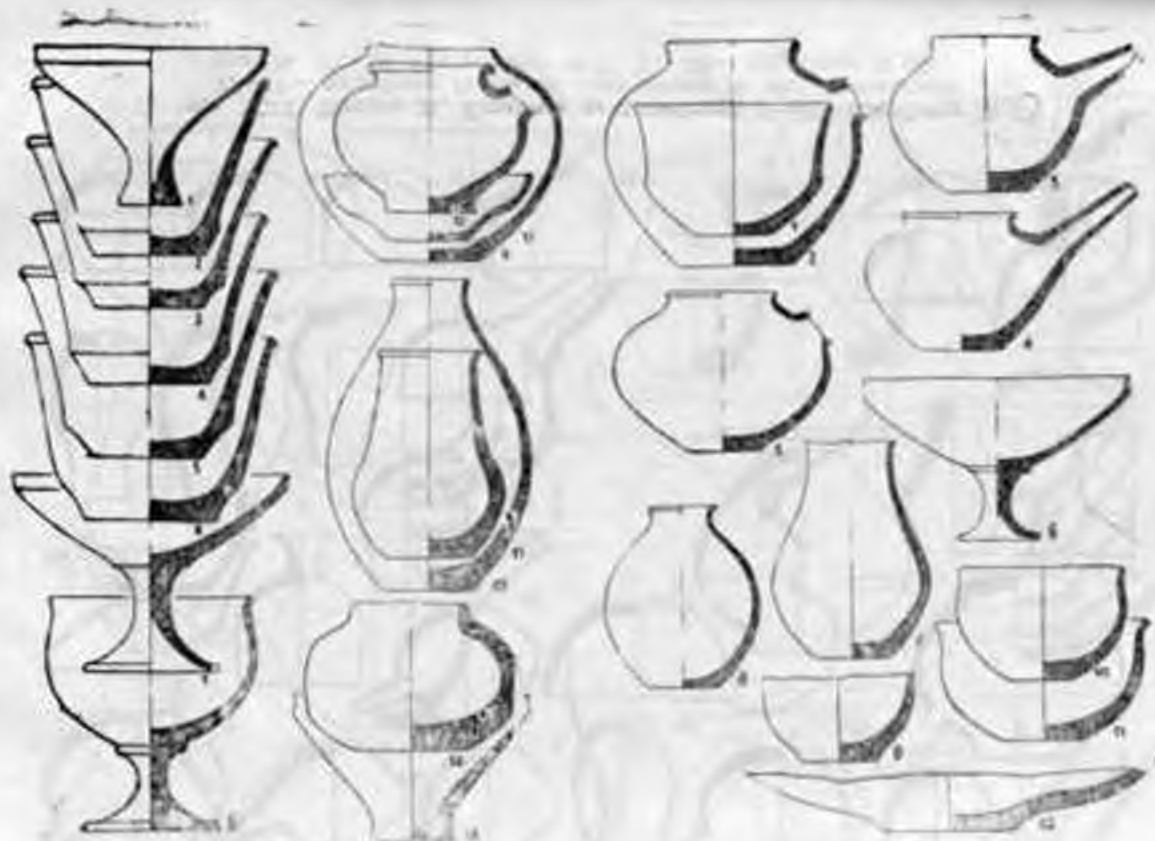

Таблица XCVIII. Тоголка 21. Керамика из погребений. (А) 1—11 — погребение № 32; 12 — погребение № 25; 13 — погребение № 16; 14—15 — погребение № 45; (Б) 1—6 — погребение № 59; 7—15 — погребение № 30.

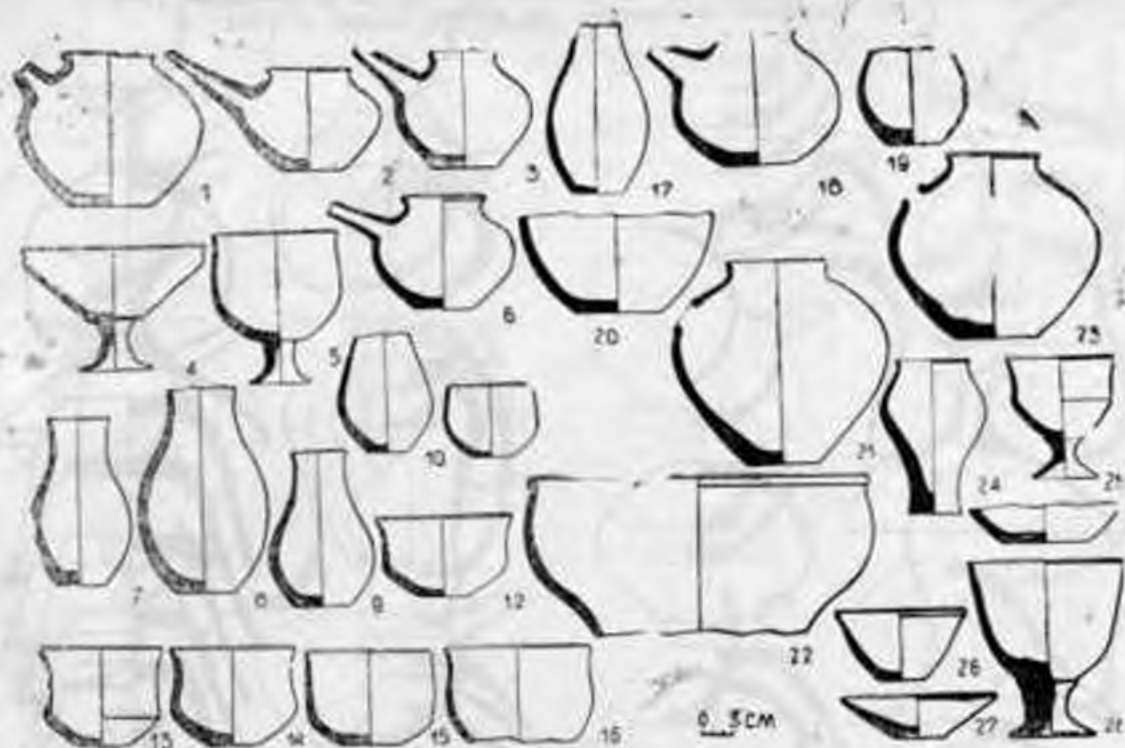

Таблица ХСІХ. Тоголок 21. Керамика из погребений (1—16—погребение № 63; 17—19—погребение № 64; 20—погребения № 40; 21—погребение № 65; 22—погребения № 17; 23—28—погребение № 66).

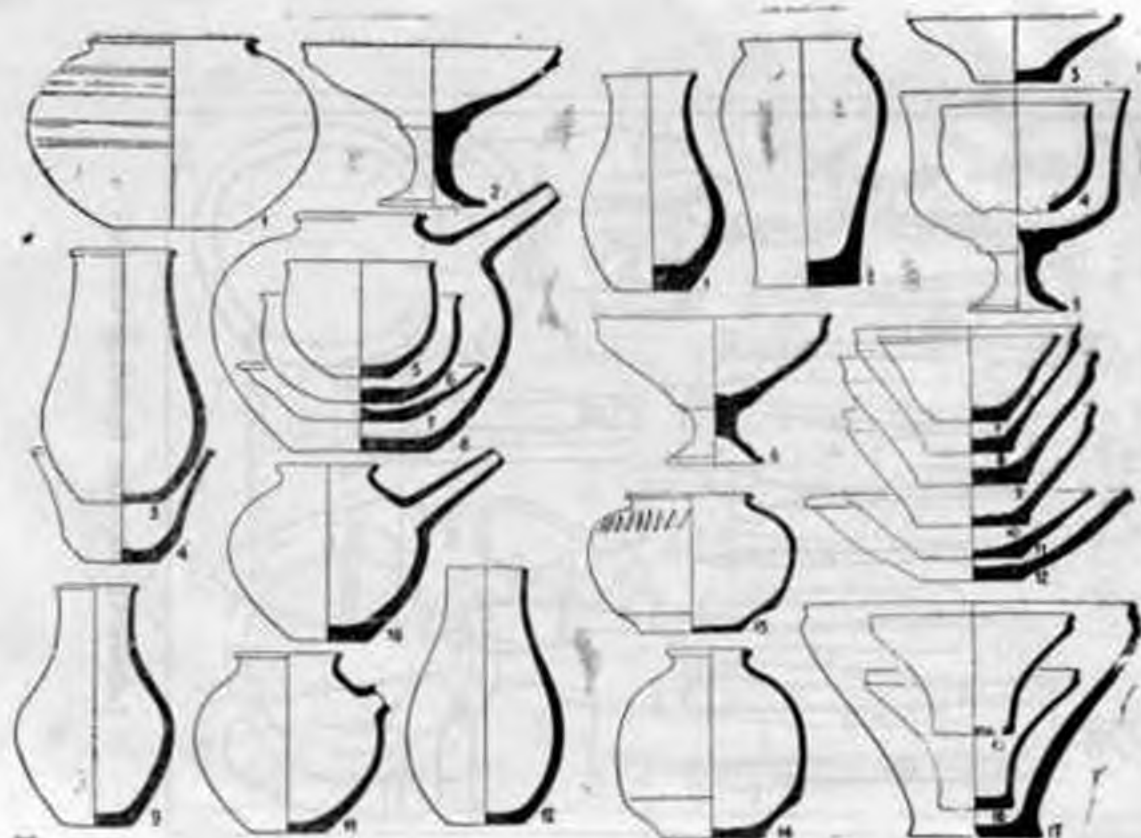

Таблица С. Тоголок 21. Керамика из погребений: (А) 1—6—
погребение № 28; 10—12 — погребение № 31;
(В) 1—17 — погребение № 10.

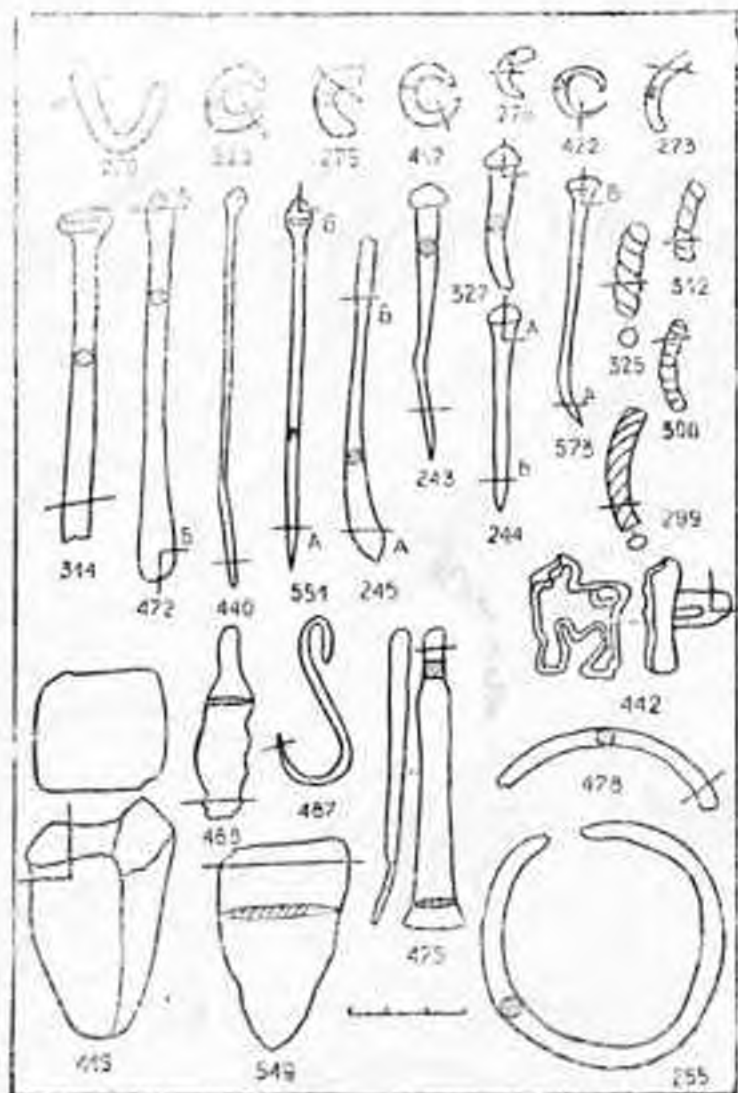

Таблица СІ. Марзиана. Бронзовые изделия.

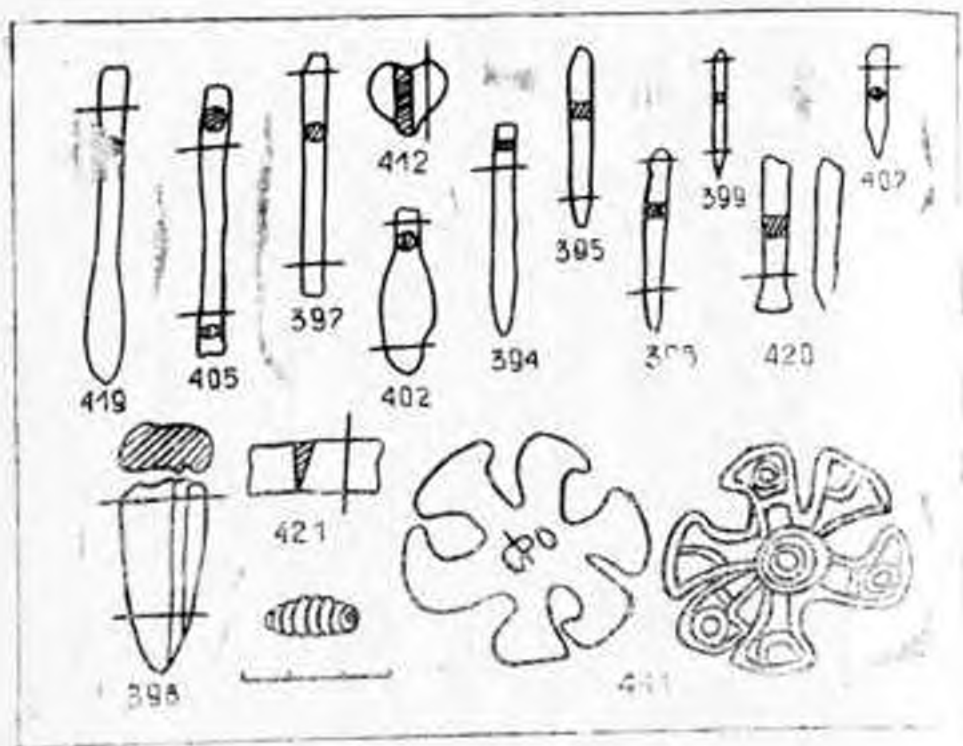

Таблица СIII. Марзиана. Бронзовые изделия.

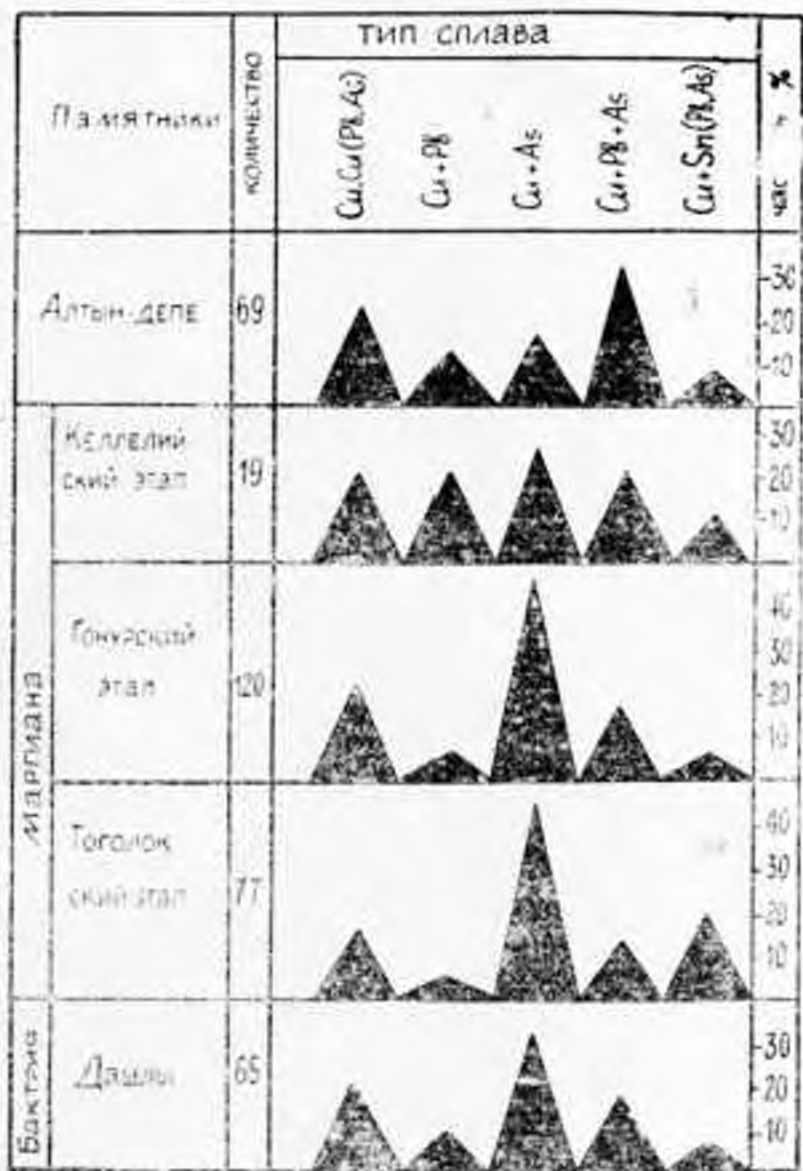

Таблица CIV. Диаграмма сплавов.

Таблица CV. Остатки эфедры на раскопов: 1 — поперечный разрез стебля; 2 — микроспорангий с пыльцевыми зернами; 3 — стебель с остатками мутовчато расположенных листьев; 4 — ребристый стебель с сохранившимися устьицами.

Таблица CVI. Остатки яфедры из раскопок: 1 — ребристый стебель с овальными устьицами; 2 — участок стебля с листовым следом.

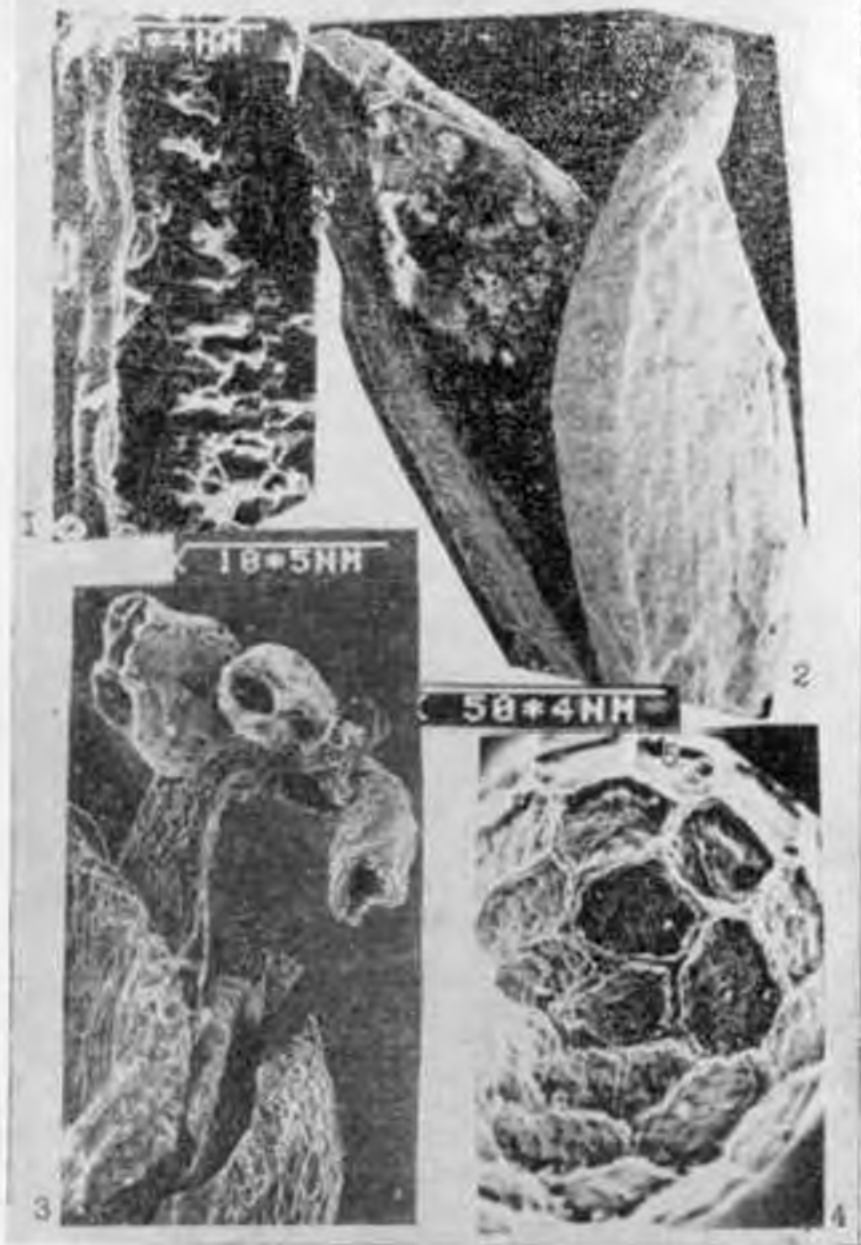
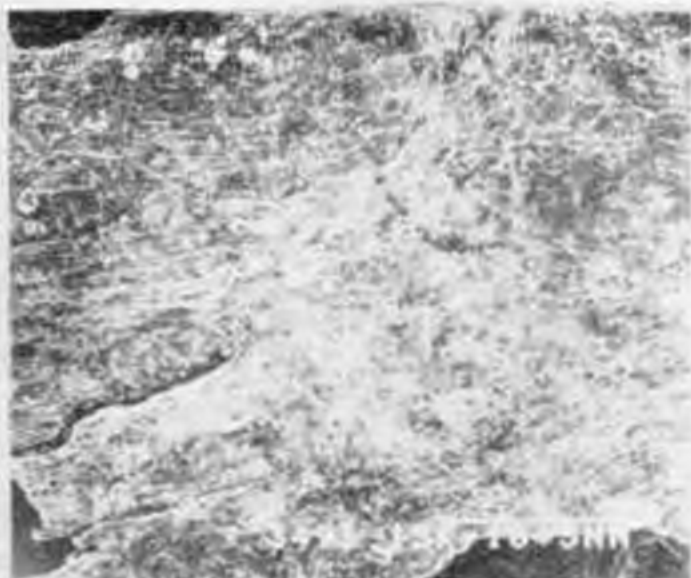

Таблица CVII. Остатки эфедры из раскопок: 1 — продольный срез стебля; 2 — покров (оболочка) семени; 3 — мужской стробил-микростробил, состоящий из сросшихся чешуевидных листьев колони («эпифороа»), несущей микроспороангии. Колония снаружи образована сильно удлиненными клетками. Микроспороангии имеют овальные дырочки; 4 — участок покрова семени ископаемого мака.

Т. ФЕВРАНИ

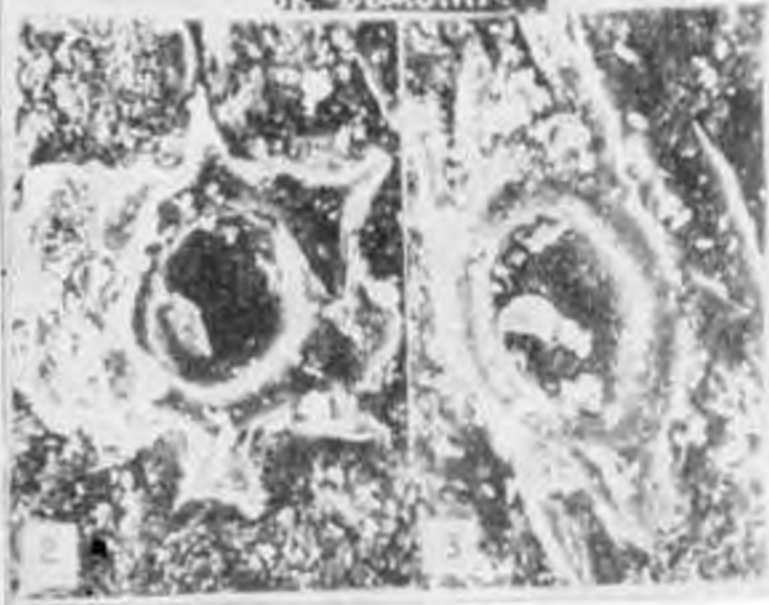

Таблица CVIII. Остатки эфедры на раскопке; 1—фрагмент приросшего листа мегаспорангия (поверхностной оболочки семени), имеющего ярко-оранжевую окраску; 2—3—устыща на крошечном листе мегаспорангия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Маргана в эпоху бронзы	7
Глава II. Маргянский археологический комплекс	59
Глава III. Бактрийско-Маргянский археологический комплекс	74
Глава IV. Арийская проблема и новый археологический материал	90
Глава V. Храмовый комплекс Тоголок 21	102
Примечания	167
Приложение	175

Виктор Иванович Саранида
ДРЕВНОСТИ СТРАНЫ МАРГУШ

Печатается по постановлению
Научно-издательского совета
АН ТССР

Редактор издательства *Л. Татурова*
Художественный редактор *А. Женов*
Технический редактор *М. Кемалева*
Корректоры *Л. Крищенко, И. Лоскутова*

ИБ № 1224

Сдано в набор 12.06.89. Подписано в печать
16.07.90. Формат 70×90 1/16. Бум. тип. № 1.
Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 23,1. Усл. кр. отт. 23,1. Уч.-изд.
л. 22,05. Тираж 2000 экз. Изд. № 51. Заказ № 2948.
Цена (в переплете № 4). 3 р. 50 к.

Издательство «Илим» АН ТССР.
744000, Ашхабад, ул. Энгельса, 6.
Типография АН ТССР, 744012, Ашхабад,
ул. Советских пограничников, 92 а.